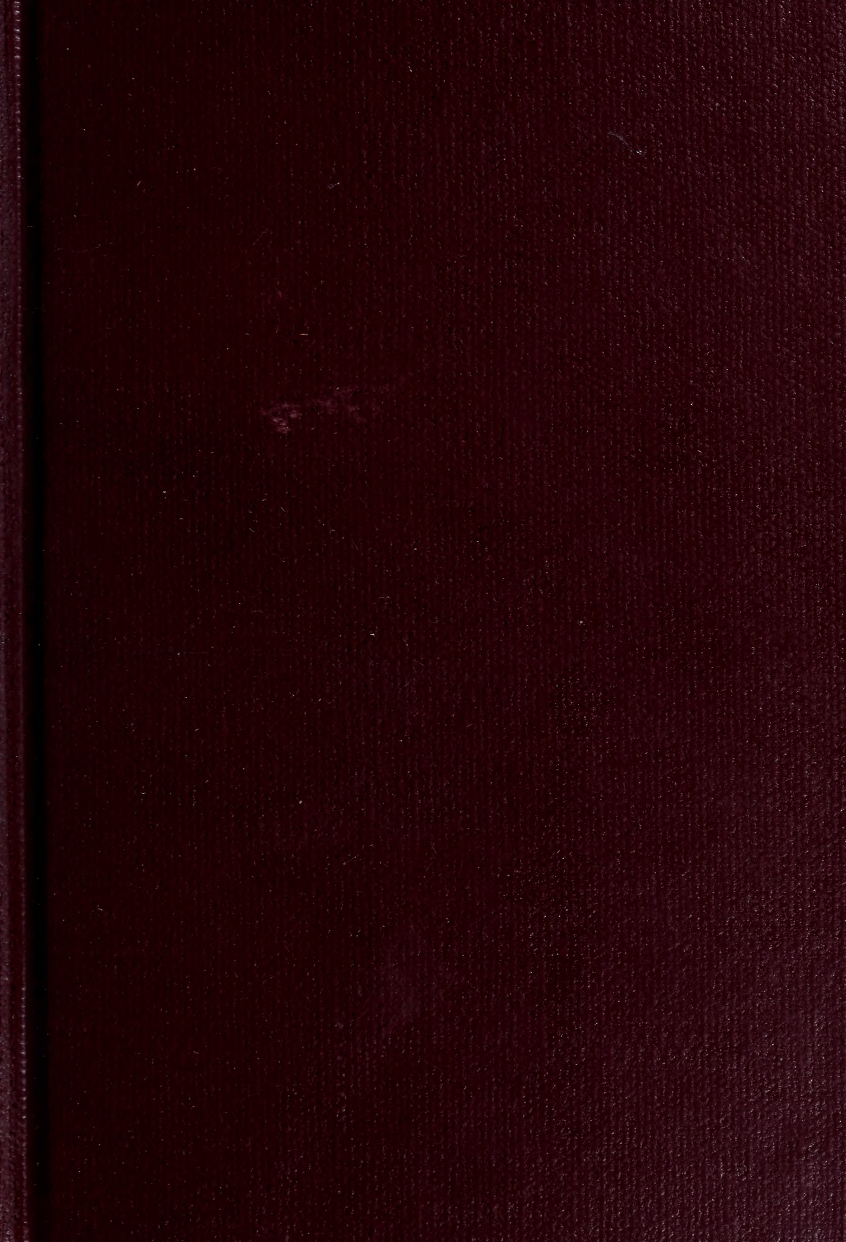

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТРѢЛЬЦЫ.

СТРѢЛЬЦЫ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО,

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Изданіе Книгопродавца Манухина.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Января 14 дня 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

Въ Типографіи М. Смирновой.

I.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ.
Глядитъ на всѣхъ,—и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И точитъ лезвее косы.

Державинъ.

Лучи заходившаго солнца играли на золотыхъ главахъ церквей кремлевскихъ. Улицы и площади пустѣли. На лицѣ каждаго прохожаго можно было замѣтить задумчивость, уныніе и безпокойство.

«Прогнѣвали мы, грѣшные, Господа Бога!» сказалъ купецъ Гостиной Сотни Лаптевъ (*),

(*) Купечество раздѣлялось тогда: 1) на Гостей, 2) на купцовъ Гостиной Сотни, 3) Суконной и 4) Черныхъ Сотенъ и Слободъ.

подходя къ дому своему съ пріятелемъ, пятидесятникомъ Сухаревскаго стрѣлецкаго полка Борисовымъ. «Царь, говорятъ, очень плохъ! Ужъ изволилъ пріобщиться и собороваться. Того и жди, что....... да нѣтъ! И выговорить страшно!»

«Богъ милостивъ, Андрей Матвѣевичъ!» сказалъ пятидесятникъ. «Къ чему напередъ унывать и печалиться. Авось царь и выздоровѣетъ.»

«Дай Господи! да куда же ты торопишься, Иванъ Борисовичъ. Шли мы далеко, устали. Неужто не зайдешь ко мнѣ отдохнуть? Жена бы поднесла вишневки. Не упрямься же, потѣшь пріятеля. Этакой несговорчивый! Словно подъячій Суднаго Приказа!»

Съ этимъ словомъ купецъ, схвативъ одною рукою пятидесятника за рукавъ, другою взялся за кольцо и застучалъ въ калитку. На дворѣ раздался лай собаки, и черезъ минуту приказчикъ Лаптева, сбѣжавъ поспѣшно съ лѣстницы, отворилъ калитку.

«Ванюха! Бѣги въ свѣтлицу къ хозяйкѣ, и скажи, чтобъ принесла намъ фляжку вишневки да что̀-нибудь для закуски. Слышь ты, мигомъ! Его милости не время дожидаться.»

Въ слѣдъ за побѣжавшимъ приказчикомъ, хозяинъ повелъ гостя на лѣстницу. Потомъ черезъ стекольчатыя сѣни и темный чуланъ, гдѣ лежало нѣсколько грудъ выдѣланной кожи и сафьяна, вошли они въ чистую горницу. Два

небольшія окна ея были обращены на Яузу. Въ одномъ углу горѣла серебряная лампада передъ образами старинной живописи, въ богатыхъ окладахъ. Другой уголъ занимала пестрая изразцовая печь, съ лежанкой. Подлѣ дверей, въ шкафѣ со стеклами, блестѣли серебряные ковши и чарки, оловянныя кружки и другая посуда. Передъ однимъ изъ оконъ стоялъ большой дубовый столъ, накрытый чистою скатертью, и придвинутая къ нему скамейка, покрытая пестрымъ ковромъ съ красною бахрамою. Въ этомъ состояли всѣ украшенія комнаты. Помолясь образамъ и посадивъ гостя къ столу, хозяинъ, потирая руки, въ молчаніи ожидалъ вишневки. Наконецъ дверь отворилась. Приказчикъ поклонился низко гостю, и, поставивъ передъ хозяиномъ пирогъ на оловянномъ блюдѣ и фляжку съ двумя серебряными чарками, вышелъ.

«Милости просимъ выкушать!» сказалъ Лаптевъ, наливъ чарку.

«А ты-то что̀ же, Андрей Матвѣевичъ? Развѣ я одинъ пить стану?»

«И себя не обнесемъ!» отвѣчалъ хозяинъ, наливая другую чарку. «Охъ, Иванъ Борисовичъ!» продолжалъ онъ, вздохнувъ. «Сердце у меня замираетъ! Что̀-то будетъ съ нашими головушками, какъ батюшки-царя у насъ не станетъ!»

«Опять ты загоревалъ, Андрей Матвѣевичъ. Что̀ будетъ, то и будетъ! Что унывай, то хуже!

Ну, еслибъ даже—отъ чего сохрани Господи!—и скончался царь; святое мѣсто не будетъ пусто! Взойдетъ на престолъ наслѣдникъ.»

«Вотъ то-то и горе, Иванъ Борисовичъ, что наслѣдниковъ то у насъ двое: царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, да царевичъ Петръ Алексѣевичъ. Знакомый мнѣ изъ Холопьяго Приказа подъячій вчера у меня ужиналъ. Человѣкъ нужной. Я его, ты знаешь, угостилъ. Онъ, Богъ съ нимъ, выкушалъ цѣлую фляжку настойки, да и поразговорился о разныхъ важныхъ дѣлахъ. Сначала мнѣ любо было его слушать, а напослѣдки таково стало страшно, что меня дрожь проняла. Я было его унимать, а онъ пуще задорится. Такъ настращалъ, проклятый, что я цѣлую ночь глазъ не смыкалъ!»

«Да что̀ жъ онъ тебѣ говорилъ такое?»

«Говорилъ-то онъ мнѣ много! Всего и не вспомнишь!» отвѣчалъ Лаптевъ, понизивъ голосъ и поглядывая на дверь съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, желая удостовѣриться плотно ли она затворена. «Да ты, Иванъ Борисовичъ, я чай, самъ все знаешь!»

«Ничего я не знаю. Ужъ если заговорилъ, такъ договаривай. Вѣдь изъ избы сору не вынесу. Неужто меня опасаешься?»

«Чего тебя опасаться, Иванъ Борисовичъ! Вѣдь ты не сыщикъ Тайнаго Приказа, прости Господи, а мой старинный пріятель и кумъ. Выпь-

емъ-ка еще по чаркѣ, такъ авось и порасхрабрюсь. Твоя милость и безъ чарки не трусливаго десятка, а я такъ нѣтъ! Мы люди робкіе, смирные! Пуганая ворона и куста боится. За твое здоровье, другъ любезный!»

Осушивъ чарку, Лаптевъ продолжалъ: «Ну такъ изволишь видѣть, куманекъ. Подъячій,—типунъ бы ему на языкъ!—говорилъ вотъ что̀. Царь-де очень плохъ, того и смотри, что Богу душу отдастъ.—Дай Господи ему царство небесное! Тьфу пропасть! Многія лѣта!—А коли онъ скончается, то будетъ худо, очень худо! Я, слышь-ты, разсказывать-то не мастеръ. Покойный крестный батька часто за это меня бранивалъ и твердилъ:—Не умѣешь говорить, такъ больше кланяйся!—Да не въ этомъ дѣло! Что̀ ни говори, а ужъ бѣды намъ не миновать.»

«Да растолкуй мнѣ, Андрей Матвѣевичъ, какой бѣды?»

«То-то и бѣда, что я разсказывать не мастеръ. Подъячій,—провалъ его возьми!—сказывалъ, что если царь, слышь-ты, скончается, такъ и пойдетъ потѣха! Блаженной памяти царь Алексѣй Михайловичъ, когда былъ еще живъ, хотѣлъ царевича Петра назначить по себѣ наслѣдникомъ, да царевна Софья Алексѣевна помѣшала. Всѣмъ извѣстно, что Иванъ Алексѣевичъ слабенекъ здоровьемъ. Вотъ, слышь ты, нынѣшній царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ также объявилъ желаніе

и написалъ грамоту, чтобы престолъ достался послѣ него Петру Алексѣевичу. А Софья-то Алексѣевна опять помѣшала. Подъячій болталъ, что ей самой хочется царствовать, и что она прочитъ на престолъ Ивана Алексѣевича. Царевна-де думаетъ: онъ будетъ хворать, а я дѣлами управлять. Многіе бояре ей помогаютъ. Не въ обиду твоей милости буди сказано, они подговариваютъ и стрѣльцовъ. Ужъ быть потѣхѣ!»

«Ты, кажется, Андрей Матвѣевичъ, человѣкъ разумный, а вѣришь бреднямъ пьянаго подъячаго. Желалъ бы я знать: кто бы меня могъ подговорить! Самъ сатана не прельститъ твоего кума, хоть золотыя горы сули!»

«Дай Господи, какъ бы всѣ стрѣльцы такъ думали; да вѣдь не всѣ похожи на твою милость. Въ семьѣ не безъ урода! Притомъ, если какой-нибудь бояринъ втай станетъ подговаривать, давать рублевики; уговоритъ, умаслитъ, скажетъ, что царь приказалъ. Долго ли, куманекъ, вдаться въ обманъ.»

«Нѣтъ, Андрей Матвѣевичъ! Трудно обмануть того, кто Бога помнитъ, царя почитаетъ и ближняго любитъ, какъ слѣдуетъ православному христіанину.»

«Разумныя рѣчи, Иванъ Борисовичъ, разумныя рѣчи! И Писаніе все это повелѣваетъ. Подъячій меня напугалъ, а ты утѣшилъ. Выпьемъ

же за здоровье нашего батюшки-царя Ѳеодора Алексѣевича!»

Съ этими словами Лаптевъ наполнилъ снова чарки вишневкою. Пріятели встали, обнялись, поцѣловались и лишь-только хотѣли взяться за чарки, какъ вдругъ раздался въ Кремлѣ колокольный звонъ.

«Что̀ это значитъ!» сказалъ Борисовъ. «Кажется набатъ?»

«Нѣтъ, куманекъ. Что̀-то больно заунывно звонятъ, да и все въ большіе колокола. Охъ, Иванъ Борисовичъ! Что̀-нибудь да не ладно! Посмотри-ка, посмотри, какъ народъ бѣжитъ по улицѣ.»

Лаптевъ открылъ окно и, увидѣвъ знакомаго купца, закричалъ: «Иванъ Ивановичъ! Иванъ Ивановичъ! Куда ты бѣжишь? Аль на пожаръ?»

«Худо, Андрей Матвѣевичъ! Очень худо!» отвѣчалъ купецъ, остановясь и запыхавшись. «Меня едва ноги несутъ.»

«Да скажи, не мучь! Что̀ надѣлалось?»

«Нашего батюшки-царя не стало!» отвѣчалъ купецъ и побѣжалъ далѣе.

Какъ громомъ пораженный, Лаптевъ отскочилъ отъ окна, сплеснувъ руками. Стрѣлецъ, измѣнясь въ лицѣ, перекрестился. Долго оба не прерывали молчанія. Наконецъ Лаптевъ, послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ предъ образомъ Спасителя, закрылъ лицо руками, и слезы

покатились по блѣднымъ щекамъ его. «Упокой Господи душу его во царствіи небесномъ!» сказалъ онъ. Борисовъ, крѣпко обнявъ хозяина, въ мрачной задумчивости вышелъ изъ его дома поспѣшая явиться въ полкъ, а Лаптевъ взялъ подъ образами лежавшій свитокъ бумаги, на которомъ написаны были святцы, и дрожащею рукою отмѣтилъ на сторонѣ, подлѣ имени св. Симеона: Лѣта 7190 (*) Апрѣля въ 27 день, въ Четвертокъ, въ 13 часу дня (**), преставился православный государь, царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.»

(*) 1682 года.

(**) Часы раздѣлялись тогда на дневные и ночные. Первые считались съ восхода солнца, вторые—съ заката.

II.

Заря багряною рукою,
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ,
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.

Ломоносовъ.

Часы на Фроловской Башнѣ пробили 14-й часъ дня. Во дворцѣ собралась Тайная Государственная Дума. Въ правой сторонѣ обширной залы со сводами, поддерживаемыми по срединѣ колонною, между двухъ окошекъ стоялъ сіяющій золотомъ престолъ съ заощренными столбиками по сторонамъ и съ остроконечною крышею. Надъ нею блестѣлъ двуглавый орелъ. Подъ крышею, на задней стѣнкѣ престола видна была икона Божіей Матери, надъ царскими креслами. Съ правой стороны, на невысокой серебряной пирамидѣ, накрытой золотою тканью, лежала осыпанная драгоцѣнными каменьями держава. По всему полу залы пестрѣли персидскіе ковры, а около стѣнъ возвышались, четырьмя ступенями отъ пола, обитыя краснымъ сукномъ скамьи. Голубые штофные занавѣсы, висѣвшіе

на окнахъ, препятствовали лучамъ солнца проникать въ залу. Стѣны были украшены иконами, древними картинами и серебряными подсвѣчниками, въ равномъ разстояніи одинъ отъ другаго прикрѣпленными. Горѣвшія въ нихъ восковыя свѣчи разливали по залѣ тусклый свѣтъ и освѣщали сидѣвшихъ на скамьяхъ патріарха, митрополитовъ (*), архіепископовъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ. Думные дьяки стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи. Въ залѣ царствовала глубокая тишина и взоры всѣхъ устремлены были на патріарха Іоакима. Наконецъ онъ всталъ, и, благословивъ собраніе, сказалъ: «По волѣ Бога Вышняго, сотворшаго небо и «землю, въ Его же Десницѣ судьба всѣхъ царствъ «земныхъ и народовъ, православный государь «нашъ, царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣ-«евичъ прешелъ изъ сея временныя жизни въ «вѣчную. Да совершается святая воля Его и да «будетъ благословенно имя Его. Въ сокрушеніи «сердца вознесемъ мольбы о упокоеніи души «преставльшагося царя, и о дарованіи сирот-«ствующему граду сему и всей Россіи царя но-«ваго. Благовѣрному царевичу Іоанну Алексѣ-«евичу подобаетъ вступить на престолъ праро-«дительскій; но онъ изрекъ волю свою, намъ

(*) До патріарха Іоакима было въ Россіи 5 митрополитовъ. Онъ умножилъ число ихъ до 12.

«зовущимъ его на царство. Онъ вручаетъ державу брату своему, благовѣрному царевичу Петру Алексѣевичу. Сего ради, по волѣ благочестивѣйшей царицы Натальи Кирилловны, мѣрность наша (*) призываетъ собраніе сіе: да помолимся Господу Богу, направляющему сердца «праведныхъ ко благу, и да изберемъ царя и «государя всея Россіи.»

Въ продолженіе рѣчи, каждый разъ, когда патріархъ произносилъ имя Божіе, присутствовавшіе, снимая свои высокія собольи и черныя лисьи шапки, крестились. Когда патріархъ сѣлъ на мѣсто, всталъ бояринъ Милославскій и сказалъ: «Не намъ, рабамъ и вѣрнымъ слугамъ царскимъ, рѣшать: кому изъ царевичей престолъ наслѣдовать. Искони велось, чтобы старшій сынъ царя былъ наслѣдникомъ престола. Какое имѣемъ мы право мимо старшаго брата звать на царство младшаго? Царевичу Іоанну слѣдуетъ принять державу.»

«Развѣ ты не слыхалъ, Иванъ Михайловичъ, что говорилъ святѣйшій патріархъ?» возразилъ братъ царицы, бояринъ Нарышкинъ. «Развѣ можно принудить царевича Іоанна вступить на престолъ, когда онъ того не хочетъ?»

«Такъ, Иванъ Кирилловичъ!» сказалъ Мило-

(*) Такъ называли себя патріархи.

славскій. «Принуждать не льзя, а просить можно. Можетъ-быть онъ и перемѣнитъ свое намѣреніе.»

«Царевича уже просили, онъ отказался, такъ въ другой разъ просить непригоже!» возразилъ Нарышкинъ.

«Полно такъ ли, Иванъ Кирилловичъ? Хоть здѣсь въ собраніи и не слѣдовало бы говорить: какіе по Москвѣ слухи носятся, — однако жъ и скрыть грѣшно. Многіе думаютъ, что царевича Іоанна принудили отказаться отъ престола.»

«Да кто жъ бы его могъ принудить?» спросилъ начальникъ Стрѣлецкаго Приказа, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукой.

«Почему мнѣ знать? Я этому и самъ не вѣрю, а говорю только, что слухи носятся.»

«Не всякому слуху вѣрь, Иванъ Михайловичъ!» продолжалъ Долгорукой. «Можно спросить самого царевича. Стыдно тогда тебѣ будетъ, когда всѣ увидятъ, что ты напрасно наводишь на ближняго подозрѣніе. Я вижу на кого ты мѣтишь.»

«Неужто ты думаешь, что я говорю о царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ? Сохрани меня Господи! Царица такъ безпристрастна и справедлива, что никогда не предпочтетъ даже роднаго сына пасынку.»

Послѣднія слова Милославскій произнесъ съ ироническою улыбкой, которая явно открывала его настоящія мысли. Бояре разгорячились. На-

чался между ними жаркій споръ, въ которомъ постепенно и все собраніе приняло участіе. Наконецъ Дума рѣшила: *Быть избранію на царство общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ московскаго государства людей.* Дьяки записали рѣшеніе Думы. Между тѣмъ на площади передъ дворцемъ собрались стольники, стряпчіе, московскіе дворяне, дьяки, жильцы, городовые дворяне, дѣти боярскіе, гости, купцы и другихъ званій люди (*).

(*) *Стольники* были придворные чиновники, прислуживавшіе при царскомъ столѣ. Въ стольники обыкновенно жаловали дворянъ, стрѣлецкихъ полковниковъ , которые сохраняли притомъ и военную свою должность, и дѣтей знатныхъ отцевъ. *Стряпчіе* были также придворные чиновники, завѣдывавшіе платьемъ царя и имѣвшіе смотрѣніе за съѣстными припасами, заготовлявшимися для царскаго стола. Они одѣвали государя, ходили и ѣздили за нимъ, и исполняли разныя мелочныя его порученія. Званіе *дворянина* жаловалось особыми царскими указами, лично, а не потомственно. Жалованья дворяне не получали, а содержались доходами съ помѣстій. Обязанность ихъ была являться ко двору въ праздничные дни въ *свѣтломъ платьѣ*, для умноженія придворнаго великолѣпія. Они употреблялись также для военной и гражданской службы. *Московскіе* дворяне считались выше *городовыхъ*. Послѣдними имѣли право распоряжать въ мирное время главные городскіе начальники. *Дьяки* были секретари разныхъ приказовъ.

Стрѣльцы, предводимые своими полковниками, явились на площади и построились въ ряды. Нѣкоторые полки были въ темнозеленыхъ, другіе въ свѣтлозеленыхъ кафтанахъ, застегнутыхъ на груди золотыми тесьмами. Каждый былъ вооруженъ саблею, ружьемъ и блестящею сѣкирой, имѣвшею видъ полумѣсяца. Стрѣльцы воткнули передъ собою сѣкиры въ землю, и подняли ружья на плечо. Надъ рядами ихъ развѣвалось множество знаменъ бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ, съ изображеніемъ Страшнаго Суда, Архангела Михаила и другихъ предметовъ, заимствованныхъ изъ Священной Исторіи. На нѣкоторыхъ видны были желтые и красные львы. Ко дворцу примыкалъ Сухаревскій полкъ; на краѣ праваго крыла стоялъ пятидесятникъ Борисовъ.

Жильцами назывались молодые люди изъ дѣтей боярскихъ, дѣтей дворянъ, стряпчихъ и стольниковъ, служившіе по наряду въ столицѣ. Они составляли московское охранное войско, развозили указы царскіе и употреблялись для разныхъ посылокъ. Во время мира они жили въ Москвѣ по три мѣсяца, и потомъ смѣнялись другими своими товарищами. *Дѣти боярскіе* составляли конное земское войско. Для содержанія ихъ жаловались имъ отъ казны помѣстья. Названіе свое получили отъ того, что въ походахъ и сраженіяхъ находились при боярахъ и ихъ охраняли.

Князь Долгорукой, выйдя изъ дворца, сѣлъ на бѣлаго персидскаго коня, на которомъ блисталъ шитый золотомъ чапракъ изъ алаго бархата. Объѣхавъ ряды стрѣльцовъ, онъ приказалъ стоять вольно. Полковники, подполковники, пятисотенные, сотники и пятидесятники вложили сабли въ ножны, а стрѣльцы составили ружья въ пирамиды и, не сходя съ мѣстъ своихъ, начали разговаривать между собою и съ толпящимся на площади народомъ.

«Вотъ и я здѣсь, Иванъ Борисовичъ!» сказалъ купецъ Лаптевъ, увидѣвъ Борисова и подойдя къ нему. «Хотѣлъ было остаться дома: сынишка маленькій очень что-то прихворнулъ. Да сердце не утерпѣло! Хочется проститься съ батюшкой-царемъ. Мнѣ сказали, что всѣхъ пускать будутъ.»

«Да, всѣхъ. Царица Марѳа Матвѣевна приказала. Я думаю, скоро пустятъ. Теперь патріархъ служитъ панихиду. Служба ужъ довольно давно началась. Завтра въ 5-мъ часу дня назначено погребеніе въ Соборной Церкви Архангела Божія Михаила.»

«Дай Господи усопшему царство небесное. Добрый и милостивый былъ царь!... Чай, плачетъ царица?»

«Плачетъ, что рѣка льется! Легко ли, Андрей Матвѣевичъ, черезъ два мѣсяца послѣ вѣнца овдовѣть!»

«Утѣшь ее, Господи, и помилуй насъ грѣшныхъ! А кто наслѣдникъ-то по царѣ?»

«Да Богъ вѣсть. Говорятъ разно.»

«Хорошо было бы, какъ бы Петръ Алексѣевичъ! Недавно видѣлъ я обоихъ царевичей въ Селѣ Коломенскомъ, на соколиной охотѣ. Старшій-то такой блѣдный и задумчивый. Глазки все въ землю потуплять изволитъ. А младшій— настоящій соколъ! На обоихъ я вдоволь насмотрѣлся. Я, слышь ты, узналъ, что въ Коломенскомъ будетъ соколиная охота, всталъ до заутрени и поѣхалъ съ пріятелями въ село, къ знакомому подсокольнику. Онъ сказалъ мнѣ, что охота будетъ на полѣ, не-подалеку отъ Коломенскаго, подлѣ березовой рощи. Мы туда! Вошли въ рощу, и лишь-только принялись за пирогъ, который я взялъ на дорогу, какъ вдругъ затрубили въ рога и послышался конскій топотъ. Мы всѣ бѣгомъ на край рощи, и взлѣзли на высокія березы. Ты вѣдь знаешь, что никому не велѣно смотрѣть на соколиную охоту. Царевичи остановились не подалеку отъ березы, на которой я сидѣлъ. Подсокольничіе пустили журавля. Длинноногій полетѣлъ! Выше, выше, выше! Чуть изъ глазъ не ушелъ. Тогда сокольничій спустилъ кречета. Взвился словно стрѣла! Мигомъ нагналъ журавля; началъ надъ нимъ кружиться, кружиться, и вдругъ сверху, какъ налетитъ на него, да какъ ударитъ! Ахъ, ты

Господи! Только перья полетѣли. Потомъ еще, еще! Такъ и бьетъ! Длинноногій ринулся внизъ, словно камень. Тотчасъ подскакалъ къ нему сокольничій, поднялъ журавля и затрубилъ въ серебряный рогъ. Кречетъ спустился и сѣлъ на рукавицу сокольничаго, а тотъ съ добычею къ царевичамъ. Потомъ спускали еще нѣсколько кречетовъ. Напослѣдокъ оба царевича поѣхали. Гляжу: прямо къ березѣ, на которой я сидѣлъ. Я свѣту Божьяго не взвидѣлъ! Притаился на суку, словно тетеревъ отъ охотника. Царевичи подъѣхали подъ самое дерево. Покажи-ка мнѣ *Урядникъ,* сказалъ Петръ Алексѣевичъ сокольничему. Тотъ вынулъ книгу изъ алой бархатной сумки, висѣвшей у него съ боку на золотой тесьмѣ, и подалъ царевичу. У меня, куманекъ, книга-то эта вся переписана. Знакомый подсокольничій меня снабдилъ. Я ее почти всю наизустъ знаю. Куда красно написана! Вотъ, слышь ты, царевичъ и началъ книгу разсматривать, да и засмѣялся, а потомъ, обратясь къ братцу своему, началъ читать вслухъ изъ книги: *«Новопожа-«лованный Начальный пріимаетъ кречета образ-«цовато, красовато, бережно; и держитъ честно, «смѣло, весело, подправительно, подъявительно, къ «видѣнію человѣческому, и ко красотѣ кречатьей; «и стоитъ урядно, радостно, уповательно, удиви-«тельно.»*—Изъ всего Урядника, сказалъ Петръ Алексѣевичъ, мнѣ всего лучше нравится при-

писка покойнаго батюшки: *«Правды же и суда и милостивыя любве и ратнаго строя николи же не позабывайте: дѣлу время, и потѣхѣ часъ.»* Если Богъ привелъ бы меня когда-нибудь быть царемъ, то я изъ всего Урядника оставилъ бы только приписку батюшки, а все бы прочее отмѣнилъ. Царю грѣшно терять время на соколиную охоту. Лучшая для него потѣха: устроять благо своихъ подданныхъ. — Каковы рѣчи, куманекъ? У меня слезы навернулись! Дай Господи, чтобы Петръ Алексѣевичъ былъ нашимъ царемъ!»

«А почему такъ?» спросилъ, вслушавшись въ послѣднія слова, подошедшій къ нимъ человѣкъ въ кафтанѣ, съ длинными откидными рукавами, сзади связанными узломъ, и въ низкой бархатной шапкѣ съ мѣховой опушкой. Это былъ дворянинъ Сунбуловъ.

Лаптевъ смутился и не зналъ что̀ отвѣчать. Но Борисовъ, смѣло глядя въ глаза Сунбулову, сказалъ ему: «А какая стать твоей чести вмѣшиваться въ нашъ разговоръ? Мы вольны говорить что хотимъ съ пріятелемъ, и никого не просили насъ подслушивать. Что ты намъ за указчикъ?»

«Потише, потише, господинъ пятидесятникъ! Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами. Я подамъ на тебя челобитную въ Стрѣлецкій Приказъ, такъ напляшешься!»

«Подавай, пожалуй! А теперь совѣтую отойди подальше. Скажи еще хоть одно слово, такъ я съ тобой по-стрѣлецки раздѣлаюсь! Суди меня Богъ и государь!» воскликнулъ Борисовъ, ударивъ рукою по своей саблѣ.

«Слово и дѣло!» закричалъ Сунбуловъ.

«Перестань горланить! Я прикажу связать тебя!»

«Меня связать? Да развѣ ты не видишь, что я дворянинъ? Слово и дѣло! Слово и дѣло!»

«Что̀ здѣсь за шумъ?» спросилъ пятисотенный Бурмистровъ, приблизясь къ ссорившимся.

«Да вотъ, Василій Петровичъ, этотъ дворянинъ пристаетъ ко мнѣ и буянитъ. Кричитъ слово и дѣло, ни къ пути, ни къ дѣлу. Норовитъ, чтобъ меня съ нимъ взяли въ Тайный Приказъ. Видишь, что̀ выдумалъ!»

«Бери мушкетъ! Стройся!» закричалъ князь Долгорукой. Стрѣльцы бросились къ ружьямъ, а Бурмистровъ и Борисовъ, оставивъ Сунбулова, поспѣшили на мѣста свои. Лаптевъ между-тѣмъ давно уже скрылся въ толпѣ.

«Мушкетъ на плечо! подыми правую руку! Понеси дугой! Клади руку на мушкетъ!» закричалъ Долгорукой, и ряды ружей, возвысясь изъ-за сѣкиръ, воткнутыхъ въ землю, заблистали въ воздухѣ. На Красномъ Крыльцѣ явился патріархъ Іоакимъ, предшествуемый священнослужителями со святыми иконами и хоругвями, и со-

провождаемый всею Государственною Думою. На площади водворилось глубокое молчаніе. Всѣ сняли шапки, и патріархъ началъ слѣдующую рѣчь:

«Вѣдомо всѣмъ, что благословенное Богомъ «царство россійское, пребывая въ непорочной «христіанской вѣрѣ, по благости Спасителя на-«шего Господа Бога Іисуса Христа, было въ «державѣ блаженныя памяти благочестиваго ве-«ликаго государя, царя и великаго князя Миха-«ила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца; а «по немъ великомъ государѣ царскій престолъ «наслѣдствовалъ сынъ его, благочестивый вели-«кій государь, царь и великій князь Алексѣй «Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя «Россіи самодержецъ. По представленіи его вос-«преемникомъ былъ престола сынъ его, благоче-«стивый и великій государь, царь и великій князь «Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Нынѣ изволеніемъ и «судьбами Божіими онъ великій государь, оставя «земное царствіе преселился въ вѣчный покой. «Остались братья его государевы благовѣрные «царевичи и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ «и Петръ Алексѣевичъ. Единодушнымъ согла-«сіемъ и единосердечною мыслію объявите: ко-«му изъ нихъ государей преемникомъ быть цар-«скаго скипетра и престола?»

И подобно грому раздался со всѣхъ сторонъ

крикъ: «Да будетъ царемъ нашимъ царевичъ Петръ Алексѣевичъ!»

«Беззаконно обойти старшаго царевича!» закричалъ послѣ всѣхъ Сунбуловъ. «Надлежитъ быть на престолѣ Іоанну Алексѣевичу!»

«Здравія и многія лѣта нашему царю-государю Петру Алексѣевичу!» закричали тысячи голосовъ. Земля, казалось, дрожала отъ шума и восклицаній.

Патріархъ, обратясь къ Государственной Думѣ, спросилъ: «Какъ поступить надлежитъ?» Всѣ, кромѣ Милославскаго и другихъ, немногихъ приверженцевъ царевны Софіи, отвѣчали: «Да будетъ по избранію народа!» Патріархъ, въ сопровожденіи Думы, пошелъ во дворецъ, гдѣ находился юный Петръ съ матерью его, царицею Натальею Кирилловною, и благословилъ его на царство. Послѣ этого народъ цѣловалъ со слезами горести холодную руку Ѳеодора, и со слезами восторга державную руку Петра. Закатилось солнце, и граждане, не думая о снѣ, еще плакали о царѣ умершемъ. Взошло солнце, и вся Москва произнесла уже клятву вѣрности царю новому.

III.

Кто узритъ насъ? Подъ ризой ночи
Путями тайны мы пройдемъ,
И будетъ пиръ страстямъ роскошный.

Глинка.

Благовѣстъ призывалъ православныхъ къ обѣднѣ, когда Сухаревскаго полка пятисотенный Василій Бурмистровъ шелъ въ домъ къ начальнику Стрѣлецкаго Приказа, князю Михаилу Юрьевичу Долгорукому. Проходя по берегу Москвы-рѣки и поровнявшись съ однимъ низенькимъ домикомъ, увидѣлъ онъ подъ окнами сидѣвшую на скамьѣ старушку, одѣтую въ черный сарафанъ и повязанную платкомъ того же цвѣта. Она горько плакала. Бурмистровъ рѣшился подойти къ ней и спросить о причинѣ ея горести. Долго рыданія мѣшали ей отвѣчать на вопросъ прохожаго. Наконецъ она, отнявъ отъ глазъ платокъ и взглянувъ на Бурмистрова, на лицѣ котораго живыми красками изображалось состраданіе, сказала ему:

«На что̀, батюшка, знать тебѣ про мое горе? Ты мнѣ не поможешь.»

«Почему знать, старушка! Можетъ-быть я и найду средство помочь тебѣ.»

«Нѣтъ, кормилецъ мой! Мнѣ ужъ недолго осталось жить на свѣтѣ. Скоро прикроетъ меня гробовая доска, тогда и горю конецъ! Охъ, бояринъ, бояринъ! Будешь ты отвѣчать передъ Богомъ, что обижаешь меня, бѣдную.»

«Про какого боярина говоришь ты, бабушка?»

«Богъ ему судья! Я не хочу его осуждать и передъ добрыми людьми порочить.»

«Будь со мною откровенна: скажи: кто твой обидчикъ. Авось и помогу тебѣ. Меня знаютъ многіе знаменитые бояре. Я замолвлю за тебя слово передъ ними. Самому царю ударю челомъ.»

«Спасибо тебѣ, кормилецъ, что за меня, беззащитную вдову, вступаешься. Богъ заплатитъ тебѣ! Знаю, что ты мнѣ не поможешь, но такъ и быть: я все тебѣ разскажу. Вонъ видишь ли тамъ, за крашенымъ заборомъ, гдѣ ворота со львами на вереяхъ, большой садъ и высокія хоромы? Тамъ живетъ сосѣдъ мой, бояринъ Милославскій. Мой покойный сожитель Петръ Ивановичъ, по прозванію Смирновъ, здѣшней приходской церкви священникъ, оставилъ мнѣ этотъ домишка съ огородомъ. Онъ преставился наканунѣ Крещенья не-задолго до кончины царя Алексѣя Михайловича. Вотъ ужъ седьмой годъ, кормилецъ мой, какъ я вдовѣю. Сынъ мой Андрюша обучается въ окодемьи, что̀ въ Андреев-

1**

скомъ Монастырѣ. Не отдала бы я его туда ни-за-что, какъ бы не покойникъ мужъ завѣщалъ. Будущимъ лѣтомъ, въ день святыя мученицы Аграфены-Купальницы, минетъ ему осмьнадцать лѣтъ; могъ бы ужъ хлѣбъ доставать, да меня, старуху, кормить. А то бьетъ только баклуши, прости Господи! Только и вижу его въ праздники; а въ будни все въ монастырѣ. Учится тамъ какойто *кречетской* грамотѣ, *алтынскому* языку, и невѣсть чему! Какъ бы не помогала мнѣ дочь Наташа, такъ давно бы я съ голоду померла. Она однимъ годомъ помоложе брата, а какая разумная, какая добрая! Самоучкой выучилась золотомъ вышивать. Успѣваетъ и шить и за хозяйствомъ ходить, а по вечерамъ читаетъ мнѣ Писаніе да Житія. И въ книжномъ-то ремеслѣ она, я чай, брату не уступитъ. Въ праздникъ только у нея, моей голубушки, и дѣла, что съ нимъ за книгой, да за грамотой сидѣть. Пишетъ, словно приказный! И братъ-то на нее только дивуется. Каково же мнѣ, батюшка, разстаться съ такою дочерью!» .

При этихъ словахъ старушка снова горько заплакала, но потомъ, скрѣпясь, продолжала: «Былъ у меня, батюшка, знакомецъ, площадной подъячій, Сидоръ Терентьичъ Лысковъ (*). Онъ

(*) ***Площадные подъячіе*** были чиновники, которые записывали и свидѣтельствовали разные

часто навѣщалъ меня, ухаживалъ за мною, старухою, граматки писалъ, по приказамъ за меня хлопоталъ. Не могла я нахвалиться имъ. Думала, что онъ добрый человѣкъ, а онъ-то злодѣй и погубилъ меня! Въ прошломъ году на моемъ огородишкѣ всю капусту червь поѣлъ, да попущеніемъ Божіимъ отъ грозы учинился въ домишкѣ пожаръ. Пріѣхали объѣзжіе съ рѣшеточными прикащиками (*), и съ ними цѣлая ватага

акты частныхъ лицъ. Они помѣщались обыкновенно на площадяхъ и оттого получили свое названіе.

(*) *Объѣзжихъ* можно сравнить съ нынѣшними полицеймейстерами, а *рѣшеточныхъ прикащиковъ* съ квартальными надзирателями. Въ Кремлѣ, въ Китай-городѣ и въ Бѣломъ было по два объѣзжихъ. Они ѣздили день и ночь по городу съ нѣсколько рѣшеточными прикащиками, взятыми съ Земскаго Двора, и стрѣльцами. Съ каждыхъ 10 дворовъ и 10 лавокъ объѣзжіе назначали по человѣку въ *десятники* и въ *уличные сторожа*. Зажиточные люди и каждые 5 дворовъ, принадлежащихъ людямъ небогатымъ, должны были имѣть кадки съ водою, ведра, рогатины, топоры и *водоливныя трубы*. Во всѣхъ улицахъ и переулкахъ расписаны были объѣзжими рѣшеточные прикащики, десятники и уличные сторожа. Они ходили день и ночь, и смотрѣли, чтобы зажигательства, *бою, грабежу, корчмы, табаку и инаго какого воровства не было*; чтобы никто весною, лѣтомъ и осенью въ теплые и ясные дни домовъ

мужиковъ съ рогатинами, топорами и водоливными трубами. Огонь залили, и поставили весь домъ вверхъ дномъ. Иное перепортили, иное растащили. Наташа съ испуга захворала. Пришлось хоть по міру идти! Я и сказала о своей несгодѣ подъячему. Онъ дня черезъ два принесъ мнѣ десять рублей серебряныхъ, и сказалъ, что упросилъ крестнаго отца своего, боярина Милославскаго, помочь мнѣ, бѣдной, и дать взаймы безъ роста и безъ срока. Принесъ съ собой писанную граматку и велѣлъ въ деньгахъ росписаться Наташѣ. Она было хотѣла граматку прочитать: не далъ лукавецъ! Сказалъ, что она

и мыленъ не топилъ и поздно вечеромъ съ огнемъ не сидѣлъ. Печь хлѣбъ и готовить кушанье позволялось съ 1-го часа дня до 4-го, въ особыхъ поварняхъ или въ печахъ, устроенныхъ на огородахъ или на дворахъ не близко домовъ, и прикрытыхъ отъ вѣтра лубьемъ. Для больныхъ и родильницъ позволялось топить печи въ домахъ съ разрѣшенія объѣзжихъ одинъ разъ въ недѣлю, равно позволялось всѣмъ топить печи въ воскресенье и четвертокъ въ холодную и ненастную, но не вѣтреную погоду. Тотъ, по чьей оплошности или небреженію происходилъ пожаръ, наказывался смертію. Священнослужители и причетники церковные состояли въ вѣдомствѣ особыхъ объѣзжихъ, назначавшихся съ патріаршаго двора. Вотъ полная картина тогдашняго устройства полиціи въ Москвѣ.

приказныхъ дѣлъ не смыслитъ. Я и велѣла ей росписаться. А сегодня утромъ пришли ко мнѣ подъячіе изъ Холопьяго Приказа и объявили, что Наташа должна у Милославскаго служить во дворѣ, и что онъ завтра пришлетъ за нею своихъ холоповъ. Я свѣту Божьяго не взвидѣла! ужъ не за долгъ ли, подумала я, беретъ бояринъ къ себѣ Наташу? Побѣжала къ знакомымъ просить взаймы десяти рублей, чтобы отдать долгъ боярину. Бѣгала, бѣгала, кланялась въ ноги: никто не далъ! У всѣхъ одинъ отвѣтъ: самимъ, бабушка, ѣсть нечего. Не знаю, что̀ и дѣлать! Наташа съ утра пошла навѣстить больную тетку. Я чай, скоро воротится. Ума не приложу: какъ сказать ей про мое горе и бѣду неминучую! Погубила я, окаянная, мою Наташу!»

Старуха залилась слезами. Бурмистровъ, не говоря ни слова, вынулъ изъ-подъ кафтана кожаный кошелекъ, отдалъ вдовѣ и, не давъ ей опомниться, поспѣшными шагами удалился. Съ берега Москвы-рѣки, входя въ улицу, въ которой находился домъ Долгорукаго, увидѣлъ онъ вдали старуху передъ ея хижиной. Она стояла на колѣняхъ, съ воздѣтыми руками ко кресту, который по ту сторону рѣки сіялъ на главѣ церкви.

Въ кошелькѣ было девять клейменыхъ ефимковъ (*), пять золотыхъ и нѣсколько серебря-

(*) Ефимками платили иностранцы таможен-

ныхъ копѣекъ. Немедленно вдова побѣжала къ Милославскому и, заплативъ ефимокъ слугѣ, упросила его сказать боярину, что она пришла къ нему для уплаты долга. Но черезъ нѣсколько минутъ слуга вышелъ къ ней съ отвѣтомъ, что дѣло объ ея долгѣ уже кончено, и что бояринъ денегъ отъ нея не приметъ. «Поди, поди!» говорилъ онъ, выводя плачущую старуху со двора. «Хотя до завтра кланяйся: не пущу къ боярину! Не велѣно!»

Солнце давно уже закатилось, когда Бурмистровъ возвращался домой по опустѣвшимъ улицамъ. Пройдя переулкомъ, мимо длиннаго и низкаго строенія, вышелъ онъ на берегъ Москвы-рѣки, и сѣлъ отдохнуть на скамью, стоявшую подъ окнами небольшаго деревяннаго дома, отъ котораго начинался заборъ Милославскаго. Густыя облака покрывали небо и умножали вечернюю темноту. Въ окнѣ, подъ которымъ сидѣлъ Василій, появился свѣтъ, и вскорѣ кто-то отворилъ окно, говоря сиплымъ голосомъ: «угораздила же его нелегкая истопить печь, на ночь глядя! Я такъ угорѣлъ, что въ глазахъ зелено. Сядемъ-ка сюда, къ окошку, такъ угаръ скорѣе пройдетъ.»

«Бояринъ давно ужъ спитъ во всю Иванов-

ную пошлину. На нихъ ставили рублевое клеймо и пускали въ обращеніе внутри государства.

скую!» сказалъ другой голосъ. «Можно, я чай, и выпить. Да вотъ этого не попробовать ли, Миронычъ? Тайкомъ у Нѣмца купилъ. Выкуримъ по трубкѣ!»

«Что это̀? Табакъ! Ахъ ты грѣховодникъ! Получше насъ съ тобой крестный сынъ boярина, Сидоръ Терентьичъ, да и тому, за эту поганую траву, чуть было носъ не отрѣзали. Какъ бы не крестное цѣлованье, такъ не уцѣлѣть бы его носу. Сидоръ-то Терентьичъ, прости Господи, давно продалъ душу *ненашему!* Поцѣлуетъ крестъ во всякой неправдѣ. А вѣдь мы съ тобой православные! Коли поймаютъ насъ съ табакомъ, такъ мы отъ кнута-то не отцѣлуемся (*).»

«Ну, такъ выпьемъ винца.»

«Да не корчемное ли?»

«Нѣтъ, съ Отдаточнаго Двора (**).»

«То-то, смотри. За твое здравіе, Антипычъ!»

«Допивай скорѣе; другую налью!»

«Нѣтъ, будетъ. Боюсь проспать. Бояринъ приказалъ идти за три часа до разсвѣта съ

(*) Оправдаться присягою отъ обвиненія въ какомъ-нибудь преступленіи, называлось *отцѣловаться.*

(**) Кабаки въ Москвѣ были еще при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ уничтожены. Вино продавалось на казенномъ *Кружечномъ Дворѣ,* который въ 1681 году переименованъ былъ *Московскимъ Отдаточнымъ Дворомъ.*

Ванькой, да съ Ѳедькой, за дочерью попадьи Смирновой.»

«За какой дочерью?»

«Да развѣ ты ничего не слыхалъ?»

«Отъ кого мнѣ слышать! Разскажи, пожалуйста.»

«Вотъ видишь дѣло въ чемъ. Бояринъ съ годъ назадъ или побольше, за обѣдней у Николы въ Драчахъ, подмѣтилъ молодую дѣвку, слышь ты, красавицу! Я съ нимъ былъ въ церкви. Онъ и приказалъ мнѣ провѣдать: кто эта дѣвка? Послѣ обѣдни пошла она съ молодымъ парнемъ домой, а я за ними слѣдомъ. Гляжу: они вошли въ избу, знаешь тамъ, подлѣ нашего сада, а у воротъ сидитъ мужикъ съ рыжей бородой. Я къ нему подсѣлъ и разговорился. Онъ мнѣ разсказалъ, что эта дѣвка—дочь вдовой попадьи Смирновой, а парень—ея сынъ. Я и донесъ обо всемъ боярину. Тутъ же случился Сидоръ Терентьичъ. Да я давно знакомъ, молвилъ онъ, съ этою старухою. Знакомъ? спросилъ бояринъ. Покойникъ ея мужъ училъ меня грамотѣ, отвѣчалъ Сидоръ Терентьичъ. Бояринъ меня выслалъ вонъ, и начали они о чемъ-то шептаться. Долго шептались. Въ прошломъ году.... Смотри! Бороду сжегъ! Экъ дремлетъ! Качается словно языкъ на Иванѣ Великомъ! Не любо слушать, такъ поди спать.»

«Нѣтъ, пожалуйста, разсказывай. Невзначай вздремнулось.»

«То-то невзначай. Коли еще вздремнешь, такъ лягу спать, а завтра слова отъ меня не добьешься. Налей-ка еще кружку; въ горлѣ пересохло. Ну такъ вотъ видишь: въ прошломъ году у попадьи невзначай домъ загорѣлся, примѣромъ сказать, какъ твоя борода. Наѣхали объѣзжіе съ рѣшеточными, и старуху въ конецъ разорили. А Сидоръ Терентьичъ и смекнулъ дѣломъ. Написалъ служилую кабалу. Я ее переписывалъ. Въ кабалѣ было сказано: *Попадья Смирнова съ дочерью заняла у боярина Милославскаго десять рублей на годъ безъ росту, а поллгутъ деньги по срокѣ, то ей дочери у государя своего, бояриңа Милославскаго, служить за ростъ по вся дни во дворѣ; росту она высокаго, лицемъ бѣла, волосы темнорусые, глаза голубые, 16-ти лѣтъ* (*).»

«Какъ такъ? Я что-то этого въ толкъ не возьму.»

«Все дѣло въ томъ, что дочь попадьи теперь отдана приказомъ въ холопство нашему бояpину. Понимаешь ли?»

(*) Многіе въ то время давали на себя кабалы за 3 и даже за 2 рубля, и, не заплативъ въ срокъ денегъ, дѣлались холопами заимодавцевъ. Цѣна рубля равнялась тогда голландскому червонцу. Въ рублѣ содержалось 20 серебряныхъ денегъ, или 100 серебряныхъ копѣекъ.

«Разумѣю. Спрѣчь она съ нами стала одного поля ягода?»

«Нѣтъ, братъ, погоди! Бояринъ-то давно на нее зарился. Жениться онъ на ней не женится, а полубоярыней-то она будетъ. Понимаешь ли?»

«Разумѣю. Спрѣчь она съ нами, холопами, водиться не станетъ.»

«Экой тетеревъ! Совсѣмъ не то. Ну да что̀ съ тобой теперь толковать! Самъ ее завтра увидишь. Бояринъ, слышь ты, велѣлъ привести ее къ нему въ ночь, чтобы шуму и гаму на улицѣ не надѣлать. Вѣдь станетъ плакать да вопить, окаянная. Она теперь въ гостяхъ у тетки, да не минуетъ нашихъ рукъ. Около дома на всю ночь поставлены сторожа съ дубинами, да рѣшеточный прикащикъ въ сосѣдней избѣ укрывается. Не уйдетъ голубушка! Домъ ея тетки не подалеку... Тьфу пропасть! опять ты задремалъ. Нѣтъ, полно. Пора спать. Завтра вѣдь до пѣтуховъ надо подняться.»

Окно затворилось, и огонь погасъ. Выслушавъ весь разговоръ, Бурмистровъ всталъ со скамьи и поспѣшилъ возвратиться домой.

VI.

И смотритъ вдаль, и ждетъ съ тоской....
«Приди, приди, спаситель!»
Но даль покрыта черной мглой:
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!
Жуковскій.

«Вставай, Борисовъ!» сказалъ Василій, войдя въ свою горницу, освѣщенную одною лампадою, которая горѣла передъ образомъ. «Какъ заспался! Ничего не слышитъ. Эй, товарищъ!» Съ этими словами онъ потрясъ за плечо Борисова, который спалъ на скамьѣ подлѣ стола, положивъ подъ голову свернутый опашень (*).

Борисовъ потянулся, потеръ глаза и сѣлъ на скамью. «Ужъ оттуда не вылѣзетъ!» пробормоталъ онъ.

«Что̀ такое ты говоришь?»

«Такъ и полетѣлъ въ омутъ внизъ головами!»

«Ты бредишь, я вижу. Опомнись скорѣе, да надѣвай саблю: намъ надо идти.»

(*) Плащъ съ длинными рукавами.

«Идти? Куда идти?... Ахъ, это ты, Василій Петровичъ. Куда это запропастился? Я ждалъ, ждалъ тебя, да и вздремнулъ со скуки. Какой мнѣ страшный и чудный сонъ привидѣлся!»

«Послѣ разскажешь, а теперь поскорѣе пойдемъ!»

«Ночью-то! Да куда намъ идти? Домовыхъ что́ ли пугать?»

«Не хочешь, такъ я одинъ пойду. Эй! Гришка!»

Вошелъ одѣтый въ овчинный полушубокъ слуга, съ длинною бородою.

«Бѣги въ первую съѣзжую избу, и позови десятерыхъ изъ моихъ молодцовъ. Скажи, чтобъ взяли сабли и ружья съ собою! Проворнѣе! Да вели Ѳедькѣ заложить вороную въ одноколку.»

«Куда ты сбираешься?» спросилъ удивленный Борисовъ. «Вдругъ вздумалъ ѣхать, да еще и въ одноколкѣ! Развѣ ты забылъ царскій указъ?» (*)

«Не забылъ, да въ указѣ про ночь ничего не

(*) Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ 28 Декабря 1681 года указалъ боярамъ, окольничимъ и думнымъ дворянамъ ѣздить лѣтомъ въ каретахъ, а зимой въ саняхъ, на двухъ лошадяхъ; боярамъ въ праздники на 4 лошадяхъ, а на сговоры и свадьбы на шести; спальникамъ, стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ зимой въ саняхъ на одной лошади, а лѣтомъ верхомъ.

сказано, и притомъ никто меня не увидитъ. Нѣмецъ Бауманъ подарилъ мнѣ одноколку за два дня до указа, и я ни разу еще въ ней не ѣзжалъ. Хочется хоть разъ прокатиться.»

«Ты вѣрно шутишь, Василій Петровичъ!»

Василій, въ ожиданіи стрѣльцовъ, ходя большими шагами взадъ и впередъ по горницѣ, разсказалъ Борисову цѣль своего ночнаго похода.

«И я съ тобой! Куда ты, туда и я. Въ огонь и въ воду готовъ! Только смотри, чтобъ намъ не досталось. Съ Милославскимъ-то шутить не съ своимъ братомъ.»

«Если трусишь, такъ останься!»

«Не къ тому мое слово, Василій Петровичъ! Мнѣ не своей головы, а твоей жаль. Я люблю тебя, какъ отца роднаго. Никогда твою хлѣбъ-соль не позабуду. Безроднаго ты пріютилъ меня словно брата роднаго, и вывелъ въ люди.»

«Ну полно! Что́ толковать объ этомъ! Лучше разскажи: что тебѣ приснилось! Ты говорилъ, что видѣлъ во снѣ что-то страшное?»

«Да, чудный сонъ! Онъ что-нибудь да предвѣщаетъ недоброе. Снилось мнѣ, что мы съ тобой стоимъ на высокой горѣ. Съ одной стороны видимъ долину, да такую долину, что вотъ такъ бы и спрыгнулъ туда! Рай эдемскій! Съ другой стороны гора, какъ ножемъ срѣзана. Крутизна — взглянутъ страшно, а внизу такой омутъ, что дна не видать. Смотримъ: летитъ изъ долины

бѣлая голубка. Она сѣла къ тебѣ на плечо. Вдругъ съ той стороны, гдѣ былъ видѣнъ омутъ, лѣзетъ на гору медвѣдь, а за нимъ скачутъ, словно лягушки,—наше мѣсто свято!—восемь бѣсовъ, ни дать ни взять, какъ на нашемъ главномъ знамени, на которомъ Страшный Судъ изображенъ. Медвѣдь прямо бросился на тебя, повалилъ на землю и потащилъ къ омуту, а голубка вспорхнула, начала надъ тобой виться и жалобно заворковала. Ты съ медвѣдемъ барахтаешься. Я было бросился къ тебѣ на подмогу, анъ вдругъ бѣсы схватили меня да и не пускаютъ. Мнѣ такъ стало горько, такъ душно, что и наяву, я чай, легче на петлѣ висѣть, а лукавые начали вокругъ меня плясать и кричать: Здравствуй, братъ! Знаешь ли ты насъ! Ступай къ намъ въ гости! Давай пировать!—Я хотѣлъ было сотворить крестное знаменіе и молитву: Да воскреснетъ Богъ! но окаянные схватили меня за руку и зажали мнѣ ротъ. Вдругъ изъ долины бѣжитъ на гору левъ, ну вотъ, точь въ точь такой, какъ на картинкѣ, которую подарилъ тебѣ начальникъ нашъ, князь Михайло Юрьевичъ. Левъ напалъ на медвѣдя; но бѣсы завыли, какъ псы передъ пожаромъ, кинулись на льва и бросили его въ омутъ. Тамъ кто-то громко захохоталъ совсѣмъ не человѣческимъ голосомъ. Меня подралъ морозъ по кожѣ. Вдругъ въ небѣ появилось надъ долиной бѣлое облако,

а изъ него лучи во всѣ стороны такъ и сіяютъ! Солнышко отъ нихъ поблѣднѣло и стало похоже на серебряную тарелку, которую только-что принесли въ горницу изъ холоднаго погреба. Подъ бѣлымъ облакомъ что-то зачернѣлось. Ближе, ближе! Глядимъ: летитъ орелъ о двухъ головахъ. Надъ самой верхушкой горы остановился и началъ спускаться. Крылья такія, что цѣлый полкъ прикроетъ! Голубка сѣла опять къ тебѣ на плечо, а медвѣдь и бѣсы сбѣжались въ кучку и смотрятъ на орла. И вдругъ обернулись они въ какого-то страшнаго звѣря съ семью головами. Орелъ схватилъ его въ когти, взвился и опустилъ въ омутъ. Въ это самое время ты меня разбудилъ.»

«Ну, а что сдѣлалось съ голубкой?» спросилъ Василій.

«Не знаю. Какъ бы ты не разбудилъ меня, такъ я бы посмотрѣлъ.»

На лѣстницѣ послышался шумъ шаговъ. Двери отворились, и вошли десять вооруженныхъ стрѣльцовъ.

«Ребята!» сказалъ Василій. «Есть у меня просьба до васъ. Одинъ бояринъ обманомъ закабалилъ бѣдную сироту, единственную дочь у старухи-матери. Въ нынѣшнюю ночь хочетъ онъ взять ее силой къ себѣ во дворъ. Надобно ее отстоять. Каждому изъ васъ будетъ по десяти серебряныхъ копѣекъ за работу.»

«Благодарствуемъ твоей милости!» закричали стрѣльцы. «Рады тебѣ служить всегда вѣрой и правдой!»

«Только смотрите, ребята! Никому ни полслова.»

«Не опасайся, Василій Петровичъ! И пыткой у насъ слова не вымучатъ!»

«Я полагаюсь на васъ. За мной, ребята!»

Василій, сойдя съ лѣстницы, сѣлъ съ Борисовымъ въ одноколку, и выѣхалъ со двора на улицу. «Если кто меня спроситъ, Гришка,» сказалъ онъ слугѣ: «то говори, что меня потребовалъ къ себѣ князь Долгорукой.»

Онъ пошевелилъ возжами и поѣхалъ шагомъ, для того, чтобы шедшіе за нимъ стрѣльцы не отстали. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома Смирновой, онъ остановился и вышелъ изъ одноколки, приказавъ Борисову и стрѣльцамъ дожидаться его на этомъ мѣстѣ. Подойдя къ воротамъ, онъ постучался въ калитку. Залаяла на дворѣ собака; но калитка не отпирается. Между тѣмъ при свѣтѣ мѣсяца примѣтилъ онъ, что изъ воротъ дома Милославскаго вышли три человѣка въ татарскихъ полукафтаньяхъ и шапкахъ. У каждаго былъ за спиною колчанъ со стрѣлами, а въ рукѣ большой лукъ (*). Въ нетерпѣніи началъ онъ стучать въ калитку ножнами сабли.

(*) Таковъ былъ обыкновенный нарядъ боярскихъ слугъ.

«Кто-тамъ?» раздался на дворѣ грубый голосъ.

«Отпирай.»

«Не отопру. Скажи прежде нашъ или не нашъ?»

«Отпирай, говорятъ. Не то калитку вышибу!»

«А я тебя дубиной по лбу, да съ цѣпи собаку спущу. Много ли васъ? Погодите! Вотъ ужо васъ объѣзжіе! Они сейчасъ только проѣхали и скоро вернутся! Вздумали разбойничать на Москвѣрѣкѣ! Шли бы въ глухой переулокъ!»

«Дурачина! Какой я разбойникъ! Я знакомецъ вдовы Смирновой. Мнѣ до нея крайняя нужда.»

«Не морочь, братъ! Чтó за нужда ночью до старухи. Убирайся по добру, по здорову, покамѣстъ объѣзжіе не наѣхали. Худо будетъ! Да и хозяйки нѣтъ дома.»

«Скажи, по-крайней мѣрѣ, гдѣ она?»

«Не скажу-ста. Да чу! Никакъ объѣзжіе ѣдутъ. Улепетывай, пока цѣлъ!»

Въ самомъ дѣлѣ раздался вдали конскій топотъ. Легко вообразить себѣ положеніе Бурмистрова. Не зная, гдѣ живетъ тетка Натальи, онъ хотѣлъ спросить о томъ у вдовы Смирновой, и сказать ей о своемъ намѣреніи. А теперь онъ не зналъ на чтó рѣшиться. Выломить калитку и принудить дворника сказать: гдѣ хозяйка или дочь ея—невозможно; шумъ могъ разбудить людей въ домѣ Милославскаго и все дѣло испортить. Притомъ угрожало приближеніе объѣз-

жихъ. Гнаться за вышедшими изъ воротъ людьми Милославскаго—также невозможно; они давно уже переѣхали Москву-рѣку, и оставили лодку у другаго берега. Бѣжать къ мосту—слишкомъ далеко; потеряешь много времени, и притомъ, какъ попасть на слѣдъ этихъ людей. Оставалось возвратиться домой и успокоить себя тѣмъ, что употреблены были всѣ средства для исполненія добраго, но невозможнаго намѣренія. Василій почти уже рѣшился на послѣднее и пошелъ поспѣшно къ своей одноколкѣ; но какой-то внутренній, тайный голосъ твердилъ ему: дѣйствуй! Лице его пылало отъ сильнаго душевнаго волненія, и онъ дивился: почему онъ съ такимъ усердіемъ старается защитить отъ утѣснителя дѣвушку, никогда имъ не виданную и извѣстную ему по однимъ только разсказамъ. Онъ сѣлъ въ одноколку.

«Куда ты теперь?» спросилъ Борисовъ.

«Самъ не знаю куда!» отвѣчалъ Василій. «Поѣду, куда глаза глядятъ, а ты съ нашими молодцами перейди черезъ мостъ, да подожди меня у лодки, вонъ видишь, что̀ стоитъ тамъ, у того берега.»

«Ладно! Однако жъ не забудь, что скоро свѣтать начнетъ. А намъ, я чай, надо воротиться домой до разсвѣта. А то народъ пойдетъ по улицамъ. Тогда на берегу стоять будетъ неловко. Если спросятъ насъ: что̀ мы тутъ дѣла-

емъ? Не сказать же, что лодку или рѣку стережемъ. Для лодки-то одиннадцати сторожей много, а Москву-рѣку никто не украдетъ.»

«Разумѣется, что должно воротиться домой до разсвѣта. Ступай же на тотъ берегъ, а я поѣду. Прощай!»

Василій скоро скрылся изъ вида. Борисовъ и стрѣльцы переправились черезъ мостъ, дошли до указанной лодки и сѣли на берегу. Прошелъ часъ: нѣтъ Бурмистрова. Проходитъ другой: все нѣтъ, а на безоблачномъ востокѣ уже появилась заря.

«Что́ это вы, добрые молодцы, тутъ дѣлаете?» спросилъ вооруженный рогатиною рѣшеточный прикащикъ, проходившій дозоромъ по берегу Москвы-рѣки.

«Звѣзды считаемъ, дядя!» отвѣчалъ Борисовъ.

«Дѣло! А много ли насчитали?»

«Тьмы темъ, да и счетъ потеряли, и потому сбираемся идти домой.»

«Дѣло! А какого полка и чина твоя милость, и какъ прозваніе?»

«Я небывалаго полка пятидесятникъ Архипъ Неотвѣчаловъ.»

«Дѣло! А не съ лихимъ ли какимъ умысломъ пришли вы сюда, добрые молодцы—не въ обиду вамъ буди сказано—и по чьему приказу?»

«Не съ лихимъ, а съ добрымъ. А по чьему приказу—не скажу да и сказать не льзя. Накрѣпко

заказано. Э! да ужъ солнышко взошло. Пойдемъте, ребята, домой.»

«Дѣло! А не пойти ли мнѣ за вами слѣдомъ?»

«Пойдешь, такъ въ рѣку столкнемъ.»

«Дѣло! Ступайте домой, добрые молодцы. Нѣтъ, чтобъ вы на объѣзжихъ натолкнулись. Съ ними народу-то много, такъ съ вами управятся. Шутками не отбояритесь! А мнѣ одному вѣстимо съ такою гурьбой не сладить.»

«Дѣло!» сказалъ Борисовъ, передражнивая прикащика, и пошелъ скорымъ шагомъ со стрѣльцами по берегу Москвы-рѣки. Солнце уже высоко поднялось, когда они вошли въ свою съѣзжую избу.

V.

Наружность иногда обманчива бываетъ.
Дмитріевъ.

«Иди попроворнѣе, красная дѣвица!» говорилъ дворецкій Милославскаго, Мироничъ, Натальѣ, ведя ее за руку по улицѣ, къ берегу Москвырѣки. «Намъ еще осталось пройти съ полверсты. Бояринъ приказалъ привести тебя до разсвѣта, а гляди-ка, ужъ солнышко взошло. Ванька! Возьми ее за другую руку, такъ ей полегче идти будетъ. Видишь, больно устала. А ты, Ѳедька, ступай впередъ, да посмотри, чтобъ кто нашу лодку не увелъ. Теперь ужъ скоро народъ пойдетъ по улицамъ.»

Ѳедька побѣжалъ впередъ.

«Оставь меня!» сказала Наталья другому слугѣ, который хотѣлъ взять ее за руку. «Я могу еще идти и безъ твоей помощи.»

«Видишь какая спѣсь напала! Не хочетъ и руки дать нашему брату, холопу. Не бойсь, ма-

тушка! Не замараю твоей бѣлой ручки! А если бы и замаралъ, такъ завтра пошлютъ бѣлье стирать или полы мыть, такъ руки-то вымоешь.»

«Не ври пустаго, Ванька!» закричалъ Мироничъ. «Наталья будетъ ключница, а не прачка.»

Въ это время послышался вдали голосъ плачущей женщины. Дувшій съ той стороны вѣтеръ приносилъ невнятныя слова, изъ которыхъ можно было только разслушать: «Голубушка ты моя! Наташа ты моя!» Наталья оглянулась и увидѣла бѣжавшую за нею мать. Изъ дома тетки Наталья ушла тихонько съ присланными за нею отъ Милославскаго людьми; она не хотѣла прервать сна своей престарѣлой матери, проведшей всю ночь въ слезахъ, и въ утомленіи уснувшей передъ самымъ разсвѣтомъ. Бѣдная дѣвушка хотѣла къ ней броситься, но, удержанная Мироничемъ, лишилась чувствъ. Въ то же время и мать, потерявъ послѣднія силы, упала въ изнеможеніи на землю, далеко не добѣжавъ до дочери.

«Проваль бы взялъ эту старую вѣдьму!» проворчалъ Мироничъ, стараясь поднять Наталью съ земли. «Ахъ Господи! Да она совсѣмъ не дышетъ! Ужъ не умерла ли? Коли вмѣсто живой принесемъ къ боярину покойницу, да онъ насъ со свѣта сгонитъ. Ахти бѣда какая!»

«Потащимъ ее скорѣе, Мироничъ!» сказалъ

Ванька. «Вонъ кто-то ѣдетъ въ одноколкѣ. Пожалуй, подумаетъ, что мы ее уходили!»

«Что́ вы дѣлаете тутъ, бездѣльники?» закричалъ Бурмистровъ, остановивъ на всемъ скаку свою лошадь.

«Не твое дѣло, господинъ честной!» отвѣчалъ Миронычъ. «Мы холопы боярина Милославскаго, и знаемъ что́ дѣлаемъ. Бери ее за ноги, Ванька. Потащимъ.»

«Не тронь!» закричалъ Василій, соскочивъ съ одноколки и выхвативъ изъ-за пояса пистолетъ.

Миронычъ и Ванька остолбенѣли отъ страха и вытаращили глаза на Бурмистрова. Онъ подошелъ къ Натальѣ, взялъ ее осторожно за руку, и съ состраданіемъ глядѣлъ на ея лицо, покрытое смертною блѣдностью, но все еще прелестное.

«Принеси скорѣе воды!» сказалъ онъ слугѣ.

«А гдѣ я возьму? Рѣка не близко отсюда!»

«Сейчасъ принеси, бездѣльникъ!» продолжалъ Василій, наведя на него пистолетъ.

«Аль сходить, Миронычъ?» пробормоталъ Ванька, прыгнувъ въ сторону отъ пистолета.

«Не ходи!» крикнулъ дворецкій, неожиданно бросясь на Бурмистрова и вырвавъ пистолетъ изъ руки его. «Слушаться всякаго побродяги! Садись-ка въ свою одноколку, да поѣзжай, не оглядываясь! Не то самому пулю въ лобъ, разбойникъ!» Съ этими словами навелъ онъ пистолетъ на Бурмистрова.

Выхвативъ изъ ноженъ саблю, Василій бросился на дерзкаго холопа. Тотъ выстрѣлилъ. Пуля свистнула, задѣла слегка лѣвое плечо Василья и впилась въ деревянный столбъ забора, отдѣлявшаго обширный огородъ отъ улицы.

«Разбой!» завопилъ дворецкій, раненый ударомъ сабли въ ногу, и повалился на землю.

«Разбой!» заревѣлъ Ванька, бросясь бѣжать и дрожащею рукою доставая стрѣлу изъ колчана.

Въ это самое время послышался вдали конскій топотъ, и вскорѣ появились въ улицѣ, со стороны Москвы-рѣки, скачущіе во весь опоръ объѣзжіе и нѣсколько рѣшеточныхъ прикащиковъ.

Бурмистровъ, бросивъ саблю, поднялъ на руки безчувственную дѣвушку, вскочилъ въ одноколку, лѣвою рукою обхватилъ Наталью и, прислонивъ ее къ плечу, правою схватилъ возжи и полетѣлъ, какъ стрѣла, преслѣдуемый крикомъ: держи! Изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ, гнавъ безъ отдыха лошадь, онъ скрылся наконецъ изъ вида преслѣдователей, и остановился у воротъ своего дома.

«А! Василій Петровичъ!» воскликнулъ Борисовъ, вскочивъ со скамьи, на которой сидѣлъ у калитки, нетерпѣливо ожидая его возвращенія.

«Отвори скорѣе ворота.»

Борисовъ отворилъ и, пропустивъ на дворъ одноколку, снова заперъ ворота.

«Ба, ба, ба! Да ты не одинъ! Ахъ, Боже мой! Чтó это? Она безъ чувствъ?»

«Помоги мнѣ внести ее въ горницу.»

Они внесли Наталью, и положили на постель Бурмистрова. Долго не могли они привести ее въ чувство. Наконецъ она открыла глаза, и съ удивленіемъ посмотрѣла вокругъ себя.

«Гдѣ я?» спросила она слабымъ голосомъ.

«Въ рукахъ добрыхъ людей!» отвѣчалъ Василій.

«А гдѣ моя бѣдная матушка? Чтó сдѣлалось съ нею? Скажите, ради Бога, гдѣ она?»

«Ты съ нею сегодня же увидишься.»

«Увижусь? Да не обманываешь ли ты меня?»

«Непремѣнно увидишься. Будь только спокойна. Прежде надобно, чтобы силы твои подкрѣпились нѣсколько.»

«Отведи меня, ради Бога, скорѣе къ матушкѣ!» Наталья хотѣла встать, но въ безсиліи опять упала на постель; въ глазахъ ея потемнѣло, голова закружилась, и бѣдная дѣвушка впала въ состояніе близкое къ безчувственности.

Въ это время кто-то постучалъ въ калитку. Василій вздрогнулъ. Борисовъ подошелъ къ окну, отдернулъ тафтяную занавѣску и, взглянувъ на улицу, сказалъ шепотомъ: «Это нашъ пріятель, купецъ Лаптевъ.»

«Выйди къ нему, сдѣлай милость; скажи, что

я нездоровъ, и никого не велѣлъ пускать къ себѣ.»

«Ладно.»

Борисовъ вышелъ въ сѣни, и встрѣтилъ тамъ Лаптева, которому слуга Бурмистрова, Гришка, весьма походившій поворотливостію на медвѣдя, въ этотъ разъ не-впопадъ отличился и препроворно отворилъ калитку.

«Василій Петровичъ очень нездоровъ!» сказалъ Борисовъ, обнимаясь и цѣлуясь съ гостемъ.

«Ахъ Господи! Я зашелъ было пригласить его вмѣстѣ идти къ ранней обѣднѣ, а потомъ ко мнѣ на пирогъ. Что́ съ нимъ сдѣлалось?»

«Вдругъ схватило!»

«Пойдемъ скорѣе къ нему! Ахъ мои батюшки! Долго ли, подумаешь, до бѣды!»

«Онъ не велѣлъ никого пускать къ себѣ.»

«Какъ не велѣлъ! Нѣтъ, Иванъ Борисовичъ! Воля твоя! Сердце не терпитъ. Впусти меня на минутку: я его не потревожу. Писаніе велитъ навѣщать болящихъ!»

«Приди лучше, Андрей Матвѣевичъ, вечеромъ; а теперь право нельзя. Меня даже не узнаётъ. Совсѣмъ умираетъ!»

«Умираетъ! Ахъ Боже милостивый! Пусти хоть проститься съ нимъ.»

Сказавъ это, разтревоженный Лаптевъ, не слушая возраженій Борисова, поспѣшно пошелъ

къ дверямъ. Борисовъ схватилъ его за полу кафтана, но онъ вырвался, вошелъ прямо въ спальню, и, какъ истуканъ, остановился, увидѣвъ прелестную дѣвушку, лежавшую на кровати, и стоявшаго подлѣ нея Василья. Одолѣваемый и досадой, и стыдомъ, и смѣхомъ, Борисовъ началъ ходить взадъ и впередъ по сѣнямъ, ожидая развязки этого неожиданнаго приключенія и приговаривая тихонько: «Экой грѣхъ какой!»

Увидѣвъ Лаптева, Василій смутился и покраснѣлъ. Это совершенно удостовѣрило гостя въ основательности подозрѣній, мелькнувшихъ въ головѣ его, при входѣ въ комнату. Онъ, какъ вкопанный, простоялъ нѣсколько секундъ въ величайшемъ изумленіи, смутился и чуть не сгорѣлъ со стыда. Не вó-время же, думалъ онъ, навѣстилъ я больнаго! Онъ поклонился низко Бурмистрову, желая тѣмъ показать, что проситъ прощенія въ своемъ промахѣ и въ причиненномъ безпокойствѣ, и, не сказавъ ни слова, поспѣшно пошелъ въ сѣни. Борисовъ, услышавъ шумъ шаговъ Лаптева, изъ сѣней скрылся на чердакъ.

«Куда ты торопишься, Андрей Матвѣевичъ?» сказалъ Бурмистровъ, нагнавъ Лаптева на лѣстницѣ. «Изъ гостей такъ скоро не уходятъ.»

«Не въ-пору гость хуже Татарина! Извини, отецъ мой, что я сдуру къ тебѣ вошелъ. Мнѣ крайне совѣстно. На грѣхъ мастера нѣтъ. Я не зналъ.... я думалъ.... Извини, Василій Петровичъ!»

«И, полно, Андрей Матвѣевичъ, не въ чемъ извиняться. Выслушай!»

Василій, введя гостя въ сѣни, объяснилъ ему все дѣло.

«Вотъ что!» воскликнулъ Лаптевъ. «Согрѣшилъ я, грѣшный! Не даромъ Писаніе не велитъ осуждать ближняго. Ты защитилъ сироту, сдѣлалъ богоугодное дѣло, а я подумалъ невѣсть что.»

«Сдѣлай, Андрей Матвѣевичъ, и ты богоугодное дѣло. Я человѣкъ холостой; Натальѣ Петровнѣ неприлично у меня оставаться; а ты женатъ: прими ее въ свой домъ на нѣсколько дней. Я сегодня же пойду къ князю Долгорукому, и стану просить, чтобы онъ замолвилъ за нее слово предъ царицей Натальей Кирилловной. Она, вѣрно, заступится за сироту.»

«Ладно, Василій Петровичъ, ладно! Я сегодня же вечеромъ пріѣду къ тебѣ съ женой, въ колымагѣ, за Натальей Петровной. Жена ее укроетъ въ своей свѣтлицѣ; а домашнимъ челядинцамъ скажемъ, что она, примѣромъ, хоть моя крестница, пріѣхала, примѣромъ, хоть изъ Ярославля....»

«И что зовутъ ее: Ольга Васильевна Иванова.»

«Ладно, ладно! Все дѣло устроимъ, какъ быть надобно. А! да ужъ къ обѣднѣ звонятъ. Пора въ церковь. Счастливо оставаться, Василій Петровичъ!»

«Теперь и мнѣ выйти можно!» сказалъ Бори-

совъ, отворяя съ чердака дверь въ сѣни, у которой подслушалъ весь разговоръ Василья съ гостемъ. «Больному нашему стало легче. Теперь, кажется, опасаться нечего.»

«Ну, Иванъ Борисовичъ, спасибо! Напугалъ ты меня. Я спроста всему повѣрилъ, да и попалъ въ просакъ.»

«Не взыщи, Андрей Матвѣевичъ! Впередъ не ходи туда, куда пріятель не пускаетъ.»

«Вѣстимо, не пойду! Однакожъ пора къ обѣднѣ. Счастливо оставаться.»

Лаптевъ ушелъ. Василій возвратился въ спальню и, подойдя къ кровати, примѣтилъ, что Наталья погрузилась въ глубокій сонъ. Тихонько вышелъ онъ изъ горницы и затворилъ дверь. Поручивъ Борисову быть въ сѣняхъ на стражѣ и попросить Наталью, еслибъ она безъ него встала, подождать его возвращенія, Бурмистровъ пошелъ къ князю Долгорукому. Черезъ часъ онъ возвратился съ необыкновенно-веселымъ лицемъ. Борисовъ тотчасъ, послѣ его ухода, заперъ дверь спальни и, утомленный ночнымъ походомъ, сѣлъ на скамью, началъ дремать и вскорѣ заснулъ. Едва Василій вошелъ на лѣстницу и отворилъ дверь въ сѣни, Борисовъ вскочилъ и со сна закричалъ во все горло: «Кто идетъ?»

«Тише, пріятель! Ты, я думаю, разбудилъ Наталью. Она все еще спитъ?»

«Не знаю. Я спальню заперъ и туда не заглядывалъ.»

«Заперъ? Вотъ хорошо!»

Василій тихонько отворилъ дверь и увидѣлъ, что Наталья сидитъ у стола и читаетъ внимательно лежавшую на немъ книгу, въ которой переписаны были апостольскія посланія. Онъ вошелъ съ Борисовымъ въ горницу, извинилъ его передъ Натальей за содержаніе ея подъ стражей, и сказалъ: «Князь Долгорукій сегодня же хотѣлъ говорить о тебѣ, Наталья Петровна, царицѣ. Онъ увѣренъ, что царица защититъ тебя.»

«Я возлагаю всю надежду на Бога. Да будетъ Его святая воля со мною! До гроба сохраню я въ сердцѣ благодарность къ моему избавителю и благодѣтелю, хотя я и не знаю его имени.» Послѣднія слова сказала Наталья въ полголоса, потупивъ въ землю свои прелестные глаза, наполненные слезами.

Бурмистровъ сказалъ ей свое имя. Разговоръ между ними продолжался до самаго вечера. Восхищенный умомъ дѣвушки, Василій и не примѣтилъ какъ пролетѣло время. Лаптевъ сдержалъ слово и пріѣхалъ вечеромъ за Натальей. Проводивъ ее до колымаги, и увѣривъ ее, что она скоро увидится съ матерью въ своемъ новомъ убѣжищѣ, Василій, всходя по лѣстницѣ съ Борисовымъ, крѣпко сжалъ ему руку и съ жаромъ сказалъ: «Какая прелестная дѣвушка! Какъ радъ я, что мнѣ удалось сдѣлать ей услугу.»

VI.

Они условились втиши
И собираются, какъ звѣри,
Хранимыхъ Богомъ растерзать.
Глинка.

Начинало смеркаться, когда бояринъ Милославскій, возвратясь изъ дворца домой, ходилъ взадъ и впередъ по горницѣ, погруженный въ размышленія. На столѣ, стоявшемъ подлѣ окна и покрытомъ краснымъ сукномъ, блестѣла серебряная чернильница и разложено было въ порядкѣ множество свитковъ бумагъ. У стола стояла небольшая скамейка съ бархатною подушкою. Около стѣнъ были устроены скамьи, покрытыя коврами. Серебряная лампада горѣла въ углу предъ стариннымъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго.

На бояринѣ блисталъ кафтанъ изъ парчи, съ широкими на груди застежками, украшенными жемчугомъ и золотыми кисточками. На головѣ у него была высокая шапка изъ черной лисицы, похожая на клобукъ, расширяющійся кверху. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ маленькую серебря-

ную сѣкиру—знакъ своего достоинства. Съ правой руки спущенный рукавъ почти доставалъ до полу.

Сѣвъ наконецъ на скамейку, снялъ онъ съ головы шапку и положилъ на столъ, вмѣстѣ съ сѣкирою. Засучивъ рукавъ и, взявъ одинъ изъ свитковъ, бояринъ началъ внимательно его читать, разглаживая лѣвою рукою длинную свою бороду.

«Заступись, батюшка, за крестнаго сына твоего!» закричалъ, упавъ ему въ ноги, вбѣжавшій площадной подъячій Лысковъ.

Бояринъ вздрогнулъ, оборотился къ нему и съ удивленіемъ спросилъ: «Что съ тобой сдѣлалось, Сидоръ?»

«За кабалу, которую написалъ я, по моей должности и въ твою угоду, на дочь вдовой попадьи Смирновой, царица приказала поступить со мною по Уложенію. Да дьякъ Суднаго Приказа поднялъ старое дѣло о табакѣ. Если не заступишься за меня, горемычнаго, то за лживую кабалу отрубятъ мнѣ руку, а за табакъ отрѣжутъ носъ. Помилосердуй, отецъ мой! Куда я буду годиться?»

«Будь спокоенъ! Встань! Ручаюсь тебѣ, что останешься и съ рукой, и съ носомъ.»

«Князь Долгорукій на меня наябедничалъ. Ужъ меня вездѣ ищутъ; хотятъ схватить и посадить на тюремный дворъ до рѣшенія приказа.»

При имени Долгорукаго, бояринъ измѣнился въ лицѣ; губы его задрожали отъ злобы и досады.

«Останься въ моемъ домѣ, Сидоръ. Посмотримъ, кто осмѣлится взять тебя изъ дома Милославскаго! А я завтра же подамъ челобитную царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ. Авось и Долгорукій языкъ прикуситъ!»

«Вѣчно за тебя буду Бога молить, отецъ мой!»

Лысковъ поклонился въ ноги Милославскому и поцѣловалъ полу его кафтана.

«Возьми вотъ этотъ ключъ, и поди въ верхнюю свѣтлицу, чтó въ садъ окошками. Запри за собою дверь, никому не показывайся и не подавай голоса. Одинъ дворецкій будетъ знать, что ты у меня въ домѣ. Съ нимъ буду я присылать тебѣ съ моего стола кушанье. Полно кланяться, поди скорѣе.»

Лысковъ ушелъ. Солнце закатилось, и все утихло въ домѣ Милославскаго. Когда же наступила глубокая ночь, бояринъ, надѣвъ простой, темнозеленаго сукна, кафтанъ и низкую шапку, похожую на скуфью, вышелъ въ садъ, съ потаеннымъ фонаремъ въ рукѣ. Дойдя до небольшаго домика, построеннаго въ самомъ концѣ сада, онъ три раза постучалъ въ дверь. Она отворилась, и бояринъ вошелъ въ домикъ. Всѣ его окна были закрыты ставнями. Около дубоваго стола, по-срединѣ довольно обширной горницы, освѣщенной одною свѣчею, сидѣли племянникъ

боярина, комнатный стряпчій Александръ Ивановичъ Милославскій, изъ новгородскаго дворянства кормовой иноземецъ Озеровъ (*), стольники Иванъ Андреевичъ и Петръ Андреевичъ Толстые, городовой дворянинъ Сунбуловъ, стрѣлецкіе полковники Петровъ и Одинцовъ, подполковникъ Циклеръ и пятисотенный Чермной.

При появленіи Милославскаго всѣ встали. Бояринъ занялъ первое мѣсто и, подумавъ немного, спросилъ: «Ну, что́, любезные друзья, идетъ ли дѣло на ладъ?»

«Я отвѣчаю за весь свой полкъ!» отвѣчалъ Одинцовъ.

«И мы также за свои полки!» сказали Петровъ и Циклеръ.

(*) *Кормовыми иноземцами* называли тѣхъ изъ иностранцевъ, которые, вступивъ въ русскую службу и не получивъ помѣстій, содержались жалованьемъ, производившимся имъ отъ казны. Должно полагать, что Озеровъ былъ иностранецъ и поступилъ въ русскую службу, въ новгородскіе дворяне. Настоящая фамилія его, безъ сомнѣнія, была другая. Озеровымъ онъ, вѣроятно, былъ названъ уже въ Россіи; тогда всѣ иностранныя фамиліи передѣлывали на русскій ладъ. Циклера называютъ наши лѣтописи: *Цыкляръ*. Даже имена посланниковъ были измѣняемы. Напримѣръ: въ запискахъ государственнаго московскаго архива Горацій Кальвуччи названъ *Горацыушъ Калюцыушъ*.

«Ну, а ты Чермной, чтó скажешь?» продолжалъ Милославскій.

«Всѣ мои пятьсотъ молодцевъ на нашей сторонѣ. За другихъ же пятисотенныхъ ручаться не могу. Можетъ быть, я и наведу ихъ на разумъ, кромѣ одного; съ тѣмъ и говорить опасно.»

«Кто же этотъ несговорчивый?»

«Василій Бурмистровъ, любимецъ князя Долгорукаго. Онъ нашимъ полкомъ правитъ вмѣсто полковника. Я за нимъ давно присматриваю. Дней за пять онъ ѣздилъ куда-то ночью, и привезъ съ собой, къ утру, какую-то дѣвушку, а вечеромъ отправилъ ее неизвѣстно куда. Вѣроятно, къ князю Долгорукому, къ которому онъ ходилъ въ тотъ же день.»

«А ты не узналъ, какъ зовутъ эту дѣвушку.»

«Не могъ узнать. Одинъ изъ моихъ лазутчиковъ разсказалъ мнѣ, что этотъ негодяй, въ ту же ночь, какъ привезъ къ себѣ дѣвушку, ходилъ съ десятерыми стрѣльцами и пятидесятникомъ Борисовымъ къ дому попадьи Смирновой, твоей сосѣдки.»

«Понимаю!» воскликнулъ Милославскій. «Это его дѣло.... Послушай, Чермной, я даю пятьдесятъ рублей за голову этого пятисотеннаго. Онъ можетъ намъ быть опасенъ.»

«И конечно опасенъ. Его надобно непремѣнно угомонить. Завтра я постараюсь уладить это дѣло.»

«Ну, а ты что̀ скажешь, племянникъ?»

«Я досталъ ключи отъ Ивановской колокольни, чтобы можно было ударить въ набатъ.»

«Мы съ братомъ Петромъ,» сказалъ Иванъ Толстой: «не подалеку отъ стрѣлецкихъ слободъ, въ полуразвалившемся домишкѣ, припасли дюжину бочекъ съ виномъ для попойки.»

«А я шестерыхъ московскихъ дворянъ перетянулъ на нашу сторону,» сказалъ Сунбуловъ: «да распустилъ по Москвѣ слухъ, что Нарышкины замышляютъ извести царевича Іоанна.»

«А я распустилъ слухъ,» сказалъ Озеровъ: «что Нарышкины хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ отравить и набрать вмѣсто нихъ войско изъ перекрещенныхъ Татаръ.»

«И такъ дѣло, кажется, идетъ на ладъ!» продолжалъ Милославскій. «Остается намъ условиться и назначить день. Я придумалъ, что̀ всего лучше приступить къ дѣлу пятнадцатаго мая. Въ этотъ день убитъ въ Угличѣ царевичъ Димитрій. Скажемъ, что въ этотъ же день Нарышкины убили царевича Іоанна.»

«Прекрасная мысль!» воскликнулъ Циклеръ. «Воспоминаніе о царевичѣ Димитріѣ расшевелитъ сердца даже самыхъ робкихъ стрѣльцовъ.»

«Предъ начатіемъ дѣла надобно будетъ ихъ напоить хорошенько,» сказалъ Одинцовъ. «Это ужъ забота Ивана Андреевича съ братцемъ: у

нихъ и вино готово. Зададимъ же мы пиръ Нарышкинымъ и всѣмъ ихъ благопріятелямъ.»

«Ужъ подлинно будетъ пиръ на весь міръ!» примолвилъ Чермной, звѣрски улыбаясь. «Только вотъ въ чемъ задача: пристанутъ ли къ намъ всѣ полки? Четыре на нашей сторонѣ, если считать и Сухаревскій, а пять полковъ еще ни шьютъ ни порютъ. Полковники-то ихъ совсѣмъ не туда смотрятъ. Одно твердятъ: присяга, да присяга! Чтобъ не помѣшали намъ, проклятые!»

«Велико дѣло пять полковниковъ!» воскликнулъ Одинцовъ. «Сжить ихъ съ рукъ, да и только! Пяти головъ жалѣть нечего, коли дѣло идетъ о счастіи цѣлаго русскаго царства.»

«Справедливо,» сказалъ Милославскій.

«Ну, а если полки-то и безъ полковниковъ своихъ,» спросилъ Сунбуловъ: «захотятъ на своемъ поставить, и пойдутъ противъ насъ? Тогда что мы станемъ дѣлать?»

«Тогда приняться за сабли!» отвѣчалъ Одинцовъ.

«Нѣтъ, не за сабли,» возразилъ Озеровъ: «а за молотокъ. Не даромъ сказано въ пословицѣ, что серебряный молотокъ пробьетъ и желѣзный потолокъ. Царевна Софья Алексѣевна, я чаю, серебреца-то не пожалѣетъ?»

«Разумѣется!» сказалъ Милославскій. «Я у нея еще сегодня выпросилъ на всякій случай казну всѣхъ монастырей на Двинѣ. Пошлемъ на-

рочнаго, такъ и привезетъ серебряный молотокъ. Да впрочемъ у меня, по милости царевны, есть чѣмъ пробить желѣзный потолокъ и безъ монастырской казны.»

«Нечего сказать, мы довольны милостію царевны!» сказалъ Сунбуловъ. «Я чаю, она не забыла, Иванъ Михайловичъ, обѣщанія своего: пожаловать меня бояриномъ, когда все благополучно кончится? Я вѣдь началъ дѣло и подалъ голосъ на площади за царевича Іоанна.»

«Царевна никогда не забывала своихъ обѣщаній,» отвѣчалъ Милославскій.

«А меня съ товарищами въ стольники, да по помѣстью на брата?» спросилъ Циклеръ.

«Нечего и спрашивать. Что обѣщано, то будетъ исполнено. Ахъ, да! Хорошо-что вспомнилъ: составилъ ли ты, племянникъ, записку, о которой я тебѣ говорилъ?»

«Готова,» отвѣчалъ Александръ Милославскій, и, вынувъ изъ кармана свитокъ, подалъ дядѣ. Тотъ, бѣгло прочитавъ записку, покачалъ головою и сказалъ: «И этого, племянникъ, не умѣлъ путемъ сдѣлать! Артемошку Матвѣева-то и не написалъ! Что его миловать? вѣдь онъ не святѣе другихъ. Я тебѣ вчера сказывалъ, что царица велѣла ему возвратиться изъ ссылки. Онъ, конечно, помнитъ, что я ему ссылкой-то удружилъ. Ужъ и то худо было, что изъ Пустозерска перевезли его въ Луховъ, а то еще ѣдетъ

въ Москву! Надобно отправить его туда, откуда никто не возвращается. Хоть списокъ-то и длинненекъ, однакожъ прибавь Матвѣева, да напиши поболѣе такихъ записокъ, для раздачи стрѣльцамъ. А какъ будешь раздавать, накрѣпко накажи имъ, чтобъ никому спуску не было, и чтобъ начали съ Мишки Долгорукаго. Не поможешь ли ты, Петръ Андреевичъ, въ этомъ дѣлѣ племяннику?» продолжалъ онъ, обратясь къ Толстому.

«Съ охотой!»

Въ это время кто-то застучалъ въ дверь. Всѣ вздрогнули. Чермной, сидѣвшій на концѣ стола, всталъ, вынулъ изъ-за кушака длинный ножъ и тихонько подошелъ къ двери, удерживая дыханіе. Посмотрѣвъ въ замочную скважину, онъ, при свѣтѣ мѣсяца, увидѣлъ стоявшую у двери женщину.

Опять раздался стукъ и въ слѣдъ за нимъ едва внятный голосъ: «Пустите, я отъ царевны Софьи Алексѣевны къ боярину Ивану Михайловичу!»

«А! это изъ нашихъ!» сказалъ Чермной, отворяя дверь. Вошла не молодыхъ лѣтъ женщина, одѣтая въ сарафанъ изъ алаго штофа, съ рукавами, обшитыми до локтей парчею. Сверхъ сарафана надѣтъ былъ на ней широкій шелковый балахонъ съ длинными рукавами, который она сняла, вошедши въ горницу. На шеѣ у нея бле-

стѣло широкое жемчужное ожерелье; въ ушахъ висѣли длинныя, золотыя серьги, а на лицѣ, и при слабомъ сіяніи одной свѣчи, замѣтны были бѣлила и румяна. Стуча высокими каблуками желтыхъ своихъ сапожковъ, подошла она къ столу и сѣла подлѣ Озерова. Не бываетъ дѣйствія безъ причины. Почему, напримѣръ, пришедшая женщина сѣла подлѣ Озерова, а не подлѣ кого-нибудь другаго? Потому, что Озеровъ ей давно приглянулся, а Царевна Софья обѣщала ее выдать за него за-мужъ, если она будетъ исполнять всѣ ея приказанія и ни разу не проболтается. Это была постельница царевны Софьи, вдова, родомъ изъ Украйны, по прозванію Назнанная.

«Добро пожаловать, Ѳедора Семеновна!» сказалъ Милославскій. «Вѣрно, отъ царевны, съ приказомъ?»

«Съ приказомъ, Иванъ Михайловичъ. Царевна велѣла отдать тебѣ грамотку, которую ты вчера ей подалъ, и сказать, что всему быть такъ, какъ ты положилъ; да велѣла благодарить тебя за твое усердіе къ ней. Меня было остановилъ на дорогѣ рѣшеточный. Куда идешь, бабушка? спросилъ онъ. Бабушка! Ахъ ты хамово поколѣніе! закричала я; ослѣпъ что ли ты? Да тебя завтра же повѣсятъ, зароютъ живаго въ землю! Не видишь, съ кѣмъ говоришь? Разглядѣвъ мое лице и мой нарядъ, рѣшеточный повалился мнѣ

въ ноги. Я и велѣла ему лежать ничкомъ на землѣ до-тѣхъ-поръ, пока я не пройду всей улицы. Я чаю, мошенникъ со страху и теперь еще не всталъ.»

«И такъ все рѣшено, любезные друзья!» сказалъ Милославскій. «Приступимъ къ дѣлу пятнадцатаго мая. До-тѣхъ-поръ я не буду выѣзжать изъ дому и скажусь больнымъ. По ночамъ собирайтесь здѣсь для совѣтовъ и для полученія отъ меня наставленій. Главное дѣло не робѣть. Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Однако ужъ свѣтаетъ: пора расходиться. Прощай, Ѳедора Семеновна. Скажи царевнѣ, что дѣло идетъ на ладъ, и что я все устрою, какъ нельзя лучше.»

Всѣ поднялись съ мѣстъ и вышли одинъ за другимъ въ садъ. Бояринъ удалился въ свои комнаты, а прочіе, выйдя чрезъ небольшую калитку въ глухой переулокъ, разошлись по домамъ.

VII.

Кто добръ по истинѣ: не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

Крыловъ.

Пробывъ цѣлое утро у князя Долгорукаго и получивъ приказаніе прійти опять къ нему по возвращеніи изъ собора Архангела Михаила, куда князь поѣхалъ за обѣдню и панихиду по царѣ, Бурмистровъ чрезъ Фроловскія (*) ворота вошелъ въ Кремль. Раздался благовѣстъ съ колокольни Ивана Великаго. Народъ началъ собираться въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ. Василій вошелъ въ церковь. Когда служба кончилась и народъ началъ расходиться, на церковной паперти кто-то ударилъ слегка Бурмистрова по плечу. Онъ оглянулся и увидѣлъ своего сослуживца, пятисотеннаго Чермнаго.

«Здорово, товарищъ!» сказалъ ему Чермной. «Какими судьбами ты попалъ въ Успенскій соборъ? Ты обыкновенно ходишь къ обѣднѣ къ Николѣ въ Драчахъ.»

(*) Нынѣшнія Спасскія.

«Да такъ вздумалось побывать въ соборѣ и взойти послѣ обѣдни на Ивановскую колокольню; я ужъ очень давно на ней не бывалъ.»

«Кстати и мнѣ взобраться туда, вмѣстѣ съ тобою, и полюбоваться на Москву.»

Вмѣстѣ съ этими словами въ головѣ Чермнаго мелькнула адская мысль: воспользоваться случаемъ и исполнить обѣщаніе, данное имъ наканунѣ Милославскому. Онъ придумалъ, взойдя на самый верхній ярусъ колокольни съ Бурмистровымъ, невзначай столкнуть его внизъ, когда онъ засмотрится на Москву, и сказать потомъ, что товарищъ его упалъ отъ собственной неосторожности. Василій, ни въ чемъ не подозрѣвая Чермнаго, согласился идти съ нимъ вмѣстѣ на колокольню. Понамарь за серебряную копѣйку отперъ имъ дверь и, къ великой досадѣ Чермнаго, пошелъ самъ впередъ по лѣстницѣ. Наконецъ они добрались до самаго верхняго яруса.

Василій, подойдя къ периламъ, началъ вдали отыскивать взоромъ домъ купца Лаптева. Если кто-нибудь изъ читателей нашихъ (о читательницахъ говорить не смѣемъ) бывалъ влюбленъ и когда нибудь смотрѣлъ съ колокольни или башни на городъ, то онъ вѣрно знаетъ, что всего скорѣе обращаются глаза въ ту сторону, гдѣ живетъ любимый человѣкъ. Съ трудомъ разсмотрѣвъ въ отдаленіи домъ Лаптева, Василій на-

чалъ напрягать зрѣніе, думая: не увидитъ ли оконъ верхней свѣтлицы и кого-нибудь у окошка? Однакожъ и весь домъ едва былъ видѣнъ, и потому не удивительно, что Василій понапрасну напрягалъ зрѣніе, погружаясь между-тѣмъ все болѣе и болѣе въ пріятную задумчивость, и наконецъ, глядя во всѣ глаза на обширную Москву, вмѣсто города увидѣлъ предъ собою образъ своей Натальи, если не въ самомъ дѣлѣ, то по-крайней-мѣрѣ въ воображеніи. Тѣмъ временемъ Чермной выдумывалъ средство, какъ бы избавиться отъ безотвязнаго понамаря, который, побрякивая ключами и показывая пальцемъ колокольни разныхъ московскихъ церквей, говорилъ: «Погляди-ка, господинъ честной, отсюда всѣ церкви видны. Однихъ Николъ не перечтешь: вотъ это Никола у Красныхъ колоколовъ, это Никола въ Драчахъ, это Никола на Курьихъ ножкахъ, это Никола на Болвановкѣ, это Никола въ Пыжахъ....»

«Знаю, знаю!» твердилъ сквозь зубы Чермной; но понамарь, не слушая его, продолжалъ усердно пересчитывать церкви и колокольни.

«Сдѣлай одолженіе, любезный!» сказалъ наконецъ Чермной: «вотъ тебѣ двѣ серебряныя копѣйки. Я что-то нездоровъ: нѣтъ ли у тебя Богоявленской воды? Я бы выпилъ немного, такъ авось мнѣ бы полегче стало.»

«Какъ не быть, отецъ мой; только идти-то за

ней далеконько!» отвѣчалъ понамарь, почесывая затылокъ и уставивъ глаза на двѣ серебряныя копѣйки, лежавшія у него на ладони.

«Ну, вотъ тебѣ еще копѣйка, только сдѣлай милость, принеси воды хоть немножко.»

«Шутка ли внизъ сойти, и опять сюда взобраться! Ну, да ужъ такъ и быть.»

Понамарь пошелъ внизъ, а Чермной, внимательно глядя на Бурмистрова и замѣтивъ, что онъ въ глубокой задумчивости стоитъ у перилъ, началъ украдкою къ нему приближаться. Подойдя уже близко къ товарищу, онъ тихонько сталъ нагибаться, держа въ рукѣ серебряную копѣйку, чтобы сказать, что поднялъ ее съ полу, еслибъ Василій, неожиданно оглянувшись, примѣтилъ его движеніе. Ужъ онъ готовъ былъ схватить товарища за ноги и перебросить чрезъ перила, какъ вдругъ опять раздался голосъ возвратившагося понамаря.

«Не прикажешь ли, отецъ мой, принести кстати просвирку? Да не поусердствуешь ли копѣечкой на церковное строеніе? Въ селѣ Хомяковѣ, Клюквино тожъ, сгорѣла недавно церковь.»

«Гдѣ сгорѣла церковь?» спросилъ Бурмистровъ, выведенный изъ задумчивости громкимъ голосомъ понамаря.»

«Въ селѣ Хомяковѣ, отецъ мой.»

Василій вынулъ изъ кармана ефимокъ и отдалъ понамарю. И Чермной по-неволѣ послѣдо-

валъ его примѣру, отдавъ серебряную копѣйку, которую держалъ въ рукѣ. Понамарь низко поклонился и, не сказавъ ни слова, пошелъ за кружкою простой воды, потому-что Богоявленской у него не было.

Когда шумъ шаговъ его затихъ на лѣстницѣ, Чермной, видя, что Бурмистровъ отошелъ отъ перилъ и хочетъ итти внизъ, остановилъ его и сказалъ:

«Мы съ тобой давнишніе сослуживцы, товарищъ, и всегда были пріятелями. Могу ли я на тебя положиться и поговорить съ тобой откровенно объ одномъ важномъ дѣлѣ?»

«Хочешь, говори, хочешь, нѣтъ, это въ твоей волѣ. Я не хочу знать твоихъ важныхъ дѣлъ, если меня опасаешься.»

«Еслибъ я тебя опасался, то и не началъ бы разговора. Я тебя всегда почиталъ и любилъ, и потому рѣшился, какъ добрый товарищъ, предостеречь тебя.»

«А отъ чего бы, напримѣръ?»

«Неужели ты ничего не слыхалъ и не знаешь? Послушай-ка, что по всей Москвѣ говорятъ.»

«Поговорятъ, да и перестанутъ.»

«Хорошо, какъ бы тѣмъ кончилось!»

«А чѣмъ же можетъ кончиться?»

«Да тѣмъ, что и моя голова и твоя не уцѣлѣютъ.»

«Ну, такъ чтожъ? Двухъ смертей не будетъ, а одной не миновать.»

«Я вижу, что ты мнѣ не довѣряешь, и не хочешь быть со мною откровененъ. Можетъ быть, и пожалѣешь объ этомъ, да будетъ поздно. И къ чему скрываться отъ меня? У насъ одна цѣль съ тобою: намъ не мѣшало бы соединиться и дѣйствовать вмѣстѣ. Времени терять не должно. Худо будетъ, если люди станутъ пахать, а мы руками махать. Пойдемъ обѣдать ко мнѣ, товарищъ. Я бы за столомъ сообщилъ тебѣ важную тайну. У тебя волосы станутъ дыбомъ, даромъ, что ты не трусъ.»

Чермной, не смѣя напасть открыто на Бурмистрова и не надѣясь его пересилить и сбросить съ колокольни, рѣшился притвориться преданнымъ царю Петру Алексѣевичу, подстрекнуть любопытство Бурмистрова обѣщаніемъ открыть ему тайну, зазвать къ себѣ обѣдать и за столомъ отравить его ядомъ, купленнымъ недавно, по порученію Милославскаго, въ Новой аптекѣ (*).

«О чемъ ты говоришь, Чермной?» сказалъ Василій. «Что у тебя за ужасная тайна? Право, не понимаю!»

(*) Въ то время во всей Москвѣ были только двѣ аптеки: одна называлась *Старою*, другая *Новою*. Первая находилась въ Кремлѣ и назначена была исключительно для двора; вторая помѣщалась въ гостиномъ дворѣ, выстроенномъ по приказанію царя Алексѣя Михайловича.

«Скажи лучше, что понимать не хочешь. Неужели ты не слыхалъ, что царю Петру Алексѣевичу грозитъ опасность?»

«Какая опасность?»

«Та самая, о которой ты говорилъ сегодня съ княземъ Долгорукимъ, и о которой я уже прежде тебя его предувѣдомилъ.»

Бурмистровъ устремилъ проницательный взоръ на Чермнаго.

«Спроси самаго князя, если мнѣ не вѣришь. Я обѣщалъ ему доставить полное и вѣрное свѣдѣніе о числѣ и силѣ заговорщиковъ и о всѣхъ ихъ замыслахъ. Надѣюсь вскорѣ исполнить мое обѣщаніе, хотя бы мнѣ стоило это жизни. Я готовъ пролить кровь свою за царя Петра Алексѣевича. Давно я на это рѣшился, и дѣйствую; а ты.... думаешь о молодыхъ дѣвушкахъ, да прогуливаешься ночью по Москвѣ съ твоими стрѣльцами. Не сердись на меня, товарищъ, за правду! Я прямо скажу тебѣ, что грѣшно заниматься какою-нибудь дѣвчонкою, когда дѣло идетъ о спасеніи царя.»

«Побереги для другихъ твои совѣты. Я знаю, не хуже тебя, свои обязанности, и докажу на дѣлѣ, а не словами, что готовъ умереть за царя.»

«Дай руку, товарищъ! Будь ко мнѣ довѣрчивъ, и ничего не скрывай отъ меня. Станемъ вмѣстѣ дѣйствовать. Умъ хорошо, а два лучше. Богомъ клянусь, что я стою за правое дѣло!»

«Не клянись, а докажи это. Лучшая клятва въ вѣрности царю—кровь, за него пролитая. Тебѣ не перехитрить меня, Чермной! Ты, какъ вижу, подглядывалъ за мною, а я наблюдалъ за тобою. Напрасно станешь ты клясться, что стоишь за правое дѣло. Повѣрю ли я клятвамъ человѣка, который недавно увѣрялъ нѣкоторыхъ изъ стрѣльцовъ, что можно, не согрѣшивъ предъ Богомъ, нарушить присягу, данную царю Петру Алексѣевичу? Для кого присяга не священна, того всѣ клятвы пиши на водѣ.»

«Вотъ и вода!» сказалъ понамарь, котораго лысая голова въ это время явилась, какъ восходящее солнце. Онъ подошелъ осторожно къ Чермному, чтобъ не расплескать воды изъ принесенной имъ кружки; но Чермной, раздраженный укоризною Бурмистрова, оттолкнулъ понамаря и сказалъ Василью: «Насъ разсудитъ князь Долгорукій съ тобою. Ты обвиняешь вѣрнаго слугу царскаго въ измѣнѣ! Или я, или ты положишь голову на плаху!»

Сказавъ это, онъ пошелъ внизъ.

«Ахъ ты бусурманъ нечестивый!» ворчалъ между-тѣмъ понамарь, пустясь за нимъ въ-погоню по лѣстницѣ. «Да какъ ты смѣешь толкаться, когда я держу кружку съ Богоявленской водой. Я половину воды пролилъ на полъ! Да я на тебя святѣйшему патріарху челомъ ударю!

Татаринъ что ли ты, али Жидъ? Погоди ужо, дешево со мной не раздѣлаешься!»

Бурмистровъ шелъ за понамаремъ по лѣстницѣ. Чермной скрылся отъ своего преслѣдователя, и понамарь въ самомъ низу, въ дверяхъ, остановилъ Василья для допроса.

«Скажи, господинъ честной: кто этотъ окаянный антихристъ, что съ тобою наверху разговаривалъ?»

«Не знаю!» отвѣчалъ Василій, не желая выдать товарища: «я вовсе съ нимъ незнакомъ, и въ первый разъ встрѣтился съ нимъ сегодня. Кажется, онъ изъ Татаръ.»

«Ну такъ, у него и рожа-то не христіанская! Коли держится вѣры не нашей, такъ шелъ бы въ свою поганую мечеть; а то лѣзетъ на Ивана Великаго, да понамаря толкаетъ, нечестивецъ! Счастливъ, что ушелъ: я бы съ нимъ развѣдался на патріаршемъ дворѣ!»

Оставивъ разгнѣваннаго понамаря, Василій поспѣшилъ къ дому князя Долгорукаго.

Кончивъ, вмѣстѣ съ Бурмистровымъ, начатое поутру представленіе о заговорѣ, князь поѣхалъ къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и приказалъ находившимся въ домѣ его десятерымъ стрѣльцамъ взять подъ стражу Чермнаго, когда онъ по обѣщанію, придетъ къ нему вечеромъ. Бурмистровъ сорвалъ личину съ лицемѣрнаго злодѣя. Прощаясь съ княземъ, Василій просилъ дать ему сло-

во, чтобы за открытіе заговора не давали ему никакой награды. «Я не хочу,» говорилъ онъ: «чтобы меня могли подозрѣвать въ чистотѣ моихъ намѣреній. Открывъ заговоръ, я не искалъ выслужиться и основать мое счастіе на бѣдствіи ближнихъ, хотя и преступныхъ. Я исполнилъ только священную клятву, данную Помазаннику Божію. За что же награждать меня? Неужели только за то, что я не хотѣлъ сдѣлаться преступникомъ и не нарушилъ священнѣйшей изъ клятвъ? Жизнь царя тѣсно соединена съ благомъ отечества и съ неприкосновенностію Церкви православной, которую угрожаетъ поколебать Аввакумовская ересь, заразившая бóльшую часть стрѣльцовъ. Я всегда былъ готовъ умереть за вѣру, царя и отечество, но никогда не желалъ суетныхъ земныхъ наградъ и почестей, помня слова св. апостола Павла, повелѣвающаго не заботиться о томъ, какъ судятъ о насъ люди, и не искать хвалы ихъ, а памятовать, что судія нашъ—Господь, который въ пришествіе свое освѣтитъ скрытое во мракѣ и обнаружитъ сердечныя намѣренія, и что тогда всякому похвала будетъ не отъ людей, а отъ Бога. Дайте мнѣ слово, князь, не награждать меня.»

Князь Долгорукій обнялъ Бурмистрова, молча пожалъ ему руку, и поѣхалъ къ царицѣ.

VIII.

> Зачѣмъ въ полуночной тиши,
> Мои лукавые злодѣи,
> По камнямъ крадетесь какъ змѣи?
>
> *Глинка.*

«Полно ли тебѣ горевать, красная дѣвица!» говорила дородная Варвара Ивановна, жена Лаптева, сидѣвшей у окна Натальѣ. «Да ты этакъ глазки выплачешь.»

«Какъ же мнѣ не плакать, Варвара Ивановна, когда я до-сихъ поръ не знаю, гдѣ матушка, и что́ съ нею сдѣлалось. Можетъ быть, она....» Наталья не могла выговорить ничего болѣе и, рыдая, закрыла платкомъ прелестное лицо свое.

«Полно, моя ягодка, плакать! Вѣдь Андрей Матвѣевичъ обѣщалъ непремѣнно узнать сегодня гдѣ твоя матушка; да и братецъ твой авось принесетъ радостную вѣсточку о родительницѣ. Я чаю, онъ придетъ къ тебѣ завтра. Этакая память, прости Господи, забыла вѣдь, какой у насъ день сегодня и которое число!»

«Суббота, 13 мая,» сказала Наталья.

«Ну такъ и есть: завтра братецъ придетъ. Полно же горевать, мое наливное яблочко, право, глазки выплачешь.»

Въ это время раздался стукъ у калитки, и чрезъ минуту вошелъ Лаптевъ съ печальнымъ лицемъ. Не дожидаясь вопроса дѣвушки, онъ сказалъ: «Я не узналъ еще, Наталья Петровна, гдѣ твоя матушка. Былъ у братца твоего въ монастырѣ. Завтра, чуть свѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ пойдемъ искать ее по всему городу. Навѣрно, ее укрылъ какой-нибудь добрый человѣкъ. Она не знаетъ гдѣ ты, а ты не знаешь гдѣ она,— вотъ и вся бѣда! Полно горевать, Наталья Петровна, Богъ милостивъ. Писаніе не велитъ.... Ахъ Господи! Наталья Петровна! что это съ тобой? Воды, жена! скорѣе воды!»

Дородная Варвара Ивановна самымъ скорымъ шагомъ, какимъ только могла, пустилась изъ верхней свѣтлицы внизъ по лѣстницѣ, за водою, а Лаптевъ, сидя на скамьѣ подлѣ Натальи, приклонилъ къ плечу голову дѣвушки и въ испугѣ смотрѣлъ на ея блѣдное лице и закрывшіеся глаза.

Вскорѣ Варвара Ивановна, запыхавшись, явилась съ кружкою въ рукѣ, и подала мужу. Брызнувъ нѣсколько разъ въ лицо Натальи холодною водою, Лаптевъ привелъ ее въ чувство и выпилъ оставшуюся въ кружкѣ воду. Въ это самое время неожиданно вошелъ въ

свѣтлицу Бурмистровъ. Готовясь принести жизнь на жертву царю, онъ хотѣлъ взглянуть въ послѣдній разъ на Наталью и проститься съ стариннымъ своимъ пріятелемъ, Лаптевымъ. При входѣ Василья, блѣдныя щеки дѣвушки вдругъ вспыхнули. Чтобы скрыть свое смущеніе, она закрыла лицо платкомъ.

«Ахъ Господи!» воскликнулъ сидѣвшій еще подлѣ нея Лаптевъ: «ей опять дурно! Жена, еще воды!»

Варвара Ивановна, тяжело вздохнувъ, поднялась со скамейки, на которую сѣла отдыхать послѣ совершеннаго ею подвига; но Бурмистровъ предупредилъ ее и, взявъ кружку, побѣжалъ внизъ. Между-тѣмъ Наталья оправилась отъ своего смущенія. Вскорѣ Бурмистровъ возвратился съ кружкою, и поставилъ ее на столъ. Нѣсколько времени продолжалось молчаніе. Бурмистрова занимала одна восхитительная мысль: она меня любитъ! Лаптевъ, посадивъ гостя подлѣ себя, придумывалъ, съ чего начать разговоръ; Варвара Ивановна придумывала, чѣмъ гостя подчивать; а Наталья размышляла: ахъ Боже мой! не замѣтилъ ли онъ моего смущенія!

Наконецъ Лаптевъ прервалъ молчаніе.

«Чтó слышно новенькаго, Василій Петровичъ? Мы давно уже съ тобой... Что это?... набатъ?»

«Кажется,» сказалъ Василій.

«Надобно посмотрѣть гдѣ горитъ.»

Лаптевъ побѣжалъ на чердакъ, чтобы выйти на кровлю. Варвара Ивановна съ Натальей подошли къ окну, а Бурмистровъ къ другому.

«Зарева нигдѣ не видать,» сказалъ возвратившійся Лаптевъ. «Накрапываетъ дождикъ; кровля прескользкая и вечеръ такой темный, хоть глазъ выколи. Я чуть не свалился съ кровли. Однакожъ смотрѣлъ во всѣ стороны: пожара нигдѣ не замѣтно. Чтóбы это значило?... Да чу!... гдѣ-то ударили въ барабаны!»

Бурмистровъ отворилъ окно и, прислушиваясь къ отдаленному звуку барабановъ, сказалъ: «Бьютъ тревогу! Прощай, Андрей Матвѣевичъ!»

Поклонившись Варварѣ Ивановнѣ и Натальѣ, Василій поспѣшно вышелъ и у воротъ встрѣтилъ Борисова.

«Я къ тебѣ, Василій Петровичъ. Хорошо, что ты мнѣ сказалъ, что пойдешь сюда сегодня вечеромъ, безъ того вѣрно бы я не нашелъ тебя. У насъ въ полку неспокойно!»

«Какъ? Чтó это значитъ?»

«Гришка Архиповъ да Ѳомка Ереминъ, десятники Колобова полка, пришли къ нашимъ съѣзжимъ избамъ и говорятъ такія похвальбы, что и слушать страшно.»

«А наши чтó?»

«Наши связали ихъ, да посадили въ рогатки.»

«Хорошо сдѣлали. Ну, а еще чтó?»

«Пяти полковъ стрѣльцы, кромѣ нашего, Стре-

мяннаго, Полтева и Жуковскаго, разбрелись по Москвѣ; кто на Отдаточный Дворъ, кто въ торговую баню, кто на колокольню. Напились до-пьяна, звонятъ въ набатъ и бьютъ тревогу.»

«Чего же полковники-то смотрятъ?»

«Полковники? Поминай какъ звали! Всѣхъ ихъ втащили на самыя высокія каланчи съѣзжихъ избъ и оттуда сбросили. Не испугайся, Василій Петровичъ. Стрѣлецъ Ѳедька Григорьевъ, котораго ты вукупилъ недавно отъ правежа (*), прибѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, что пятисотенный Чермной нанялъ за пять рублей четырехъ стрѣльцовъ.»

«Для чего нанялъ?»

«Для того, чтобы ночью забраться въ твой садъ, изъ саду влѣзть въ окно и зарѣзать тебя, да и меня кстати.»

«Посмотримъ: удастся ли имъ это? Пойдемъ проворнѣе, Борисовъ. Скоро уже полночь, а до дому еще не близко.»

Они удвоили шаги и вскорѣ подошли къ дому; постучались—Гришка отперъ калитку.

«Недавно,» сказалъ онъ: «прискакалъ сюда верхомъ десятникъ отъ князя Долгорукаго съ какою-то къ тебѣ, Василій Петровичъ, посылкою.»

(*) Правежемъ назывался извѣстный татарскій обычай взысканія долговъ. Его уничтожилъ Петръ Великій.

«Гдѣ онъ?»

«Въ сѣняхъ дожидается. Да вотъ и онъ.»

Василій развернулъ свитокъ, поданный ему десятникомъ, и прочиталъ: «Возьми двадцат человѣкъ надежныхъ стрѣльцовъ, и въ полночь поди съ ними къ домамъ пятисотеннаго Чермнаго, подполковника Циклера и полковниковъ Петрова и Одинцова. Забравъ всѣхъ ихъ, свяжи и приведи тотчасъ ко мнѣ. Мая 13 дня 7190 года. Князь Михаилъ Долгорукій.»

«Съѣзди поскорѣе,» сказалъ Василій десятнику: «къ съѣзжей избѣ нашего полка и скажи, что я велѣлъ позвать къ себѣ теперь же двадцат стрѣльцовъ изъ полсотни Борисова. Скажи, чтобы не забыли ружей и сабель.»

«Слушаю.»

Десятникъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ. Не прошло четверти часа, какъ явились двадцат стрѣльцовъ и стали въ рядъ на дворѣ, въ молчаніи ожидая Василья, который съ Борисовымъ побѣжалъ въ спальню за пистолетами. Въ то самое время, когда они оба сходили по лѣстницѣ, раздался въ сѣняхъ крикъ выбѣжавшаго изъ горницы опрометью Гришки: «Воры, воры!»

Со страху споткнувшись на лѣстницѣ, храбрый слуга не сбѣжалъ, а пролетѣлъ мимо господина своего на дворъ и чуть не сшибъ его съ ногъ.

«Гдѣ воры?» спросилъ Борисовъ.

«У насъ въ саду! Цѣлая шайка! Батюшки-свѣты, что будетъ съ нами?»

«Въ садъ, ребята!» закричалъ Борисовъ стрѣльцамъ: «ловите разбойниковъ!»

Стрѣльцы бросились въ садъ, въ слѣдъ за Васильемъ и Борисовымъ. При свѣтѣ мѣсяца увидѣли они приставленную къ окну лѣстницу, и на верхнихъ ступенькахъ человѣка. Онъ силился отворить окно. Два его товарища держали лѣстницу и два готовились лѣзть въ слѣдъ за нимъ. Бывшій на лѣстницѣ, услышавъ шумъ, соскакнулъ съ самаго верха на землю, и всѣ побѣжали. Лови! держи! закричали стрѣльцы; но бездѣльники успѣли добѣжать до забора, отдѣлявшаго садъ Василья отъ сосѣдняго огорода, вскарабкались на заборъ и, соскочивъ въ огородъ, скрылись. Стрѣльцы хотѣли пуститься за ними въ-погоню, но Василій остановилъ ихъ и повелъ за ворота. Дойдя до небольшаго дома, гдѣ жилъ Циклеръ, онъ окружилъ его и вошелъ въ комнаты. Всѣ двери были настежъ отворены и все имѣніе изъ дома вывезено. Въ спальнѣ Циклера увидѣлъ Василій сѣкиру, воткнутую передъ окномъ въ полъ, и привязанный къ ней свитокъ бумаги. Снявъ его, онъ прочиталъ:

«По близкому сосѣдству моему съ тобою, я зналъ, что ты ко мнѣ первому придешь сегодня въ-гости. Милости просимъ! Жаль только, что хозяина не застанешь дома. Я и всѣ наши тамъ,

гдѣ тебѣ не найти насъ. О приказѣ, который полученъ тобою сегодня, узнали мы прежде тебя. Изъ этого ты видишь, что насъ не перехитрить, да и не пересилить. Мы рѣшились твердо стоять за правое дѣло, и на нашей сторонѣ народу многое множество. Совѣтую тебѣ взяться за умъ. Плетью обуха не перешибешь. Съ однимъ полкомъ немного противъ восьми сдѣлаешь. На Стремянной, Полтевъ и Жуковскій не надѣйся: всѣ наши. Сухаревскій смотритъ на тебя и упрямится. Да наплевать на тебя и съ твоимъ полкомъ! И безъ тебя дѣло обойдется. Эй, возьмись за умъ: худо будетъ! Не образумишься, такъ изрубимъ и втопчемъ въ грязь; а образумишься, такъ получишь помѣстье да триста рублей. Слышишь ли? Напиши отвѣтъ и положи сегодня же ночью въ пустую избушку, что́ подлѣ моей торговой бани.» (*)

Бурмистровъ немедленно пошелъ со стрѣльцами къ князю Долгорукому и, вручивъ ему найденный свитокъ, провелъ съ нимъ остатокъ ночи въ совѣщаніяхъ.

(*) Стрѣльцы, по даннымъ имъ преимуществамъ, а не рѣдко и противъ закона, занимались торговлею и разными промыслами, имѣли лавки, бани и т. п.

IX.

Нѣтъ, нѣтъ! У насъ святое знамя,
Въ рукахъ желѣзо, въ сердцѣ пламя:
Еще судьба не рѣшена!...

Карамзинъ.

Ударилъ первый часъ дня. Восходящее солнце освѣтило золотоверхій Кремль. Пославъ Бурмистрова къ Ивану Кирилловичу Нарышкину и Артемону Сергѣевичу Матвѣеву съ приглашеніемъ явиться къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, для важнаго совѣщанія, князь Долгорукій поспѣшилъ во дворецъ. Вскорѣ прибыли туда Нарышкинъ и Матвѣевъ. Долгорукій встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ и молча подалъ брату царицы записку Циклера. Нарышкинъ, прочитавъ ее, поблѣднѣлъ и передалъ бумагу Матвѣеву.

«Опасность велика!» сказалъ тихо Матвѣевъ, прочитавъ записку и отдавая ее Долгорукому. «Необходимы твердыя и скорыя мѣры. Видѣла ли царица эту бумагу?»

«Нѣтъ еще,» отвѣчалъ Долгорукій. «Я ожидалъ вашего прибытія, и не велѣлъ стряпчему докладывать обо мнѣ.»

Войдя въ залу, гдѣ былъ стряпчій, Нарыш-

кинъ сказалъ ему: «Донеси царицѣ, что Артемонъ Сергѣевичъ, Михаилъ Юрьевичъ и я, просимъ дозволенія войти въ ея комнаты.»

Стряпчій вышелъ въ другой покой и сказалъ о боярахъ постельницѣ, сидѣвшей у окна за пяльцами, въ которыхъ она вышивала золотомъ и жемчугомъ пелену для образа. Постельница пошла въ спальню Натальи Кирилловны и, чрезъ минуту возвратясь, сказала, что царица немедленно выйдетъ къ боярамъ. Стряпчій сообщилъ имъ отвѣтъ и вскорѣ постельница, отворивъ дверь въ залу, пригласила бояръ войти въ горницу, гдѣ она сидѣла за пяльцами, а сама, оставшись, по приказанію царицы, въ залѣ, начала разспрашивать стряпчаго: зачѣмъ бояре такъ рано пріѣхали?

Царица сѣла съ боярами къ столу, украшенному рѣзьбою и позолотою, и съ примѣтнымъ безпокойствомъ спросила о причинѣ такого ранняго ихъ прихода.

«Мы пришли къ тебѣ, государыня,» отвѣчалъ Матвѣевъ: «съ недобрыми вѣстями. Однакожъ просимъ тебя не смущаться. Господь поможетъ смирить замышляющихъ злое.»

«Да будетъ воля Божія!» отвѣчала, поблѣднѣвъ, царица. «Я на все готова!... Скажи, Артемонъ Сергѣевичъ: чтó сдѣлалось?»

«Циклеръ, Одинцовъ и всѣ товарищи ихъ неизвѣстно куда скрылись. Въ домѣ Циклера на-

шелъ пятисотенный Бурмистровъ записку. Прочитай ее, Михаилъ Юрьевичъ.»

Когда Долгорукій кончилъ чтеніе, Матвѣевъ продолжалъ: «Мы пришли спросить тебя, государыня: что̀ дѣлать велишь?»

«Я полагаюсь во всемъ на васъ. Дѣлайте моимъ именемъ все, что̀ признаете нужнымъ.»

«Я велѣлъ,» сказалъ Долгорукій: «десяти стрѣльцамъ, переодѣвшись въ монашеское платье, развѣдывать: гдѣ скрываются Циклеръ и прочіе заговорщики? Прежде еще полученія мною записки этого злодѣя, узналъ я вчера, что полки Стремянной, Полтевъ и Жуковскій, которые считалъ я вѣрными, допустили себя подкупить. Теперь на сторонѣ царевны Софьи Алексѣевны восемь полковъ, а на сторонѣ царя Петра Алексѣевича только одинъ Сухаревскій. Но не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ! Надобно приказать Сухаревскому полку и Бутырскому (*) войти сегодня ночью въ Кремль и запе-

(*) Бутырскій полкъ принадлежалъ къ числу такъ называвшихся *Солдатскихъ полковъ*. Они состояли изъ русскихъ солдатъ и были образованы по-европейски иностранцами. Полковники, подполковники и маіоры этихъ полковъ были иностранцы, а всѣ прочіе офицеры русскіе. При царѣ Алексіѣ Михайловичѣ было семь такихъ полковъ. Въ царствованіе преемника его, царя Өеодора Алексѣевича, число ихъ постепенно уменьшилось.

реть всѣ ворота. Теперь же должно отправить гонцовъ во всѣ ближніе города и монастыри, съ царскимъ указомъ, чтобы всякой, кто любитъ царя, вооружился, чѣмъ можетъ, и спѣшилъ къ Москвѣ защищать его отъ злодѣевъ, умышляющихъ пролить священную кровь царскую. Можно назначить сборнымъ мѣстомъ село Коломенское, и послать туда кого-нибудь изъ бояръ для предводительства ополченіемъ, а бунтовщикамъ объявить, еслибъ они вздумали начать осаду Кремля, что мы будемъ защищаться до послѣдней крайности, что скоро придетъ къ Москвѣ ополченіе и нападетъ на нихъ, а мы сдѣлаемъ вылазку, и что послѣ того ни одному бунтовщику, который въ сраженіи уцѣлѣетъ, не будетъ пощады: всѣмъ голову долой! Ручаюсь, государыня, что мятежники оробѣютъ и будутъ просить помилованія.»

«А если не оробѣютъ?» сказалъ Нарышкинъ.

«Тогда пускай сразятся съ нами!» продолжалъ Долгорукій. «Мы будемъ держаться въ Кремлѣ, покуда не подойдетъ ополченіе и не нападетъ на нихъ съ-тыла. Тогда мы сдѣлаемъ вылазку и разобьемъ бунтовщиковъ.»

«Боже мой! Боже мой!» сказала съ глубокимъ вздохомъ царица. «Русскіе станутъ проливать кровь Русскихъ!»

«Нѣтъ, государыня,» возразилъ Долгорукій: «презрѣнные бунтовщики, забывающіе Бога, на-

рушающіе священную клятву, данную царю и отечеству, недостойны именоваться Русскими.»

«Но, можетъ быть, они обольщены обѣщаніями, обмануты; можетъ быть, прольется кровь многихъ невинныхъ!... Неужели нельзя уговорить ихъ? Обѣщай имъ, Михаилъ Юрьевичъ, какую хочешь награду. Я ничего не пожалѣю, только бы не лилась кровь христіанская. Обѣщай даже, если нужно, простить стрѣльцовъ, которые убили своихъ полковниковъ.»

«Все это будетъ безполезно, государыня. Уговорить ихъ невозможно. Кого они теперь послушаютъ! Царевна Софья давно уже внушила имъ мысль, что царь Петръ Алексѣевичъ наслѣдовалъ престолъ противузаконно, и что царевича Іоанна, противъ его воли, бояре, тебѣ въ угоду, удалили отъ престола. Только главные заговорщики знаютъ истинныя намѣренія властолюбивой царевны, а простые стрѣльцы убѣждены, что они вступаются по справедливости за царевича Іоанна. Вели, государыня, дѣйствовать, какъ я сказалъ; другихъ средствъ не вижу для отвращенія грозящихъ бѣдствій.»

«Нельзя ли переговорить съ царевной Софьей Алексѣевной?» сказалъ Матвѣевъ. «Пусть откроетъ она тебѣ, царица, свои желанія и требованія: можетъ быть, исполненіемъ ихъ она удовольствуется и не захочетъ проливать кровь русскую. Ея одно слово успокоитъ стрѣльцовъ.

Она ввела ихъ въ заблужденіе; она же всего легче можетъ ихъ изъ него и вывести.»

«Нѣтъ, Артемонъ Сергѣевичъ!» возразилъ Нарышкинъ: «Царевна слишкомъ далеко зашла; она не можетъ уже воротиться, да и не захочетъ. Она желаетъ царствовать именемъ Іоанна Алексѣевича и погубить ненавистный ей родъ Нарышкиныхъ. Изъ этого ты видишь, что переговоры съ нею невозможны.»

«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ Матвѣевъ: «болѣе нечего дѣлать, какъ согласиться съ предложеніемъ Михаила Юрьевича. За кровь, которая польется, отвѣтитъ Богу царевна Софья Алексѣевна.»

Въ это время отворилась изъ залы дверь, вошла поспѣшно постельница и сказала: «царевна Софья Алексѣевна изволила пріѣхать къ тебѣ, государыня; она уже на лѣстницѣ.»

Бояре вскочили съ мѣстъ своихъ. Царица, молча, указала имъ на дверь, завѣшенную штофнымъ занавѣсомъ. Бояре вошли въ темный корридоръ и, спустясь по крутой и узкой лѣстницѣ въ нижніе покои дворца, вышли чрезъ другія сѣни на улицу, избѣжавъ такимъ образомъ встрѣчи съ царевною.

«Я пришла,» сказала Софія, садясь подлѣ царицы: «предостеречь тебя, матушка, отъ угрожающей опасности. Вся Москва ропщетъ, что братецъ Иванъ обойденъ въ наслѣдованіи пре-

стола. Вчера два митрополита отъ лица всего духовенства, нѣсколько бояръ и многіе выборные отъ народа, били мнѣ челомъ, чтобы онъ былъ объявленъ царемъ московскимъ.»

«Ты знаешь, Софья Алексѣевна, что онъ самъ уступилъ престолъ брату.»

«Справедливо, матушка; но не должно пренебрегать народнаго ропота. Я опасаюсь, чтобы не сдѣлалось чего худаго. Лучше уступить общему желанію: всѣ хотятъ, чтобы провозглашенъ былъ царемъ братецъ Иванъ.»

«Хотятъ невозможнаго: московскій престолъ одинъ—и московскій царь можетъ быть только одинъ.»

«Волненіе умовъ очень сильно; легко могутъ начаться безпорядки и кровопролитіе. Теперь еще есть время поправить дѣло: братецъ Иванъ уступилъ престолъ младшему брату, а младшій братъ пусть возвратитъ престолъ старшему. Никто ни слова не скажетъ, и вся Москва успокоится.»

«Нѣтъ, Софья Алексѣевна! Богъ увѣнчалъ моего сына царскимъ вѣнцемъ, одинъ Богъ властенъ теперь лишить его этого вѣнца. Да будетъ воля Божія!»

«Послушай моего искренняго совѣта, матушка; можетъ быть, раскаешься, но будетъ поздно.»

«Да будетъ воля Божія!» повторила царица.

Царевна, покраснѣвъ отъ гнѣва, вскочила съ

креселъ и вышла поспѣшно изъ комнаты. Царица, послѣ усердной молитвы за обѣдней въ Успенскомъ соборѣ, возвратясь во дворецъ, послала гонца къ брату своему Ивану Кирилловичу, боярину Матвѣеву и князю Долгорукому съ приглашеніемъ, чтобы они явились къ ней, на другой день рано утромъ, для окончанія начатаго ими совѣщанія.

X.

И криками ночные враны,
Предвозвѣщая кровь и раны,
Всѣ полнятъ ужасомъ мѣста.
Петровъ.

Солнце давно уже закатилось. Въ домъ Милославскаго, котораго никто не подозрѣвалъ въ преступныхъ замыслахъ, собрались заговорщики, а стрѣльцы около съѣзжихъ избъ своихъ зажгли костры, прикатили бочки съ виномъ, подаренныя имъ Толстыми, и принялись за попойку и разсужденія. Нѣсколько пятисотенныхъ, сотниковъ и пятидесятниковъ, покусясь обратить къ порядку своихъ подчиненныхъ, сдѣлались жертвою своего мужества. Ихъ схватили и сбросили, одного за другимъ, съ тѣхъ же каланчей, съ кот рыхъ недавно были сброшены, вѣрные своему долгу, полковники. По совершеніи этого подвига, попойка возобновилась. Шумные разговоры и пѣсни во всю ночь не умолкали.

Одинъ изъ стрѣльцовъ, сидящій верхомъ на опорожненной бочкѣ, съ деревяннымъ ковшемъ въ рукѣ. Нечего сказать, Кондратьичъ, молодецъ! Ты

всѣхъ, кажется, усерднѣе поработалъ: мнѣ ни одного не удалось сбросить, а ты четверыхъ спровадилъ.

Другой стрѣлецъ. Туда имъ и дорога! Вздумали насъ учить! Ученаго учить только портить. А гдѣ Васька Бурмистровъ съ своимъ поганымъ полкомъ?

Третій стрѣлецъ. А дьяволъ его знаетъ! Многіе было изъ стрѣльцовъ не хотѣли отъ насъ отстать, да этотъ краснобай, съ пятидесятникомъ Ванькою Борисовымъ, ихъ отговорилъ. Только одинъ Ѳомка Загуляевъ, изъ Сухаревскаго полка, съ нами остался.

Первый стрѣлецъ (Поетъ сиплымъ басомъ.)

Противъ солнца, на востокѣ,
Стоитъ келья, монастырь.
Какъ во томъ монастырѣ
Стрѣлецъ спасается:
По три раза въ день до-пьяна напивается. (*)

Второй стрѣлецъ. Перестань горланить, Ванюха. Страшно слушать этакую еретическую пѣсню. Затяни-ка лучше: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.»

Первый стрѣлецъ. Дай прежде промочить горло. Эй, Павлуха! ты ужъ чуть на ногахъ сто-

(*) Старинная народная пѣсня.

ишь, а знай себѣ наливаешь. Налей, кстати, и мой ковшъ. Мнѣ не хочется сойти съ коня-то. Видишь какой толстый, толще инаго монастырскаго служки, да и въ обручахъ весь. Ужъ не бойсь, не сшибетъ!

Четвертый стрѣлецъ. Полно вздоръ молоть, Ванюха, лучше поговоримъ о дѣлѣ. Слышали ли вы, ребята, что въ прошлую середу пріѣхалъ сюда ссылочный Матвѣевъ, а третьяго-дня, въ пятницу, опять въ бояре пожалованъ?

Пятый стрѣлецъ. Ну чтожъ? Пусть его боярствуетъ; вѣдь онъ встарину былъ нашъ братъ стрѣлецъ.

Четвертый стрѣлецъ. Какъ-такъ?

Пятый стрѣлецъ. Мой покойный дядя разсказывалъ, что годовъ за тридцать ходилъ царь Алексѣй Михайлычъ подъ Смоленскъ, и что Матвѣевъ помогъ царю взять этотъ городъ. Съ-тѣхъ-поръ царь узналъ его и началъ жаловать. Матвѣевъ былъ въ то время стрѣлецкимъ головою, понынѣшнему, полковникомъ.

Шестой стрѣлецъ. Да, нечего сказать, послужилъ онъ царю вѣрой и правдой. Когда Алексѣй Михайлычъ вздумалъ во второй разъ жениться, ужъ онъ былъ думнымъ дворяниномъ. Въ день свадьбы царь пожаловалъ его окольничимъ, а черезъ годъ бояриномъ, въ тотъ самый день, какъ меня приняли въ Стремянной полкъ изъ посадскихъ дѣтей. Вотъ ужъ скоро

минетъ десять лѣтъ, какъ я стрѣльцомъ, а онъ бояриномъ.

Первый стрѣлецъ. Экое диво, бояриномъ! Навязалъ царю на шею свою питомицу, состряпалъ свадьбу, да и въ бояре попалъ! Этакъ бы и я умѣлъ выслужиться. Нѣтъ, ребята, хоть Матвѣевъ и былъ встарину нашъ братъ, стрѣлецъ, а все-таки онъ ни къ чорту не годится. Вѣдь ему Нарышкины-то родня?

Второй стрѣлецъ. Говорятъ, что родня. Кирила-то Полуехтовичъ былъ безкопѣечной дворянинъ. Въ свадьбу дочки попалъ также въ окольничіе, а черезъ годъ и въ бояре. Залетѣла ворóна въ высокія хоромы! А во всемъ Матвѣевъ виноватъ: онъ царя-то приворожилъ къ своей питомицѣ — чтобы ему издохнуть, чернокнижнику! За чернокнижество онъ и въ ссылку попалъ. Свойкъ мой, дворецкій боярина Милославскаго, разъ подслушалъ, какъ бояринъ его разговаривалъ о Матвѣевѣ съ пріятелями. Господи Боже мой! да этого мало, что его въ ссылку послали: его бы надобно было живьемъ изжарить на хворостѣ, проклятаго! Страшно и разсказывать, чтó слышалъ я отъ дворецкаго.

Пятый стрѣлецъ. Чтóжъ ты слышалъ?

Второй стрѣлецъ. Мало ли чтó! Всякой Еремѣй, про себя разумѣй!... Ну, да ужъ такъ и быть, разболтаю я вамъ все, чтò знаю. Семь лѣтъ крѣпился. Была пора молчать, а нынѣ при-

шла пора и языку волю дать. Однакожъ, ребята, чуръ изъ избы сору не выносить. Этакъ, пожалуй, и въ тайный приказъ потянутъ, да запытаютъ до смерти! Вотъ, вишь ты, ребята, дѣло въ чемъ. Былъ при покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайлычѣ, да и нынѣ еще никакъ живъ, лекарь Гадинъ (*). Бояринъ Матвѣевъ правилъ тогда аптекарскимъ приказомъ, подружился съ Гадинымъ, да и вздумалъ у него колдовству учиться. Разъ боярскій карло, Захарка, спалъ за печкой. Матвѣеву-то и не въ-домѣкъ. Вотъ пришелъ къ нему въ-гости Гадинъ, принесъ съ собой черную книгу и началъ ее съ бояриномъ читать. Вдругъ—наше мѣсто свято!—и полѣзла въ горницу нечистая сила, кто изъ-подъ полу, кто въ окошко, кто изъ печки—ну такъ и лѣзутъ, проклятые! Захарка сидитъ за печкой, ни живъ ни мертвъ, и шелохнуться не смѣетъ.

(*) Даніилъ фонъ-Гаденъ, изъ польскихъ Евреевъ. Въ 1657 году онъ пріѣхалъ въ Москву, поступилъ въ 1659 году въ царскую службу цирюльникомъ и перекрестился въ греческую вѣру. Въ 1672 году царь Алексѣй Михайловичъ произвелъ его въ докторы медицины. Онъ пользовался довѣренностію двора и былъ любимъ бояриномъ Матвѣевымъ, который въ письмахъ и челобитныхъ своихъ называетъ его докторомъ *Стефаномъ*. Это имя дано было ему при крещеніи въ греческую вѣру.

Первый стрѣлецъ. Этакая диковина! Стало-быть карло-то видѣлъ нечистыхъ. Посмотрѣлъ бы хоть однимъ глазкомъ на нихъ; чай, страшно?

Второй стрѣлецъ. Своякъ мой разспрашивалъ Захарку: каковы лукавые съ рожи? Онъ говорилъ, что больно некрасивы. У инаго ноги козлиныя, у другаго гусиныя, у третьяго пѣтушьи. Руки у нихъ съ когтями, словно грабли; головы почти у всѣхъ свиныя, или змѣиныя. У всякаго притомъ рога, борода козлиная да хвостъ съ закорючкой.

Первый стрѣлецъ. Страсть какая!

Второй стрѣлецъ. У иныхъ есть и рыжія бороды.

Павлуха. А вотъ я въ тебя пущу ковшемъ, такъ ты и не будешь впередъ мигать, да на меня указывать. Ты думаешь, я пьянъ, такъ и не примѣчу, что ты надъ моей бородой тѣшишься. Смотри, Егорка!

Пятый стрѣлецъ. Не мѣшай, Павлуха! дай ему досказать.

Второй стрѣлецъ. И началъ Гадинъ съ лукавыми разговаривать, а они въ одинъ голосъ закричали: у васъ въ избѣ есть третій человѣкъ. Матвѣевъ вскочилъ, взглянулъ за печку, и хвать Захарку за волосы. Вытащилъ его, стянулъ съ него шубу и такъ ударилъ о земь, что переломилъ ему два ребра. Потомъ принялся топтать его и выкинулъ замертво изъ горницы. За это,

да еще за то, что съ Гадинымъ замышлялъ онъ, злодѣй, испортить покойнаго царя Өедора Алексѣича, его и въ ссылку послали (*). Подлин-

(*) Въ этомъ состояли главныя преступленія, за которыя Матвѣевъ былъ лишенъ боярства и всего имѣнія, и отправленъ въ ссылку. Въ челобитной его, посланной въ 1677 году къ царю Өеодору Алексѣевичу изъ Пустозерска, онъ оправдывается, говоря, между прочимъ: 1) что карло его, Захаръ, не могъ слышать его разговора съ Гаденомъ, такъ-какъ, по его собственному показанію, онъ въ то время спалъ за печкой и храпѣлъ; 2) что онъ во время сна не могъ слышать: храпѣлъ ли онъ или нѣтъ; да и спать не могъ за печкой, потому-что она поставлена у него, боярина, въ комнатѣ, гдѣ онъ разговаривалъ съ докторомъ, у самой стѣны; 3) что карло не могъ видѣть нечистыхъ духовъ, потому-что духи, добрые и злые, невидимы; 4) что доносчики, лекарь Давидъ Берловъ и холопъ его Матвѣева, карло Захаръ, сбились въ показаніяхъ, потому-что сначала говорили, что въ комнатѣ былъ во время явленія духовъ бояринъ, Гаденъ и карло, а потомъ показывали, что былъ еще въ комнатѣ Николай Спафарій (переводчикъ посольскаго приказа, родомъ изъ Молдавіи, отправленный въ 1675 году посланникомъ въ Китай); 5) что два ребра переломилъ карлу не онъ, Матвѣевъ, а посадскій Иванъ Соловцевъ во время игры съ карломъ и нѣсколькими ребятами; 6) что нечистые духи кричали, по показаніямъ лекаря и карла: *есть у васъ въ избѣ третій человѣкъ,*

но: велико еще къ нему было милосердіе за старыя его службы. Сжечь бы его, чернокнижника!

Пятый стрѣлецъ. Нѣтъ, товарищъ, не грѣши: все это наговорили на Матвѣева его злодѣи. Еще покойный царь Ѳедоръ Алексѣичъ по его челобитнымъ увидѣлъ, что онъ сосланъ безвинно, велѣлъ ему съ Мезени, куда его отправили съ сыномъ изъ Пустозерска, переѣхать въ Луховъ, и пожаловалъ ему вотчину въ 700 дворовъ. Похожъ ли Матвѣевъ на чернокнижника? Нѣтъ, братъ, онъ истинно православный христіанинъ. При покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайлычѣ не было боярина сильнѣе его, а сдѣлалъ ли онъ хоть кому-нибудь *какое дурно?* Всѣ любили его, какъ отца роднаго. Я былъ еще мальчишкой, лѣтъ двѣнадцати, и какъ теперь гляжу на ветхій домъ Матвѣева, не подалеку отъ Николы въ Столпахъ. Царь часто бывалъ въ-гостяхъ у боярина и приказывалъ ему нѣсколько разъ перестроить домъ на счетъ царской казны; но Матвѣевъ отговаривался и обѣщалъ напослѣдокъ домъ перестроить, только не на счетъ казны, а на свои

и 7) что, по-этому, неизвѣстно: *кто изъ нихъ очелся, или въ счетѣ помѣшался, и палаты съ избою не познали, духи ль проклятые и низверженные, или воры Давыдко и карло четырехъ человѣкъ считаютъ за три, а палату называютъ избою.*

деньги. Понадобился подъ домъ камень. На грѣхъ, въ цѣлой Москвѣ не случилось тогда ни одного камешка продажнаго. Что́ дѣлать? Бояринъ призадумался. Вдругъ на другой день, на дворъ къ нему телѣга за телѣгой; глядь—все съ камнями. Бояринъ вышелъ на крыльцо и спрашиваетъ: откуда и кто прислалъ? Тогда выборные изъ стрѣльцовъ, да изъ торговыхъ и посадскихъ людей, подошли къ боярину и ударили челомъ. Мы слышали, молвили они, о твоей нуждѣ, бояринъ, и *кланяемся тебѣ камнемъ.* Бояринъ сказалъ имъ спасибо, и не хотѣлъ принять камня. Я де могу купить. Но они молвили: «Мы привезли каменья съ могилъ отцевъ и дѣдовъ нашихъ; не продадимъ ни за какія деньги, а даримъ тебѣ, нашему благодѣтелю.» Бояринъ, видя ихъ такую любовь, заплакалъ и началъ ихъ обнимать. Тотчасъ же поѣхалъ къ царю и спросилъ: какъ быть? Царь приказалъ ему принять подарокъ. «Видно-де народъ тебя любитъ, когда съ могилъ отцевъ снялъ для тебя каменья. Такой подарокъ и мнѣ бы любо было принять отъ народа.»

Первый стрѣлецъ. Все такъ! Да зачѣмъ онъ питомицу-то свою за царя сосваталъ; безъ того ея роденькѣ не бывать бы въ чести. Не стали бы Нарышкины царевича Ивана Алексѣича изводить, нашу погибель замышлять, новыя пошлины выдумывать, задерживать наше жало-

ванье, въ праздничные дни заставлять православныхъ работать и обижать встрѣчнаго и поперечнаго.

Пятый стрѣлецъ. Что правда, то правда! Всякое худо по ихъ приказу дѣлается, хоть они и таятся. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Народъ-то сталъ нынѣ подогадливѣе. Да не долго имъ праздновать; будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Икона Знаменья Божіей Матери ихъ скоро покараетъ.

Молодой стрѣлецъ. Что́ это за икона, дядя Савельичъ?

Пятый стрѣлецъ. Неужто ты не знаешь? Правда, гдѣ тебѣ и знать! Въ Москвѣ только съ Юрьева дня, а прежде все жилъ въ захолустьи.

Молодой стрѣлецъ. Разскажи, дядя, пожалуй-ста, какая икона Нарышкиныхъ-то покараетъ?

Пятый стрѣлецъ. Бывалъ ли ты въ соборной церкви Знаменскаго монастыря?

Молодой стрѣлецъ. Былъ раза два.

Пятый стрѣлецъ. Былъ, такъ вѣрно видѣлъ и икону. Эту церко́въ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ поновилъ бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій. Онъ этой церкви давнишній вкладчикъ. Тамъ мѣстной образъ Знаменья Божіей Матери украсилъ онъ окладомъ, жемчугомъ и самоцвѣтными каменьями. Лѣтъ съ десятокъ назадъ, въ Николинъ день, подошла по-

слѣ обѣдни къ образу кликуша. Народу въ церкви было еще очень много. «Послушайте меня, православные!» закричала она: «не потерпитъ Знаменье Пресвятой Богородицы, чтобы Нарышкины были выше старинныхъ бояръ; придетъ время, пропадутъ Нарышкины, пропадутъ во вѣки вѣковъ, аминь!» Потомъ кликуша завизжала и повалилась на полъ. Ее вынесли изъ церкви и положили на землю у паперти. Всѣ думали, что она умерла, и поскорѣе разошлись отъ бѣды. На другой день по всему городу искали кликушу сыщики. Сгибла да пропала, словно на дно канула! Тогда только и рѣчей было по всей Москвѣ, что объ этомъ. Съ-тѣхъ-поръ всякой, кого обидятъ Нарышкины, непремѣнно отслужитъ молебень иконѣ въ Знаменскомъ соборѣ. Видно, дошли чьи-нибудь молитвы: всѣмъ Нарышкинымъ туго приходитъ.

Первый стрѣлецъ. А что̀, развѣ про нихъ что-нибудь ужъ приказано?

Пятый стрѣлецъ. Приказу еще нѣтъ, а велѣно быть готовымъ. Иванъ Андреевичъ Толстой и братецъ его подарили намъ бочки-то для того, чтобъ мы не робѣли. Чего робѣть? закричалъ я: вѣдь мы за правое дѣло вступаемся! Только бы ваша милость не оробѣла, а стрѣльцы—молодцы рады съ чортомъ подраться!... Аль ослѣпъ ты, Павлуха, что на меня набрелъ? Экой олухъ!

Павлуха. А ты зачѣмъ на дорогѣ сталъ? Мало тебѣ мѣста-то? Ѣду не свищу а наѣду не спущу!

Пятый стрѣлецъ. Да ты не ѣдешь, а идешь. Экъ тебя бросаетъ въ стороны! Ой ты горе-богатырь! Выпилъ ковшъ, да ужъ и глаза вытаращилъ.

Павлуха. Ковшъ? нѣтъ, братъ, не одинъ ковшъ, а съ полдюжинки наберется. Вишь расхвастался! Ты думаешь, что я и выпить не умѣю. Выпьемъ-ста не хуже тебя, да еще и голубца по ниткѣ пройдемъ.

Первый стрѣлецъ. Свѣтаетъ, ребята! Не пора ли по избамъ?

Второй стрѣлецъ. Неужто ты спать хочешь? Этакая баба! Пировать, такъ пировать всю ночь на-пролетъ. Вотъ, взглянь на Павлуху—молодецъ! перешелъ ужъ къ другой бочкѣ. Лежитъ, а не спитъ; знай наливаетъ!

Восходящее солнце освѣтило пирующихъ. Многіе, успѣвъ уже подкрѣпить себя сномъ, принялись снова за ковши, разговоры и пѣсни. Вдругъ у главной съѣзжей избы раздался звукъ барабана.

Третій стрѣлецъ. Бьютъ сборъ! Побѣжимъ, ребята!

Четвертый стрѣлецъ. Вставай, Павлуха!

Павлуха. Куда васъ лѣшій несетъ?

Четвертый стрѣлецъ. Развѣ ты не видишь, что всѣ бѣгутъ къ главной избѣ? Вѣдь сборъ бьютъ.

Павлуха. И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ! *(Силится встать, но опять падаетъ подлѣ бочки.)* Бѣги безъ меня, куда надобно, а я останусь здѣсь, да самъ ударю сборъ. *(Начинаетъ кулакомъ барабанить по дну бочки.)*

Четвертый стрѣлецъ. Экъ нарѣзался, проклятый! Видно, дѣло безъ тебя обойдется. Прощай! *(Убѣгаетъ.)*

Павлуха. Ай да Ѳедька! Конь бѣжитъ, земля дрожитъ! Словно съ цѣпи сорвался! И я бы побѣжалъ, кабы пьянъ не лежалъ. Видно, до Нарышкиныхъ добираются. Вотъ я васъ, Хамово поколѣніе, одинъ всѣхъ перерѣжу!

Сбѣжавшіеся у главной избы стрѣльцы увидѣли полковниковъ Петрова и Одинцова, подполковника Циклера, пятисотеннаго Чермнаго, стольника Ивана Толстаго, дворянъ Сунбулова и Озерова. Трое послѣдніе одѣты были въ стрѣлецкое платье.

«Товарищи!» закричалъ Циклеръ: «Москва и все Русское царство въ опасности! Лекарь фонъ-Гаденъ признался, что онъ, по приказанію Нарышкиныхъ, поднесъ покойному царю яблоко съ зельемъ. Они же, Нарышкины, придумали на поминкахъ по царѣ угостить всѣхъ васъ, стрѣльцовъ, виномъ и пивомъ, и всѣхъ отравить. Они замышляютъ убить царевича Ивана Алексѣевича. Къ ружью, товарищи! Заступитесь за

беззащитнаго! Царевна Софья Алексѣевна наградитъ васъ.»

«Смерть Нарышкинымъ!» закричали стрѣльцы и бросились въ свои избы за оружіемъ. Вскорѣ они собрались опять на площади, съ ружьями и сѣкирами, нѣкоторые же съ копьями. Сабель не взяли съ собою, по приказанію заговорщиковъ, которые сочли сабли излишнею тягостію.

«Обрубите покороче древка у сѣкиръ, товарищи!» закричалъ Циклеръ. «Съ длиннымъ древкомъ сѣкирою труднѣе рубить головы измѣнникамъ!»

Приказъ былъ немедленно исполненъ. Стрѣльцы вмигъ обрубили древка одинъ у другаго. Стукъ сѣкиръ смѣшался съ крикомъ: «смерть измѣнникамъ!»

Въ это самое время на площади появились два всадника, скачущіе во весь опоръ. Это были Александръ Милославскій, племянникъ боярина Ивана Михайловича, и стольникъ Петръ Толстой. Остановясь предъ главною избою, они сказали нѣсколько словъ съ Циклеромъ и прочими заговорщиками.

«Стройтесь въ ряды!» закричали Циклеръ, Петровъ и Одинцовъ. Когда стрѣльцы исполнили приказаніе, Милославскій и Толстой поѣхали мимо рядовъ ихъ. «Сегодня, 15-е мая,» кричали они: «сегодня зарѣзанъ былъ въ Угличѣ царе-

вичъ Димитрій. Сегодня Нарышкины удушили царевича Ивана Алексѣевича! Отмстите кровь его и спасите святую Русь!»

Стрѣльцы въ ярости замахали сѣкирами, и воскликнули: «Умремъ за святую Русь!» Когда шумъ прекратился, Циклеръ, сѣвъ на лошадь, подъѣхалъ къ Милославскому, развернулъ свитокъ бумаги и, обратясь къ стрѣльцамъ, сказалъ: «Вотъ имена измѣнниковъ и убійцъ царевича!» Потомъ онъ, Милославскій и Толстой, объѣхавъ ряды стрѣльцовъ, останавливались предъ каждою сотнею и повторяли имена невинныхъ жертвъ, обреченныхъ на гибель. Съѣхавшись опять предъ главною избою, Циклеръ закричалъ: «Грамотные впередъ!»

Изъ рядовъ двѣнадцатитысячнаго войска отдѣлились семь человѣкъ. По данному знаку, они приблизились къ Циклеру и получили отъ него, Милославскаго и Толстаго списки, приготовленные для стрѣльцовъ по приказанію боярина Милославскаго.

«Смотрите же,» сказалъ Циклеръ: «смерть всѣмъ убійцамъ и измѣнникамъ, которые въ спискахъ означены; чтобъ не одинъ не уцѣлѣлъ!»

Стрѣльцы возвратились со списками на мѣста свои. Въ это время полковники Петровъ и Одинцовъ, верхомъ, выѣхали изъ-за угла одной изъ съѣзжихъ избъ. За ними везли пушки и по-

роховые ящики. Всѣ заговорщики, сѣвъ на лошадей, поѣхали къ Знаменскому монастырю. За ними пошло и все войско при шумныхъ восклицаніяхъ. Отслуживъ молебенъ, заговорщики вынесли изъ церкви икону Знаменія Божіей Матери и чашу святой воды. Стрѣльцы преклонили оружіе предъ образомъ, перекрестились, ударили въ барабаны тревогу, подняли знамена и двинулись къ Кремлю.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТРѢЛЬЦЫ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО,

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Изданіе Книгопродавца Манухина.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Января 14 дня 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

Въ Типографіи М. Смирновой.

I.

И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы, —
Лишь груды тѣлъ....

Батюшковъ.

Вмѣстѣ съ восходомъ солнца Матвѣевъ, Нарышкинъ и Долгорукій явились во дворецъ. Вслѣдъ за ними, по приглашенію царицы, пріѣхали родитель царицы Кириллъ Поліевктовичъ Нарышкинъ, князья Григорій Григорьевичъ Ромодановскій, Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій и другіе, преданные ей бояре. Бо́льшая часть изъ нихъ, ожидая съ часу на часъ, что пламя бунта вспыхнетъ, надѣли подъ кафтаны латы. Патріархъ увѣдомилъ царицу, что онъ занемогъ и не въ силахъ не только заниматься какими-либо государственными дѣлами, но и встать съ постели. Совѣщаніе продолжалось нѣсколько ча-

совъ, и послѣ жаркихъ споровъ и разсужденій, всѣ согласились съ мнѣніемъ князя Михаила Юрьевича Долгорукаго. Царица поручила Матвѣеву съѣздить немедленно къ патріарху, спросить объ его здоровьи, увѣдомить о мѣрахъ, какія принять было положено, и испросить его благословеніе.

Едва Матвѣевъ вышелъ изъ комнаты, раздался отдаленный громовой ударъ.

«Что̀ это значитъ?» сказала царица. «Утро такое ясное, на небѣ ни одного облачка, неужели это громъ?»

Князь Черкасскій подошелъ къ окну, посмотрѣлъ во всѣ стороны, и примѣтилъ на югѣ густую тучу, которая быстро поднималась изъ-за горизонта. «Сбирается гроза, государыня!» сказалъ онъ.

«Вѣрно, убьетъ меня молнія!» шепнулъ князь Долгорукій сидѣвшему подлѣ него Ивану Кирилловичу Нарышкину. «Мнѣ снилось сегодня ночью, что пророкъ Илія, на огненной колесницѣ, взялъ меня съ собою на небо. Послѣ этого сна я до сихъ-поръ не могу прійти въ себя и чувствую какую-то непонятную тоску. Это даромъ не пройдетъ: ужъ что-нибудь да будетъ со мною!»

«И, полно, Михаилъ Юрьевичъ!» возразилъ вполголоса Нарышкинъ. «Куда ночь, туда и сонъ! Неужто ты снамъ вѣришь?»

Между-тѣмъ царица отошла къ окну и о чемъ-то тихо разговаривала съ своимъ престарѣлымъ родителемъ. Всѣ, бывшіе въ залѣ бояре также встали съ мѣстъ своихъ и въ почтительномъ молчаніи смотрѣли на царицу.

Вдругъ отворилась дверь. Матвѣевъ вошелъ поспѣшно въ залу. На лицѣ его замѣтно было безпокойство, которое онъ напрасно скрывать старался. Взоры всѣхъ обратились на него, и царица спросила: «Чтó ты, Артемонъ Сергѣевичъ?»

«Бояринъ князь Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ, съ подполковниками Стремяннаго полка Горюшкинымъ и Дохтуровымъ, попался мнѣ на лѣстницѣ. Они говорятъ, что стрѣльцы изъ слободъ своихъ рано утромъ вступили въ Земляной городъ, оттуда двинулись въ Бѣлый; въ Китай-городѣ остановились у Знаменскаго монастыря, и скоро подойдутъ къ Кремлю. Я приказалъ какъ можно скорѣе запереть всѣ кремлевскія ворота.»

«Хорошо, если успѣютъ!» сказалъ Долгорукій. «А на всякой случай я прикажу около дворца построиться Сухаревскому полку въ боевой порядокъ.» Долгорукій сошелъ въ нижніе покои дворца, велѣлъ бывшему тамъ пятидесятнику Борисову, съ своею полсотнею стрѣльцовъ, выйти на площадь и ударить сборъ; а Бурмистрова, который тамъ же ожидалъ приказаній князя,

отправилъ верхомъ къ полковнику Кравгофу, съ повелѣніемъ, чтобы онъ поспѣшилъ съ своимъ Бутырскимъ полкомъ къ Красному крыльцу. Отрядъ Борисова вышелъ на площадь. Въ это самое время поднялся сильный вихрь, и вой его соединился съ ударами грома, которые почти ни на мигъ не умолкали.

«Бей сборъ!» закричалъ Борисовъ барабанщику.

Сокрытые около дворца въ разныхъ мѣстахъ стрѣльцы Сухаревскаго полка не могли разслушать звуковъ барабана при шумѣ жестокой бури, столь неожиданно поднявшейся.

Долгорукій, войдя опять въ залу, началъ говорить царицѣ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. Въ это самое время растворилась дверь, ведущая въ комнаты царя Петра и царевича Іоанна, и вошелъ вмѣстѣ съ ними въ залу Кириллъ Поліевктовичъ. Царица поспѣшно приблизилась къ своему сыну, крѣпко обняла его и залилась слезами.

Вдругъ на Ивановской колокольнѣ раздался звукъ колокола.

«Что́ это значитъ?» сказалъ князь Черкасскій, подходя къ окну. Сильный ударъ грома заглушилъ унылый звонъ колокола. Громъ стихнулъ, но звонъ продолжается, мѣшаясь съ невнятными криками, раздававшимися на площади, и съ барабаннымъ боемъ.

«Они уже у Краснаго крыльца!» воскликнулъ Черкасскій.

«Кто? бунтовщики?» спросилъ Долгорукій, вынимая саблю. «Не ошибаешься ли ты, князь? Можетъ быть, это Сухаревскій полкъ?»

«Посмотри самъ. Вонъ, какъ машутъ они сѣкирами! Чу, какъ кричатъ! Слышишь ли?»

«Я уйму ихъ!» сказалъ Долгорукій и подошелъ къ двери; но царица остановила его, ужасаясь мысли, что съ появленіемъ князя начнется на площади кровопролитіе. «Позволь, Михаилъ Юрьевичъ,» сказала она: «чтобы Артемонъ Сергѣевичъ вышелъ первый на крыльцо и постарался уговорить мятежниковъ. Надобно узнать чего они требуютъ? Можетъ быть, не нужно будетъ проливать крови.... Боже мой!... крови Русскихъ!»

Долгорукій отошелъ отъ двери, приблизился къ князю Черкасскому, смотрѣвшему въ окно, и крѣпко стиснулъ въ рукѣ рукоять своей сабли, отъ негодованія, увидѣвъ мятежниковъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ Красное крыльцо густыми толпами.

«Смотри, смотри, Михаилъ Юрьевичъ!» закричалъ Черкасскій: «они ломаютъ на крыльцѣ рѣшетки и перила!

«Государыня!» сказалъ вошедшій въ залу подполковникъ Дохтуровъ: «меня послалъ къ тебѣ Артемонъ Сергѣевичъ. Мятежники думаютъ, что

царевичъ Иванъ Алексѣевичъ убитъ, и требуютъ выдачи его убійцъ.»

«Покажи имъ царя и царевича. Можетъ быть, они успокоятся,» сказалъ Натальѣ Кирилловнѣ отецъ ея.

Царица взяла за руку Петра и Іоанна и вывела на Красное крыльцо. Толпа стрѣльцовъ, взбѣжавъ на ступени, окружила царицу. «Ты ли царевичъ Иванъ?» спрашивали они.

«Я!» отвѣчалъ царевичъ трепещущимъ голосомъ. «Успокойтесь, меня никто не обижалъ, и обижать не думалъ.»

«Ой ли?» сказалъ одинъ изъ стоявшихъ подлѣ него стрѣльцовъ гигантскаго роста: «слышите ли, ребята?» закричалъ онъ. «Царевичъ самъ говоритъ, что ему никто *никакого дурна* не дѣлалъ! Не итти ли намъ по домамъ?»

Въ отвѣтъ на эти слова раздался на площади громкій крикъ. Бывшіе на крыльцѣ стрѣльцы сошли на площадь. Всѣ кричали, но не льзя было разслушать ни одного слова. Царица съ сыномъ своимъ и царевичемъ Іоанномъ возвратилась во дворецъ, а Матвѣевъ сошелъ съ крыльца и, воспользовавшись минутою, когда шумъ утихъ нѣсколько, началъ говорить: «Я не узнаю въ васъ, братцы, прежнихъ стрѣльцовъ. Вы были всегда храбрыми воинами и вѣрными слугами царскими. Я самъ въ-старину былъ вашимъ головою, и всегда любилъ васъ, какъ род-

ныхъ дѣтей. Послушайтесь моего совѣта. Я не вѣрю, чтобы вы сами захотѣли покрыть себя вѣчнымъ позоромъ и возстать противъ вашего законнаго царя: вѣрно, подъучили васъ злые и коварные люди. Не слушайте ихъ: они васъ обманываютъ. Они сказывали вамъ, что царевичъ Иванъ Алексѣевичъ убитъ, а вы видѣли сами, что онъ живъ и здравъ. Неужели кто-нибудь изъ васъ захочетъ погубить на-вѣки душу свою? Нѣтъ, братцы! Вспомните Бога, вспомните часъ смертный! Дадите ли вы добрый отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовомъ, когда наругаетесь надъ крестомъ Спасителя, который вы цѣловали съ клятвою служить вѣрой и правдой царю Петру Алексѣевичу? Успокойтесь, возвратитесь въ ваши слободы и докажите, что вы все тѣ же храбрые и вѣрные царю стрѣльцы.»

«Кажись, бояринъ-то дѣло говоритъ!» шептали многіе изъ стрѣльцовъ другъ другу.

«По домамъ, ребята!» закричало нѣсколько голосовъ.

Матвѣевъ, обрадованный дѣйствіемъ своего увѣщанія, вошелъ во дворецъ и сказалъ царицѣ, что стрѣльцы, повидимому, успокоиваются. Но едва успѣлъ онъ удалиться, раздался въ толпѣ чей-то голосъ: «Нарышкины убьютъ не сегодня такъ завтра царевича Ивана! Тогда гдѣ мы возьмемъ другаго царя? По-неволѣ останемся при младшемъ братѣ! А тогда Нарышкины пуще

возьмутъ волю, и всѣхъ стрѣльцовъ перевѣшаютъ! Иванъ Нарышкинъ вчера надѣвалъ на себя царскую порфиру и похвалялся своими руками удушить царевича!»

«Смерть Нарышкинымъ!» воскликнули тысячи голосовъ. «Во дворецъ! Рѣжь измѣнниковъ!»

Стрѣльцы бросились толпами къ Красному крыльцу, но вдругъ остановились, увидѣвъ на немъ князя Михаила Юрьевича Долгорукаго, съ поднятою саблею.

Всѣ притихли. Долгорукій сошелъ съ лѣстницы: «Бунтовщики! измѣнники!» закричалъ онъ. «Голова слетитъ съ плечъ у перваго, кто осмѣлится хоть одною ногою ступить на это крыльцо! Слушайте меня! Молчать, говорю я вамъ!... Что? Меня не слушаться?... Вели стрѣлять!» продолжалъ онъ, обратясь къ Борисову, стоявшему съ своею полсотнею по лѣвую сторону Краснаго крыльца.

«Подыми мушкетъ ко рту!» закричалъ Борисовъ. *«Содми съ полки! Возьми пороховой зарядецъ! Опусти мушкетъ книзу! Посыпь порохъ на полку! Поколоти немного о мушкетъ! Закрой полку! Стряхни! Содми! Положи пульку въ мушкетъ! Положи пыжъ на пульку! Вынь забойникъ! Добей пульку и пыжъ до пороху!»*

Оставалось только закричать: *«Приложися! Стрѣляй!»* Но стрѣльцы, воспользовавшись продолжительною командою того времени, успѣли

предупредить Борисова. Оглушенный ударомъ ружейнаго приклада по головѣ, онъ упалъ безъ чувствъ на землю, а стрѣльцы его, видя невозможность защищаться противъ превосходной силы, разбѣжались.

Мятежники послѣ этого бросились на Долгорукаго. Сабля его сверкнула, и голова стрѣльца, который первый подбѣжалъ къ нему и замахнулся на него сѣкирою, полетѣла на землю.

«Силенъ, собака!» закричалъ, остановясь шагахъ въ двадцати отъ князя одинъ изъ бунтовщиковъ, бѣжавшихъ вслѣдъ за первымъ стрѣльцомъ. Товарищи его также остановились, издали грозя Долгорукому сѣкирами.

«Ну что стали, лѣшіе!» крикнулъ десятникъ. «Одного струсили!... Впередъ!»

«Погоди, я его разомъ свалю!» сказалъ стрѣлецъ, цѣлясь въ князя изъ ружья.

Раздался выстрѣлъ, пуля свиснула, но, попавъ вскользь по латамъ князя, которыя были на немъ надѣты подъ кафтаномъ, отскочила въ сторону и ранила одного изъ бунтовщиковъ.

«Что за дьявольщина!» воскликнулъ десятникъ: «и пуля его нейметъ, а бьетъ нашихъ же!»

«За мной, ребята!» закричалъ пятисотенный Чермной, бросясь на Долгорукаго съ толпою мятежниковъ.

«Тьфу ты чортъ! Еще срубилъ одному голову!» воскликнулъ одинъ изъ стрѣльцовъ, бѣжав-

шихъ за Чермнымъ, остановясь и удерживая своего племянника. «Погоди, Сенька, не суйся прежде дяди въ петлю. Авось и безъ насъ сладятъ съ этимъ лѣшимъ!»

«Посмотри-ка, дядя, посмотри! какъ онъ саблей-то помахиваетъ. Вонъ, еще кого-то хватилъ, ажно сѣкира изъ рукъ полетѣла!»

«Нечего сказать, славно отгрызается! Да погоди ужо, не отбоярится! Чтó это? онъ самъ бросилъ саблю!»

Долгорукій, видя, что ничтó не можетъ удержать мятежниковъ, кинулъ саблю и закричалъ окружавшимъ его со всѣхъ сторонъ стрѣльцамъ:

«Не хочу долѣе защищаться и проливать кровь напрасно. Во всю жизнь мою я старался дѣлать вамъ добро и любилъ васъ, какъ отецъ. Не хочу пережить позора, которымъ вы себя покрываете. Вы хотите измѣнить вашему законному государю, забываете, что цѣловали крестъ Спасителя съ клятвою служить царю вѣрой и правдой. Дѣлайте чтó хотите: за все дадите отвѣтъ Богу. Предаю васъ праведному суду Его. Я васъ любилъ, какъ дѣтей,—убейте вашего отца!»

«Дядя! на чтó Чермной кафтанъ-то съ князя снимаетъ?» спросилъ Сенька своего дяди, который все стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, держа за руку племянника.

«Ба, ба, ба! подъ кафтаномъ у него латы! Ахъ

онъ еретикъ проклятый! Вотъ такъ, долой латы; безъ нихъ легче!»

«Взглянь-ка, дядя, онъ сталъ теперь, ни дать ни взять, Рында: весь бѣлъ, какъ снѣгъ; ни-какъ на немъ атласное полукафтанье. Ну, потащили голубчика! Куда это?»

«Вишь ты на Красное крыльцо. Ай да молодцы, наша братья стрѣльцы!»

Втащивъ Долгорукаго на крыльцо, изверги сбросили его на копья. Кровь несчастнато князя потекла ручьями по длиннымъ древкамъ копій и обагрила руки злодѣевъ. Сбросивъ его на землю, они принялись за сѣкиры, и вскорѣ съ звѣрскимъ хохотомъ разбросали разрубленные его члены въ разные стороны.

Между-тѣмъ отрядъ мятежниковъ ворвался во дворецъ чрезъ сѣни Грановитой Палаты. Вбѣжавъ въ комнаты царицы и наконецъ въ ея спальню, злодѣи увидѣли Матвѣева.

«Хватайте этого измѣнника! Тащите, ребята!» закричалъ сотникъ.

«Не троньте моего втораго отца!» воскликнула царица, схвативъ Матвѣева за руку.

«Ну что̀ вы стали, олухи!» крикнулъ сотникъ. «Что вы на нее смотрите? тащите, да и только!»

«Просите, какой хотите, награды, только не убивайте его. Что́ онъ вамъ сдѣлалъ, безжалостные! Лучше меня убейте!»

«Ну, ну, ребята, проворнѣе! Хватайте и та-

щите измѣнника. Дѣлайте что̀ велѣно. Не робѣйте.»

«Прочь, изверги!» закричалъ князь Черкасскій, бросясь съ саблей къ мятежникамъ, и вырвалъ изъ рукъ ихъ Матвѣева, котораго они вытащили уже изъ спальни царицы въ другую комнату.

«Не раздражай ихъ, князь Михаилъ Алегуковичъ, и не подвергай самого себя опасности. Пускай они убьютъ меня одного, я не боюсь смерти. Во всю жизнь я помнилъ о часѣ смертномъ, и готовъ умереть.»

«Нѣтъ, Артемонъ Сергѣевичъ, жизнь твоя еще нужна для царя и для счастія отечества. Прочь, измѣнники! Не выдамъ его! Разрублю голову первому, кто подойдетъ къ намъ.»

«Ребята! приткните его пикой къ стѣнѣ!» закричалъ сотникъ. «Не въ плечо, не въ плечо, Ѳедька! пониже-то, въ лѣвой бокъ норови! Вотъ такъ!»

Черкасскій, раненый въ бокъ подлѣ самаго сердца, упалъ. Злодѣи, схвативъ Матвѣева, вытащили его на Красное крыльцо. Приподнявъ и показывая боярина толпящимся внизу сообщникамъ своимъ, закричали они: «Любо ли вамъ?»

Въ отвѣтъ раздался крикъ: «любо, любо!» и бояринъ, столько любимый нѣкогда стрѣльцами и народомъ, другъ покойнаго царя Алексѣя Ми-

хайловича и воспитатель матери царя Петра, полетѣлъ на острыя копья.

«Во дворецъ!» закричали злодѣи. «Ловите прочихъ измѣнниковъ!» Съ этими словами толпа стрѣльцовъ, опустивъ копья, взбѣжала на Красное крыльцо и разсѣялась по всему дворцу. Трепещущая царица, проливая слезы, удалилась съ сыномъ своимъ и царевичемъ Іоанномъ въ Грановитую Палату. Бояре, князь Григорій Григорьевичъ, сынъ его Андрей Ромодановскіе, подполковники Горюшкинъ и Дохтуровъ, пали подъ ударами сѣкиръ. Въ одной изъ комнатъ дворца скрывался стольникъ Ѳедоръ Петровичъ Салтыковъ. Мятежники схватили его.

«Кто ты?» закричалъ одинъ изъ стрѣльцовъ, приставя остріе копья къ его сердцу. «Молчишь? Отвѣчай же! Аѳанасій Нарышкинъ, что ли ты? А! видно, языкъ не ворочается,—такъ вотъ тебѣ, собака!»

Обливаясь кровью, Салтыковъ упалъ на полъ:

«Боже милосердый! Сынъ мой!» воскликнулъ бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, войдя въ комнату и бросясь на окровавленный трупъ своего сына.

«Сынъ твой?» сказалъ заколовшій его стрѣлецъ. «А я думалъ, что онъ Аѳанасій Нарышкинъ.»

«Далъ ты маха, Ѳомка!» сказалъ десятникъ:

«кажись въ спискѣ нѣтъ Салтыковыхъ. Дай-ка справлюсь.»

Съ этими словами вытащилъ онъ изъ-за кушака списокъ, и началъ читать по складамъ.

Такъ и есть. Сына-то нѣтъ, а батюшка тутъ. Приколи его! Вишь больно вопитъ по сынѣ: жаль бѣднаго!»

Рыдающій старецъ, обнимая убитаго сына, ничего не слыхалъ изъ разговора стрѣльцовъ. Ударъ сѣкиры, разрубившій ему голову, прекратилъ его страданія.

«Намъ еще есть надъ кѣмъ поработать!» сказалъ десятникъ, заткнувъ за кушакъ списокъ. «Осталось еще довольно измѣнниковъ. Пойдемъ, ошаримъ всѣ другія комнаты: не попадутся ли намъ Иванъ да Аѳанасій Нарышкины. За ихъ головы цѣна-то подороже, чѣмъ за всѣ прочія, положена.»

Переходя изъ комнаты въ комнату и встрѣчаясь почти въ каждой съ другими стрѣльцами, искавшими своихъ жертвъ, десятникъ увидѣлъ наконецъ спрятавшагося подъ столомъ придворнаго карлика, который, скорчась отъ страха, прижался къ самой стѣнѣ.

«Эй ты, кукла! не знаешь ли, гдѣ Иванъ и Аѳанасій Нарышкины?»

«А чтò дашь, если скажу?» сказалъ карликъ, съ притворною смѣлостію выступя изъ-подъ стола.

«Да вотъ дамъ тебѣ раза сѣкирой по макушѣ.»

«Нутка дай! Меня-то ничѣмъ не убьешь и не заколешь, а тебя самого скорчитъ въ три дуги. Развѣ ты не знаешь, что всѣ карлики—колдуны.»

«Ахъ, ты чучела! похожъ ли ты на колдуна? Вотъ я тебя угомоню!»

«Ну, попробуй! Ударь меня не только сѣкирой, хоть щелчкомъ; тебя разомъ скорчитъ.»

Стрѣлецъ хотѣлъ ударить карлика кулакомъ по головѣ, но вдругъ кулакъ его разогнулся, и онъ потрепалъ колдуна-самозванца по плечу.

«Ты, какъ я вижу, малъ да удалъ! Ну что ссориться съ тобою!»

«Ага, струсилъ! Вотъ такъ-то лучше!»

«И вѣстимо лучше! Если ты въ самомъ дѣлѣ колдунъ, такъ знаешь всю подноготную и, вѣрно, укажешь намъ: куда запрятались эти измѣнники? А не укажешь, такъ я не побоюсь твоего колдовства: велю пришибить, похоронимъ, да колъ осиновый вколотимъ въ спину. Небойсь, будешь лежать смирнехонько! Говори же, гдѣ Нарышкины?»

«Иванъ близко отъ васъ; чуть ли не въ этой комнатѣ. Только вамъ не найти его. Найдутъ его другіе. А Аѳанасій спрятался въ дворцовой церкви Воскресенья на Сѣняхъ.»

«Пойдемъ туда! Если ты насъ обманулъ, такъ осиноваго кола тебѣ не миновать! А откуда ты родомъ, какъ твое прозваніе и давно ли попалъ въ придворные?» спросилъ десятникъ карлика.

«Родился я неподалеку отъ Москвы, зовутъ меня Ѳомою Хомякомъ, а въ придворные карлики при царицѣ опредѣлилъ меня братъ ея, Аѳанасій Кирилловичъ.»

«Тотъ самый, который теперь спрятался въ церкви?»

«Да.»

«Не жилъ ли ты прежде въ здѣшней богадѣльнѣ?» спросилъ одинъ изъ стрѣльцовъ. «Я тебя, кажись, тамъ видалъ.»

«Жилъ,» отвѣчалъ карликъ.

«Гдѣжъ ты колдовству-то обучился,» продолжалъ стрѣлецъ: «неужто въ богадѣльнѣ?»

«Колдовству обучилъ меня покойный дѣдъ мой, а въ богадѣльню я вступилъ только для того, чтобы позабавиться. Въ двѣ недѣли пораспугалъ я тамъ всѣхъ: и хромые, и безрукіе, и слѣпые— всѣ разбѣжались. То-то ужъ мнѣ сдѣлалось просторно. Хожу, бывало, изъ горницы въ горницу одинъ одинехонекъ, да посвистываю. Разъ царица съ Аѳанасьемъ Кирилловичемъ пріѣхала осмотрѣть богадѣльню. Онъ увидѣлъ меня и смекнулъ: на чтó де такому малому человѣку одному этакой большой домъ? Хочешь ли ты въ придворные? спросилъ онъ меня. Хочу, отвѣчалъ я. На другой день онъ пріѣхалъ за мною, увезъ во дворецъ,—и съ тѣхъ поръ служу я при комнатахъ царицы.»

«Не ложь, такъ правда!» сказалъ стрѣлецъ,

«Моя тетка живетъ лѣтъ съ тридцать въ богадѣльнѣ, а не одинъ колдунъ оттуда ее еще не выживалъ. Она мнѣ разсказывала, что царица взяла тебя къ себѣ по просьбѣ Аѳанасья Нарышкина, сжалясь надъ твоимъ убожествомъ.»

«А вотъ увидимъ!» подхватилъ десятникъ. «Покажетъ ли намъ этотъ колдунишка кого намъ надобно? Вотъ, кажется, дверь въ церковь. Коли ты насъ обманулъ, такъ я тебя за ноги, да и объ уголъ!»

Одинъ изъ стрѣльцовъ отыскалъ понамаря и велѣлъ ему отпереть церковь. Понамарь хотѣлъ сказать что-то въ возраженіе, но поднятая надъ головою сѣкира заставила его замолчать и исполнить приказанное.

Аѳанасій Нарышкинъ, братъ царицы, былъ комнатнымъ стольникомъ. (*) Онъ отказался отъ боярства; слишкомъ скромно думая о себѣ и не довѣряя своимъ мнѣніямъ, онъ не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла Государственной Думы. Благотворительность была первая потребность души

(*) *Комнатными стольниками* назывались тѣ изъ стольниковъ, которые служили при столѣ царскомъ не только въ торжественные, но и въ обыкновенные дни. Вообще названіе *комнатный* прибавлялось къ разнымъ тогдашнимъ чинамъ, для отличія и для означенія особенной милости и довѣренности государя.

его, цѣль его жизни. Услышавъ, что стрѣльцы вездѣ его ищутъ, чтобы предать мучительной смерти, онъ поспѣшилъ къ священнику церкви Воскресенія на Сѣняхъ, нѣкогда имъ облагодѣтельствованному, и просилъ таинствами исповѣди и причастія приготовить его къ вѣчности. Священникъ убѣдилъ его, почти принудилъ скрыться, не теряя ни минуты, въ церкви, подъ престоломъ. Придворный карликъ, проходя мимо церкви и увидѣвъ входившихъ въ нее Нарышкина и священника, подсмотрѣлъ, что только одинъ изъ нихъ вышелъ оттуда и заперъ церковныя двери.

Вдругъ среди тишины, царствовавшей въ храмѣ, Нарышкинъ слышитъ у дверей шумъ. Ключъ два раза щелкнулъ—и тяжелая дверь закрипѣла, медленно поворачиваясь на желѣзныхъ петляхъ. Кто-то вошелъ въ церковь. Онъ слышитъ голосъ: «Показывай же намъ его! гдѣ онъ спрятался?» Другой голосъ отвѣчаетъ: «Ужъ я тебѣ говорю, что онъ здѣсь. Вели-ка поставить у оконъ и дверей часовыхъ.»

По шуму шаговъ Нарышкинъ могъ заключить, что цѣлая толпа ищетъ его по церкви.

«Смотри ты, колдунишка, если мы его не сыщемъ—бѣда тебѣ!» сказалъ одинъ голосъ. «Осталось только одинъ алтарь обыскать!»

Нарышкинъ слышитъ, что сѣверныя двери

отворяются, и нѣсколько человѣкъ входитъ въ алтарь.

«И здѣсь его нѣтъ!» говоритъ голосъ. «Чтó, колдунишка, струсилъ? Вотъ мы тебя, обманщика! Нѣтъ ли развѣ подъ престоломъ измѣнника? Сунь-ка туда пику, Ѳомка! Авось голосъ подастъ!»

Нарышкинъ, удерживая дыханіе, слышитъ, что пика проткнула парчевой покровъ престола. Слегка шаркнувъ по кафтану Нарышкина, она вонзилась въ полъ.

«Кажись, никого нѣтъ!» сказалъ голосъ. «Не приподнять ли покровъ пикой, да не взглянуть ли подъ престолъ-то?»

«Загляни!» закричалъ другой голосъ. «Ба, ба, ба! вотъ онъ гдѣ, измѣнникъ! Тащите его оттуда!»

Беззащитнаго Нарышкина схватили. Онъ не сказалъ ни слова своимъ убійцамъ, не произнесъ ни одного жалобнаго стона. Когда его выносили изъ алтаря, онъ взглянулъ на образъ Воскресенія Христа, стоявшій за престоломъ, вздохнулъ, закрылъ глаза—и душа его погрузилась въ жаркую, предсмертную молитву. Преддверіе храма Божіяго обращено было въ плаху. Сѣкиры злодѣевъ пролили кровь невиннаго. Разрубленное на части тѣло Нарышкина изверги сбросили на площадь, предъ церковью.

«Пойдемъ теперь отыскивать Ивана Нарышкина!» сказалъ десятникъ, поднявъ на плечо сѣ-

киру, съ которой капала еще кровь. «Скажи-ка намъ, колдунъ: гдѣ онъ?»

«Я знаю гдѣ онъ, но если и скажу, то все вамъ не найти его!» отвѣчалъ карликъ.

«А почему такъ?»

«Да такъ; не найти, да и только!»

«Заладилъ одно: не найти! Скажи намъ только, гдѣ онъ. Поищемъ, не сыщемъ—бѣда не твоя. Безъ того я тебя не отпускаю! Гришка! Возьми его за воротъ!»

«Смотри, Ѳома—не знаю какъ по батюшкѣ—не скорчи меня, пожалуйста!» сказалъ Гришка. «Мнѣ приказано взять тебя за-воротъ, а самъ бы я тебя волоскомъ не тронулъ.»

«Не ты велѣлъ, такъ и бѣда не твоя.»

«Ну, ну, отпусти ужъ его, пострѣла!» сказалъ десятникъ, когда онъ со стрѣльцами и карликомъ вышелъ изъ дворца. «Ступай на всѣ четыре стороны, да не поминай насъ лихомъ!»

«Счастливъ ты, что меня отпустилъ. Задержи ты меня еще хоть немножко, я бы тебя такъ испортилъ, что никакая ворожея не помогла бы тебѣ!»

«Ну полно гнѣваться! Да не испортилъ ли ужъ ты меня, скажи по правдѣ. Не сгуби понапрасну!»

«То-то не сгуби! Ты ужъ вполовину испорченъ. Въ дугу тебя не сведетъ, а только черезъ два дня ты кликать начнешь: залаешь по-со-

бачьему, захрюкаешь по-свиному и заквакаешь по-утиному. Недѣли двѣ или три, безъ умолку, пролаешь, прохрюкаешь да проквакаешь, а послѣ ничего: тѣмъ все и кончится.»

«Неужто?» воскликнулъ съ ужасомъ десятникъ. «Ѳомушка батюшка, отецъ родной, помилуй! Не льзя ли порчу какъ-нибудь исправить? Легкое ли дѣло три недѣли лаять, да къ-тому еще хрюкать и квакать! Взмилуйся! А не взмилуешься, такъ, право, сѣкирой хвачу. Пусть же не даромъ промучусь. Ну что жъ такое! Хрюкать такъ хрюкать, коли на то пойдетъ! Вѣдь не умру же отъ этого, а ты-то, чортовъ сынъ, ужъ не воскреснешь. А все таки лучше, Ѳомушка, еслибъ ты со мной помирился и порчу изъ меня выгналъ. Разошлись бы мы съ тобой пріятелями, по добру по здорову.»

«Ну ну, хорошо! Полно кланяться-то. Становись на колѣна.»

Десятникъ съ подобострастіемъ исполнилъ приказаніе. Прочіе стрѣльцы, окруживъ карлика и десятника, смотрѣли на перваго съ любопытствомъ и страхомъ.

«Приложи правую ладонь къ землѣ,» закричалъ колдунъ: «и зажмурь правый глазъ! Правый, говорятъ тебѣ, а не лѣвый! Зажмурь крѣпче, а не то окривѣешь.»

Десятникъ, оперпшись правою рукой о землю,

смотрѣлъ однимъ глазомъ на карла съ умоляющимъ видомъ.

«Теперь надобно выдернуть у тебя десять сѣдыхъ волосовъ изъ бороды. Да смотри не морщиться, а нето, бѣда!»

«Выдерни хоть двѣ дюжины, отецъ родной, сколько угодно, только избавь отъ порчи!»

«Больше десяти не нужно! Разъ, два, три, ну, вотъ и четыре, пять, вотъ и шесть, семь, вотъ восемь.... Ну, не хорошо, очень худо: больше нѣтъ сѣдыхъ-то, все черные!»

«Ахти мой батюшка, неужто нѣтъ? Поищи, кормилецъ! Не сгуби меня, окаяннаго!»

«Постой, постой! вотъ, кажется, еще сѣдой волосъ,—девять! ну, а десятаго, воля твоя, нѣтъ!»

«Какъ не быть, батюшка! сыщется. Поищи, родимый!»

«Говорятъ тебѣ нѣтъ! Чтожъ мнѣ дѣлать! Вина не моя! Вотъ есть и не одинъ съ сѣдымъ кончикомъ, да чортъ ли въ нихъ. Надобно, чтобъ весь былъ сѣдой.»

«Въ усахъ-то погляди, отецъ родной, въ усахъ-то нѣтъ ли?»

«Въ усахъ! Что мнѣ усы! Надобно изъ бороды.»

«Этакая напасть какая! Поищи, почтенный, пожалуйста постарайся.»

«Правда, можно вмѣсто одного сѣдаго выдернуть десять черныхъ, если хочешь.»

«Дергай, кормилецъ мой, дергай скорѣе: только порчу-то выгони!»

Выдернувъ еще десять черныхъ волосовъ, карликъ съ важнымъ видомъ свернулъ ихъ въ комокъ, поднесъ ко рту, пошепталъ что-то и зарылъ волосы въ землю.

«Ну ступай теперь. Да впередъ не ссорься съ нашимъ братомъ.»

Десятникъ въ восторгѣ вскочилъ, поклонился карлику въ-поясъ и поспѣшно пошелъ отъ него съ своимъ отрядомъ, ворча про себя: «Проклятый! Не будь онъ такой сильный колдунъ, такъ я изрубилъ бы его въ мелкіе кусочки! Пострѣлъ этакой! Бѣсенокъ! Самъ бы ты у меня заквакалъ, самъ бы завизжалъ поросенкомъ подъ сѣкирой! Я бы тебя!»

Обыскавъ дворецъ, мятежники разсѣялись по всей Москвѣ, грабили домы убитыхъ ими бояръ и искали вездѣ Ивана Нарышкина и всѣхъ тѣхъ, которые успѣли изъ дворца скрыться. Родственникъ царицы, комнатный стольникъ Иванъ Ѳомичъ Нарышкинъ, жившій за Москвою-рѣкою, думный дворянинъ Иларіонъ Ивановъ и многіе другіе были отысканы и преданы мучительной смерти.

Солнце явилось изъ-за тучъ, на прояснившемся западѣ, и освѣтило бродящихъ по Москвѣ стрѣльцовъ и брошенныя ими на площадяхъ жертвы ихъ ярости. Оставивъ въ Кремлѣ многолюдную стражу, мятежники возвратились въ свои слободы.

II.

От ужаса ни рукъ не чувствую, ни ногъ;
Однако должно скрыть мнѣ робость ради
чести.

Княжнинъ.

Бурмистровъ, отправленный Долгорукимъ къ Кравгофу, выѣхалъ изъ Кремля на Красную площадь и во весь опоръ проскакалъ длинную, прямую улицу, которая шла съ этой площади къ Покровскимъ воротамъ. Проѣхавъ чрезъ нихъ, онъ вскорѣ достигъ Яузы, и въѣхалъ въ Нѣмецкую слободу. По числу улицъ и по виду деревянныхъ домовъ, она походила на нынѣшнее богатое село. Въ слободѣ были три церкви, одна кальвинская и двѣ лютеранскія. Остановясь у дома Кравгофа и привязавъ у воротъ, къ кольцу, измученную свою лошадь, Бурмистровъ вошелъ прямо въ спальню полковника, который, затворивъ дверь и не велѣвъ слугѣ никого впускать къ себѣ, курилъ тайкомъ трубку. (*)

(*) Табакъ запрещено было курить даже и иностранцамъ. Полковникъ Фонъ-Делленъ, по обвиненію патріарха Никона, былъ наказанъ кнутомъ за употребленіе табака.

Кравгофъ былъ родомъ Датчанинъ, но слылъ въ народѣ Нѣмцемъ, потому-что встарину это названіе присвоивали Русскіе всѣмъ западнымъ иностранцамъ. По его представленію, Бутырскому полку дано было красное знамя съ вышитою посрединѣ крупными буквами надписью: *Берегись!* Онъ три недѣли выдумывалъ эту надпись, и остановился на томъ, что нельзя лучше выразить храбрости полка и того страха, который онъ наноситъ непріятелю; но насмѣшники перетолковали выдумку его по-своему. Кравгофъ-то, говорили они, велитъ своимъ поберегаться и не такъ, чтобы очень, храбриться.

«Князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій прислалъ меня къ тебѣ, господинъ полковникъ, съ приказаніемъ, чтобы ты шелъ, какъ можно скорѣе, съ полкомъ ко дворцу.»

«Къ творесъ?» воскликнулъ Кравговъ, вскочивъ со стула и проворно опустивъ трубку въ карманъ длиннополаго своего мундира.

«Да, ко дворцу. Восемь стрѣлецкихъ полковъ взбунтовались.»

«Мой не понимай, што твой каваритъ.»

«Восемь полковъ взбунтовались, хотятъ окружить дворецъ, убить всѣхъ бояръ, приверженныхъ къ царицѣ, провозгласить царемъ Іоанна Алексѣевича. Ради Бога, поскорѣе, господинъ полковникъ!»

«Ай, ай, ай! какой кудой штукъ! А хто скасалъ марширофать съ мой励полькъ?»

«Меня послалъ къ тебѣ князь Долгорукій.»

«Толгирукій? Гм! Онъ не есть мой нашальникъ. Еслипъ велѣль сарись, то....»

«Помилуй, Матвѣй Ивановичъ, ты еще разсуждаешь, когда каждый мигъ дорогъ.»

«Мой сосывать тольшенъ военній совѣтъ, а патомъ маршъ.»

«Побойся Бога, Матвѣй Ивановичъ, это ужъ ни на что̀ не похоже. Есть ли теперь время думать о совѣтахъ?»

«Стрѣлицъ не снаетъ слюшпа, и патому такъ утивлялся! Гей! Сеньке!»

Вошелъ Сенька, слуга полковника.

«Побѣши хъ геспетинъ польпольковникъ, хъ маіоръ, хъ каптень, хъ порушикъ, потпорушикъ, прапоршикъ, скаши, штопъ всѣ припѣшаль ко мнѣ. Ешо вели свать отинъ ротна писарь.»

Бурмистровъ, видя, что нѣтъ возможности принудить упрямаго Кравгофа къ перемѣнѣ своего намѣренія, въ величайшей досадѣ отошелъ къ окну и, скрестивъ на груди руки, началъ смотрѣть на улицу. Чрезъ нѣсколько времени стали собираться приглашенные для военнаго совѣта офицеры Бутырскаго полка.

Сначала вошелъ маіоръ Рейтъ, Англичанинъ, потомъ подполковникъ Біельке, Шведъ, съ капитаномъ Лыковымъ. Когда и всѣ прочіе офи-

церы собрались, Кравгофъ приказалъ ротному писарю Ѳомину принести бумаги и черниліцу, пригласилъ всѣхъ сѣсть и сказалъ:

«Князь Толгирукій прислаль вотъ этотъ косподинъ стрѣлица скасать, што восемь полькъ вспунтирофались, и штопъ наша полькъ маршъ ко творса. Сарись не скасаль нишего. Натопна ли маршъ?»

«Господи твоя воля!» воскликнулъ капитанъ Лыковъ: «восемь полковъ взбунтовались! Да что̀ же тутъ толковать? Пойдемъ, побѣжимъ драться, да и только!»

«Косподинъ каптень! твой не тольшна каварить преште млатшій официръ!» воскликнулъ Кравгофъ. «Косподинъ младшій прапоршикъ, што твой тумаетъ?»

«Тотчасъ же итти ко дворцу и драться!»

«Траться? Гм! Косподины всѣ прошіе прапоршикъ што̀ ви тумаетъ?»

«Драться!» отвѣчали въ одинъ голосъ прапорщики.

«А косподины потпорушики и порушики?»

«Драться!»

«А гдѣ ешо три каптень? Зашѣмъ вишу отинъ?»

«Двое захворали, а одинъ, какъ извѣстно, въ отпускѣ,» отвѣчалъ Лыковъ.

«А зашѣмъ нѣтъ рапортъ о ихъ полѣснь?»

«Есть, господинъ полковникъ! Я вчера подалъ,» сказалъ ротный писарь.

«Карашо!... Ну, а косподинъ Ликовъ, што твой тумаетъ?»

«Я думаю, что надобно дать время бунтовщикамъ войти въ Кремль, окружить дворецъ и сдѣлать что́ имъ заблагоразсудится, а потомъ итти не торопясь ко дворцу, взглянуть, что́ они сдѣлали, и разойтись по домамъ.»

«Твой смѣетъ шутить, косподинъ каптень! Твой смѣетъ смѣяльcя!» закричалъ Кравгофъ, вскочивъ съ своего мѣста. «Я твой велю сатить на арестъ.»

«За что́, господинъ полковникъ? Меня спрашиваютъ: что я думаю? я долженъ отвѣчать.»

«Твой каввариль сперва траться!»

«Я и теперь скажу, что безъ драки дѣло не обойдется, и что надобно бѣжать ко дворцу, не теряя ни минуты.»

«Мальши, каптень! Мой снаетъ не хуше твой порятокъ. Косподинъ маіоръ, што твой тумаетъ?»

«Я думаю, что тутъ нечего долго думать, а должно дѣйствовать!» отвѣчалъ сквозь зубы Рейтъ, довольно чисто говорившій по-русски; онъ давно уже жилъ въ Россіи.

«А твой што скашетъ, косподинъ польпольковникъ?»

«Мой скашетъ, што въ такой вашній дѣло нушно сперва тумать, карашенька тумать. Сперва планъ, диспосиція, а патомъ маршъ!»

«Карашо, весьма карашо! Мой сокласна. Ѳом-

кинъ! Тай пумага съ перо; я стѣлай тотшасъ планъ и диспосиція.»

Выведенный изъ терпѣнія медленностію Кравгофа, Бурмистровъ вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ что-то сказать; но вдругъ отворилась дверь, и вбѣжалъ прапорщикъ Сидоровъ, посланный еще наканунѣ полковникомъ въ Москву, съ какимъ-то порученіемъ.

«Бунтъ!» закричалъ онъ. «Стрѣльцы убили князя Долгорукаго и ворвались во дворецъ! Я самъ видѣлъ, какъ несчастнаго князя сбросили съ Краснаго крыльца на копья и разрубили сѣкирами!»

«Боже милостивый! воскликнулъ Бурмистровъ, сплеснувъ руками. «Господинъ полковникъ, господа офицеры! Вспомните Бога, вспомните присягу! Пойдемъ противъ мятежниковъ, защитимъ царя, или умремъ за него!»

«Умремъ за царя!» закричали всѣ, выхвативъ шпаги. Кравгофъ и Біельке также вытащили изъ ноженъ свои мечи. Первый при этомъ воскликнулъ: «Да, да! Пудемъ всѣ умереть!» Біельке прибавилъ: «Да, да! И мой пудетъ умереть!»

«За мной!» крикнулъ басомъ Англичанинъ Рейтъ, бросясь къ дверямъ съ поднятою шпагой.

Въ дверяхъ столкнулся онъ съ капраломъ Григорьевымъ.

«Гдѣ господинъ полковникъ?» спросилъ капралъ.

«Што твой надопна?» сказалъ Кравгофъ.

Капралъ, вытянувшись передъ нимъ, началъ говорить:

«Всѣ солдаты нашего полка и съ капралами разбѣжались. Теперь, я чаю, одни домовые остались въ избахъ. Я хотѣлъ своихъ солдатъ остановить, спрашиваю: куда?—ничего не говорятъ, хватаютъ ружья, да бѣгутъ. Что̀ прикажете дѣлать, господинъ полковникъ?»

«Какой кудой штукъ, какой кудой штукъ!» повторялъ Кравгофъ, ходя въ безпокойствѣ взадъ и впередъ по комнатѣ. Бурмистровъ, поклонясь полковнику и прочимъ офицерамъ, вышелъ, сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ Кремль.

«Вонъ, бѣжитъ по улицѣ солдатъ съ ружьемъ!» сказалъ Лыковъ. «Такъ бы и прикололъ, бездѣльника!»

«Гдѣ пѣшитъ?» сказалъ Кравгофъ, приблизясь къ растворенному окну. «Гей! сольдатъ! сольдатъ! Кута твой пѣшитъ?»

Солдатъ взглянулъ на окно и побѣжалъ далѣе, не останавливаясь.

«Косподины официрѣ!» воскликнулъ Кравгофъ: «сольдаты вспунтирофались! Што стѣлать съ пестѣльники? Сольдатъ не хошетъ каварить съ комантиръ! О, я его наушаю каварить! Косподины официрѣ! што вашъ тумаетъ стѣлать?»

«А вотъ я его заставлю говорить!» проворчалъ Лыковъ, выбѣгая изъ комнаты. Нагнавъ

солдата, онъ остановилъ его, отнялъ ружье и привелъ, держа за воротъ, къ полковнику. Приставивъ къ груди его шпагу, капитанъ закричалъ: «Сейчасъ говори, бездѣльникъ, куда ты бѣжалъ и зачѣмъ? Если солжешь, такъ я тебя разомъ приткну къ стѣнѣ.»

«Виноватъ, батюшка! Помилуй! Скажу всю правду-истину! Вчера ходилъ у насъ по избамъ какой-то дворянинъ, роздалъ много денегъ и обѣщалъ еще два-эстолька, если мы заступимся за царевича Ивана Алексѣича. Онъ сказалъ, что всѣ стрѣльцы на сторонѣ царевича, и что когда они войдутъ въ Кремль, то онъ пришлетъ гонца за нами. Гонецъ пріѣхалъ, мы и бросились въ Кремль. Помилуйте, государи-батюшки! наше дѣло солдатское; солдатъ глупъ: всему вѣритъ!»

«Всему вѣритъ!» воскликнулъ Лыковъ. «Ахъ ты злодѣй-мошенникъ! Видишь какимъ простакомъ прикидывается. Развѣ ты забылъ присягу? Цѣловалъ ли ты крестъ, чтобы служить царю Петру Алексѣевичу вѣрой и правдой?»

«Цѣловалъ, батюшка, цѣловалъ!»

«А что̀ же ты теперь дѣлаешь? Дали алтына четыре, такъ душу и продалъ сатанѣ! Бѣги, куда бѣжалъ, мы тебя не держимъ. Стрѣльцы взбунтовались противъ царя, и ты бунтуй съ ними вмѣстѣ; стрѣльцы забыли Бога, и ты забудь. Бѣги, любезный, бѣги къ нимъ, прямо къ

сатанѣ въ когти. Чтó жъ ты стоишь? я тебя не держу.»

«Да, да, пестѣльникъ! Твой пututъ садить на адъ и шарить, на горячъ, красна калена сковоротъ!» сказалъ Кравгофъ, думая, что онъ весьма удачно поддѣлался къ простымъ понятіямъ солдата о вѣчныхъ мученіяхъ, и сильно на него подѣйствовалъ.

Солдатъ, пораженный словами капитана, почувствовалъ всю мѣру своего преступленія, заплакалъ и упалъ къ ногамъ его. «Приколи меня, батюшка!» говорилъ онъ, всхлипывая. «Погубилъ я свою душу! Приколи меня, окаяннаго! Отрекся я отъ Бога. Отцы мои родные, казните, разстрѣляйте меня!»

«Нѣтъ; тебя разстрѣлять еще не за чтò. Конечно, грѣхъ твой великъ, но если раскаешься, и загладишь вину свою добрымъ дѣломъ, то Богъ проститъ тебя! Чѣмъ бѣжать прямо въ когти къ сатанѣ, пустись-ка лучше въ-догонку за своими товарищами и уговаривай всѣхъ, чтобъ они не позорили имени Русскаго измѣной и не губили душъ своихъ!»

Солдатъ, обнявъ ноги капитана, вскочилъ. Лицо его сверкнуло радостью и мужествомъ. «Побѣгу!» воскликнулъ онъ: «стану уговаривать, чтобы образумились и стали грудью за царя. Не послушаютъ, такъ штыкомъ начну бунтовщиковъ усовѣщивать.»

«Вотъ это дѣло, братъ!» сказалъ Лыковъ. «И капитанъ твой побѣжитъ вмѣстѣ съ тобою на доброе дѣло.»

«И мы всѣ!» закричали офицеры.

«И ми! Да! И ми!» прибавили Кравгофъ и Бíельке.

«Идемъ! маршъ!» воскликнулъ громовымъ голосомъ Рейтъ, махая шпагою. «Смерть всѣмъ бунтовщикамъ и измѣнникамъ!... Это что̀ за дьявольщина!» крикнулъ онъ, отворивъ дверь и увидѣвъ нѣсколько солдатъ, стоявшихъ въ сѣняхъ.

«Стой!» закричали солдаты, прицѣлясь изъ ружей въ Рейта. «Не велѣно никого пускать отсюда. Вокругъ дома цѣлая рота!»

«Я ужъ какъ-нибудь пролѣзу!» закричалъ Лыковъ и бросился въ двери. Рейтъ хотѣлъ удержать его за руку, но не успѣлъ. Усовѣщенный Лыковымъ солдатъ, бывшíй съ офицерами въ комнатѣ, схватилъ ружье свое и побѣжалъ за капитаномъ.

Нѣсколько ружей прицѣлились въ нихъ, когда они изъ сѣней вышли на улицу.

«Что̀ вы, мошенники!» крикнулъ Лыковъ такимъ ужаснымъ голосомъ, что вся окружавшая его толпа солдатъ вздрогнула. «Да какъ у васъ рука-то поднялась прицѣлиться въ меня, вашего капитана! Испугать меня вздумали? Не испугаете! Плюю я на смерть и на васъ всѣхъ, без-

дѣльниковъ. Видите ли, я вотъ стою, не бѣгу, не хочу даже и защищаться. Разбойники что ли вы, или православные солдаты? Ну, ну, кто изъ васъ отдалъ душу чорту, тотъ прикладывайся и пали въ Лыкова. Бровь не поморщу, упаду съ радостью на сырую землю за царя и правое дѣло. Что жъ вы ружья-то опустили?... Видно, совѣсть заговорила?... Слушайте, ребята! Кто меня любитъ, тотъ сейчасъ поднимай на штыкъ подлеца, который осмѣлится въ капитана выстрѣлить. Спровадьте его подлую душонку прямо въ адъ, къ сатанѣ въ гости. Ну, ну, что жъ въ меня никто не стрѣляетъ? Что̀?... Головы повѣсили, безпутые! Стыдно въ глаза посмотрѣть мнѣ, вашему капитану. Ахъ вы, бараны безмозглые, вороны пустоголовыя! Да что̀ это вы затѣяли? Какой злодѣй, какой дьяволъ васъ натолкнулъ на такое богопротивное дѣло? Еслибъ вы видѣли, какъ мое сердце болитъ за васъ! Жаль, куда мнѣ жаль васъ: вы до-сихъ-поръ были бравые солдаты, христіане православные. Эхъ! какъ жаль мнѣ васъ, солдатушки!...» Лыковъ прослезился.

«Виноваты!» заговорили нѣкоторые. «Виноваты, отецъ нашъ, капитанъ!» подхватили многіе голоса. «Виноваты!» крикнули наконецъ всѣ солдаты въ одинъ голосъ. «Согрѣшили Богу и государю!»

Лыковъ въ-мигъ утеръ слезы, бодро и весело

поднялъ голову и окинулъ глазами всѣхъ солдатъ, поправляя усы.

«То-то, виноваты! Великъ вашъ грѣхъ, но можно въ немъ покаяться—и все дѣло поправить. Выкиньте дурь изъ головы, да меня послушайтесь. Пойдемте-ка унимать бунтовщиковъ. Коли согласны, такъ я и командовать начну. Смирно! Стройся!»

Солдаты поспѣшно построились въ ряды.

«На караулъ! Разъ! Два! Гаркнемъ ура! да и маршъ!»

«Ура!» крикнули единодушно солдаты.

«Спасибо, ребята! Теперь, скорымъ шагомъ, маршъ!»

Вся рота двинулась за капитаномъ. Прочіе офицеры, бывшіе въ домѣ, послѣдовали за нею. Но они пришли уже поздно въ Кремль: на площади лежали однѣ жертвы; палачей уже тамъ не было.

III.

Подъялась вновь усталая сѣкира,
И жертву новую зоветъ.

Пушкинъ.

На другой день, шестнадцатаго мая, рано утромъ, шелъ отрядъ стрѣльцовъ по одной изъ главныхъ улицъ Бѣлаго города. Поровнявшись съ домомъ князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго, отца начальника стрѣльцовъ, убитаго ими наканунѣ, они остановились и начали стучаться въ ворота.

Малорослый слуга отворилъ калитку и едва устоялъ на ногахъ отъ ужаса, увидѣвъ пришедшихъ гостей.

«Дома ли бояринъ?» спросилъ одинъ изъ нихъ.

«Какъ не быть дома! Дома, отецъ мой!» отвѣчалъ слуга, заикаясь.

«Скажи боярину, чтобъ онъ вышелъ на крыльцо: намъ до него есть нужда.»

«Слушаю!» сказалъ слуга и побѣжалъ на лѣстницу.

Чрезъ нѣсколько времени явился на крыльцѣ восмидесятилѣтній князь. Онъ былъ безъ шап-

ки, и вѣтеръ развѣвалъ его сѣдые волосы. Лицо старца выражало глубокую скорбь.

«Мы пришли къ тебѣ, бояринъ, просить прощенія,» сказалъ стрѣлецъ, стоявшій впереди своихъ товарищей: «погорячились мы вчера и убили твоего сына!»

«Богъ васъ проститъ! Я не стану укорять васъ. Мнѣ не воскресить уже сына!»

«Спасибо тебѣ, бояринъ, что зла не помнишь!» сказалъ стрѣлецъ.

«Спасибо!» закричала вся толпа.

«Вели же дать намъ выпить за твое здоровье и за упокой души твоего сына!» продолжалъ стоявшій впереди стрѣлецъ. «У тебя, я чаю, погребъ-то, какъ полная чаша!»

Князь, не отвѣтивъ ни слова, вошелъ въ свою спальню, сѣлъ у окна и приказалъ слугѣ отпереть для стрѣльцовъ свой погребъ. Выкативъ оттуда бочку, незваные гости расположились на дворѣ, потребовали нѣсколько кружекъ и начали пить. Малорослый слуга, отворившій имъ калитку, подчивалъ ихъ и низко кланялся.

«Скажи-ка ты, холопъ, старикъ-то вопилъ вчера по сынѣ?» спросилъ одинъ изъ стрѣльцовъ.

«Какъ же, отецъ мой. Онъ лежалъ хворый въ постели; а какъ услышалъ про свое горе, то сталъ на колѣна передъ святыми иконами да такъ и облился слезами.» Примѣтивъ неудоволь-

ствіе на лицѣ стрѣльца, слуга примолвилъ: «Не то, чтобы съ горя заплакалъ, а съ радости.— Много ты мнѣ стоилъ заботъ и кручины!—сказалъ онъ.—Спасибо добрымъ людямъ, что тебя уходили!—»

«Врешь ты, холопъ! Скажи всю правду-истину: чтó говорилъ бояринъ? Не то хвачу по виску кружкой, такъ и ноги протянешь!»

«Виноватъ, отецъ мой, не гнѣвайся, скажу всю правду-истину!» сказалъ дрожащимъ голосомъ слуга.

«Грозился ли на насъ бояринъ?»

«Грозился, отецъ мой.»

«Ага, видно щука умерла, а зубы цѣлы остались! Чтó же говорилъ старый хрѣнъ?»

«Говорилъ, отецъ мой, говорилъ!»

«Тьфу ты дубина! Я спрашиваю: чтó говорилъ?»

«Щука умерла, а зубы цѣлы остались.»

«Вотъ чтó! Ахъ онъ злое зелье! Чай, радъ бы всѣхъ насъ перевѣшать! Чтó онъ еще говорилъ?» закричалъ стрѣлецъ, схвативъ слугу за шею.

«Взмилуйся, отецъ мой, вѣдь не я говорилъ, чтобъ вашу милость перевѣшать.»

«Какъ, развѣ онъ и это сказалъ?»

«Не помню, отецъ мой! Ахти мои батюшки, совсѣмъ задавилъ! Отпусти душу на покаяніе! Тошнехонько!»

«Задавлю, коли не скажешь всей правды!»

«Скажу, кормилецъ мой, скажу! Бояринъ говорилъ, что сколько на кремлевскихъ стѣнахъ зубцовъ, столько васъ повѣсятъ стрѣльцовъ!»

«Слышите-ли, братцы, что̀ старый хрѣнъ-то лаялъ? Постой ты, собака!»

Съ этими словами опьянѣвшій уже стрѣлецъ вскочилъ и бросился на крыльцо. За нимъ побѣжало нѣсколько его товарищей. Схвативъ старца за сѣдые волосы и вытащивъ за ворота, злодѣи изрубили его и, остановивъ крестьянина, который везъ бѣлугу на рынокъ, закололи его лошадь, отняли у него рыбу и бросили ее на трупъ князя.—Вотъ тебѣ и обѣдъ!—закричали они съ хохотомъ и побѣжали въ Кремль.

Въ находившейся близъ спальни царицы Натальи Кирилловны небольшой комнатѣ, въ которую вела потаенная дверь, родитель царицы Кириллъ Поліевктовичъ и братъ ея Иванъ Кирилловичъ, скрывшіеся туда наканунѣ, придумывали средство выйти изъ дворца и тайно выѣхать изъ города; убѣжище свое, указанное имъ царицею, но многимъ изъ придворныхъ извѣстное, они не считали вѣрнымъ. Вскорѣ послѣ разсвѣта пошли они въ спальню Натальи Кирилловны, которая всю ночь провела въ молитвѣ. Иногда, переставая молиться, подходила она къ стоявшей у стѣны скамьѣ, обитой бархатомъ, и, проливая слезы, благословляла сына своего. Одѣтый въ парчевое полукафтанье, онъ

спалъ, покоясь на изголовьи, руками матери для него приготовленномъ. Трепеща за жизнь сына, она рѣшилась уложить его въ своей спальнѣ и всю ночь охранять его. Вошедши тихонько къ царицѣ, родитель ея и братъ сообщили ей свое намѣреніе. Видя ея безпокойство, они остались въ ея спальнѣ почти до полудня, стараясь успокоить ее совѣтами и утѣшеніями. Между-тѣмъ проснулся Петръ Алексѣевичъ, всталъ, помолился и началъ также утѣшать свою родительницу.

«Стрѣлецкій пятисотенный Бурмистровъ проситъ дозволенія предстать предъ твои свѣтлыя очи, государыня!» сказала постельница царицы, вошедши въ спальню.

«Бурмистровъ? Я сейчасъ выйду къ нему,» сказала царица. «А вы, батюшка и братецъ, удалитесь въ вашу комнату! Бурмистровъ до-сихъ-поръ былъ преданъ моему сыну; но въ нынѣшнее время на кого можно положиться?»

Когда отецъ и братъ царицы удалились, она вышла къ Бурмистрову.

Онъ низко ей поклонился и сказалъ: «государыня! я собралъ почти всѣхъ стрѣльцовъ нашего полка и скрылъ въ разныхъ мѣстахъ около Кремля. Мятежники и сегодня войдутъ опять въ Кремль. Позволь, государыня, сразиться съ ними! Къ намъ пристанутъ всѣ честные граждане. Я многимъ уже раздалъ оружіе. Москов-

скіе жители всѣмъ сердцемъ любятъ твоего вѣнценоснаго сына и съ радостію прольютъ за него кровь свою.»

«Благодарю тебя за твое усердіе и вѣрность! Дай Богъ, чтобъ я могла наградить тебя достойно! Не хочу однакожъ кровопролитія. Я узнала, что Софья Алексѣевна не хочетъ отнять царскаго вѣнца у моего сына, а желаетъ только, чтобы Иванъ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ нимъ царствовалъ.»

«Какъ, государыня, у насъ будутъ два царя?»

«Софья Алексѣевна желаетъ именемъ ихъ сама править царствомъ и отнять у меня власть, которую мнѣ Богъ даровалъ. Спаситель не велѣлъ противиться обидящему. Я уступаю ей власть мою. Дай Богъ, чтобы она употребляла ее лучше, нежели я, для счастія Россіи. Не хочу, чтобы за меня пролилась хоть одна капля крови. Благодари отъ моего имени всѣхъ вѣрныхъ стрѣльцовъ и распусти ихъ по домамъ. Поди, и будь увѣренъ, что я никогда не забуду твоей вѣрности и усердія.»

«Сердце твое въ рукѣ Божіей, государыня! Я исполню волю твою!»

Едва Бурмистровъ удалился, раздался звонъ на Ивановской колокольнѣ, барабанный бой и шумныя восклицанія предъ дворцомъ на площади. Царевна Маѳа Алексѣевна, старшая сестра царевны Софіи, поспѣшно вошла въ спаль-

ню царицы. Блѣдное ея лицо выражало страхъ и смущеніе.

«Стрѣльцы требуютъ выдачи дядюшки Ивана Кирилловича!» сказала она. «Кравчій князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ пошелъ на Красное крыльцо объявить имъ, что Иванъ Кирилловичъ изъ Москвы уѣхалъ. Злодѣи, вѣроятно, станутъ опять обыскивать дворецъ: не лучше ли ему скрыться въ моихъ деревянныхъ комнатахъ, что̀ подлѣ Патріаршаго Двора. Туда мудрено добраться, не зная всѣхъ сѣней, лѣстницъ и переходовъ дворца. Постельница моя Клушина, на которую я совершенно полагаюсь, проводитъ туда дядюшку.»

Наталья Кирилловна хотѣла благодарить царевну, хотѣла что-то сказать ей, но ничего не могла выговорить. Она крѣпко обняла ее, и обѣ зарыдали.

Марѳа Алексѣевна кликнула свою постельницу, бывшую въ другой комнатѣ, и пошла съ нею къ родителю и брату царицы.

Чрезъ нѣсколько минутъ толпа стрѣльцовъ вбѣжала въ спальню Натальи Кирилловны.

«Гдѣ братъ твой?» закричалъ одинъ изъ сотниковъ. «Выдай сейчасъ брата, или худо будетъ.»

«Ты забылъ, злодѣй, что говоришь съ царицей!» воскликнулъ Петръ Алексѣевичъ, устремивъ сверкающій отъ негодованія взоръ на сотника.

«Брата нѣтъ здѣсь,» сказала Наталья Кирилловна.

«А вотъ увидимъ!» продолжалъ сотникъ. «Ребята! пойдемъ и ошаримъ всѣ углы.»

Стрѣльцы вышли изъ спальни и разсѣялись по дворцу. Послѣ напрасныхъ поисковъ, они вышли на площадь и вызвали на Красное крыльцо нѣсколькихъ бояръ.

«Скажите царицѣ,» закричалъ пятисотенный Чермной: «чтобы завтра непремѣнно былъ намъ выданъ измѣнникъ Иванъ Нарышкинъ, а не то, мы всѣхъ изрубимъ и зажжемъ дворецъ!»

Послѣ этого мятежники изъ Кремля удалились. На другой день опять раздался въ Кремлѣ набатъ и звукъ барабановъ. Вся площадь предъ дворцомъ наполнилась стрѣльцами. Съ ужасными угрозами стали они требовать выдачи брата царицы.

Устрашенные бояре собрались въ ея комнатахъ. На всѣхъ лицахъ изображались ужасъ и недоумѣніе.

«Матушка!» сказала царевна Софія, войдя въ комнату: «всѣ мы въ крайней опасности! Мятежники требуютъ выдачи Ивана Кирилловича. Въ случаѣ медленности, грозятъ насъ всѣхъ изрубить и зажечь дворецъ!»

«Брата нѣтъ во дворцѣ,» отвѣчала царица. «Пусть рубятъ насъ мятежники, если забыли Бога и перестали уважать домъ царскій.»

«Гдѣ же Иванъ Кириллович? Еслибъ онъ зналъ про нашу опасность, то вѣрно бы самъ рѣшился пожертвовать собою для общаго спасенія.»

«Онъ и пожертвуетъ,» сказалъ Нарышкинъ, неожиданно войдя въ комнату.

«Братецъ! что̀ ты дѣлаешь!» воскликнула, поблѣднѣвъ царица. Упавъ въ кресла и закрывъ лицо руками, она зарыдала.

Всѣ присутствовавшіе молчали. Удивленная Софія долго не могла ни слова выговорить. Великодушіе Нарышкина побѣдило на минуту ненависть, которую она давно къ нему въ глубинѣ сердца таила. Наконецъ царевна сказала: «Не печалься, любезный дядюшка! Всѣ, рано или поздно должны умереть. Счастливъ тотъ, кто, подобно тебѣ, можетъ пожертвовать жизнію для спасенія другихъ. Я бы охотно умерла за тебя; но смерть твоя, къ несчастію, неизбѣжна. Покорись судьбѣ своей!»

«Я не боюсь смерти. Желаю, чтобъ и другіе могли ее встрѣтить такъ же спокойно, какъ я встрѣчаю. Дай Богъ, чтобы кровь моя успокоила мятежниковъ и спасла отечество отъ бѣдствій.»

Въ дворцовой церкви Спаса Нерукотвореннаго собралось множество стрѣльцовъ, согласившихся, по просьбѣ Нарышкина, чтобы онъ предъ смертію исповѣдался и пріобщился Святыхъ

Тайнъ. Нарышкинъ, царица Наталья Кирилловна и царевна Софія, въ сопровожденіи всѣхъ бывшихъ во дворцѣ бояръ, вошли въ церковь. Послѣ исповѣди началась обѣдня. Каждая оканчивавшаяся молитва напоминала царицѣ, что часъ смерти любимаго ея брата приближается.

Хоръ запѣлъ: «Отче нашъ.»—Уже въ послѣдній разъ на землѣ,—думалъ Нарышкинъ,—слышу я эту молитву, которую намъ Спаситель заповѣдалъ.—Онъ сталъ на колѣна. «Да будетъ воля Твоя!» повторилъ онъ въ-полголоса. Когда раздались слова: «И остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ!» Нарышкинъ отъ искренняго сердца простилъ Софію и началъ за нее молиться.

Наконецъ отворились царскіе врата. Раздался голосъ священнослужителя: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите!»—и Нарышкинъ, забывъ все земное, подошелъ къ чашѣ спасенія.

«Теперь ужъ не долго осталось жить измѣннику!» шепнулъ одинъ изъ бывшихъ въ церкви стрѣльцовъ своему товарищу.

«Пѣвчіе, кажется, нарочно пѣли протяжно, чтобы обѣдня не такъ скоро кончилась,» сказалъ другой стрѣлецъ. «Ну вотъ ужъ онъ пріобщился. Опять запѣли! Будетъ ли конецъ этой обѣднѣ?»

Служба кончилась. Бояринъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій вошелъ торопливо въ цер-

ковъ. «Государыня!» сказалъ онъ, подойдя къ царицѣ: «Стрѣльцы, стоящіе на площади, сердятся, что заставляютъ ихъ ждать такъ долго, и грозятъ всѣхъ изрубить. Нельзя ли, Иванъ Кирилловичъ, выйти къ нимъ скорѣе?» продолжалъ онъ, обратясь къ Нарышкину.

Царица, терзаемая неизобразимою горестію, вовсе не слыхала словъ Одоевскаго. Проливая слезы, она смотрѣла на брата. Онъ подошелъ къ ней.

«Прости!» сказалъ онъ прерывающимся голосомъ. «Не терзайся! Забудь мою погибель и помни мою невинность!»

Почти безъ чувствъ упала царица въ объятія брата. Бояре плакали. Стрѣльцы изъявляли нетерпѣніе.

Софія, смущенная раздирающимъ сердце зрѣлищемъ, отворотилась, подошла къ иконостасу и, взявъ съ налоя образъ Богоматери, подала царицѣ.

«Вручи эту икону несчастному страдальцу: при видѣ ея, можетъ быть, сердца стрѣльцовъ смягчатся, и они простятъ осужденнаго ими на смерть.» Царевна произнесла эти слова громко, чтобы стрѣльцы, бывшіе въ церкви, могли ихъ разслушать.

Царица подала икону брату. Онъ съ благоговѣніемъ взялъ ее и спокойно пошелъ къ дверямъ золотой рѣшетки, сопровождаемый съ од-

ной стороны рыдающею сестрою, а съ другой царевною Софіею.

Едва отворились двери рѣшетки, раздался неистовый крикъ: «Хватай, тащи его!»

Окружавшіе дворецъ стрѣльцы, увидѣвъ Нарышкина, влекомаго толпою товарищей ихъ на площадь, наполнили воздухъ радостными восклицаніями. Тѣснясь вокругъ своей жертвы и осыпая страдальца ругательствами, злодѣи провели его чрезъ весь Кремль къ Константиновскому застѣнку. Тамъ, за деревяннымъ, запачканнымъ столомъ, на которомъ лежало нѣсколько бумажныхъ свитковъ и стояла деревянная кружка съ чернилами, сидѣлъ подъ открытымъ небомъ крестный сынъ боярина Милославскаго, площадной подъячій Лысковъ.

«Добро пожаловать!» воскликнулъ онъ, увидѣвъ Нарышкина. «Такъ-то все на свѣтѣ превратно! Сестрица твоя хотѣла-было меня согнать со свѣта; а теперь я буду допрашивать ея братца. Эй! десятникъ! Подведи-ка боярина поближе къ столу. Тише, тише, господа честные! Вы этакъ столъ уроните. Что́ Нарышкинъ-то за невидальщина!»

«Начинай же допросъ!» сказалъ стоявшій подлѣ Лыскова сотникъ.

«Не въ свое дѣло не суйся, господинъ сотникъ! Ты приказнаго порядка не смыслишь. Лучше, поди-ка, посмотри: готово ли все для пытки?»

«Все готово! Ужъ не заботься!»

«Ну, Иванъ Кирилловичъ, примемся за дѣло!» продолжалъ Лысковъ, развертывая одинъ изъ лежавшихъ на столѣ свитковъ.

«Кчему мѣня допрашивать?» сказалъ Нарышкинъ: «я не сдѣлалъ никакого преступленія! Не теряйте времени и скорѣе убейте меня. За кровь мою дадите отвѣтъ Богу. Молю Его, чтобы Онъ простилъ всѣхъ враговъ моихъ, которые довели меня до погибели!»

«Все это хорошо! А допросъ-то надобно кончить своимъ чередомъ. Тебя никто убивать не хочетъ. Оправдаешься: ступай на всѣ четыре стороны; не оправдаешься: по закону казнятъ тебя. Плакаться не на кого. Законъ для всѣхъ писанъ.»

«Для всѣхъ! Вишь что̀ выдумалъ!» шепнулъ одинъ изъ стоявшихъ за стуломъ Лыскова стрѣльцовъ своему сосѣду. «По Уложенію, надо было бы у самого носъ отрѣзать; а носъ-то у него цѣлехонекъ. Ой эти приказныя твари! Какъ бы умѣлъ кто-нибудь изъ нашей братьи допросъ и приговоръ написать, такъ я бы этому еретику теперь же обрубилъ носъ-то, да и голову кстати. Вотъ-те и законъ!»

«Замышлялъ ли ты извести царевича Ивана Алексѣевича?» спросилъ Лысковъ. «Говори же, Иванъ Кирилловичъ!... Эй вы! въ пытку его!»

Видя, что жестокія мученія довели Нарышки-

на почти до безчувственности, но не принудили его признаться въ преступленіи, выдуманномъ его врагами, Лысковъ велѣлъ снова подвести страдальца къ столу.

«Упрямъ же ты, Иванъ Кирилловичъ! Однакожъ я не хочу тебя напрасно мучить; запишу, что ты признался. Можно, вѣдь, и молча признаться. Согласенъ ли ты на это?»

Нарышкинъ не отвѣчалъ ни слова.

«Молчишь—и, стало-быть, соглашаешься. Дѣло доброе. Запишемъ!... Надѣвалъ ли ты на себя царскую порфиру?... Также молчишь? И это запишемъ.»

Предложивъ еще около десяти вопросовъ и не получивъ ни на одинъ отвѣта, Лысковъ записалъ, что Нарышкинъ во всемъ признался. Развернувъ потомъ другой свитокъ, Сидоръ Терентьевичъ громко прочиталъ слѣдующее: Уложенія главы II, въ статьѣ 2-й сказано, что *будетъ кто захочетъ Московскимъ Государствомъ завладѣть и Государемъ быть и про тое его измѣну сыщется до пряма, и такова измѣнника потому же казнити смертію.* «И такъ, по силѣ оной статьи,» сказалъ Лысковъ съ разстановкой, записывая произносимыя имъ слова: «бояриня Ивана Нарышкина, признавшагося въ измѣнѣ, казнити смертію. Ну, господа честные, подписывайте приговоръ—и дѣло въ шляпѣ. Господинъ сотникъ, не угодно ли руку приложить? Вотъ перо. Еще кому угодно?»

«Подпишись за всѣхъ разо́мъ!» сказалъ десятникъ.

«Пожалуй! Надобно будетъ написать: за неумѣніемъ грамотѣ.»

«Пиши, какъ знаешь; это твое дѣло!» закричало нѣсколько голосовъ.

Положивъ перо на столъ и свернувъ свитокъ, Лысковъ подалъ его важно сотнику. «Вотъ и приговоръ! Теперь можно его исполнить!»

«Ладно! это ужъ наше дѣло!» сказалъ сотникъ, разорвавъ на клочки поданную ему бумагу.

«Что̀ ты, что̀ ты, отецъ мой! Въ умѣ ли ты? Да знаешь ли, что̀ велѣно дѣлать съ тѣмъ, кто изорветъ приговоръ?»

«Не знаю, да и знать не хочу! Эй, ребята! ведите-ка боярина на Красную площадь. Ба, ба, ба! это еще кого сюда тащатъ? Что̀ за нищій?»

«Не нищій,» сказалъ пришедшій съ отрядомъ десятникъ: «а еретикъ и чернокнижникъ Гадинъ. Вишь, какое лохмотье на себя надѣлъ. Мы насилу его узнали!»

«А! милости просимъ!» воскликнулъ сотникъ. «Не принесъ ли онъ такого же яблочка, какимъ уморилъ царя Ѳедора Алексѣевича?»

«Надобно его допросить,» сказалъ Лысковъ.

«Вотъ еще! Съ этимъ молодцомъ мы и безъ допроса управимся!» сказалъ приведшій фонъ-Гадена десятникъ. «Проходилъ я мимо Погана-

го пруда (*) и спросилъ прохожаго: не знаешь ли гдѣ живетъ лекарь? Онъ указалъ мнѣ домъ. Я на крыльцо. Попался на-встрѣчу какой-то парень на лѣстницѣ: сынъ что ли лекаря, аль слуга—лукавый его знаетъ! Кто живетъ здѣсь? спросилъ я. Онъ-было не хотѣлъ отвѣчать и задрожалъ, какъ осиновый листъ. Я его припугнулъ. Батюшки дома нѣтъ, молвилъ онъ.—А куда ушелъ?—Не знаю!—Не знаешь! Ахъ ты мошенникъ! Хватай его, ребята!—Онъ началъ кричать; такъ горло и деретъ! Мы и прикололи его. Выбѣжалъ на лѣстницу мужикъ съ метлой. Эй ты, метла! Кто живетъ здѣсь? закричалъ я. Лекарь Гудменшевъ, (**) батюшка! Я вынулъ изъ-за кушака списокъ измѣнникамъ. Смотрю: написано лекарь Степанъ Гаденъ. Глаголь есть и добро есть: я и смекнулъ, что Гудъ или Гадъ все едино, и что въ домѣ живетъ нехристь. Врешь ты, дубина! крикнулъ я на мужика. Не Гудменшевъ, а Гадинъ. Своего господина назвать не умѣетъ! Какъ угодно твоей милости, молвилъ онъ. Вбѣжали мы въ горницы. Вмѣсто образа виситъ на стѣнѣ смерть. Признаться, морозъ меня подралъ по кожѣ. Вѣрно, смекнулъ

(*) Въ-послѣдствіи этотъ прудъ названъ былъ Чистымъ.

(**) Гудменшъ, пріѣхавшій въ Россію при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ изъ Голландіи.

я, чернокнижникъ извелъ какого-нибудь православнаго, содралъ кожу, и кости его на стѣну повѣсилъ. Такъ сердце у меня и закипѣло! Начали шарить, обыскивать. Глядь: подъ кроватью спрятался чернокнижникъ. Какъ разъ схватили его, на Красную площадь, да и на пики! Потомъ пошли мы въ Нѣмецкую слободу и тамъ поймали этого звѣря. Мы было и его на площадь! Такъ нѣтъ: взвылъ голосомъ, да суда проситъ. Мы и привели его сюда.»

«Нечего тутъ судить да рядить. Чернокнижниковъ, что̀ собакъ, безъ суда бей!» закричалъ сотникъ. «Тащите его на Красную площадь.»

Приведя Нарышкина и Гадена на мѣсто казни, изверги подняли ихъ на копья и, сбросивъ на землю, изрубили.

Въ это самое время прибѣжалъ престарѣлый родитель Нарышкина, Кириллъ Поліевктовичъ, оставленный тихонько сыномъ въ покояхъ царевны Мароы Алексѣевны, во время сна, въ который старецъ невольно погрузился послѣ двухъ сутокъ, проведенныхъ въ безпрерывной тревогѣ. Увидѣвъ голову сына, поднятую на пикѣ, онъ поднялъ руки къ небу и, въ изнеможеніи, упалъ на землю.

«А! и этотъ старый медвѣдь вылѣзъ изъ берлоги!» сказалъ Лысковъ, бывшій въ числѣ зрителей казни. «Поднимите его!» закричалъ онъ стрѣльцамъ.

«Не хватить ли его лучше по затылку вотъ этимъ?» спросилъ стрѣлецъ, поднимая сѣкиру. «Чтó старика долго мучить!»

«Нѣтъ, нѣтъ, не велѣно!» сказалъ Лысковъ. «Отнесите его ко мнѣ на дворъ: тамъ готова для него телѣга. Приказано отправить его въ Кириловъ монастырь и постричь въ чернецы. Пусть тамъ спасается!»

IV.

Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣнчанно,
Гдѣ слабость есть порокъ, а сила— всѣ права!

Гнѣдичъ.

Въ три дня пало шестьдесятъ семь жертвъ властолюбія Софіи. По истребленіи всѣхъ преданныхъ царю Петру бояръ, ослѣпленные царевною и ея сообщниками, стрѣльцы, въ увѣренности, что они защитили правое дѣло, выступили спокойно изъ Кремля въ свои слободы. По тайному приказанію Софіи, 23 мая они опять пришли съ Бутырскимъ полкомъ къ Красному Крыльцу и послали любимаго своего боярина князя Ивана Андреевича Хованскаго, единомышленника и друга Милославскаго, объявить во дворцѣ слѣдующее: *Всѣ стрѣльцы и многіе другіе московскіе граждане хотятъ, чтобы въ Московскомъ Государствѣ были два царя, яко братія единокровные; царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ,*

яко братъ большій, и царь да будетъ первый; царь же Петръ Алексѣевичъ, братъ меньшій, да будетъ царь второй. А когда будутъ изъ иныхъ государствъ послы, и къ тѣмъ посламъ выходити Великому Государю Царю Петру Алексѣевичу, и противу непріятелей войною итти ему жъ Великому Государю, а въ Московскомъ Государствѣ правити Государю Іоанну Алексѣевичу. Патріархъ Іоакимъ немедленно созвалъ государственную думу. Голосъ немногихъ бояръ, безстрашныхъ друзей правды, утверждавшихъ, что опасно быть двумъ главамъ въ одномъ государствѣ, заглушенъ былъ крикомъ многочисленныхъ приверженцевъ Софіи. По большинству голосовъ, дума рѣшила: исполнить требованіе стрѣльцовъ. Патріархъ, въ сопровожденіи митрополитовъ, архіепископовъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, пошелъ въ залу, гдѣ были царица Наталья Кирилловна, царь Петръ Алексѣевичъ, царевичъ Іоаннъ, царевна Софія и всѣ прочіе члены семейства царскаго. Выслушавъ рѣшеніе думы, юный государь сказалъ: *Я не желаю быть первымъ царемъ, и въ томъ буди воля Божія. Что Богъ восхощетъ, то и сотворитъ!»*

Раздался звукъ большаго колокола на Ивановской колокольнѣ. Патріархъ вышелъ на Красное крыльцо и объявилъ рѣшеніе думы и волю царя собравшемуся на площади народу, стрѣльцамъ и солдатамъ Бутырскаго полка. Воскли-

цая: *Многія лѣта царямъ Ивану Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу! Многія лѣта царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ!* — стрѣльцы возвратились въ свои слободы.

Двадцать-шестаго мая, утромъ, въ столовой боярина Милославскаго сидѣлъ Сидоръ Терентьичъ Лысковъ за небольшимъ столикомъ и завтракалъ. Дворецкій Миронычъ, съ обвязанною ногою, ходилъ на костыляхъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Не знаешь ли, Сидоръ Терентьичъ,» спросилъ дворецкій: «зачѣмъ бояринъ сегодня такъ рано въ думу уѣхалъ?»

«Сегодня напишутъ указъ о вступленіи на престолъ Ивана Алексѣевича.»

«Вотъ что! А царя Петра Алексѣевича въ ссылку что ли пошлютъ? Ты мнѣ, помнится, тайкомъ сказывалъ, что царевна Софья думала прежде его уходить; знать, передумала?»

«Да. Можно было обойтись и безъ этого.»

«Стало-быть Петръ Алексѣевичъ останется царемъ. Да какъ же это будетъ, Сидоръ Терентьичъ: кто же изъ двухъ будетъ царствомъ править? Вѣдь надо бы объ этомъ подумать.»

«Не безпокойся! Ужъ объ этомъ думали головы поумнѣе насъ съ тобой.»

«Все такъ. Однакожъ вотъ что̀, Сидоръ Терентьичъ: если Петръ Алексѣевичъ останется царемъ, то царица Наталья Кирилловна, пожа-

луй, захочетъ попрежнему править царствомъ, пока сынъ ея будетъ малолѣтенъ. А тогда худо дѣло! Какъ тутъ быть?»

«А вотъ увидимъ: сегодня въ думѣ все это рѣшатъ.»

«Нечего сказать, бояринъ Иванъ Михайловичъ сыгралъ знатную шутку. Чаю, помощники-то его всѣ награждены?»

«Разумѣется. Они получили все, что̀ царевною было обѣщано. Ея постельница Ѳедора Семеновна вышла за-мужъ за Озерова и получила такое приданое, что теперь у нея денегъ куры не клюютъ. Одинъ Сунбуловъ не доволенъ: онъ ждалъ, что его пожалуютъ бояриномъ, анъ его произвели въ думные дворяне. Взбѣсился нашъ молодецъ и ушелъ въ Чудовъ монастырь; хочетъ съ горя постричься въ монахи.»

«Знать, его за живое задѣло.»

«Теперь намъ знатное будетъ житье. Крестный батюшка будетъ всѣми дѣлами ворочать по-своему.»

«Ну, а стрѣльцамъ-то, чаю, будетъ награда?»

«Какъ же. Ихъ угостятъ на площади царскимъ столомъ. Послѣ вѣнчанія на царство Ивана и Петра Алексѣевичей стрѣльцовъ назовутъ Надворною пѣхотою. (*) Въ монастыри, на Двинѣ,

---

(*) Указомъ 17 Декабря 1682 года они были опять переименованы стрѣльцами. Надворною пѣхотою назывались они менѣе пяти мѣсяцевъ.

отправляется стольникъ князь Львовъ за монастырскою казною, и для высылки таможенныхъ и кабацкихъ головъ съ деньгами въ Москву. Всѣ эти денежки раздадутъ стрѣльцамъ. (*) Они изберутъ выборныхъ, которые всегда будутъ прямо входить къ царевнѣ Софьѣ и къ государямъ, и бить челомъ объ ихъ нуждахъ. Любимый ихъ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій назначается ихъ главнымъ начальникомъ. На Красной площади поставятъ каменный столпъ съ жестяными по сторонамъ досками: на нихъ напишутъ имена убитыхъ измѣнниковъ. Да выдадутъ еще стрѣльцамъ похвальныя грамоты съ государственною печатью, за ихъ вѣрность и усердіе къ дому царскому и за истребленіе измѣнниковъ.»

«Видишь ты что́! Подлинно: за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ.»

«Ну, а тебѣ какая награда, Сидоръ Терентьичъ?»

«Меня крестный батюшка обѣщалъ посадить дьякомъ въ судный приказъ. Ужъ то-то мнѣ будетъ раздолье. Бояръ, окольничихъ и всѣхъ, кто не подъ-силу, трогать не стану, а примусь за гостей, за купцовъ гостиной, суконной и чер-

---

(*) Каждому стрѣльцу дано было 10 рублей. Выше замѣчено, что цѣна рубля равнялась въ то время голландскому червонцу.

ныхъ сотенъ, и за всякаго, у кого мошна толста; я изъ нихъ сокъ-то повыжму, да и съ тобой подѣлюсь. Только всегда держи мою сторону и нахваливай меня крестному батюшкѣ.»

«Ужъ не бойсь, за этимъ дѣло не станетъ; только не скупись, да барышами дѣлись. Ой, ой, ой! ноженьку разбередилъ!»

«Сядь скорѣе. Охота же тебѣ ходить; на костыляхъ чтó за ходьба! Ну чтò, подживаетъ ли твоя нога?»

«Подживаетъ помаленьку. Уфъ! какъ бы поймать разбойника, который меня ранилъ: я бы его своими руками разорвалъ!»

«А знаешь ли кто тебя ранилъ? Стрѣлецкій пятисотенный Бурмистровъ. Крестный батюшка мнѣ сказывалъ.»

«Чтобъ ему издохнуть, анаѳемѣ! Чтобъ ему въ аду мѣста не было! Чай, тягу далъ, разбойникъ?»

«Крестный батюшка приказалъ боярину князю Хованскому вездѣ искать его.»

«Рублевую свѣчу бы поставилъ, кабы поймали мошенника! Ахъ да, совсѣмъ было забылъ. не напомнишь ли ты боярину, какъ онъ изъ думы пріѣдетъ, о старухѣ, чтò у насъ въ подвалѣ сидитъ: чтò съ ней дѣлать прикажетъ?»

«Чтò за старуха?»

«Попадья Смирнова. По приказанію боярина, вчера привели ее къ намъ изъ земскаго прика-

за. Ее подняли на улицѣ рѣшеточные въ тотъ самый день, какъ мнѣ ногу подрубили. И съ-тѣхъ-поръ все содержали на тюремномъ дворѣ по приказу же Ивана Михайловича.»

«А! вотъ что! Дѣло доброе. Чай ужъ отъ нея выпыталъ крестный батюшка: гдѣ ея дочка?»

«Спрашивалъ ее, грозился въ пытку отдать. Одно говоритъ: хоть зарѣжь, не знаю.»

Въ это время на дворѣ раздался стукъ кареты.

«Бояринъ пріѣхалъ!» воскликнулъ Миронычъ, поднявшись со скамейки. «Уйти скорѣе въ свою избу.»

Дворецкій ушелъ, а Лысковъ выбѣжалъ на крыльцо встрѣчать Милославскаго. Онъ ввелъ его на лѣстницу и вошелъ въ-слѣдъ за нимъ, въ рабочую горницу боярина.

«Ну, Сидоръ, дѣло кончено!» сказалъ Милославскій, снявъ шапку и садясь къ столу. «Вотъ указъ, который сегодня послали изъ разряда во всѣ приказы и ко всѣмъ иногороднымъ воеводамъ.»

«Нельзя ли прочитать, батюшка?»

«Пора обѣдать, ужъ полдень прошелъ. Послѣ обѣда прочитаешь. Однакожъ постой, покуда на столъ не подали, я разскажу тебѣ содержаніе указа и прочту мѣста, которыя тебя всего болѣе порадуютъ. Нечего сказать, указъ славно написанъ; не мало ломали мы надъ нимъ голову. Ни слова не сказано о прежнемъ рѣшеніи

думы, чтобы быть избранію на царство общимъ согласіемъ людей всѣхъ чиновъ московскаго государства; не упомянуто ничего объ избраніи; сказано только, что Іоаннъ Алексѣевичъ уступилъ престолъ брату и что Петръ Алексѣевичъ по челобитью патріарха съ соборомъ, думы и народа, принялъ царскій вѣнецъ. О присягѣ стрѣльцовъ умолчано. Сказано, что цѣловали ему крестъ бояре, окольничіе и думные и всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди. Далѣе написано, что сегодня, т. е. 26 мая, патріархъ съ духовенствомъ, дума и народъ били челомъ царю Петру, *что царевичъ Іоаннъ Алексѣевичъ ему большой братъ, а царемъ быти не изволилъ, и въ томъ чинится Россійскаго царства въ народѣ нынѣ распря, и у нихъ царя и царевича просятъ милости, чтобъ они изволили для всенароднаго умиренія на прародительскомъ престолѣ учиниться царями, и скиптръ и державу воспріять и самодержавствовать обще.* Далѣе сказано, что они воспріяли скипетръ и державу, и что всѣ цѣловали имъ крестъ, и что, *посовѣтовавъ съ матерью своею, царицею Натальею Кирилловною, съ своими государскими тетками и сестрами, благородными царевнами, съ патріархомъ, соборомъ и думою, и по челобитью ихъ и всего Московскаго государства всякихъ чиновъ изволили государственныхъ дѣлъ правленіе вручить сестрѣ своей, царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, со многимъ про-*

шеніемъ, для того, что они, великіе государи, въ юныхъ лѣтахъ, а въ великомъ ихъ государствѣ долженствуетъ ко всякому устроенію многое правленіе. Потомъ сказано, что *при изволеніи и прошеніи ихъ государей, патріархъ со всѣмъ соборомъ подалъ ей царевнѣ, на то богоугодное дѣло свое архипастырское благословеніе.* Слушай теперь окончаніе: *И великая государыня, благовѣрная царевна и великая княжна Софія Алексѣевна, по многомъ отрицаніи, къ прошенію братіи своей великихъ государей и благословенію о Святѣмъ Дусѣ отца своего и богомольца, великаго господина, святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всея Руссіи, и всего освященнаго собора, склоняяся, и на челобитье бояръ, и окольничихъ, и думныхъ, и всего Московскаго государства всякихъ чиновъ всенароднаго множества людей милостивно призирая, и желая Россійское царствіе въ державѣ братіи своей великихъ государей соблюдаемо быти во всякомъ богоугодномъ устроеніи, правленіе воспріяти изволила. И по своей государской богоподражательной ревности и милосердому нраву, изволила всякія государственныя дѣла управляти своимъ государскимъ, Богомъ дарованнымъ, высокимъ разсужденіемъ, и для того указала она, великая государыня, благородная царевна, боярамъ и окольничимъ и думнымъ людемъ видать всегда свои государскія пресвѣтлыя очи, и о всякихъ государственныхъ дѣлахъ докладывать себя государыни.* Въ концѣ

прибавлено, чтобы въ указахъ съ именами царей писать имя и царевны.»

«Пирогъ и щи давно уже поданы,» сказалъ вошедшій слуга.

«Пойдемъ, Сидоръ, обѣдать. Ты, я думаю, не меньше моего ѣсть хочешь. Не въ пору я съ тобой разговорился и совсѣмъ забылъ пословицу: соловья баснями не кормятъ.»

На столѣ, не покрытомъ скатертью, стоялъ пирогъ, на оловянномъ блюдѣ, и щи въ мѣдной вылуженной мисѣ. Для боярина подали серебряную ложку, а для Лыскова деревянную, также ножи; вилокъ же подано не было, потому-что предки наши замѣняли ихъ руками. Разрѣзавъ пирогъ, Милославскій взялъ въ руки кусокъ и, пригласивъ Лыскова послѣдовать его примѣру, началъ ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Когда порядочная доля пирога поубавилась, слуги, стоявшіе у конца стола, сняли блюдо и опорожнили его. Потомъ поданъ былъ изъ пшеничной муки каравай. Взявъ по куску каравая, Милославскій и Лысковъ придвинули къ себѣ мису и начали хлѣбать щи прямо изъ мисы. Послѣ того подали вареную въ уксусѣ баранью голову, кожа которой, для прикрасы, вырѣзана была въ видѣ бахрамы и обложена кругомъ. За нею послѣдовали жареная курица, приправленная лукомъ, чеснокомъ и перцемъ, и наконецъ каравай съ медомъ. Въ большихъ кружкахъ

подаваемы были, во время обѣда, пиво, крѣпкій медъ и французское вино. Наливая изъ кружекъ эти напитки, попеременно, въ серебряныя чарки съ ручкой, широкія и плоскія, обѣдавшіе запивали каждое кушанье. Вставъ изъ-за стола, бояринъ и крестный сынъ его, обратясь къ висѣвшимъ въ углу образамъ, такъ же, какъ и предъ обѣдомъ, помолились, обтерли рукою усы и бороду и поцѣловались. Потомъ вышли они въ садъ и легли подъ тѣнью огромной липы, на приготовленномъ для нихъ сѣнѣ, покрытомъ простынею, положивъ подъ головы по мягкой подушкѣ, набитой лебяжьимъ пухомъ.

«Ты не узналъ еще, батюшка, гдѣ дочь старухи Смирновой, твоя бѣглая холопка?» спросилъ, лежа, Лысковъ.

«Не узналъ еще. Я велѣлъ Хованскому поймать Бурмистрова: отъ него выпытаемъ. Сегодня вечеромъ придутъ ко мнѣ десятка два стрѣльцовъ. Походи ты съ ними, Сидоръ, по Москвѣ да поищи бѣглянки. Авось попадется.»

«Конечно попадется. Прикажи только дѣйствовать твоимъ именемъ. Я подниму на ноги объѣзжихъ и всѣхъ рѣшеточныхъ: какъ разъ сыщемъ голубушку!»

«Объяви, что тому, кто ее найдетъ, дамъ я.... Уфъ, зѣвается!... дамъ я два десятка рублевиковъ, да и впредь не оставлю своими милостями. Ну, теперь полно разговаривать: смерть спать

хочется. Давно ужъ не спалъ я спокойно; много было заботъ и хлопотъ! Не вели меня будить никому, Сидоръ. Ты, я чаю, прежде меня проснешься?»

«Сосну часокъ, другой, третій, какъ обыкновенно. Только вотъ что, батюшка, стрѣльцы, какъ узналъ я, изорвали дѣла во многихъ приказахъ. Въ Холопьемъ не оставили почти ни одного клочка бумаги. Можно написать новую кабалу на дочку Смирновой, и сказать, что она принадлежитъ тебѣ по старинному и полному холопству. Справиться будетъ не съ чѣмъ. Тогда ты можешь все съ нею дѣлать, что́ душѣ угодно. Какъ состарѣется и не понадобится для тебя болѣе, или же надоѣсть тебѣ, продай ее, промѣняй или подари.»

«Это дѣло ты выдумалъ!» отвѣчалъ Милославскій въ просонкахъ и захрапѣлъ. И Лысковъ вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

V.

И какъ нерѣдко говорятъ:
«Когда бъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!»
А ежели людей не стало,
Такъ ужъ лукавый виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.

Крыловъ.

Купецъ Лаптевъ съ женою своею, Варварою Ивановною, возвращался отъ обѣдни домой. Оба были одѣты, какъ слѣдовало въ день воскресный. Онъ былъ въ свѣтлосинемъ суконномъ кафтанѣ, съ застежками на груди изъ широкихъ шелковыхъ тесемокъ, и въ низкой мѣховой шапкѣ. Полы кафтана закрывали до половины его сафьянные зеленые сапоги. Длинные рукава были засучены; въ одной рукѣ держалъ онъ шелковый платокъ, въ другой толстую палку съ большимъ костянымъ набалдашникомъ. Нарядъ супруги его состоялъ изъ малиноваго штофнаго сарафана съ парчевыми зарукавьями, изъ алаго суконнаго опашня съ достававшими до земли рукавами, и изъ шелковой фаты, надѣтой сверхъ мѣховой шапочки. Полы опашня съ-верху до

низу застегнуты были серебряными пуговицами такими крупными, что можно было бы ими, въ случаѣ нужды, зарядить пушку вмѣсто картечи. Золотыя серьги, жемчужное ожерелье и разные перстни и кольца довершали великолѣпіе ея наряда.

«Что̀ это за указъ сегодня въ церкви читали?» спросила Варвара Ивановна.

«Неужто ты не поняла? Царевичъ Иванъ Алексѣевичъ вступилъ на престолъ вмѣстѣ съ братцемъ, а Софья Алексѣевна будетъ дѣлами править.»

«Какъ? А царица Наталья-то Кирилловна?»

«Ее отъ дѣлъ прочь.»

«Да за что̀ такъ?»

«Такъ! Ни за-что ни про-что! Софьѣ Алексѣевнѣ давно хотѣлось править царствомъ, для того и стрѣльцы бунтовали.»

«Не поминай объ этомъ, Андрей Матвѣичъ, у меня до-сихъ-поръ сердце замираетъ. Какъ Богъ насъ помиловалъ! Три дня и три ночи сидѣли мы дома безвыходно, какъ въ клѣткѣ. Сердечушко все изныло! Постучатъ, бывало, въ ворота—ноги вотъ такъ и подкосятся и въ холодный потъ броситъ. Горемычнаго сосѣда нашего ограбили, злодѣи!»

«Богъ тому судья, кто стрѣльцовъ взбунтовалъ. Дай Господи, чтобы впредь все было тихо и смирно.»

«Дай Господи!»

«Здравствуй, Андрей Матвѣевичъ!» сказалъ Бурмистровъ, идя къ нему на встрѣчу.

«А! Василій Петровичъ! Господь Богъ и тебя помиловалъ!»

Со слезами на глазахъ отъ радости, Лаптевъ бросился обнимать Бурмистрова.

«Милости просимъ ко мнѣ, хлѣба соли откушать,» сказалъ Лаптевъ. «Время ужъ и за столъ: обѣдни вездѣ отошли.»

«Я нарочно пришелъ къ тебѣ. Есть до тебя дѣло, Андрей Матвѣевичъ. Гдѣ Наталья Петровна?»

«Ушла съ братцемъ своимъ къ Николѣ въ Драчахъ. Жаль ее, мою голубушку; какъ свѣчка таетъ съ тоски по своей родительницѣ. До-сихъ-поръ о ней ни слуху, ни духу.»

«Успокой Наталью Петровну: скажи ей, что она скоро съ нею увидится.»

«Какъ, Василій Петровичъ? Да гдѣ же она?»

«Теперь еще сказать нельзя.»

«Это дѣло другое.»

«Она въ рукахъ боярина Милославскаго,» шепнулъ на ухо Бурмистровъ Лаптеву. «Не говори Варварѣ Ивановнѣ. Я боюсь, чтобъ она не сказала объ этомъ Натальѣ Петровнѣ.»

«Господи Боже мой!» сказалъ шопотомъ Лаптевъ.

Варвара Ивановна хотя и шла впереди своего

мужа и Бурмистрова, однакожъ замѣтила, что они шепчутся, и рѣшилась, во что бы то ни стало, выпытать тайну, сообщенную ея сожителю.

«По приказу Милославскаго,» шепнулъ Бурмистровъ: «объѣзжіе съ рѣшеточными и бездѣльникъ Лысковъ со стрѣльцами третьяго дня и вчера искали по всему городу Наталью Петровну. Вѣрно, и сегодня искать будутъ.»

«Ахти мои батюшки! Какъ же тутъ быть?»

«Надобно Наталью Петровну уговорить, чтобы она рѣшилась ѣхать сегодня же къ моей теткѣ, въ Ласточкино Гнѣздо. Это небольшая деревня, въ сторонѣ отъ Троицкой дороги. Я уже ее увѣдомилъ объ этомъ. Тамъ всего семь дворовъ. Крестьяне никуда не ѣздятъ, да и въ помѣстье никто не пріѣзжаетъ, кромѣ моего слуги, Гришки, и то раза два въ годъ. Кому придетъ въ голову отыскивать тамъ Наталью Петровну? А ей можно сказать, что она непремѣнно увидится тамъ съ своей матушкою, и скоро. Борисовъ взялся бѣдную старушку выручить изъ рукъ Милославскаго. Мы съ нимъ, кажется, хорошо придумали: какъ это сдѣлать.»

«Ладно, ладно, Василій Петровичъ. Ты человѣкъ разумный. Ты все устроишь, да и меня изъ бѣды выпутаешь.»

«А тебѣ, Андрей Матвѣевичъ, надобно будетъ сегодня подать челобитную въ Земскій приказъ,

что пріѣхавшая къ тебѣ изъ Ярославля крестница.... какъ бишь ты назвалъ Наталью Петровну?»

«Ольга Васильевна Иванова.»

«Да, Ольга Васильевна Иванова, двадцать третьяго мая, когда стрѣльцы въ послѣдній разъ приходили въ Кремль, сидѣла на скамьѣ за воротами и пропала безъ вѣсти.»

«Ладно, Василій Петровичъ, ладно! Пусть Земскій приказъ ее ищетъ. А чтобъ усерднѣе искали, моей челобитной не опорочили и меня какъ-нибудь не потревожили, поклонюсь я дьяку приказа дюжиною мѣшковъ муки, да бочепкомъ вишневки. Вѣдь не льзя безъ этого.»

«И! полно Андрей Матвѣевичъ! къ-чему тебѣ добро свое терять понапрасну.»

«Нельзя, отецъ мой, я знаю приказныхъ. Подай челобитную хоть о томъ, чтобъ тебя кнутомъ высѣкли, да не подари: не высѣкутъ!»

Бурмистровъ улыбнулся.

«Ну прощай, Андрей Матвѣевичъ!» сказалъ онъ.

«Да куда же ты? Неужто не отобѣдаешь съ нами? Вонъ ужъ домъ нашъ близехонько!»

«Нельзя, Андрей Матвѣевичъ! Борисовъ меня дожидается. Какъ дѣло есть, такъ и ѣда на умъ нейдетъ. Вечеромъ, я думаю, забѣгу къ тебѣ на минуту.»

Поклонясь Лаптеву и женѣ его, Бурмистровъ ушелъ.

«О чемъ вы это шептались?» спросила Варвара Ивановна.

«Не твое, жена, дѣло!» отвѣчалъ Лаптевъ.

«Чтó за дѣло такое? Ужъ и женѣ сказать нельзя! Господи Боже мой! Двадцать три года прожили вмѣстѣ; всегда былъ у насъ совѣтъ да любовь, а теперь, на старости лѣтъ, вздумалъ отъ меня таиться. Ужъ не шашни ли какія затѣялъ?»

«Полно вздоръ-то молоть! Шашни! Съ ума что ли я сойду!»

«Почему знать. Бѣсъ и горами качаетъ!»

«Ахъ ты дура, дура! Да что съ тобой толковать! Не скажу, да и только!»

«Не скажешь? Да я тебѣ покою не дамъ! Коли ты сталъ отъ меня таиться, такъ ты мнѣ не мужъ, я тебѣ не жена. Сегодня же со двора съѣду!»

«Небойсь, не съѣдешь!»

Въ молчаніи подошли они къ дому. Надобно замѣтить, что Лаптевъ, будучи отъ природы робкаго характера, не умѣлъ поддержать той неограниченной власти, какою встарину пользовались наши предки надъ своими женами. Это могло произойти частію отъ непріятнаго впечатлѣнія, которое произведено было на Лаптева чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, когда онъ въ первый разъ захотѣлъ воспользоваться правами

мужа и поколотить жену свою. Въ послѣдствіи, при каждой начинавшейся ссорѣ, онъ невольно вспоминалъ, какъ за первый толчекъ, данный имъ своей супругѣ, получилъ онъ, сверхъ всякаго чаянія, двѣ пощечины, какъ схватила она его за бороду, какъ онъ, вырвавшись, убѣжалъ отъ преслѣдовавшей его по пятамъ сожительницы на сѣновалъ, и какъ онъ терзался, воображая, что она исполнитъ свою угрозу и одна съѣстъ испеченный ею, а имъ несправедливо осмѣянный пирогъ, за который они поссорились.

На столѣ стояли уже миса со щами и блюдо съ пирогомъ, когда Лаптевъ и жена его вошли въ комнату.

«Куда это запропастился Андрей Петровичъ съ сестрицей? Какъ ихъ долго нѣтъ! Неужто обѣдня у Николы въ Драчахъ еще не отошла? Ахъ да! я и забылъ, что онъ хотѣлъ съ нею погулять въ Царевомъ саду (*) и просилъ, чтобы ихъ не дожидаться къ обѣду. Боюсь я, чтобъ Наталья Петровна не попалась тамъ на глаза мошеннику Лыскову! Конечно, послѣ обѣда всѣ

(*) Въ Москвѣ въ то время были два главные сада: *Государевъ садъ* подлѣ Кремлевской стѣны, близъ Боровицкихъ воротъ, и *Царевъ садъ, на Васильевскомъ лугу,* въ Бѣломъ городѣ, подлѣ окружавшей этотъ городъ стѣны, не подалеку отъ Яузскихъ воротъ.

въ городѣ спятъ; однакожъ все бы я не пустилъ ее въ садъ, коли бы зналъ, что ее ищутъ. Ну дѣлать нечего! Авось Богъ ее помилуетъ. Дайка, жена, вишневки, да сядемъ за столъ.»

Варвара Ивановна не отвѣчала ни слова, и, сидя на скамьѣ у окна, смотрѣла на проходящихъ по улицѣ.

«Аль ты оглохла? Давай, говорятъ тебѣ, вишневки!»

Варвара Ивановна встала, обратясь къ образамъ, помолилась и, сѣвъ въ молчаніи за столъ, разрѣзала пирогъ. Мужъ также, помолясь, сѣлъ къ столу. Взявъ ложку и кусокъ хлѣба, Варвара Ивановна начала хлебать щи, не обращая никакого вниманія на мужа.

«Что же, вишневка будетъ ли сегодня, аль нѣтъ?» спросилъ гнѣвно Лаптевъ. «Давай ключъ отъ погреба. Если тебѣ лѣнь, такъ я самъ схожу за фляжкой.»

«Нѣтъ у меня ключа! Ты не сказываешь мнѣ про что̀ вы шептались, а я не скажу гдѣ ключъ.»

«Какъ, да развѣ я не хозяинъ въ домѣ? Развѣ жена смѣетъ ослушаться мужа? Въ Писаніи сказано, что мужъ есть глава жены. Вотъ еще что̀ выдумала! Сейчасъ принеси фляжку!»

«Не принесу!»

«Принеси, говорятъ! Худо будетъ!» закричалъ Лаптевъ, вскочивъ со скамьи.

Варвара Ивановна, не теряя духа, спокойно

подвинула къ себѣ блюдо съ пирогомъ и, выбравъ большой кусокъ, принялась ѣсть. Не столько нахмуренное лицо жены, сколько видъ пирога, напоминавшій Лаптеву сѣновалъ, принудилъ его удержать порывъ досады. Онъ прошелъ нѣсколько разъ по горницѣ и опять сѣлъ къ столу.

«Варвара Ивановна! да принеси вишневки! За что̀ ты меня мучишь? Ты вѣдь знаешь, что я, не выпивъ чарки, обѣдать не могу.»

«А мнѣ что̀ за дѣло! Не обѣдай!»

«Не обѣдай! Да развѣ ты хочешь уморить меня съ голоду?»

«Вотъ пирогъ!» сказала Варвара Ивановна, подвинувъ къ нему не совсѣмъ вѣжливо блюдо.

«Видимъ, что пирогъ! Да безъ вишневки нѐ пойдетъ кусокъ въ горло.»

«Хлебни щей!»

«Ахъ ты Господи! Какая упрямая!»

Лаптевъ схватилъ въ досадѣ кусокъ пирога, и началъ его убирать за обѣ щеки. Можно было, глядя на него, подумать, что онъ каждымъ кускомъ давится, или принимаетъ отвратительное лекарство.

«Ну что̀ тебѣ, жена, за охота знать, про что̀ мы шептались? Плевое дѣло, да и до тебя совсѣмъ не касается.»

«Коли плевое дѣло, такъ скажи какое.»

«Я боюсь: ты проболтаешься да все разскажешь Наталье Петровне. Сохрани Господи!»

«Никому не скажу; побожусь, если хочешь.»

«Нѣтъ, не божись! Писаніе не велитъ божиться. Ну, ужъ такъ и быть. Давай вишневки! Перескажу тебѣ; только смотри: не проговорись.»

«Прежде скажи, а тамъ и вишневки дамъ.»

«Тьфу ты пропасть—скажи! Ну все дѣло въ томъ, что матушка Натальи Петровны попалась въ лапы бояррину Милославскому.»

«Милославскому!» Ахти мои батюшки!»

«Василій Петровичъ хочетъ ее выручить!»

«Помоги ему Господи! Ну а еще что̀?»

«Больше ничего!»

«Да о чемъ же вы такъ долго шептались?»

«Экая безотвязная!»

Лаптевъ разсказалъ женѣ всѣ подробности разговора его съ Бурмистровымъ и заключилъ подтвержденіемъ, чтобы она не говорила ни полслова Натальѣ. Варвара Ивановна обѣщала крѣпко хранить тайну и пошла за вишневкой. Чтобы наградить мужа за его откровенность, принесла она полную кружку вмѣсто обычной половины.

Лаптевъ, которому забота не дала уснуть послѣ обѣда, немедленно пошелъ къ дьяку Земскаго приказа, и сказалъ еще разъ, прощаясь съ женою: «Смотри же, не говори!»

Вскорѣ послѣ его ухода, возвратилась домой Наталья съ братомъ.

«Ну вотъ братецъ-то дѣло вздумалъ, моя ягодка! Что сидѣть дома, да плакать. Вотъ сегодня, какъ погуляла, такъ и щечки сдѣлались порумянѣе. Садитесь-ка обѣдать, мои голубчики. Чай, проголодались?»

Братъ Натальи тотчасъ послѣ обѣда ушелъ. Онъ каждое воскресенье бродилъ по Москвѣ вдоль и поперегъ, въ надеждѣ случайно узнать что-нибудь о судьбѣ своей матери. Варвара Ивановна и Наталья сѣли у окна.

«Э-э-эхъ, мое наливное яблочко! Все-то ты плачешь! Господь Богъ милостивъ: авось скоро увидишься съ родительницей.»

«Какъ, развѣ ты что-нибудь про нее слышала, Варвара Ивановна?»

«Нѣтъ, я ничего не слыхала! Да полно плакать, мое солнышко! Глядя на тебя, сердце разрывается!»

Во время послѣдовавшаго за тѣмъ молчанія, Варвара Ивановна придумывала: чѣмъ бы ей утѣшить Наталью. Не сказать ли ей, полно, думала она, что матушка ея жива и здорова. Чтó, кажется, за бѣда? Хоть мужъ и запретилъ говорить, да мало ли чтò онъ безъ толку приказываетъ. Я вѣдь и сама не глупѣе его! Лишняго-то не выболтаемъ. Дѣло другое сказать, что ма-

тушка ея у Милославскаго. Объ этомъ можно и смолчать.

Эти размышленія мучили ее до самаго вечера. Она не могла даже уснуть послѣ обѣда, по обыкновенію, и все сидѣла у окна съ Натальей, которая принялась вышивать въ пяльцахъ.

«Не введешь ли ты меня, Наталья Петровна, въ брань, если тебѣ скажу добрую вѣсточку?» сказала наконецъ Лаптева. «Я давно бы тебя порадовала, да мужъ не велѣлъ.»

«Чтó такое, Варвара Ивановна? Ужъ не узнали ль что-нибудь о матушкѣ? Если тебѣ угодно, я даже не скажу и братцу, что отъ тебя услышу.»

«Точно ли не скажешь?»

«Я тебѣ даю слово.»

«Матушка твоя жива и здорова.»

«Боже мой! Не обманываешь ли ты меня, Варвара Ивановна? Гдѣ же она? Скажи, ради Бога!»

Наталья, вскочивъ съ своего мѣста, со слезами на глазахъ отъ радости бросилась цѣловать руки Лаптевой.

«Гдѣ она,—вотъ этого-то нельзя еще тебѣ сказать, моя ласточка. Потерпи маленько. Ты скоро, очень скоро увидишься съ родительницей. Не сегодня, такъ завтра.»

«Для чего же ты не хочешь сказать, гдѣ она?» сказала печальнымъ голосомъ Наталья. «Можетъ

быть, она въ рукахъ недобрыхъ людей. Скажи, ради Бога!»

«Нѣтъ, нѣтъ! Что̀ ты это, моя малиновка! Она въ рукахъ у добраго человѣка.»

«Для чего же ты не хочешь назвать его. Ахъ нѣтъ! Я знаю: вѣрно, она въ рукахъ Милославскаго!»

«Милославскаго? Что̀ ты это! Да кто это тебѣ сказалъ?»

«Знаю, знаю! Она у него! Вѣрно, онъ ее до-тѣхъ-поръ держать будетъ, пока меня не сыщутъ. Братецъ узналъ отъ своего товарища, котораго встрѣтилъ въ саду, что меня вчера и третьяго дня, по приказанію Милославскаго, искали по всему городу. Прощай, Варвара Ивановна!»

«Куда, куда ты это? Господь съ тобой!» закричала испуганная Лаптева, пустясь за Натальей въ погоню. Дородность помѣшала ей сойти скоро съ лѣстницы. Выбѣжавъ за ворота, Варвара Ивановна посмотрѣла во всѣ стороны, и, не видя Натальи, пустилась бѣгомъ къ ближнему переулку, думая, что увидитъ тамъ Наталью.

Во всю длину переулка ни одного человѣка! Только у воротъ низенькаго дома стояла корова и щипала траву на улицѣ. Лаптева побѣжала къ другому переулку. И тамъ никого нѣтъ!—Ужъ не бросилась ли она въ рѣку?—подумала Варвара Ивановна. Отъ этой мысли кинуло ее въ

холодный потъ. Не имѣя силъ бѣжать далѣе, она, едва переводя духъ, въ совершенномъ изнеможеніи побрела къ дому. Недоумѣніе, раскаяніе, сожалѣніе, страхъ сильно волновали ее.— Что̀ я скажу,—думала она—мужу, когда онъ возвратится домой и спроситъ: гдѣ Наталья? Дернулъ же лукавый меня за языкъ! Что̀ если бѣдняжка съ моихъ словъ да бросилась въ рѣку! Господи Боже мой! что̀ мнѣ дѣлать? Да я весь вѣкъ стану мучиться, что погубила душу христіанскую. Не думала, не гадала я впасть въ такое тяжкое согрѣшеніе! Помилуй Господи меня, грѣшную!—Въ этихъ мысляхъ Лаптева начала горько плакать и усердно молиться, стоя на колѣнахъ передъ образомъ Николая Чудотворца, которымъ ее благословилъ, въ день свадьбы, покойный отецъ ея. Послѣ молитвы сѣла она къ окошку.—Да съ чего,—начала она размышлять,— пришло мнѣ въ голову, что Наталья Петровна утопилась? Можетъ быть, она побѣжала искать своего братца, чтобы съ нимъ посовѣтоваться. Однакожъ зачѣмъ ей было бѣжать такъ скоро? Зачѣмъ она простилась со мною?—

Во время этихъ размышленій ея, раздался стукъ у калитки.—Мужъ!—подумала Варвара Ивановна, вскочивъ со скамьи въ испугѣ. Худо, какъ совѣсть нечиста! Бывало, прежде постучитъ онъ, и горя мало! Его же сбираешься побранить: зачѣмъ поздно пришелъ, а теперь....

Дверь чрезъ нѣсколько времени отворилась и вошелъ Бурмистровъ.

«Дома Андрей Матвѣевичъ?» спросилъ онъ.

«Нѣтъ еще, отецъ мой!»

«Чтó съ тобой сдѣлалось, Варвара Ивановна? Ты поблѣднѣла, и вся дрожишь!»

«Ничего, Василій Петровичъ. Такъ, что-то зябнется!»

«А въ горницѣ у васъ очень тепло. Не сдѣлалось ли чего-нибудь худаго?»

«Нѣтъ, отецъ мой, все благополучно!»

«А гдѣ Наталья Петровна?»

«Она все еще гуляетъ съ братцемъ.»

«До-сихъ-поръ гуляетъ! Да какъ же это, Варвара Ивановна? Я братца ея встрѣтилъ одного на улицѣ, вскорѣ послѣ обѣда. Онъ сказалъ мнѣ, что Наталья Петровна осталась съ тобою.»

«Охъ, Василій Петровичъ! Какъ бы ты зналъ, какъ мнѣ тяжко и горько! Ума не приложу, чтò мнѣ дѣлать, окаянной. Лукавый меня попуталъ!»

«Какъ, чтó это значитъ?»

«Покаюсь тебѣ во всемъ, какъ отцу духовному. Только не брани меня, кормилецъ мой!»

«Ради Бога, скажи скорѣе, Варвара Ивановна, чтó сдѣлалось?»

«А вотъ видишь, батюшка. Ты сегодня съ мужемъ шептался, какъ мы шли отъ обѣдни. Я и пристала къ нему: скажи, о чемъ вы шептались?

Онъ долго не говорилъ. Однакожъ я на своемъ поставила. Онъ, вишь ты, безъ вишневки обѣдать не можетъ. Мнѣ въ голову и приди: не дамъ ему вишневки, пока всего не перескажетъ. Онъ крѣпился, крѣпился, да наконецъ мнѣ все и разсказалъ; не велѣлъ только говорить Натальѣ Петровнѣ.»

«А ты, вѣрно, не утерпѣла, Варвара Ивановна? Такъ ли?»

«Согрѣшила, грѣшная! Хотѣла было ее утѣшить, и сказала только, что матушка ея жива и здорова; а она и привязалась ко мнѣ. Я ей больше ничего не открыла. Пусть провалюсь сквозь землю, если я лгу! Она сама догадалась. Поблѣднѣла, задрожала, да и кинулась вонъ изъ горницы. Я за ней. Куда тебѣ! И слѣдъ простылъ! Выручи меня изъ бѣды, Василій Петровичъ, помоги какъ-нибудь, отецъ родной!»

«Встань, Варвара Ивановна, встань! Какъ тебѣ не стыдно въ ноги кланяться!»

«Батюшка ты мой! Не встану! Мнѣ совѣстно даже глядѣть на тебя.»

«Не замѣтила ли ты, по какой улицѣ и въ которую сторону ушла Наталья Петровна?»

«Не въ-домѣкъ, отецъ мой.»

«Она, вѣрно, пошла къ Милославскому! Дай Богъ, чтобъ я успѣлъ остановить ее.»

Бурмистровъ сбѣжалъ съ лѣстницы и, вскочивъ на свою лошадь, пустился во весь опоръ

по берегу Яузы къ мосту. Онъ вскорѣ скрылся изъ глазъ Варвары Ивановны, смотрѣвшей изъ окна ему вслѣдъ.

Опять раздался стукъ у калитки. Вошелъ въ горницу братъ Натальи. Бѣдная Лаптева принуждена была и ему покаяться въ своемъ согрѣшеніи. И тотъ бросился опрометью въ погоню за сестрою.

Наконецъ еще стучатъ въ ворота. «Ну, это мужъ, сердце чувствуетъ!» шепнула Варвара Ивановна, вскочивъ со скамьи и отирая платкомъ потъ съ лица.

«Куда ушелъ хозяинъ?» спросилъ рѣшеточный прикащикъ, войдя въ горницу. «У воротъ сказали мнѣ, что его дома нѣтъ.»

«Не приходилъ еще домой!» отвѣчала Варвара Ивановна.

«Да гдѣ жъ это онъ до-сихъ-поръ шатается? Ужъ солнышко давно закатилось, пора бы, кажется, и домой прійти. А ты хозяйка, что ли?»

«Хозяйка, батюшка.»

«Кто еще у васъ въ домѣ живетъ?»

«Прикащикъ Ванька Кубышкинъ, да работница Лукерья.»

«А еще кто? Чай, дѣти есть?»

«Были—мальчикъ и дѣвушка, да отъ родимца еще маленькіе скончались.»

«А нѣтъ ли еще кого въ домѣ?»

«Жила у насъ крестница моего сожителя, Ольга Васильевна Иванова.»

«Гдѣ же она?»

«Пропала, батюшка.»

«Пропала? Какъ-такъ? Давно ли?»

«Въ стрѣлецкіе бунты, отецъ мой.»

«Въ бунты? Да кто тебѣ сказалъ, что были бунты?»

«Слухомъ земля полнится! Да вотъ и сосѣда нашего стрѣльцы ограбили.»

«Врешь ты! Не смѣй этого болтать. Бунта никакого не было. Не только говорить, и думать объ этомъ не велѣно, а не то въ Тайномъ Приказѣ языкъ отрѣжутъ.»

«Виновата, батюшка! Мнѣ и не въ-домѣкъ, что бунтовъ не было. Мое дѣло женское.»

«То-то женское. У бабы волосъ длиненъ, да умъ коротокъ, а языкъ и волосовъ длиннѣе!»

«Длиннѣе, батюшка, длиннѣе! Какъ твоей милости угодно.»

«А подана ли челобитная о пропажѣ?»

«Не знаю, отецъ мой. Объ этомъ у мужа спроси.»

«Что̀ ты указываешь! Безъ тебя знаемъ, у кого спросить! А какова примѣтами крестница?»

«Не въ-домѣкъ, батюшка. Волосы, кажись, рыжеватые, глаза изъ-сѣра каріе, ротъ какъ быть водится, и носъ какъ быть водится.»

«Ну, ну, хорошо! Засвѣти-ка фонарь, да ступай за мной.»

«Куда? Зачѣмъ, отецъ мой?»

«А тебѣ что́ за дѣло? Скорѣй поворачивайся!»

Варвара Ивановна, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, пошла въ находившуюся на концѣ двора, подлѣ огорода, поварню, достала огня и засвѣтила фонарь. Лукерья, спавшая на полу, приподняла голову, поправила въ-просонкахъ лежавшее у нея въ головахъ толстое полѣно и снова заснула.

«Гдѣ лѣстница на чердакъ?» спросилъ прикащикъ. «Что глаза-то на меня уставила? Показывай лѣстницу!»

Лаптева, едва передвигая ноги отъ ужаса, вошла съ двора въ сѣни и отперла дверь на чердакъ. Проходя по двору, прикащикъ закричалъ: «Эй вы! Не зѣвать! Двое встаньте у воротъ. Никого не выпускайте и не впускайте! Ты, Сенька, встань у погреба, ты, Ѳедька, у конюшни, а ты, Антипка, гляди, чтобъ кто съ двора черезъ заборъ не перелѣзъ.»

Войдя въ сѣни, въ слѣдъ за Лаптевой, и приблизясь къ двери на чердакъ, прикащикъ продолжалъ:

«Ну что жъ стала? Ступай впередъ, да свѣти.»

Лаптева, ни жива, ни мертва, взошла на чердакъ. Прикащикъ, осмотрѣвъ всѣ углы, сказалъ: «Веди теперь на сѣновалъ. Да нѣтъ ли еще у

тебя горницы какой или чулана? Во всѣхъ ли я былъ?»

«Во всѣхъ, батюшка!»

Осмотрѣвъ сѣноналъ, конюшню, сарай, погребъ и кладовую, прикащикъ возвратился съ Варварой Ивановной въ ея свѣтлицу. Въ погребѣ взялъ онъ, мимоходомъ, фляжку.

«Ну, прощай, хозяйка! За твое здоровье мы выпьемъ. Чтó въ этой фляжкѣ?»

«Вишневка, отецъ мой!»

«Ладно! Не поминай насъ лихомъ! Да смотри, впередъ не болтай пустаго про бунты. Бунтовъ не было!»

«Знаю теперь, батюшка, знаю! Какіе бунты! Правда, не я одна про нихъ болтаю, да все пустое, кормилецъ! Знать, кому-нибудь во снѣ нагрезилось.»

«А зачѣмъ печь у васъ сегодня топлена?» спросилъ прикащикъ, приложивъ руку къ печи.

«Сегодня не топили, отецъ мой, а въ воскресенье, по приказу его милости, объѣзжаго. Погода была больно холодна.»

«Знать, хорошо натопили. Тепла въ избѣ на мѣсяцъ будетъ. И теперь дотронуться нельзя до печки: словно накаленный утюгъ! Въ другой разъ топи меньше. Прощай!»

Прикащикъ ушелъ. Варвара Ивановна, проводивъ его, перекрестилась. Не успѣла она сѣсть на скамью и поставить фонарь на столъ, какъ

шумъ шаговъ послышался на лѣстницѣ и заставилъ ее опять вскочить. Вошелъ Лаптевъ.

«Что ты, жена?» воскликнулъ онъ, взглянувъ на Варвару Ивановну: «здорова-ли? А фонарь на столѣ зачѣмъ? Развѣ нѣтъ свѣчъ? Да ужъ пора и огонь гасить, а то, пожалуй, нагрянетъ рѣшеточный, какъ снѣгъ на голову!»

«Сейчасъ ушелъ отсюда рѣшеточный. Напугалъ меня до смерти! Весь домъ обыскивалъ.»

«Какъ-такъ?»

Выслушавъ подробное донесеніе, Лаптевъ похвалилъ жену за ея благоразуміе. Она между прочимъ сказала ему, что скрыла Наталью на сѣновалѣ отъ поисковъ.

«Что жъ ты за ней не сходишь? Я думаю, бѣдняжка перепугалась? Сходи за ней скорѣе!»

Поправивъ тускло-горѣвшую лампаду и взявъ фонарь, Варвара Ивановна отправилась на сѣновалъ. Возвратясь оттуда чрезъ нѣсколько времени, она сказала: «Наталья Петровна на сѣнѣ уснула. Таково-то спитъ сладко, что мнѣ ее разбудить было жалко!»

«Вотъ вздоръ какой! Неужто ее на всю ночь оставить на сѣновалѣ?»

«А что жъ, Андрей Матвѣичъ, погода теплая. Пусть ее поспитъ еще хоть немножко. Какъ сами станемъ ложиться, такъ можно будетъ ее тогда разбудить; а теперь, право, ее жалко тревожить!»

«Ну хорошо, пусть будетъ по-твоему. Только диво: какъ могла она заснуть при такомъ страхѣ. Рѣшеточный-то недавно ушелъ?»

«Только-что предъ тобой вышелъ.»

«Диво, да и только! Вотъ, подумаешь, спокойная-то совѣсть. Бѣда надъ головой у бѣдняжки, а она спитъ себѣ словно младенецъ!»

При словахъ: спокойная совѣсть, Лаптева тяжело вздохнула.

«Знаешь ли что́, жена?» продолжалъ Лаптевъ. «Вѣдь матушку-то Натальи Петровны выручили!»

«Какъ! Кто выручилъ?»

«Нашъ кумъ, Иванъ Борисычъ, по наставленію Василья Петровича. Вотъ видишь, какъ было дѣло. Василій Петровичъ узналъ, что сегодня Милославскій, отобѣдавъ и отдохнувъ, поѣхалъ на весь вечеръ въ-гости къ пріятелю своему, князю Хованскому, а Лысковъ съ дюжиною стрѣльцовъ пошелъ, слышь-ты, по Москвѣ отыскивать Наталью Петровну. Вотъ Василій Петровичъ призвалъ къ себѣ Борисова, да человѣкъ десять стрѣльцовъ Сухаревскаго полка, и послалъ ихъ въ домъ Милославскаго. Набольшимъ въ домѣ остался дворецкій боярина, Мироничъ. Когда ужъ смерклось, Борисовъ стукъ въ ворота.—Кто тамъ? закричалъ холопъ.—Стрѣльцы Титова полка, отъ князя Хованскаго.—Это, слышь-ты, любимый полкъ бо-

ярина, потому-что въ немъ многое множество раскольниковъ, а онъ самъ такой старовѣръ, что и сохрани Господи! Ворота отворили, и Борисовъ со стрѣльцами вошелъ на дворъ, вызвалъ дворецкаго и сказалъ ему, что его де прислалъ бояринъ Милославскій съ приказомъ: тотчасъ привести старуху Смирнову въ домъ князя.—Да какъ же это?—молвилъ дворецкій.—Бояринъ накрѣпко наказывалъ безъ него старуху не выпускать ни на пядь изъ дому.—Я ужъ этого ничего не знаю, сказалъ Борисовъ. Что̀ намъ приказано, то мы и дѣлаемъ. Пожалуй, мы воротимся и скажемъ боярину, что ты боишься отпустить безъ него старуху.—Дворецкій призадумался.—Постой, постой! молвилъ онъ, я самъ приведу ее къ боярину.—Какъ хочешь! отвѣчалъ Борисовъ и пошелъ со двора. Перейдя мостъ, черезъ который лежала дорога дворецкому, Борисовъ спрятался со стрѣльцами на дровяномъ дворѣ, и сквозь щелку въ заборѣ смотритъ на мостъ. Глядь: дворецкій идетъ на костыляхъ впереди со старухой, а за ними четыре боярскихъ холопа съ дубинами. Лишь только поровнялись они съ заборомъ, Борисовъ, видя, что на улицѣ никого кромѣ ихъ нѣтъ, вдругъ кинулся на нихъ со стрѣльцами. Какъ разъ всѣхъ втащили на дровяной дворъ, перевязали и приставили ружья ко лбу.—Если не уйметесь кричать, тутъ вамъ и смерть!—Дѣ-

лать было нечего, замолчали. На крикъ ихъ прибѣжалъ мужикъ, который сторожилъ дворъ. И мужика пугнули, да велѣли молчать. Борисовъ приказалъ стрѣльцамъ продержать дворецкаго съ холопами и мужика на дворѣ до ночи, а самъ и увелъ матушку Натальи Петровны на постоялый дворъ. Тамъ ужъ готова была повозка. Пришелъ Василій Петровичъ и растолковалъ все дѣло старухѣ. Она и поѣхала съ Борисовымъ въ Ласточкино Гнѣздо. Василій Петровичъ самъ ее проводилъ до заставы, и сказалъ на прощаньи, что черезъ день и Наталья Петровна къ ней пріѣдетъ.»

«Слава Богу! Спасибо Василью Петровичу!»

«Ужъ подлинно что спасибо! Прежде дочь спасъ, а теперь и мать выручилъ, да и меня изъ бѣды выпуталъ. Я ужъ подалъ челобитную въ Земскій приказъ. Пусть себѣ ищутъ мою крестницу! Только вотъ чтó: завтра, чуть свѣтъ, пріѣдетъ за Натальей Петровной ея братецъ. Онъ отпросился на недѣлю въ отпускъ изъ окодемьи, для свиданія съ родительницею, которая будто бы умираетъ. Натальѣ-то Петровнѣ надобно бы было сегодня изъ Москвы уѣхать, да не успѣли всего приготовить. Сходи-ка за ней теперь, да разбуди. Пусть она скорѣе путемъ спать уляжется, а потомъ ты, пока мы сами не легли, сбери и уклади всѣ ея пожитки.»

Варвара Ивановна, вздохнувъ, взяла фонарь и вышла изъ комнаты. Въ ожиданіи ея возвращенія, Лаптевъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Тьфу ты пропасть!» сказалъ онъ наконецъ про себя. «Да что̀ она тамъ такъ долго дѣлаетъ?»

«Все пропало! Она ужъ въ рукахъ злодѣя Милославскаго!» воскликнулъ братъ Натальи, войдя въ комнату и бросивъ на полъ свою суконную шапку.

«Что̀ съ тобой сдѣлалось, Андрей Петровичъ?»

«Я бѣжалъ за нею что̀ было силы, какъ Гиппоменъ или Меланій за Аталантой, но не могъ уже догнать ее во-время.»

«Господи помилуй! Да про кого ты говоришь? Что за Маланья съ талантомъ?»

Объяснивъ Лаптеву, сравненіе свое, взятое изъ греческой миѳологіи, Андрей прибавилъ: «Перебѣжавъ мостъ, увидѣлъ я вдали, что сестра подходитъ къ дому Милославскаго. Сердце у меня замерло! Я не могъ бѣжать далѣе. Она остановилась у воротъ. Каково̀ мнѣ было смотрѣть на нее, Андрей Матвѣевичъ, каково̀ мнѣ было видѣть ее у пещеры тигра, куда она войти хочетъ для того, чтобы собственною гибелью спасти мать свою, уже спасенную! Перекрестясь, она постучалась и вошла въ ворота. Бѣдная сестра! Бѣдная матушка!»

Андрей не могъ говорить болѣе и заплакалъ.

Во время разсказа его, сострадание и гнѣвъ попеременно наполняли душу Лаптева. Наконецъ онъ вскочилъ и, ударивъ по столу рукою, воскликнулъ: «Ахъ она окаянная! Надѣлала дѣла, да еще и обманывать меня вздумала! Погоди ужо! Видно, не смѣетъ сюда идти-то. Пускай же сидитъ всю ночь на сѣновалѣ! Пускай ее терзается; по-дѣломъ ей!»

Андрей, преданный своей горести, ничего не разслушалъ изъ сказаннаго Лаптевымъ. Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Густыя облака, покрывавшія все небо, превратили майскій вечеръ въ осеннюю ночь. Въ душѣ Андрея было еще темнѣе, нежели на улицѣ. Лаптевъ, въ сильномъ волненіи, ходилъ изъ угла въ уголъ, садился, опять вставалъ. Наступила ночь, и крупныя капли дождя застучали по стекламъ оконъ.—Не сходить ли мнѣ за женою?—подумалъ Лаптевъ.—Или нѣтъ, пусть ее еще посидитъ! Не умретъ отъ этого! Я и самъ встарину на этомъ сѣновалѣ сиживалъ!—

Что побудило его перемѣнить намѣреніе? Желаніе ли наказать жену за проступокъ и ее исправить, или же чувство мщенія, возродившееся при воспоминаніи о непріятномъ положеніи своемъ на сѣновалѣ за двадцать три года предъ тѣмъ? Пусть рѣшатъ этотъ вопросъ психологи. А пока они занимаются рѣшеніемъ

этой важной задачи, взглянемъ: что̀ дѣлаетъ Бурмистровъ.

Въ глубокія сумерки поскакавъ во весь опоръ вслѣдъ за Натальею отъ дома Лаптева, онъ вскорѣ въѣхалъ въ многолюдныя улицы и долженъ былъ пустить лошадь рысью, чтобы не обратить на себя вниманія какого-нибудь объѣзжаго и не заставить себя преслѣдовать. Въ одномъ переулкѣ встрѣтился онъ съ Борисовымъ, который шелъ съ матерью Натальи, къ постоялому двору. Узнавъ отъ него, что онъ выманилъ дворецкаго изъ дома Милославскаго и велѣлъ его продержать до ночи на дровяномъ дворѣ, Василій поѣхалъ къ дому боярина. Привязавъ у вереи свою лошадь и постучась въ ворота, сказалъ онъ, что присланъ отъ князя Хованскаго. Во всемъ домѣ Милославскаго одинъ Лысковъ зналъ Бурмистрова въ лицо; но Василью было извѣстно, что онъ ушелъ со стрѣльцами отыскивать Наталью.

«Пришла сюда молодая дѣвушка?» спросилъ онъ холопа, отворившаго ему калитку.

«Бѣглая-то? Пришла недавно.»

«Гдѣ же она?»

«Спроси объ этомъ у другихъ холоповъ. Мое дѣло стоять у воротъ.»

Василій вошелъ въ домъ. Въ сѣняхъ остановилъ его слуга вопросомъ: «Кого твоей милости надобно?»

«Я прислань бояриномъ Иваномъ Михайловичемъ. Онъ изъ дома князя Хованскаго велѣлъ сюда прійти какой-то дѣвушкѣ. Гдѣ она?»

«Ни боярина, ни дворецкаго нѣтъ дома; такъ мы, общимъ совѣтомъ, отвели ее въ горницу Сидора Терентьича, крестнаго сына боярина, тамъ ее заперли и послали Ѳедьку садовника сказать объ этомъ Ивану Михайлычу.»

«Хорошо! Отведи меня къ ней.»

«А зачѣмъ? Я вѣдь твоей милости не знаю.»

«Ты вздумалъ еще умничать. Дѣлай, что̀ велятъ!» закричалъ Бурмистровъ грознымъ голосомъ.

Слуга, оробѣвъ, повелъ Василья вверхъ, по крутой лѣстницѣ, къ свѣтлицѣ, гдѣ жилъ Лысковъ. Снявъ со стѣны висѣвшій на гвоздѣ ключъ, онъ отперъ дверь и вошелъ за Бурмистровымъ въ горницу. Наталья сидѣла у окна. Блѣдное лицо ея выражало безнадежность и отчаяніе. Увидѣвъ Василья, она вскочила и закричала: «Ради Бога, скажи: гдѣ моя бѣдная матушка? Злодѣи заперли меня и не даютъ мнѣ съ нею увидѣться.»

«Успѣешь еще съ нею увидѣться!» отвѣчалъ Бурмистровъ сурово. «А теперь ступай за мной: бояринъ Иванъ Михайловичъ велѣлъ теперь же привести тебя къ нему.»

«Я не выйду изъ этого дома, пока не увижусь съ нею!»

«Такъ не будетъ же по-твоему! Въ этомъ домѣ ты никогда съ нею не увидишься. Мы упрятали ее въ доброе мѣсто. Сейчасъ иди за мной! Мнѣ дожидаться некогда.»

Удивленная Наталья посмотрѣла пристально на Бурмистрова. Понявъ двусмысленность словъ его, она встала и хотѣла итти за нимъ.

«Постой, постой, голубушка!» сказалъ слуга. «Мы тебя посадили сюда общимъ совѣтомъ, такъ одинъ я отпустить тебя не могу. Надобно прежде собрать всю дворню да потолковать.»

«Развѣ ты не слыхалъ, дурачина, что бояринъ приказалъ привести ее сейчасъ же къ нему?»

«Воля твоя, господинъ честной, а одинъ я отпустить ее не могу. Да чу! Кто-то идетъ по лѣстницѣ!» сказалъ слуга, подойдя къ двери. «Никакъ Сидоръ Терентьичъ! Онъ и есть. Изволь его спросить, а теперь наше дѣло сторона.»

Слуга, пропустивъ Лыскова въ его горницу, пошелъ внизъ въ сѣни, гдѣ онъ былъ дневальнымъ.

Сидоръ Терентьевичъ остолбенѣлъ отъ удивленія. Услышавъ отъ слугъ, что Наталья заперта у него въ комнатѣ, и что за нею прислалъ крестный отецъ его какого-то стрѣлецкаго пятисотеннаго, онъ вовсе не ожидалъ увидѣть Бурмистрова въ своей комнатѣ.

«Послушай, бездѣльникъ!» сказалъ ему Василій: «если ты пикнешь и помѣшаешь мнѣ дѣ-

лать что́ надобно, такъ я тебѣ снесу голову съ плечъ. Знаю, что я этимъ погублю себя, но тебѣ отъ этого легче не будетъ.»

«Что́ это значитъ?... Открытый разбой что́ ли?»

«Молчать, говорю я тебѣ!» сказалъ Василій, вынувъ саблю.

Лысковъ замолчалъ, дрожа отъ страха и злости, и внутренно жалѣлъ, что всѣхъ стрѣльцовъ, съ которыми онъ ходилъ отыскивать Наталью, разослалъ въ разныя стороны для поисковъ. На храбрость холоповъ Милославскаго не могъ онъ надѣяться, зная притомъ, что Бурмистровъ всегда вѣрно исполнялъ свои обѣщанія.

«Проводи насъ съ Натальей Петровной за ворота. Только повторяю тебѣ: если ты не только словомъ, хоть зна̀комъ измѣнишь намъ и вздумаешь насъ какъ-нибудь останавливать, я ужъ не пожалѣю ни себя, ни твоей головы. Даю въ томъ честное слово, клянусь всѣми святыми!»

Вложивъ въ ножны саблю и взявъ Лыскова подъ-руку, онъ пригласилъ Наталью итти передъ ними, и, увидѣвъ толпу слугъ, которые собрались на дворѣ изъ любопытства, началъ дружески съ Лысковымъ разговаривать:

«Приходи же завтра ко мнѣ обѣдать! Грѣшно забывать старыхъ пріятелей!» сказалъ онъ громко. «Не забудь, что жизнь твоя на волоскѣ, и

да еще за то, что съ Гадинымъ замышлялъ онъ, злодѣй, испортить покойнаго царя Θедора Алексѣича, его и въ ссылку послали (*). Подлин-

---

(*) Въ этомъ состояли главныя преступленія, за которыя Матвѣевъ былъ лишенъ боярства и всего имѣнія, и отправленъ въ ссылку. Въ челобитной его, посланной въ 1677 году къ царю Θеодору Алексѣевичу изъ Пустозерска, онъ оправдывается, говоря, между прочимъ: 1) что карло его, Захаръ, не могъ слышать его разговора съ Гаденомъ, такъ-какъ, по его собственному показанію, онъ въ то время спалъ за печкой и храпѣлъ; 2) что онъ во время сна не могъ слышать: храпѣлъ ли онъ или нѣтъ; да и спать не могъ за печкой, потому-что она поставлена у него, боярина, въ комнатѣ, гдѣ онъ разговаривалъ съ докторомъ, у самой стѣны; 3) что карло не могъ видѣть нечистыхъ духовъ, потому-что духи, добрые и злые, невидимы; 4) что доносчики, лекарь Давидъ Берловъ и холопъ его Матвѣева, карло Захаръ, сбились въ показаніяхъ, потому-что сначала говорили, что въ комнатѣ былъ во время явленія духовъ бояринъ, Гаденъ и карло, а потомъ показывали, что былъ еще въ комнатѣ Николай Спафарій (переводчикъ посольскаго приказа, родомъ изъ Молдавіи, отправленный въ 1675 году посланникомъ въ Китай); 5) что два ребра переломилъ карлу не онъ, Матвѣевъ, а посадскій Иванъ Соловцевъ во время игры съ карломъ и нѣсколькими ребятами; 6) что нечистые духи кричали, по показаніямъ лекаря и карла: *есть у васъ въ избѣ третій человѣкъ,*

но: велико еще къ нему было милосердіе за старыя его службы. Сжечь бы его, чернокнижника!

Пятый стрѣлецъ. Нѣтъ, товарищъ, не грѣши: все это наговорили на Матвѣева его злодѣи. Еще покойный царь Ѳедоръ Алексѣичъ по его челобитнымъ увидѣлъ, что онъ сосланъ безвинно, велѣлъ ему съ Мезени, куда его отправили съ сыномъ изъ Пустозерска, переѣхать въ Луховъ, и пожаловалъ ему вотчину въ 700 дворовъ. Похожъ ли Матвѣевъ на чернокнижника? Нѣтъ, братъ, онъ истинно православный христіанинъ. При покойномъ царѣ Алексѣѣ Михайлычѣ не было боярина сильнѣе его, а сдѣлалъ ли онъ хоть кому-нибудь *какое дурно?* Всѣ любили его, какъ отца роднаго. Я былъ еще мальчишкой, лѣтъ двѣнадцати, и какъ теперь гляжу на ветхій домъ Матвѣева, не подалеку отъ Николы въ Столпахъ. Царь часто бывалъ въ-гостяхъ у боярина и приказывалъ ему нѣсколько разъ перестроить домъ на счетъ царской казны; но Матвѣевъ отговаривался и обѣщалъ напослѣдокъ домъ перестроить, только не на счетъ казны, а на свои

и 7) что, по-этому, неизвѣстно: *кто изъ нихъ очелся, или въ счетѣ помѣшался, и палаты съ избою не познали, духи ль проклятые и низверженные, или воры Давыдко и карло четырехъ человѣкъ считаютъ за три, а палату называютъ избою.*

«Здѣсь! Ахъ ты моя жемчужина! Уфъ! гора съ плечъ свалилась! Гдѣ она, мое ненаглядное солнышко?»

Варвара Ивановна слѣзла по крутой лѣстницѣ съ сѣновала и бросилась обнимать Наталью. Черезъ полчаса всѣ ея вещи были уложены. Лаптевъ тихонько положилъ въ чемоданъ кожаный кошелекъ съ рублевиками. Потомъ всѣ вошли въ свѣтлицу Варвары Ивановны и сѣли. Помолчавъ немного, всѣ вдругъ поднялись съ мѣстъ, помолились и начали прощаться съ отъѣзжавшими. Бурмистровъ помогъ Натальѣ сѣсть въ повозку. Братъ сѣлъ подлѣ нея.

«Дай Богъ вамъ счастія и всякаго благополучія!» говорилъ Лаптевъ.

«Дай тебѣ Господи жениха по сердцу!» повторяла, со слезами на глазахъ, Варвара Ивановна. «Не забудь насъ, моя ласточка! Мы тебя никогда не забудемъ!» Гришка, взмахнувъ рукою, пустилъ лошадей въ-скачь.

Бурмистровъ ѣхалъ верхомъ подлѣ повозки. Вскорѣ приблизились они къ заставѣ. За двадцать серебряныхъ копѣекъ, стоявшій на часахъ сторожъ пропустилъ ихъ за городъ безъ дальнихъ разспросовъ. До солнечнаго восхода ѣхали они безъ отдыха. Тогда, остановясь въ какомъ-то селѣ, оглянулись они на Москву; но она уже исчезла въ отдаленіи.

VI.

Судьба насъ будто берегла:
Ни безпокойства, ни сомнѣнья!...
А горе ждетъ изъ-за угла.

Грибоѣдовъ.

Узнавъ на опытѣ, какъ опасно повѣрять тайну не только женщинѣ, но даже и женатому мужчинѣ, Бурмистровъ не сказалъ при прощаньи Лаптеву, что онъ рѣшился тихонько уѣхать изъ Москвы, чтобы скрыться отъ преслѣдованій Милославскаго.

Путешественники наши, отдохнувъ въ селѣ (которое, какъ узнали они, называлось: Погорѣлово), пустились далѣе и вскорѣ съ большой Троицкой дороги своротили на проселочную, пролегавшую сквозь густой лѣсъ. Гришка принужденъ былъ ѣхать шагомъ. Братъ Натальи вылѣзъ изъ повозки, пошелъ подлѣ ѣхавшаго верхомъ Василья и началъ съ нимъ разговаривать о происшествіяхъ въ Москвѣ и о случившемся переворотѣ.

«Я удивляюсь,» сказалъ Андрей: «какъ царевна Софья Алексѣевна до-сихъ поръ ничѣмъ не

наказала Сухаревскій полкъ за его приверженность къ царю Петру Алексѣевичу. Впрочемъ, быть можетъ, она читала превосходное твореніе Платона о праведномъ. Она, какъ я слышалъ, большая охотница до чтенія, и даже сочиняетъ стихи.»

«Она хочетъ увѣрить народъ, что не ею произведенъ бунтъ, и что она приняла правленіе по усильной просьбѣ патріарха и думы для того только, чтобы положить конецъ смятеніямъ. И за что̀ бы можно было наказать явно Сухаревскій полкъ? Неужели за то, что онъ, помня присягу, хотѣлъ противиться мятежникамъ и защищать своего законнаго государя? Я узналъ однакожъ, что Милославскій предложилъ ей послать весь полкъ въ какой-нибудь дальній городъ, и что она на это согласилась.»

«Стало-быть, она не читала Платона.... И тебѣ, Василій Петровичъ, надобно будетъ итти съ полкомъ?»

«Нѣтъ. Въ первый день послѣ бунта я подалъ челобитную объ отставкѣ. Вчера узналъ я, что меня уже уволили, и что дано тайное приказаніе Милославскому, при первомъ удобномъ случаѣ, схватить меня ночью и отправить на всю жизнь въ Соловецкій монастырь.»

«Слава Богу, что ты успѣлъ изъ Москвы уѣхать; а не то, могъ бы невинно пострадать, подобно Сократу.»

«Мнѣ давно бы надобно было бѣжать изъ Москвы.... Милославскій какъ-то узналъ, что я подрубилъ ногу его дворецкому. Удивительно, какъ я до-сихъ-поръ уцѣлѣлъ! Видно, было слишкомъ много у него хлопотъ и безъ меня. Однакожъ, вѣрно бы онъ наконецъ меня вспомнилъ, особенно послѣ вчерашняго случая. Я думаю, Лысковъ ужъ ему разсказалъ, что я гулялъ съ нимъ по пріятельски подъ-руку и звалъ его къ себѣ обѣдать.»

«Да, да!» сказалъ Андрей, засмѣявшись. «Сестра мнѣ сказывала. Это мнѣ напомнило поступокъ Діогена, если не ошибаюсь, или другаго какого-то циника, правильнѣе же сказать, киника, ибо названіе это происходитъ отъ греческаго слова кіонъ, которое значитъ песъ, собака. Однажды какой-то богачъ пригласилъ этого киника къ себѣ обѣдать, и послѣ обѣда началъ показывать ему свои разукрашенныя палаты. Захотѣлось кинику плюнуть. Видя вездѣ разостланные по полу дорогіе ковры, киникъ и плюнь въ бороду хозяину. Я не нашелъ, де, хуже мѣста въ твоихъ палатахъ. И тебѣ бы, Василій Петровичъ, догадаться, да плюнуть въ бороду Лыскову!»

Разсказавъ этотъ анекдотъ изъ древней исторіи, Андрей и самъ замѣтилъ, что онъ привелъ его вовсе не кстати; но дѣлать было нечего: сказаннаго не воротишь. Притомъ Андрей зналъ

правило всѣхъ ученыхъ, что разъ сказанное, кстати или не кстати, основательно или неосновательно, умно или глупо,—должно поддерживать всѣми силами, всѣмъ возможнымъ краснорѣчіемъ. Впрочемъ Бурмистровъ не сдѣлалъ Андрею ни возраженія, ни замѣчанія, ни вопроса. Вѣроятно, онъ, занятый другими мыслями, вовсе не разслушалъ разсказа о киникѣ, и этотъ разсказъ сошелъ съ рукъ благополучно.

Ѣхавшая впереди повозка, миновавъ лѣсъ, остановилась.

«Андрей Петровичъ!» закричалъ Гришка, приподнявшись и оборотясь къ брату Натальи: «сестрица проситъ тебя, чтобы ты сѣлъ въ повозку. Дорога стала получше, все идетъ полемъ, да и Ласточкино Гнѣздо ужъ видно.»

Андрей сѣлъ подлѣ сестры. Гришка свистнулъ и пустилъ вскачь лошадей. Переѣхавъ въ бродъ небольшую рѣчку, путешественники встрѣтили на берегу другую повозку. Она остановилась.

«Василій Петровичъ!» закричалъ голосъ, и выскочилъ изъ повозки Борисовъ. Василій остановилъ свою лошадь, и Гришка съ большимъ трудомъ удержалъ разбѣжавшуюся тройку.

«Матушка Натальи Петровны благополучно доѣхала въ Ласточкино Гнѣздо!» сказалъ Борисовъ. «А ты какъ сюда попалъ, Василій Петровичъ?»

Василій разсказалъ ему причину своего по-

спѣшнаго выѣзда изъ Москвы, и поручилъ ему продать всѣ оставшіяся въ домѣ его вещи, и деньги взять себѣ.

«Нѣтъ, Василій Петровичъ, я всѣ деньги, какія выручу, къ тебѣ перешлю, или привезу самъ.»

«Развѣ ты не хочешь принять отъ меня послѣдняго, можетъ быть, въ жизни подарка? Мы, Богъ знаетъ, когда еще съ тобою увидимся!»

«Что̀ ты это говоришь, Василій Петровичъ!»

Бурмистровъ соскочилъ съ лошади, подошелъ къ Борисову и сказалъ ему въ-полголоса: «Меня изъ полка уволили, и царевна Софья Алексѣевна тайно велѣла Милославскому схватить меня и отвезти въ Соловецкій монастырь. А по твоей челобитной, которую ты вмѣстѣ со мною подалъ объ отставкѣ, приказано тебѣ отказать. Сухаревскій полкъ скоро пошлютъ въ какой-нибудь дальній городъ. Чаще увѣдомляй меня о себѣ. Старайся при первомъ случаѣ выйти въ отставку, и прямо пріѣзжай ко мнѣ. Теперь все въ рукахъ царевны Софьи Алексѣевны; но авось придетъ время—и все перемѣнится. Тогда опять начнемъ служить вмѣстѣ, попрежнему. Ну прощай, Борисовъ! Не забывай меня.»

«Прощай, Василій Петровичъ, прощай! Забудь меня Богъ, если я тебя забуду. Въ малолѣтствѣ еще лишился я отца и матери; жилъ бѣднякомъ безпріютнымъ, безъ роду и племени; ты призрѣлъ меня, ты....»

Борисовъ не могъ говорить болѣе: слезы градомъ покатились по лицу его.

«Матушка моя, умирая на дальной сторонѣ,» продолжалъ Борисовъ прерывающимся отъ сильнаго душевнаго волненія голосомъ: «черезъ чужихъ людей прислала мнѣ этотъ образъ. Ей не удалось благословить своего сына!.... Ты замѣнилъ мнѣ отца и мать, Василій Петровичъ! Можетъ быть, мы въ этой жизни ужъ не увидимся: благослови меня вмѣсто отца и матери!...»

Борисовъ, снявъ съ шеи висѣвшій на черномъ снуркѣ небольшой серебряный образъ Богоматери, подалъ Бурмистрову и сталъ передъ нимъ на колѣна.

Тронутый до слезъ Василій, поднявъ благоговѣйный взоръ къ небу, троекратно надъ головою Борисова сдѣлалъ образомъ знаменіе креста. Борисовъ, поклонясь три раза въ землю, приложился къ иконѣ и, принявъ ее изъ рукъ Василья, опять надѣлъ на себя.

«Прощай, Василій Петровичъ, второй отецъ мой!» воскликнулъ Борисовъ. «Приведи меня Господь еще когда-нибудь съ тобою увидѣться!»

Они бросились другъ другу въ объятія и долго не могли разстаться. Наконецъ Борисовъ вскочилъ въ повозку, взялъ возжи и, переѣхавъ рѣчку, поскакалъ по дорогѣ къ лѣсу. Въѣзжая въ лѣсъ, онъ оглянулся, и увидѣвъ на берегу рѣчки Василья, который все еще стоялъ и смо-

трѣлъ ему вслѣдъ, закричалъ издали: «Прощай, второй отецъ мой!» и повозка скрылась въ чащѣ лѣса.

Черезъ полчаса путешественники въѣхали въ Ласточкино Гнѣздо. На холмистомъ берегу небольшаго озера, въ которое впадала рѣчка, стояли восемь крестьянскихъ хижинъ. Одна изъ нихъ, находившаяся на краю, отличалась отъ прочихъ величиною, надстроенною надъ нею свѣтлицею, размалеванными ставнями и вычурною рѣзьбою около окошекъ. Это былъ домъ помѣщицы. Гришка остановилъ у воротъ тяжело-дышавшихъ отъ усталости лошадей. На скамьѣ передъ домомъ сидѣла въ задумчивости старуха, въ черномъ сарафанѣ.

Наталья и Андрей выпрыгнули изъ повозки. Раздались восклицанія: «Матушка!»—«Дѣти!» и въ нѣмомъ восторгѣ старушка прижала дочь, а потомъ сына къ своему сердцу. Когда услышала она, что освобожденіемъ своимъ и спасеніемъ дочери обязана Бурмистрову, то, бросясь къ нему, начала обнимать его ноги. Василій поднялъ ее и повелъ подъ-руку въ домъ своей тетки.

На дворѣ встрѣтила ихъ пожилая женщина, въ сарафанѣ изъ голубой китайки, обшитомъ мишурнымъ позументомъ, и въ шапочкѣ изъ заячьяго мѣха, бѣлизна которой дѣлала еще замѣтнѣе смуглый цвѣтъ ея лица, загорѣвшаго

отъ солнца. Это была Мавра Савишна Брусницына, владѣтельница Ласточкина Гнѣзда.

«Добро пожаловать, дорогіе гости!» сказала она. «Здравствуй, любезный племянничекъ! Мы ужъ съ тобой, кажись, лѣтъ пять, али побольше, не видались!»

«Да, тетушка!» отвѣчалъ, здороваясь съ нею, Бурмистровъ.

«Милости просимъ въ горницу! Я ждала еще сегодня утромъ дорогихъ гостей. Чтò такъ замѣшкались? Скоро ужъ солнышко закатится.»

«Нельзя было ранѣе пріѣхать, тетушка.»

«А ужъ у меня ужинъ готовъ и баня топится съ ранняго утра.»

Угостивъ пріѣзжихъ ужиномъ, который состоялъ изъ нѣсколькихъ ломтей ржанаго хлѣба, изъ щей, поданныхъ въ большой деревянной чашкѣ, и изъ гречневой каши, помѣщица принудила сначала Наталью, а потомъ племянника и Андрея отправиться въ баню.

«Помилуйте!» говорила она: «у меня дрова-то не купленныя! Да какъ же это можно послѣ дороги не сходить въ баню?»

«Велика ли дорога, тетушка! Всего-то проѣхали не болѣе пятидесяти верстъ.»

«Да ужъ воля твоя, много ли, мало ли проѣхали, а все-таки вы дорожные, и въ банѣ вамъ надо попариться. Вѣдь съ утра топится! Я чай,

въ ней теперь такой паръ, что на корточки присядешь!»

Воспользовавшись противъ воли банею, въ которой въ самомъ дѣлѣ легко было задохнуться отъ жара, всѣ собрались въ верхнюю свѣтлицу.

«Что это, племянникъ, у васъ въ Москвѣ понадѣлалось?» спросила помѣщица. «Вчера посылала я въ село Погорѣлово моего крестьянина Ваньку Сидорова за харчами. Ему поразсказали тамъ такія диковинки, что волосы у меня на головѣ стали дыбомъ.»

«А что́ онъ слышалъ, тетушка?

«Сказывали ему, что злодѣи стрѣльцы проломали кремлевскую стѣну, царскій дворецъ и Грановитую Палату по камешку разнесли, патріарху бороду опалили, боярина Матвѣева втащили на маковку Ивана Великаго и оттуда свергли на пику, всѣхъ Нарышкиныхъ живьемъ изжарили на вѣникахъ да на хворостѣ, подкопались подъ Ивана Великаго, опутали его, батюшку, веревками, свалили на земь, и во всей Москвѣ-матушкѣ не оставили ни кола, ни двора, хоть шаромъ покати!»

«Ну нѣтъ, тетушка!» отвѣчалъ, улыбнувшись, Бурмистровъ: «были, правда, въ Москвѣ смятенія, однакожъ тебѣ ужъ слишкомъ много насказали. Слухи и толки похожи на снѣговой комъ: чѣмъ далѣе катится, тѣмъ больше становится.»

Василій разсказалъ теткѣ о бывшихъ въ Москвѣ происшествіяхъ.

«Впрочемъ,» сказалъ Андрей: «дивиться нечему! И въ древнія времена бывали мятежи, которые ничѣмъ не уступятъ бунту стрѣльцовъ. Напримѣръ: Катилина составилъ заговоръ, и еслибъ не Цицеронъ, котораго многіе называютъ (и, кажется, справедливо,) Кикеронъ, то въ Римѣ произошло бы еще болѣе неистовствъ, нежели въ Москвѣ.»

«Такъ, батюшка!» сказала Мавра Савишна, ничего не понявши изъ сказаннаго Андреемъ. «Экая эта проклятая Катерина! Видно, она была колдунья, коли сказать заговоръ смыслила. Въ селѣ Погорѣловѣ живетъ старый старичишка, Антипъ Ильинъ. Змѣя ли кого ужалитъ, ногу ли кто топоромъ разрубитъ,—какъ-разъ заговоритъ, такъ-что и кровь не пойдетъ.»

Андрей, съ усмѣшкой, выразившей сожалѣніе и самодовольство, началъ подробно объяснять: кто былъ Катилина и какой заговоръ онъ составилъ. Мавра Савишна слушала его, по видимому, съ величайшимъ вниманіемъ. Когда онъ довелъ разсказъ свой до самаго занимательнаго мѣста, а именно до извѣстной рѣчи Цицерона, то остановился для краткаго размышленія: перевести ли рѣчь эту цѣликомъ, или объяснить вкратцѣ ея содержаніе. Хозяйка въ это время вдругъ встала, отворила дверь въ сѣни и закри-

чала работницѣ: «Акулька! Приготовь поскорѣе въ верхней свѣтлицѣ изъ соломы двѣ постели, для Натальи Петровны и ея матушки, а для Василья Петровича и Андрея Петровича вели постлать сѣна въ чуланѣ. Дорогимъ гостямъ, я чай, ужъ и спать хочется.»

«Пора, пора, Мавра Савишна!» сказала старушка Смирнова и перекрестила ротъ, по обычаю, и до нынѣ наблюдаемому при зѣвотѣ всѣми благочестивыми людьми.

Андрей нахмурился, а Василій и Наталья не могли удержаться отъ улыбки. По приглашенію хозяйки, женщины пошли въ верхнюю свѣтлицу, а мужчины въ чуланъ, устроенный подлѣ ея нижней горницы. Послѣдняя совмѣщала въ себѣ и столовую, и гостиную, и залу, и всѣ прочія нынѣшняго времени комнаты, кромѣ передней, которую замѣняли стекольчатыя сѣни. Кухня устроена была на дворѣ, подъ одною кровлею съ сараемъ, конюшнею, погребомъ, курятникомъ и банею. При всемъ томъ обладательница Ласточкина Гнѣзда гордилась своимъ домомъ, устроеннымъ по ея плану, гораздо болѣе, нежели въ древности Семирамида своимъ дворцемъ съ висячими садами.

Андрей, по миновании срока своему отпуску, возвратился въ Москву. Бурмистровъ замѣнилъ его при прогулкахъ, которыми Наталья, страстная любительница сельской природы, не упу-

скала каждый день наслаждаться. Василій не помнилъ времени счастливѣе изъ всей своей жизни. Чѣмъ короче узнавалъ онъ Наталью, тѣмъ болѣе усиливались въ немъ любовь къ ней и уваженіе. И въ невинномъ сердцѣ дѣвушки давно таившаяся искра любви, зароненная сначала благодарностію къ своему защитнику и избавителю, постепенно зажгла огонь такой чистый, такой священный, что Зороастръ вѣрно бы предписалъ въ Зендавестѣ поклоняться этому огню, еслибъ онъ могъ горѣть на жертвенникѣ.

Однажды, въ прекрасный день іюня, подъ вечеръ, Василій и Наталья, прогуливаясь по обыкновенію, дошли по тропинкѣ, извивавшейся по берегу озера, до покрытой кустарникомъ, довольно высокой горы. Съ немалымъ трудомъ взобравшись на вершину, сѣли они отдохнуть на траву, подъ тѣнь молодаго клена, и начали любоваться прелестными окрестностями. Передъ ними синѣлось озеро; на противоположномъ берегу видно было Ласточкино Гнѣздо, окруженные плетнями огороды, нивы и покрытыя стадами луга. Слѣва, по обширному полю, которое примыкало къ густому лѣсу, извивалась рѣчка и впадала въ озеро; по берегамъ ея желтѣли вдали соломенныя кровли нѣсколькихъ деревушекъ. Справа, мрачный боръ, начинаясь отъ самаго берега озера, простирался вдаль, постепенно расширялся, занималъ почти весь

южный горизонтъ и, какъ море, синѣлся въ отдаленіи. Жители Ласточкина Гнѣзда и окрестныхъ деревень наслѣдовали отъ предковъ своихъ повѣрье, что въ этомъ бору водятся нечистые духи, вѣдьмы и лѣшіе. Не смотря на это, поселяне, занимавшіеся охотою, ходили въ Чертово Раздолье (такъ называли они боръ) для стрѣлянія дичи, и разсказывали иногда, возвратясь домой, такія чудеса, что волосы на головѣ поднимались отъ ужаса у слушателей.

Солнце скрылось въ густыхъ облакахъ, покрывавшихъ западъ. На юго-восточномъ, синемъ небосклонѣ засіялъ мѣсяцъ и, отразясь въ озерѣ, разсыпался серебрянымъ дождемъ на водной поверхности, струимой легкимъ вѣтромъ; изъза мрачнаго, необозримаго бора, чернѣвшаго на югѣ, медленно поднималась туча; изрѣдка сверкала молнія и раздавались протяжные удары отдаленнаго грома.

«Посмотри, Василій Петровичъ,» сказала Наталья: «какъ блѣднѣетъ мѣсяцъ, когда блещетъ молнія!»

«Кто? Я блѣднѣю? Неужели ты думаешь, что я боюсь грозы?» отвѣчалъ съ улыбкой Бурмистровъ, выведенный словами Натальи изъ глубокой задумчивости.

«Не ты, а мѣсяцъ. Я знаю, что стрѣлецкій пятисотенный не такой трусъ, какъ онъ.»

«Виноватъ! Я такъ задумался, что вовсе не разслушалъ тебя, милая Наталья.»

Яркій румянецъ покрылъ щеки дѣвушки. Она потупила глаза и начала дышать такъ прерывисто, какъ будто бы чего-нибудь сильно испугалась. Это удивило Бурмистрова; онъ не замѣтилъ, что, въ разсѣянности, назвалъ Наталью милою.

«Чтò съ тобой сдѣлалось, Наталья Петровна?»

«Ничего.... мнѣ показалось, что за этимъ деревомъ.... Какая сильная молнія!... Я испугалась молніи.»

«Какъ! Ты мнѣ говорила, что вовсе не боишься грозы.»

«Это правда! Я не знаю, отчего я въ этотъ разъ такъ испугалась. Скоро пойдетъ дождь: не пора ли намъ домой, Василій Петровичъ?»

«Мы въ полчаса успѣемъ дойти до дому. Туча тянется къ западу и, вѣроятно, пойдетъ стороной.»

«Солнце ужъ закатилось.»

«О! нѣтъ еще; его заслонило густое облако.»

«Намъ надобно будетъ итти по берегу, мимо этого бора. Хоть я и не вѣрю тому, чтò разсказывала твоя тетушка, однакожъ.... я боюсь, чтобы матушка не стала объ насъ безпокоиться.»

«Мы еще такъ мало гуляли. Отчего сегодня ты такъ домой торопишься? Матушка знаетъ, что мы всегда долго гуляемъ и что тебѣ опа-

саться нечего, когда братъ тебя провожаетъ. Ты помнишь, что она, отпуская тебя въ первый разъ гулять со мною, назвала меня въ-шутку своимъ сыномъ и сказала: смотри же, береги сестрицу! Скажи, Наталья Петровна, какъ думаетъ обо мнѣ твоя матушка?»

«Къ-чему объ этомъ спрашивать? Ты самъ знаешь: что́ ты для нея сдѣлалъ.»

«И всякой сдѣлалъ бы тоже на моемъ мѣстѣ. А ты, Наталья Петровна, какъ обо мнѣ думаешь?»

«Ахъ какая молнія!... Право, намъ пора домой.... мы и не примѣтимъ, какъ набѣжитъ туча.»

Наталья хотѣла встать, но Василій взялъ ее за руку. Сердце бѣдной дѣвушки забилось, какъ птичка, попавшаяся въ силокъ; едва дыша, она не смѣла поднять глазъ, потупленныхъ въ землю. Бурмистровъ чувствовалъ, какъ дрожала рука ея. На длинныхъ рѣсницахъ блеснула слеза, покатилась по разгорѣвшейся щекѣ и упала на пучокъ васильковъ, который украшалъ грудь дѣвушки. Василій, устремивъ на нее взоръ, выражавшій чувства, на языкѣ человѣческомъ невыразимыя, сказалъ ей:

«Матушка твоя, шутя, назвала меня своимъ сыномъ. Но еслибъ она сказала это не въ-шутку, то я былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Отъ тебя зависитъ, милая Наталья, мое счастіе. Скажи: любишь ли ты меня столько же,

сколько я тебя люблю? Согласишься ли итти къ вѣнцу со мною?... Рѣши судьбу мою. Скажи: да или нѣтъ?»

Наталья молчала. Прерывистое дыханіе и прелестныя, полуоткрытыя уста показывали всю силу ея душевнаго волненія.

«Не стыдись меня, милая! Скажи мнѣ то́ словами, что́ давно уже говорили мнѣ твои прекрасные глаза. Неужели я обманывался?»

«Я должна во всемъ повиноваться матушкѣ,» сказала Наталья трепещущимъ голосомъ. «Если она велитъ мнѣ....»

«Нѣтъ, милая Наталья, я не сомнѣваюсь, что матушка твоя согласится на бракъ нашъ; но я тогда только вполнѣ буду счастливъ, когда увѣрюсь, что ты волею идешь за меня, что ты меня любишь. Скажи: любишь или нѣтъ?... Но ты молчишь! И такъ.... нѣтъ!... Прости меня, Наталья Петровна, что я тебя встревожилъ,» продолжалъ Василій, опустивъ ея руку. «Забудемъ разговоръ нашъ. Вижу, что я обманулся въ надеждѣ. Завтра же на коня: поѣду, куда глаза глядятъ! Безъ тебя нигдѣ не найти мнѣ счастія. Ты скоро забудешь меня; но я, гдѣ бы ни былъ, буду тебя помнить, буду любить тебя, любить до гробовой доски!»

Крупныя слезы покатились по пылающимъ щекамъ дѣвушки. Закрывъ глаза одною рукою,

тихонько подала она другую Василью и произнесла едва слышнымъ голосомъ: «Люби меня!»

Въ это время яркая молнія освѣтила приближавшуюся грозную тучу, и грянулъ сильный громъ; поднявшійся вѣтеръ закачалъ вершины деревъ; въ густотѣ бора раздался ружейный выстрѣлъ, но счастливцы ничего не видали и не слыхали: они какъ-будто улетѣли на небо.

Возвращаясь домой, они старались передать другъ другу всѣ надежды и опасенія, всѣ радости и печали, которыя попеременно наполняли сердца ихъ со времени перваго свиданія. Казалось, они боялись упустить случай высказать все, что таили такъ долго въ глубинѣ сердца. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ и съ неизъяснимо-сладостнымъ чувствомъ предаваясь взаимной откровенности, которая казалась имъ за полчаса невозможною, они и не примѣтили: какъ дошли до Ласточкина Гнѣзда. Не смотря на ихъ усталость, оба досадовали, что дорога не продлилась еще на нѣсколько верстъ для того, чтобы они успѣли всѣ мысли, всѣ чувства, наполнявшія сердца ихъ блаженствомъ, сообщить другъ другу. Имъ представлялось, что вся природа раздѣляетъ ихъ счастіе. Шумъ вѣтра, потрясавшаго вѣтви деревъ, плесканіе волнъ, разсыпавшихся сѣдою пѣною на берегу озера, и удары грома казались имъ выраженіемъ ра-

дости, голосомъ любви, одушевляющей и неодушевленную даже природу.

Въ тотъ же вечеръ вдова Смирнова благословила образомъ Спасителя дочь свою и Василья, и, обнимая ихъ, со слезами радости назвала двухъ счастливцевъ милыми дѣтьми.

Съ указательнаго, нѣжнаго пальчика Натальи перемѣстилось золотое кольцо на мизинецъ Василья, а онъ за этотъ подарокъ поблагодарилъ невѣсту жемчужнымъ ожерельемъ, которое досталось ему въ наслѣдство отъ матери. Всякой, кто женится или женился по любви, знаетъ, какимъ необыкновенно-сладостнымъ чувствомъ это небольшое слово: невѣста, произносимое въ первый разъ, наполняетъ сердце.

Хозяйка, узнавъ о помолвкѣ своего племянника, показала необыкновенный свой даръ краснорѣчія, прочитавъ безъ отдыха и скороговоркою длинное поздравленіе, со всѣми употребительными и до-сихъ-поръ между простымъ народомъ въ подобныхъ случаяхъ прибаутками и присловицами; потомъ побѣжала она въ чуланъ, принесла оттуда фляжку съ настойкой и глиняный стаканъ, принудила старуху Смирнову поздравить жениха и невѣсту и налила стаканъ снова.

«Дай вамъ Господи,» сказала она: «совѣтъ да любовь, прожить сто лѣтъ да двадцать и заве-

стись такимъ же домкомъ, какой я себѣ построила!» Потомъ, выпивъ стаканъ и поставя его на столъ, Семирамида затянула веселую, свадебную пѣсню; подперла одну руку въ бокъ, а въ другую взявъ платокъ, начала имъ размахивать, притопывая ногами, приподнимая то одно, то другое плечо, и кружась на одномъ мѣстѣ.

На другой день, когда Василій ушелъ гулять съ невѣстою, тетка его, призвавъ всѣхъ своихъ крестьянъ, приказала перегородить досками нижнюю свою горницу и прорубить по срединѣ дверь, которую она завѣсила простынею. Изъ полотна, даннаго помѣщицею, жены и дочери крестьянъ сшили перину и подушки и набили ихъ сѣномъ. Къ стѣнѣ велѣла она прикрѣпить тонкими дощечками половину разбитаго своего зеркала, въ которое не безъ труда можно было узнать себя безъ привычки, потому-что поверхность стекла была не очень гладка. При всемъ томъ она имѣла полное право гордиться и этимъ зеркаломъ: въ то время не только въ избѣ небогатой помѣщицы, но и въ домахъ знатныхъ людей зеркала почитались за большую рѣдкость.

«Ну!» сказала она, отпустивъ крестьянъ и крестьянокъ и осматривая приготовленную ею горницу: «вотъ и спальня готова! Все мигомъ скипѣло! То-то племянникъ подивуется!»

Бурмистровъ, возвратясь съ гулянья, въ са-

момъ дѣлѣ удивился неожиданной перестройкѣ дома, и отъ искренняго сердца благодарилъ тетку за ея усердіе. Наталья, услышавъ, что Мавра Савишна называетъ новую комнату спальнею Василья, покраснѣла и убѣжала въ садъ Семирамиды, несмотря на убѣдительныя приглашенія осмотрѣть архитектурное ея произведеніе.

«Взглянь-ка, племянникъ,» говорила Мавра Савишна: «здѣсь и зеркало есть!»

Бурмистровъ, взглянувъ въ зеркало, чуть-чуть не захохоталъ: хотя онъ былъ рѣдкой красоты мужчина, но въ зеркалѣ увидѣлъ какого-то Калмыка, очень неблагообразнаго; неровное зеркало передѣлало все лицо Василья посвоему.

День, назначенный для свадьбы, по окончаніи Петрова поста, въ началѣ іюля, приближался. Василій, осѣдлавъ свою лошадь, поѣхалъ въ село Погорѣлово, гдѣ, по словамъ тетки, могъ купить все, что̀ только было нужно для его свадьбы. Пріѣхавъ въ село, онъ прежде всего отыскалъ священника. Не объявивъ ему своего имени и сказавъ, что онъ желаетъ по нѣкоторымъ причинамъ пріѣхать изъ Москвы въ село вѣнчаться съ своею невѣстою, Бурмистровъ спросилъ: можно ли будетъ обвѣнчать его безъ лишнихъ свидѣтелей?

«Да почему твоя милость такъ таиться хочетъ? Согласны ли родители на вашъ бракъ?»

«У меня родители давно скончались, а у невѣсты жива одна мать; она пріѣдетъ вмѣстѣ съ нами. Нельзя ли, батюшка, сдѣлать такъ, чтобъ, кромѣ насъ, никого не было въ церкви? Я бы за это тебѣ очень былъ благодаренъ.»

«Чтобъ никого не было въ церкви? Гм! Это сдѣлать будетъ трудненько. Надобно по-крайней-мѣрѣ, чтобъ пріѣхало съ вами нѣсколько свидѣтелей; а то этакъ, пожалуй, и на родной обвѣнчаешь. Нарушить мою обязанность я не соглашусь ни за что̀ въ свѣтѣ. Старинный знакомецъ мой, покойный отецъ Петръ, по прозванію, Смирновъ попалъ-было разъ въ большія хлопоты.»

«А! такъ ты былъ знакомъ съ нимъ, батюшка?»

«Какъ же! Я и до-сихъ-поръ, какъ случится быть въ Москвѣ, навѣщаю старушку, вдову его. Жива ли она? Ужъ я ее года съ два не видалъ.»

«Жива и здорова. Пожалуй, я ее попрошу пріѣхать со мною. И она тебѣ скажетъ, что никакого препятствія къ моему браку нѣтъ.»

«Хорошо, хорошо! Мнѣ очень пріятно будетъ съ нею повидаться.»

«Нельзя ли будетъ обвѣнчать меня попозже вечеромъ, или даже ночью?»

«Ночью? Гм? А вдова-то Смирнова будетъ съ вами?»

«Будетъ.»

«Пожалуй, если ужъ тебѣ такъ хочется. Да чтó это тебѣ такъ вздумалось? Кто вѣнчается ночью? Воля твоя, а ужъ, вѣрно, тутъ что-нибудь да есть.»

«Послѣ вѣнца я тебѣ все объясню, батюшка. Ты самъ увидишь, что причины моего желанія основательны и никакъ не могутъ ввести тебя въ какія-нибудь хлопоты.»

«Ладно! Хорошо! А это чтó?» продолжалъ священникъ, увидѣвъ, что Бурмистровъ положилъ ему на столъ кожаный кошелекъ. «Нѣтъ, нѣтъ, воля твоя, я не возьму! Послѣ свадьбы если ты захочешь чѣмъ-нибудь поблагодарить меня,—я не откажусь: у меня большое семейство. А теперь я не приму ничего!»

«Мнѣ бы хотѣлось, батюшка, чтобъ разговоръ нашъ остался между нами и....»

«Обѣщаю тебѣ, что все останется въ тайнѣ. Я не сдѣлаю вреда ближнему нескромностію, хотя и не знаю въ чемъ состоитъ этотъ вредъ. Возьми же, сдѣлай милость, назадъ свой подарокъ.»

Бурмистровъ принужденъ былъ взять назадъ кошелекъ и простился съ священникомъ. Выйдя на крыльцо, онъ чрезвычайно удивился: лошадь его, которая была привязана къ периламъ, исчезла. Думая, что она сорвалась и убѣжала, онъ вышелъ за ворота.

«Держи! хватай его!» раздался крикъ. Толпа крестьянъ окружила Бурмистрова.

Вовсе не ожидавъ такого внезапнаго нападенія, онъ не успѣлъ обнажить своей сабли; его обезоружили и связали. Въ одномъ крестьянинѣ узналъ онъ переодѣтаго десятника стрѣлецкаго Титова полка. Десятникъ сѣлъ съ нимъ вмѣстѣ въ телѣгу, стоявшую у воротъ. Нѣсколько конныхъ стрѣльцовъ, переодѣтыхъ въ крестьянское платье, окружили ихъ. «Вези!» закричалъ ямщику десятникъ, и вскорѣ телѣга, сопровождаемая стрѣльцами, выѣхала изъ села на большую дорогу. Толпа любопытныхъ поселянокъ и мальчишекъ смотрѣла вслѣдъ за ними.

«Куда это, кумушка, его повезли?» спросила одна поселянка у другой.

«Знать, въ Москву.»

«Да за чѣмъ это? Какъ его веревками-то, бѣднаго, скрутили!»

«Видно, онъ изъ Нарышкиныхъ, али измѣнникъ какой. Взглянь, какъ скачутъ: пыль столбомъ!»

«Жаль его, горемычнаго!»

«И! что его жалѣть, кумушка, по дѣломъ вору и мука!»

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СТРѢЛЬЦЫ.

СТРѢЛЬЦЫ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО,

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Изданіе Книгопродавца Манухина.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Января 14 дпя 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

Въ Типографіи М. Смирновой.

I.

Съ кѣмъ былъ! Куда меня закинула
судьба!

Грибоѣдовъ.

Солнце уже закатилось, когда Бурмистрова привезли въ Москву. Телѣга остановилась въ Китай-городѣ близъ Посольскаго двора, у большаго дома, окруженнаго каменнымъ заборомъ (*). Ворота отворились, и телѣга черезъ обширный дворъ подъѣхала къ крыльцу.

«У себя ли бояринъ?» спросилъ десятникъ вышедшаго на крыльцо слугу.

«Дома. У него въ-гостяхъ Иванъ Михайловичъ съ крестнымъ сыномъ.»

«Скажи князю, что мы поймали звѣря. Спроси: куда его посадить велитъ?»

Слуга побѣжалъ въ комнаты и, вскорѣ воз-

(*) Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ 1681 году указалъ въ Китай-городѣ и Бѣломъ строить непремѣнно домы каменные, и вмѣсто деревянныхъ заборовъ, по большимъ улицамъ, ставить также каменные.

вратясь, сказалъ десятнику, что бояринъ съ гостями ужинаетъ и велѣлъ тотчасъ представить ему пойманнаго. Четыре стрѣльца съ обнаженными саблями и десятникъ ввели связаннаго Бурмистрова въ столовую и остановились съ нимъ у дверей.

«Добро пожаловать!» сказалъ сидѣвшій подлѣ Милославскаго старикъ въ боярскомъ кафтанѣ. Длинная, сѣдая борода, черные глаза, блиставшіе изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и лобъ, покрытый морщинами, придавали лицу старика важность и суровость. Это былъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій.

«Гдѣ ты поймалъ этого молодца?» спросилъ князь десятника.

«Въ селѣ Погорѣловѣ, верстъ за сорокъ отъ Москвы.»

«Вотъ ужъ онъ куда успѣлъ лыжи направить! Нѣтъ, голубчикъ, хоть бы ты ушелъ на дно морское, такъ я бы тебя и тамъ отыскалъ! Ну что́, Иванъ Михайловичъ,» продолжалъ Хованскій, обратясь къ Милославскому: «умѣю я сдержать слово? Ужъ коли я обѣщаю что-нибудь другу, такъ непремѣнно исполню!»

«Спасибо тебѣ, князь!» сказалъ Милославскій. «Постараюсь отплатить тебѣ услугу. Царевна Софья Алексѣевна будетъ тебѣ очень благодарна.»

«Что́ же съ этимъ молодцомъ дѣлать прика-

жешь?» спросилъ Хованскій. «Я его отдаю тебѣ головою. Вчера я подарилъ тебѣ затравленнаго зайца, а сегодня Бурмистрова. Который звѣрь лучше?»

«Оба хороши.»

«Нѣтъ, батюшка,» возразилъ Лысковъ съ злобною усмѣшкою: «послѣдній звѣрь лучше. Пословица говоритъ: Блудливъ, какъ кошка, а труслквъ, какъ заяцъ. А Бурмистровъ похожъ и на зайца и на кошку; стало-быть онъ звѣрь диковинный, какой-нибудь заморскій котъ.»

Милославскій и Хованскій засмѣялись.

«А знаешь ли, Сидоръ, другую пословицу: Не все коту масляница, бываетъ и великій постъ,» сказалъ Милославскій. «И заморскому коту пришлось попоститься.»

Бурмистровъ, слушая всѣ эти насмѣшки, съ трудомъ могъ скрывать кипѣвшее въ сердцѣ негодованіе. Обнаружить свои чувства значило бы увеличить злобную радость торжествующихъ враговъ; поэтому онъ рѣшился съ видомъ хладнокровія на всѣ колкости не отвѣчать ни слова. Думая, что насмѣшки не достигаютъ цѣли и не язвятъ Бурмистрова, Милославскій, вдругъ принявъ на себя важный видъ, спросилъ грознымъ голосомъ: «Какъ смѣлъ ты украсть мою холопку? Отвѣчай, бездѣльникъ!»

«Я не укралъ, а освободилъ несчастную дѣвушку, закабаленную обманомъ.»

Губы Милославскаго посинѣли и задрожали. Ударивъ кулакомъ по столу, онъ вскочилъ, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ ничего выговорить, задыхаясь отъ ярости. Даже Лысковъ испугался и облилъ себѣ бороду пивомъ изъ поднесенной имъ въ то время ко рту серебряной кружки.

«И полно, Иванъ Михайловичъ, гнѣваться!» сказалъ Хованскій, вставъ изъ-за стола, взявъ за руку и усаживая Милославскаго. «Пусть его полается! Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Дай срокъ: авось запоетъ другимъ голосомъ!»

«Куда ты скрылъ мою холопку?» вскричалъ Милославскій. «Сейчасъ признавайся! Этимъ однимъ можешь спастись отъ ожидающей тебя казни!»

«Никакія мученія и казни,» отвѣчалъ спокойно Бурмистровъ: «не испугаютъ меня и не принудятъ открыть убѣжища Натальи.»

«Отведите его на тюремный дворъ!» закричалъ Милославскій. «Скажите, что я велѣлъ посадить его на цѣпь, за рѣшетку! Я развяжу тебѣ языкъ!»

Когда увели Бурмистрова, Милославскій, обратясь къ Лыскову, сказалъ: «Напиши, Сидоръ, сегодня же докладъ. Завтра утромъ поѣду къ царевнѣ, буду просить ее, чтобы велѣла этому злодѣю и бунтовщику Бурмистрову отрубить голову!»

«Не лучше ли, Иванъ Михайловичъ,» сказалъ Хованскій: «отправить его въ Соловецкій монастырь и велѣть, чтобы отвели ему на всю жизнь келейку? Тамъ подъ стѣнами, слыхалъ я, есть такіе подвалы, что и поворотиться негдѣ.»

«Нѣтъ, Иванъ Андреевичъ, оттуда можно убѣжать. Да и на чтó долго его мучить? Лучше разомъ дѣло кончить.»

Простясь съ Хованскимъ, Милославскій и Лысковъ, сѣвъ въ карету, отправились домой.

Черезъ день, поздно вечеромъ, Хованскій получилъ слѣдующую записку: «Бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, по тайному указу, посылаетъ къ начальнику стрѣлецкаго приказа, боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому, тюремнаго сидѣльца, (*) стрѣлецкаго пятисотеннаго Ваську Бурмистрова, котораго за измѣну, многія его воровства и похвальбу смертнымъ убійствомъ, велѣно казнить смертію. Такъ-какъ завтра будетъ вѣнчаніе обоихъ царей, то казнить его въ эту же ночь и не на площади, а гдѣ ты самъ, князь, придумаешь. Іюня 24 дня 7190 года.»

Въ этой запискѣ была вложена другая. Въ ней было сказано: «Постарайся, любезный другъ Иванъ Адреевичъ, у Бурмистрова вывѣдать: гдѣ скрывается бѣглая моя холопка? Если онъ это

(*) Такъ называли въ то время арестантовъ.

объявитъ, то казнить его погоди. Тогда я выпрошу ему помилованіе отъ смертной казни, и онъ будетъ только высланъ изъ Москвы въ какой-нибудь дальній городъ, на всегдашнее житье. Обѣ эти записки возврати мнѣ, какъ въ первый разъ съ тобою увидимся.»

«А гдѣ тюремный сидѣлецъ?» спросилъ Хованскій, по прочтеніи записокъ, обратясь къ присланному съ ними гонцу.

«Стоитъ на дворѣ, съ сторожами.»

«Вели его привести сюда, да позови ко мнѣ моего дворецкаго. Потомъ поѣзжай къ боярину Ивану Михайловичу и скажи ему отъ меня, что все будетъ исполнено по его желанію.»

Гонецъ вышелъ, и чрезъ нѣсколько времени ввели скованнаго Бурмистрова въ рабочую горницу князя.

«Идите домой!» сказалъ Хованскій сторожамъ. «Тюремный сидѣлецъ останется здѣсь.»

Оставшись наединѣ съ Бурмистровымъ, князь спросилъ его: «Не былъ ли родня тебѣ покойный гость Петръ Бурмистровъ?»

«Я сынъ его,» отвѣчалъ Василій.

«Сынъ? Жаль, что не въ батюшку ты пошелъ! Я былъ съ нимъ знакомъ.»

Хованскій прошелъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

«Что̀ приказать изволишь?» спросилъ вошедшій дворецкій, Савельичъ, который, мимоходомъ

сказать, отличался точностію въ исполненіи приказаній своего господина, добродушною физіономіей, длиннымъ носомъ и способностію пить запоемъ двѣ недѣли сряду, а иногда и болѣе.

«Есть ли у меня въ тюрьмѣ порожнее мѣсто?»

«Есть два, бояринъ. Одно въ чуланѣ, подъ лѣстницей, а другое на чердакѣ, гдѣ сидѣлъ недавно жилецъ Елизаровъ за то, что не снялъ на улицѣ передъ твоею милостью шапки.»

«Отведи туда вотъ этого и ключъ принеси ко мнѣ.»

«А цѣпи-то снять прикажешь?»

«Нѣтъ, не снимай!»

Дворецкій повелъ Бурмистрова къ каменному, въ два яруса, строенію, которое примыкало къ забору, окружавшему дворъ. Проходя по темному чердаку. Василій примѣтилъ справа и слѣва нѣсколько обитыхъ желѣзомъ дверей, на которыхъ висѣли большіе замки; у одной изъ нихъ, дворецкій остановился, отворилъ ее и, введя Бурмистрова, заперъ его. Осмотрѣвъ новое свое жилище, Василій, при свѣтѣ мѣсяца, проникавшемъ сквозь желѣзную рѣшетку узкаго окна, увидѣлъ у стѣны деревянную скамью и небольшой столъ, на которомъ стояла глиняная кружка съ водою и лежалъ кусокъ черстваго хлѣба. Сквозь покрытое пылью и паутиною стекло окна Василій разсмотрѣлъ длинную улицу, которая

вела на Красную Площадь, а вдали—Кремль и колокольню Ивана Великаго. Усталость принудила Бурмистрова лечь на скамью, и онъ вскорѣ погрузился въ сонъ. За полчаса до полуночи, когда отдаленный колоколъ на Фроловской башнѣ пробилъ третій часъ ночи, стукъ замка у дверей разбудилъ Василья. Съ фонаремъ въ рукѣ, вошелъ къ нему Хованскій.

«Прочитай!» сказалъ князь, подавая ему обѣ записки Милославскаго и поставивъ фонарь на столъ.

Бѣгло прочитавъ поданныя бумаги, Василій возвратилъ ихъ князю.

«Ну чтожъ?» спросилъ Хованскій. «Скажешь ли: гдѣ бѣглая холопка Ивана Михайловича?»

«Никогда!»

«Подумай хорошенько,» продолжалъ Хованскій: «если ты будешь упорствовать; то прежде нежели явится утренняя заря, трупъ твой, съ отрубленною головою, будетъ уже зарытъ въ лѣсу, безъ богослуженія, а душа твоя низвергнется въ преисподнюю, въ огонь вѣчный, уготованный для грѣшниковъ.»

«За предлагаемую цѣну не куплю я жизни!» отвѣчалъ съ твердостью Бурмистровъ. «Милославскій истощилъ уже надо мною всѣ мученія пытки, но понапрасну. Охотно пожертвую и жизнію для спасенія Натальи! Прошу одной толь-

ко милости: позволить мнѣ по-христіански приготовиться къ смерти.»

«Сотвори крестное знаменіе,» сказалъ Хованскій.

Бурмистровъ, пристально взглянувъ на князя, перекрестился.

«Ты не можешь умереть по-христіански!» сказалъ князь, примѣтивъ, что Василій крестился тремя, а не двумя сложенными пальцами. «Ты богоотступникъ! Ты отрекся отъ *древняго благочестія* и святой вѣры отцевъ. Душа твоя—добыча врага человѣковъ и будетъ сожжена огнемъ вѣчнымъ.»

«Я уповаю на милосердіе Спасителя!» сказалъ съ жаромъ Бурмистровъ. «Вѣчный огонь любви Его пылалъ еще до сотворенія міра; этотъ огонь оживотворилъ вселенную и далъ бытіе человѣку; этотъ огонь въ лучахъ откровенія и благодати блещетъ съ Неба, освѣщаетъ путь жизни смертнаго, согрѣваетъ сердце вѣрующаго и надѣющагося, и въ смертный часъ наполняетъ дивнымъ спокойствіемъ душу всякаго, кто не помрачилъ ее невѣріемъ и преступленіями, кто покаяніемъ очистилъ ее предъ смертію. Это спокойствіе должно удостовѣрять насъ, что вѣчный огонь любви и за могилою не угаснетъ и наполнитъ сердце блаженствомъ, котораго оно на землѣ напрасно ищетъ!»

«Я вижу, что ты заблудшая овца, которую

еще можно исхитить изъ стада козлищъ. Въ Писаніи сказано, что обратившій грѣшника на путь правды, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ. Знай, что я держусь древняго благочестія. Твой покойный отецъ былъ ревностный его поборникъ. Я докажу тебѣ истину вѣры моей не словами, а дѣломъ. Отлагаю твою казнь. Если успѣю обратить тебя на путь истинный, то спасу тебя не только отъ смерти временной, но и отъ смерти второй и вѣчной. Милославскому скажу завтра, что ты уже казненъ, а тебѣ принесу драгоцѣнную книгу, которая откроетъ тебѣ заблужденіе твое и наставитъ тебя на путь правый. Буду часто съ тобой бесѣдовать и вступать въ словопренія, чтобы духовныя очи твои прозрѣли истину. Прощай!»

Сказавъ это, Хованскій вышелъ. Чрезъ нѣсколько времени дворецкій князя принесъ подушку, толстую книгу въ старомъ переплетѣ, жареную курицу и кружку съ смородиннымъ медомъ. Снявъ цѣпи съ Бурмистрова, дворецкій поставилъ принесенный имъ ужинъ на столъ, подушку положилъ на скамью, а книгу подалъ Бурмистрову.

«Бояринъ велѣлъ сказать, что жалуетъ тебя подушкою для сна, пищею и питьемъ для подкрѣпленія тѣла, и книгою для исцѣленія души. Кажись такъ! Вѣдь онъ у насъ мудренъ: все

любитъ говорить свысока; иной разъ и не поймешь его.»

«Благодари князя!» сказалъ Бурмистровъ дворецкому.

«Ладно, поблагодарю,» отвѣчалъ дворецкій, зѣвая. «Нашему боярину и ночью не спится, и ночью дворецкаго туда да сюда помыкаетъ. Куда мудренъ онъ у насъ! Затѣмъ мое почтеніе. Пойти уснуть до разсвѣта.»

Дворецкій вышелъ и заперъ дверь. Василій принялся прежде всего за ужинъ; онъ три дня ничего не ѣлъ; потомъ, разогнувъ принесенную книгу, (*) на открывшейся страницѣ увидѣлъ онъ написанное красными чернилами и крупными буквами заглавіе: *Страданіе священнопротопопа Аввакума многотерпѣливаго*; перевернувъ нѣсколько страницъ, прочиталъ онъ другое заглавіе: *Страданіе за древнее благочестіе Василія иже быстъ Крестецкаго яму*; потомъ третье: *Инока Авраамія, выписано о времени семъ елико отъ отецъ навыкохъ, реку тебѣ, разсуди писанія, да познаеши время совершенно.* По старинному почерку, которымъ книга была писана, Бурмистровъ догадался, что она старообрядческая, хо-

(*) Читатели прочтутъ далѣе выписки, безъ перемѣны слога, изъ собранія старообрядческихъ рукописей, которое принадлежало предку автора.

тѣлъ взглянуть на общее ея заглавіе, но въ ней его не было. Не чувствуя охоты читать, онъ легъ на скамью и вскорѣ заснулъ глубокимъ сномъ.

Проснувшись рано утромъ, Бурмистровъ услышалъ раздававшійся по всей Москвѣ звонъ колоколовъ. Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ, что вся улица, которая вела къ Кремлю, наполнена была народомъ. Въ полдень раздался звукъ барабановъ и появились въ улицѣ, со стороны Кремля, знамена приближавшихся стрѣльцовъ. Когда полки ихъ проходили мимо дома Хованскаго, Василій разсмотрѣлъ, что впереди полковъ шли полковники Циклеръ, Петровъ и Одинцовъ и подполковникъ Чермной. Первый несъ на головѣ бумажный свитокъ. Это была похвальная грамота, данная стрѣльцамъ царевною Софіею за усердіе ихъ къ престолу и за истребленіе измѣнниковъ (*). Бурмистровъ невольно

(*) Въ этой грамотѣ было сказано: *Божіею милостію Мы Великіе Государи Цари и проч.* (Имя Софіи не упомянуто). *Въ нынѣшнемъ 190 году Мая въ 15 день изволеніемъ Всемилостиваго Бога и Его Богоматере Пресвятыя Богородицы въ Московскомъ Россійскомъ Государствѣ учинилося побіеніе за домъ Пресвятыя Богородицы, и за Насъ, Великихъ Государей, и за все Наше Царское Величество, отъ великихъ къ нимъ налогъ и обидъ и отъ неправды въ царствующемъ градѣ Москвѣ Боя-*

вздохнулъ и подумалъ: Злодѣи, вѣроломно нарушившіе присягу и пролившіе столько крови невинныхъ, торжествуютъ, а я въ тюрьмѣ ожидаю смерти!—Онъ отошелъ отъ окна, сѣлъ на скамью и погрузился въ горестныя размышленія, которыя прервалъ дворецкій, принеся ему обѣдъ и ужинъ.

«Бояринъ», сказалъ онъ, «не велѣлъ мнѣ съ

ромъ.... (Слѣдуетъ перечисленіе убитыхъ мятежниками.) Далѣе въ грамотѣ запрещено называть стрѣльцовъ бунтовщиками и измѣнниками, и ихъ наказывать безъ царскихъ именныхъ указовъ. Потомъ сказано, что они никакого злаго умышленія не имѣли и никого не грабили; сверхъ того, освобождались они отъ разныхъ службъ и повинностей, предоставлялись имъ разныя денежныя пособія и льготы, равнымъ образомъ право судиться съ кѣмъ бы то ни было въ стрѣлецкомъ приказѣ и приводить въ этотъ приказъ всякаго, кто въ какомъ-нибудь *воровствѣ объявится.* Велѣно было во всѣхъ приказахъ дѣла ихъ *вершить безволокитно,* и наконецъ поставить *на Красной площади столбъ, и кто за что побитъ подписать.* Столбъ этотъ поставленъ былъ у лобнаго мѣста съ четырьмя по сторонамъ жестяными (въ другой лѣтописи сказано: *мѣдными,* въ третьей: *желѣзными*) досками. На нихъ написана была приведенная выше грамота и имена убитыхъ стрѣльцами. Доски эти въ-послѣдствіи, по разрушеніи столба, были брошены въ огонь.

тобой говорить ни полслова; если ты меня о чемъ-нибудь спросишь, я отвѣчать не стану.»

«Мнѣ не о чемъ съ тобой говорить!»

«Ну какъ не о чемъ!» возразилъ дворецкій. «Впрочемъ если самъ разговаривать не хочешь, такъ мое почтеніе!»

Дворецкій вышелъ.

На другой день Василій, отъ невыносимой скуки, принялся за чтеніе присланной Хованскимъ книги. Наконецъ, на третій день, въ сумерки, вошелъ къ нему князь и, увидѣвъ, что онъ читаетъ книгу, потрепалъ его по плечу.

«Читай, читай, духовный сынъ мой!» сказалъ онъ. «Я увѣренъ, что эта книга откроетъ мысленныя очи твои и спасетъ душу твою отъ погибели. Третьягодня, увидясь со мной въ Грановитой Палатѣ, Милославскій спросилъ о тебѣ. Я сказалъ ему, что ты уже казненъ. Не объявилъ ли ты моему дворецкому своего имени?»

«Нѣтъ, князь.»

«Хорошо. Если онъ вздумаетъ когда-нибудь спросить: какъ тебя зовутъ? не отвѣчай ему ничего, или назовись какимъ-нибудь выдуманнымъ именемъ. Если ты проговоришься, то принудишь меня въ тотъ же день казнить тебя, не ожидая твоего обращенія на путь правды. Будь остороженъ. Ты видишь, что я, для спасенія души твоей, подвергаю себя опасности поссориться съ Иваномъ Михайловичемъ и навлечь на

себя гнѣвъ царевны Софьи Алексѣевны. Впрочемъ, дѣло ужъ сдѣлано! Я ничего не боюсь и очень буду радъ, если успѣю обратить тебя къ истинной вѣрѣ и древнему благочестію. Въ этомъ я не сомнѣваюсь. Тогда я отправлю тебя куда-нибудь подальше отъ Москвы подъ чужимъ именемъ, для обращенія другихъ заблудшихъ на путь истинный и для проповѣданія древняго благочестія. Что̀ ты на это скажешь?»

«Во всю жизнь мою старался я слѣдовать совѣсти: что̀ внушитъ мнѣ она, то я и сдѣлаю.»

«Худой тотъ человѣкъ, кто поступаетъ противъ совѣсти. Я надѣюсь, что успѣю убѣдить твою совѣсть, и что ты упрямиться не станешь. Впрочемъ, поговоримъ объ этомъ въ другое время. Будь откровененъ со мною, какъ сынъ съ отцемъ. Ты зла мнѣ не сдѣлалъ. Родитель твой былъ мнѣ пріятель; я отъ искренняго сердца желаю добра тебѣ.»

Василій поблагодарилъ князя. Сѣвъ на скамью и приказавъ Бурмистрову сѣсть подлѣ себя, Хованскій продолжалъ ласковымъ голосомъ: «Сегодня за обѣдомъ въ Грановитой Палатѣ Милославскій опять заговорилъ со мною о тебѣ и спросилъ: гдѣ казнили тебя и гдѣ похоронили? Я отвѣчалъ ему, что тебѣ отрубили при мнѣ голову и похоронили въ лѣсу, что̀ подлѣ Нѣмецкой Слободы. Стыдно было лгать; но грѣха нѣтъ во лжи, если лжешь для того, чтобы спасти душу ближняго. Что̀ у тебя въ кружкѣ?»

«Вода, князь.»

«Вода? Это бездѣльникъ дворецкій умничаетъ! Я велѣлъ подавать тебѣ меду.»

«Вчера и во всѣ эти дни онъ приносилъ медъ; только сегодня подалъ воды.»

«Я его проучу за это! Подай-ка мнѣ кружку-то. Голова что-то кружится. Сегодня за обѣдомъ насъ славно уподчивали! Цари въ своемъ *столовомъ платьѣ* сидѣли за особымъ столомъ съ патріархомъ; за другой столъ по лѣвую руку сѣли митрополиты, архіепископы, епископы и всѣ священнослужители, бывшіе при вѣнчаніи царей, а по правую руку за *кривымъ столомъ* посажены были мы, бояре, окольничіе и думные дворяне. Царевна Софья Алексѣевна велѣла всѣмъ быть безъ мѣстъ, а меня посадили на третье. На первомъ мѣстѣ сидѣлъ ближній бояринъ царственной печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель князь Василій Васильевичъ Голицынъ; подлѣ него Иванъ Михайловичъ, а потомъ я съ сыномъ. Предъ вѣнчаніемъ царей третьягодня пожаловали сына изъ стольниковъ прямо въ бояре.»

«Третьягодня было вѣнчаніе?» (*)

(*) Бергманъ, Галемъ, Голиковъ и другіе пишутъ ошибочно, что вѣнчаніе царей было 23 іюня. Оно совершено 25 іюня 1682 года.

«Да. Развѣ ты не слыхалъ во весь день по всей Москвѣ колокольнаго звона? Рано утромъ мы, бояре, собрались у государей въ Грановитой Палатѣ съ окольничими и думными дворянами. Въ сѣняхъ предъ Палатою были стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки и гости, всѣ въ золотомъ платьѣ. Государи велѣли князю Голицыну принести съ казеннаго двора животворящій крестъ и святыя бармы Мономаха. Для царя Петра Алексѣевича сдѣланы были точно такія же бармы и крестъ, другой царскій вѣнецъ, другой скипетръ и другая держава. Всѣ эти царскія утвари бояре отнесли на золотыхъ блюдахъ, подъ пеленами, унизанными самоцвѣтными каменьями, въ Успенскій соборъ и передали патріарху. Тамъ устроено было противъ алтаря, близъ заднихъ столповъ, высокое *чертожное мѣсто,* покрытое краснымъ сукномъ, съ двѣнадцатью ступенями. На этомъ мѣстѣ стояли для царей двои кресла, обитыя бархатомъ и украшенныя драгоцѣнными каменьями, а по лѣвую сторону отъ нихъ кресла для патріарха. Отъ ступеней до царскихъ вратъ постланъ былъ желтый бархатъ для шествія царей, а для патріарха лазоревый. Съ правой и съ лѣвой стороны отъ чертожнаго мѣста до царскихъ вратъ стояли, покрытыя золотыми персидскими коврами, двѣ скамьи, на которыхъ сидѣли митрополиты, архіепископы и епископы. Принесенныя

утвари патріархъ положилъ на поставленныхъ на амвонѣ шести налояхъ, унизанныхъ жемчугомъ, и послѣ молебна послалъ князя Голицына съ боярами звать царей во храмъ. Государи съ Краснаго Крыльца пошли къ собору. Предъ ними шли окольничіе, думные дьяки, стольники, стряпчіе и дворяне. Протопопъ, съ крестомъ въ рукѣ, кропилъ предъ государями путь святою водою. За ними слѣдовали бояре, думные дворяне, дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, а по сторонамъ шли поодаль солдатскіе и стрѣлецкіе полковники. По правую и по лѣвую руку, отъ Краснаго Крыльца до самаго собора, стояли ряды стрѣльцовъ. По прибытіи во храмъ царей, начали имъ пѣть многолѣтіе. Они приложились къ иконамъ, Спасовой ризѣ и мощамъ, и патріархъ благословилъ ихъ. Потомъ государи и патріархъ сѣли на мѣста свои. Глубокая тишина воцарилась въ храмѣ. Государи, вставъ вмѣстѣ съ патріархомъ, сказали ему, что они желаютъ быть вѣнчаны на царство по примѣру предковъ ихъ и по преданію святой восточной церкви. Патріархъ спросилъ: какъ вѣруете и исповѣдуете Отца и Сына и Святаго Духа? Государи сказали въ отвѣтъ символъ вѣры. Послѣ того патріархъ началъ рѣчь. Вся кровь кипѣла во мнѣ, когда я слушалъ, исполненныя лести и коварства, слова этого *хищнаго волка!»*

«Какъ, князь, ты называешь святѣйшаго патріарха?...»

«Хищнымъ волкомъ. Когда я обращу тебя на истинный путь, и ты такъ же станешь называть его.»

Глаза Хованскаго заблистали. Сложивъ двуперстное знаменіе, онъ поднялъ руку и сказалъ съ жаромъ: «Клянусь, что я изгоню этого волка изъ стада. Благословеніе его недѣйствительно: цари въ другой разъ должны будутъ вѣнчаться и получить истинное благословеніе отъ рукъ чистыхъ и праведныхъ. Въ соборѣ я съ трудомъ скрывалъ мое негодованіе; я готовъ былъ предъ алтаремъ заколоть этого лжеучителя и ученика антихристова!»

Хованскій началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ большими шагами. Наконецъ, успокоившись, спросилъ Бурмистрова: разсказывать ли ему конецъ вѣнчанія, и, по просьбѣ его о томъ, продолжалъ: «Послѣ рѣчи хищнаго волка, царей облекли въ царскія одежды. Съ налоевъ, стоявшихъ на амвонѣ, принесли два животворящіе креста патріарху: онъ благословилъ ими государей. Потомъ подали ему на золотыхъ блюдахъ бармы и царскіе вѣнцы: онъ возложилъ ихъ на царей, вручилъ имъ скипетры и державы и посадилъ ихъ на царскомъ мѣстѣ. Запѣли имъ многолѣтіе. Патріархъ, митрополиты, архіепископы, епископы и весь соборъ лжеучителей

встали съ мѣстъ своихъ, поклонились и поздравили государей. Затѣмъ бояре и всѣ, бывшіе въ церкви, ихъ поздравляли, а хищный волкъ сказалъ имъ поученіе. Съ того поученія есть у меня списокъ. Я прочту его тебѣ; слушай: *Имѣйте страхъ божій въ сердцахъ и сохраните вѣру нашу истинную чисту, непоколебиму; любите правду и милость и судъ правый; будьте ко всѣмъ приступны и милостивы и привѣтны. Отъ Бога дана вамъ быстъ держава, и сила отъ Вышняго, васъ бо Господь Богъ въ себѣ мѣсто избра на земли, и на престолъ посади; милость и животъ положи у васъ. Едина добродѣтель отъ стяжанія безсмертная сутъ. Языка льстива и слуха суетна не пріемлите цари, ниже оболгателя слушайте, ни злымъ человѣкомъ вѣры емлите, но разсуждайте все по Бозѣ въ правду. Подобаетъ мудрымъ послѣдовати, на нихъ же воистину, яко на престолѣ, Богъ почиваетъ. Не тако красная міра вся, яко же добродѣтель краситъ царей. Имате и сами Царя, иже есть на небесѣхъ. Аще бо Онъ всѣми печется, сице потребно есть и вамъ, царемъ, ничто жъ презирати, и аще хощете милостива къ себѣ имѣти Небеснаго Царя, милостивы будите и вы ко всѣмъ, да и здѣ добрѣ и благо поживете и да наслѣдники будете небеснаго царствія. И тогда пріимите неувядаемыя славы вѣнцы, и противъ своихъ царскихъ подвиговъ и трудовъ пріимите отъ Бога мзду сторицею.* Потомъ началась

литургія, въ продолженіе которой цари стояли на древнемъ царскомъ мѣстѣ, находящемся въ правой сторонѣ собора. Отъ этого мѣста къ царскимъ вратамъ постлали алый, бархатный коверъ, шитый золотомъ. Цари приблизились къ вратамъ. Наслѣдникъ антихриста вышелъ изъ алтаря. Митрополитъ принесъ на золотомъ блюдѣ, въ хрустальномъ драгомъ сосудѣ, святое муро. Цари, приложась къ Спасову образу, написанному греческимъ царемъ Эмануиломъ, къ иконѣ Владимірской Божіей Матери, написанной Св. Евангелистомъ Лукою, и къ иконѣ Успенія Богородицы, остановились предъ царскими вратами, сняли вѣнцы и отдали ихъ боярамъ, со скипетрами и державами. Помазавъ царей муромъ, патріархъ велѣлъ двумъ ризничимъ и двумъ діаконамъ ввести ихъ въ алтарь чрезъ царскія врата, и подалъ имъ съ дискоса часть животворящаго тѣла и потиръ съ кровію Христовой: государи, причастившись, вышли изъ алтаря. Потомъ патріархъ подалъ имъ часть антидора; цари надѣли вѣнцы, взяли скипетры и стали на своемъ мѣстѣ. По окончаніи литургіи всѣ поздравляли царей съ помазаніемъ муромъ и съ причащеніемъ Св. Тайнъ, а они пригласили на сегодняшній день патріарха и весь соборъ лжеучителей, также бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, къ своему царскому столу. Когда цари, въ вѣнцахъ и бармахъ, вышли изъ собора, сибирскіе

царевичи Григорій и Василій Алексѣевичи осыпали ихъ золотыми монетами. Народъ, въ безчисленномъ множествѣ собравшійся на площади, привѣтствовалъ государей продолжительными, радостными восклицаніями. Государи, по постланному красному сукну, пошли къ церкви Архангела Михаила, цѣловали тамъ святыя иконы, мощи св. царевича Димитрія, гробницы дѣда ихъ государей, родителя и брата, и прочія царскія гробницы. Когда они вышли изъ церкви на паперть, сибирскіе царевичи снова осыпали ихъ золотомъ. Потомъ, приложась къ иконамъ въ церкви Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, они были еще осыпаны золотомъ трижды, по выходѣ изъ храма, тѣми же царевичами. Оттуда возвратились они чрезъ Постельное Крыльцо въ свои царскія палаты. Нечего сказать, праздество было славное! Хлопотъ было много, да жаль, что все понапрасну: царямъ надобно будетъ непремѣнно перевѣнчаться. А это вѣнчанье не въ вѣнчанье! Никонъ былъ антихристъ, а Іоакимъ его наслѣдникъ. Я читалъ тебѣ поученіе этого богоотступника. Слова его исполнены лести и коварства! Такъ ли говорятъ и пишутъ истинные сыны Церкви, которые держатся древняго благочестія? Прочиталъ ли ты книгу, которую я тебѣ прислалъ?»

«Еще не всю.»

«Дай-ка мнѣ сюда книгу. Разверни любую

страницу: сейчасъ видно, что писали люди не антихристу Никону и не наслѣднику его, Іоакиму, чета! Прочтемъ, напримѣръ, хоть это; слушай: *Священный отецъ, священнопротопопъ Логинъ Муромскій, великій во страданіи, во оно же время никонова новозаконенія, такоже исполнися великія ревности по благочестіи, учаше убо всюду народы, еже стояти въ древнемъ благочестіи твердо и непоколебимо, новаго же никонова нововнесенія никакоже пріимаше. Сего ради Никонъ, услышавъ ревность того, пославъ воины по блаженнаго отца, повелѣ того безчестно взяти, и тому приведенну во время литургіи въ соборную церковь, Никону ту сущу, и царю на своемъ царскомъ мѣстѣ; тогда священный Логинъ къ вопросамъ никоновымъ съ ревностію отвѣщаваше. Сими изрядными и ревности исполненными глаголы предивнаго Логина Никонъ уязвися, обуснѣвъ яростію, и весь измѣнися, ни святаго устыдѣвся, остриже его и не токмо се, но и одежду съ него сняти повелѣ, не токмо едину, но и вторую, и во единой срачицѣ остави его. Благоревностный же Логинъ началъ Никона обличати, порицая того дѣянія и начинанія, ими же смущаше колебая толико россійкіе народы, и распоясався, снемъ съ себе срачицу, верже чрезъ прагъ олтарный, Никону глаголя: отъялъ еси одежды моя верхнія, ругая мя, се и срачицу отдаю ти; не боюся безчестія, нагъ изыдохъ изъ чрева матере моея, нагъ и въ землю возвращуся. Оттолѣ наипаче Никонъ воз-*

горѣвся гнѣвомъ, повелѣ страдальца Логина въ желѣза тяжкая вложити и тако скована ругательно влачити, и метлами бити даже до Богоявленскаго монастыря; тако того влекоша біюще и ругающеся во ужасный позоръ всѣмъ зрящимъ, и привлекше священнаго мужа несвященніи во оной монастырь, еже за торгомъ, во едину нага затвориша, ни единаго человѣколюбія показаша, но и воины Никонъ пристави, еже твердо и неослабно стрещи его, дабы отъ человѣкъ или знаемыхъ никто же посѣтилъ его. И понеже страдалецъ отъ всѣхъ оставленъ и презрѣнъ бысть, и знаемыхъ страха ради Никона мучителя, и нагъ въ затвореніи благодарно терпяше; что же творитъ всесильный и всемогій Богъ? Благодатію своею того согрѣваетъ, во оную нощь невидимо страдальцу посылаетъ одежду теплую и шапку на главу его, да отъ священнаго Давида священное исполнится слово: сохранитъ Господь вся любящія Его. Оно внезапное удивленіе возвѣстиша Никону стрегущіи. Никонъ же никако умилися, но разгнѣвася рече: знаю азъ оны пустосвяты, и повелѣ шапку съ него сняти, а одежду тому оставити... Такія ли чудеса найдешь ты въ этой драгоцѣнной книгѣ! Священноіерею Лазарю за проповѣданіе древняго благочестія отрѣзали языкъ и отрубили руку. У него выросъ другой языкъ, и онъ началъ проповѣдывать собравшемуся на площади народу древнее благочестіе. Ему и этотъ языкъ не-

честивцы отрубили; но чтожъ? Лазарь и безъ языка началъ говорить и обличать *никоново новопреданіе,* а отрубленная рука сложила двуперстное знаменіе, благословила народъ и приросла къ плечу. Чрезъ два года выросъ у него и языкъ, *великъ и доброглаголивъ,* въ которомъ впрочемъ онъ не имѣлъ большой нужды, потому-что и безъ языка явственно говорилъ. И это чудо не съ однимъ Лазаремъ было, а случилось еще съ діакономъ Ѳедоромъ, со старцемъ Епиѳаніемъ, *всекрасною розгою благодатнаго сада,* да съ дьякомъ Стефаномъ, по прозванію Чернымъ. Всѣ они сосланы были въ *острогъ Пустоозерскій, близъ Ледовитаго моря-окіяна и полунощныхъ странъ лежащій,* и тамъ скончались. Что ты на это скажешь? Не льзя безъ сердечнаго умиленія читать этого сокровища!»

Хованскій съ благоговѣніемъ поцѣловалъ книгу, перевернулъ нѣсколько листовъ и сказалъ: «Гдѣ ни открой, вездѣ найдешь премудрыя и душеспасительныя поученія. Послушай вотъ это, напримѣръ: *Многострадальный Іоаннъ отъ Великихъ Лукъ, отъ чина купеческаго, великую ревность о древнемъ благочестіи показа и множество народа научи православной вѣрѣ и утверди. Въ Новѣ же градѣ научи нѣкоего купца вельми славна и богата. Сего ради пройде слава и къ самому епарху въ царствующій градъ и самодержавному монарху. Оклеветанъ же бысть отъ*

нѣкоего болярина ко царю, яко держится древняго благочестія и отвращаетъ народы, еже къ церкви божіей не приходити и новаго ученія не слушати. Посылаетъ царь гонцы по Іоанна и ятъ бываетъ и къ судіи градскому представиша его. Судія же невѣроваше, зане возрастомъ бѣ Іоаннъ малъ и худозраченъ, и возопивъ гласомъ веліимъ: о каковая послѣдняя худость, яко же человѣкомъ звати недостойна, таковое и толь великое трясеніе и ужасъ людямъ отъ твари, и толикія народы прельсти. Отвѣщавъ же Іоаннъ къ судіи, глаголя: высокоблагородный воевода, не дивися моему малому возрасту и худости, но паче прослави всесильнаго Бога; ибо и въ вашемъ судищномъ состояніи таковое нѣчто показуется мало возрастомъ и худозрачно. Да вѣси, о воеводо! Ты убо аще и главнѣйшій показуешися судія, и всего градскаго исправленія главнѣйшій епархъ, но возрастомъ малъ бѣ, и видѣніемъ худовидѣнъ, еще же единымъ окомъ вреденъ. Удивившеся воевода дивному его отвѣту, преложися на кротость и повелѣ убо блаженнаго вести во узилище, дондеже отъ царствующаго града вѣсть пріиметъ. Однако я усталъ уже читать, да и спать хочется; дочитай самъ это житіе многострадальнаго Іоанна. До свиданія!»

Хованскій вышелъ, а Бурмистровъ началъ размышлять о странномъ положеніи, въ которое судьба его поставила.

II.

Я злобу твердостью сотру.
Державинъ.

Настало третье іюля, день, назначенный для свадьбы Василья. Въ мрачной задумчивости сидѣлъ онъ, облокотясь на столъ и устремивъ взоръ, выражавшій безнадежную горесть, на кольцо, которое Наталья ему подарила. Стукъ замка у дверей прервалъ его мучительныя размышленія. Вошелъ Хованскій.

«Сынъ мой!» сказалъ онъ, «тебя желаетъ видѣть учитель и глава нашъ, священноіерей Никита. Я говорилъ ему о тебѣ, и онъ, начавъ пророчествовать, сказалъ, что ты скоро обратишься отъ дѣлъ тмы на путь правды, и будешь ревностнымъ поборникомъ древняго благочестія. Иди за мною!»

Удивленный Бурмистровъ послѣдовалъ за Хованскимъ. Они дошли до другаго конца чердака и спустились по узкой и крутой лѣстницѣ въ слабо-освѣщенный однимъ окномъ подвалъ, въ которомъ стояло множество бочекъ. Съ трудомъ

пробравшись между бочками, приблизились они къ деревянной стѣнѣ. Хованскій три раза топнулъ ногою, и по срединѣ стѣны отворилась потаенная дверь. Князь ввелъ Бурмистрова въ довольно-обширную комнату. Оконъ въ ней не было. Горѣвшая въ углу, передъ образами, лампада освѣщала каменный сводъ, налой, поставленный у восточной стѣны горницы, и устроенныя около прочихъ стѣнъ деревянныя скамьи. Человѣкъ средняго роста, съ блѣднымъ лицомъ и съ длинною бородою, благословилъ вошедшихъ и, обратясь къ образамъ, началъ молиться въ землю. Бурмистровъ разсмотрѣлъ на немъ священническую рясу. Это былъ Никита. Послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ, онъ взялъ за руку Бурмистрова, подвелъ его къ лампадѣ и, устремивъ на него быстрый взглядъ, спросилъ:

«Какъ зовутъ тебя, заблудшая овца, ищущая спасенія?»

Бурмистровъ, не зная: сказалъ ли Хованскій Никитѣ его настоящее имя, посмотрѣлъ въ недоумѣніи на князя.

«Я говорилъ уже тебѣ, отецъ Никита,» подхватилъ Хованскій: «что его имя должно остаться въ тайнѣ до-тѣхъ-поръ, пока я не успѣю обратить его.»

«Въ тайнѣ? У кого отверзты духовныя очи, для того не можетъ быть ничего тайнаго. Его зовутъ: Василій Бурмистровъ! Не хорошо, чадо

Іоаннъ! Зачѣмъ хотѣлъ ты передо мною лукавить? Вижу, что ты еще ослѣпленъ земными помыслами! Какъ могъ ты думать, что возможно скрыть что-нибудь предъ мысленными очами? Выйди вонъ и слезами покаянія омой твое прегрѣшеніе.»

Хованскій смутился, хотѣлъ что-то сказать въ оправданіе; но Никита закричалъ грознымъ голосомъ: «Горе непокоряющемуся грѣшнику!»

Князь, закрывъ лицо руками, вышелъ, и Никита заперъ за нимъ дверь.

«Если я не ошибаюсь,» сказалъ Бурмистровъ: «я видѣлъ тебя однажды въ домѣ покойнаго сотника Семена Алексѣева.»

«Я вовсе не зналъ Алексѣева и никогда въ домѣ его не бывалъ. Но оставимъ это. Прочиталъ ли ты книгу, которую тебѣ князь доставилъ?»

«Прочиталъ.»

«Прояснились ли твои очи, ослѣпленныя силою вражіею; свергъ ли ты съ себя иго антихристово и обратился ли къ свѣту древняго благочестія?»

«Я еще болѣе убѣдился въ истинѣ моего вѣрованія, и отъ искренняго сердца пожалѣлъ, что между православными христіанами вкрались расколы.»

«Мы одни можемъ назваться православными христіанами, и не тебѣ, оскверненному печатію

антихриста, судить насъ. Въ насъ обитаетъ свѣтъ истинной вѣры, а вы во тмѣ бродите и служите врагу человѣческаго рода.»

«Истинная вѣра познается изъ дѣлъ. Исполняете ли вы двѣ главныя заповѣди: любить Бога и ближняго? Мы ближніе ваши, а вы ненавидите насъ, какъ враговъ; мы ищемъ соединенія съ вами, а вы отъ насъ отдѣляетесь и производите тамъ раздоръ, гдѣ должны быть одна любовь и братское согласіе.»

«Ты говоришь по наущенію бѣсовскому, и не можешь говорить иначе, потому-что служишь еще князю тмы. Но я знаю, что ты скоро войдешь въ благодатный садъ древняго благочестія.»

«Почему ты такъ думаешь?»

«Я знаю прошедшее, разумѣю настоящее и прозираю въ будущее. Слушай, сынъ нечестія: ты стоишь на распутіи; двѣ дороги предъ тобой: одна ведетъ въ лѣсъ, гдѣ лежитъ сѣкира и ползаютъ гробовые черви; другая—въ вертоградъ, гдѣ есть работа. Ты пойдешь по послѣдней.»

«Изъ словъ твоихъ я вижу, что князь открылъ тебѣ мое положеніе. Будь увѣренъ, что я не отдѣлюсь отъ церкви православной и не измѣню данной ей клятвѣ, хотя бы мнѣ стоило это жизни.»

Никита, нахмуривъ брови, подошелъ къ на-

лою, взялъ съ него крестъ и подошелъ къ Бурмистрову.

«Скоро прейдетъ тма и возсіяетъ свѣтъ; хищный волкъ изгонится изъ стада! Сынъ нечестія! клянись быть съ нами, цѣлуй крестъ: онъ спасетъ тебя отъ сѣкиры, и ты въ вертоградѣ найдешь убѣжище!»

Бурмистровъ поцѣловалъ крестъ и сказалъ: «Повторяю клятву жить и умереть сыномъ церкви православной!»

«Горе, горе тебѣ!» закричалъ ужаснымъ голосомъ Никита, отскочивъ отъ Бурмистрова. «Да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его! Сокройся съ глазъ моихъ, бѣги къ сѣкирѣ; черви ожидаютъ тебя!»

Положивъ крестъ на налой, изувѣръ подошелъ къ двери и, отворивъ ее, позвалъ Хованскаго.

Князь вошелъ съ смиреннымъ видомъ.

«Не хорошо, чадо Іоаннъ!» возгласилъ Никита: «ты хвалился, что приблизилъ этого нечестивца къ вертограду древняго благочестія, и подалъ мнѣ надежду, что въ немъ обрѣтемъ мы дѣлателя; но онъ не хочетъ исторгнуться изъ сѣтей діавольскихъ.»

«Ты самъ пророчествовалъ, отецъ Никита, что онъ будетъ нашимъ пособникомъ, исцѣлитъ отъ слѣпоты весь Сухаревскій полкъ, поможетъ намъ изгнать хищнаго волка со всѣмъ

соборомъ лжеучителей и воздвигнуть столпъ древняго благочестія.»

«Да, я пророчествовалъ, и сказанное мною сбудется.»

«Никогда!» возразилъ Бурмистровъ.

«Сомкни уста твои, нечестивецъ! Чадо Іоаннъ! вели точить сѣкиру: сѣкира обратитъ грѣшника.»

«Не думаешь ли ты устрашить меня смертью?» сказалъ Бурмистровъ. «Князь! вели сегодня же казнить меня; пусть смерть моя обличитъ этого лжепророка! Поклянись мнѣ предъ этимъ крестомъ, что ты тогда отвергнешь совѣты этого возмутителя и врага православной церкви, познаешь свое заблужденіе, оставишь свои замыслы и удержишь стрѣльцовъ отъ новыхъ неистовствъ, поклянись,—и тотчасъ же веди меня на казнь.»

«Умолкни, сынъ сатаны!» закричалъ въ бѣшенствѣ Никита, «не совращай съ пути спасенія избранныхъ! Ты не умрешь, и предреченное мною сбудется.»

«Ради Бога, князь, не медли, произнеси клятву, и я съ радостію умру для защиты православной церкви отъ враговъ ея и для спасенія святой родины отъ новыхъ бѣдствій.»

«Не будетъ тебѣ смерти, змѣй-прельститель! Чадо Іоаннъ, внимай и разумѣй: пророчество мое сбудется!... Я слышу гласъ съ неба!... Завтра ополчатся всѣ воины и народъ за древнее

благочестіе; завтра Красная Площадь подвигнется яко море! Завтра спадетъ слѣпота съ очей учениковъ антихриста и процвѣтетъ древнее благочестіе, аки кедръ ливанскій, и низвергнется въ преисподнюю хищный волкъ и весь соборъ лжеучителей. Возрадуйся, чадо Іоаннъ, яко слава твоего подвига распространится отъ моря до моря и отъ рѣкъ до конца вселенныя! Завтра на востокѣ взойдетъ солнце истины, и ты принесешь чрезъ три дня кровную жертву благодаренія; не тельца упитаннаго, а коснѣющаго грѣшника, противляющагося твоему благому подвигу; и грѣшникъ, добыча адова, поможетъ тако воздвигнуть столпъ вѣры старой и истинной,—да сбудется пророчество! И сѣкира не коснется до того дня главы змѣя-прельстителя! Шествуй, чадо Іоаннъ, на подвигъ! Сгинь, змѣй-прельститель!»

Сказавъ это съ величайшимъ напряженіемъ, Никита упалъ и началъ валяться по полу съ страшными тѣлодвиженіями.

Хованскій, крестясь, вышелъ съ Бурмистровымъ и повелъ его въ тюрьму. Взявъ отъ него книгу, которою думалъ его обратить, князь сказалъ гнѣвно, запирая дверь: «Завтра восторжествуетъ древнее благочестіе, и ты чрезъ три дня принесенъ будешь въ благодарственную жертву. Готовься къ смерти!»

Никита, по уходѣ Хованскаго, всталъ съ пола и пошелъ на чердакъ, въ намѣреніи спустить-

ся оттуда по другой лѣстницѣ на дворъ, потому-что выходъ изъ подвала заложенъ былъ кирпичами. На чердакѣ встрѣтился съ нимъ Хованскій.

«Куда ты, отецъ Никита?»

«Иду на подвигъ, за Яузу, въ слободу Титова полка. Оттуда пойду къ православнымъ воинамъ во всѣ другіе полки и велю, чтобы завтра утромъ всѣ приходили на Красную Площадь.... Ты мнѣ давеча говорилъ, что ты былъ сегодня у хищнаго волка въ Крестовой Палатѣ. Чтò онъ сказалъ тебѣ?»

«Я, по твоему приказу, говорилъ, что государи велѣли ему выйти на лобное мѣсто или предъ Успенскимъ Соборомъ на площадь, для словопренія о вѣрѣ; но онъ, какъ видно, по наущенію лукаваго, уразумѣлъ, что мы хотимъ его каменіемъ побить, и отвѣчалъ, что безъ государей на словопреніе не пойдетъ.»

«Не пойдетъ, такъ вытащимъ! Князь тмы не исхититъ его изъ рукъ нашихъ. Поспѣшу за Яузу. Прощай!»

«Отпусти мнѣ, окаянному, сегоднишнія прегрѣшенія мои предъ тобою!»

Съ этими словами князь, сложивъ на грудь крестообразно руки, закрылъ глаза и смиренно наклонился предъ Никитою.

«Отпускаю и разрѣшаю!» сказалъ Никита, благословивъ князя.

Хованскій поцѣловалъ у него руку и, пожелавъ ему успѣха въ подвигѣ, проводилъ его до воротъ.

«А мнѣ приходить завтра на площадь?» спросилъ Хованскій.

«Нѣтъ! Съ солнечнаго восхода начни молиться, да побѣдимъ враговъ нашихъ, и пребудь въ молитвѣ и постѣ до-тѣхъ-поръ, пока я не возвѣщу тебѣ побѣды.»

Сказавъ это, Никита надвинулъ на лицо шапку и вышелъ за ворота, а князь возвратился въ свои комнаты.

III.

На площадь всякъ идетъ для дѣла и безъ дѣла;
Нахлынули; вся площадь закипѣла.
Народъ толпился и жужжалъ
Передъ ораторскимъ амвономъ.
Знакъ поданъ. Начинай! Рой шумный замолчалъ,
И риторъ возвѣстилъ высокопарнымъ тономъ...

Батюшковъ.

На другой день, еще до солнечнаго восхода, Никита съ ревностнѣйшими сообщниками своими явился на Красной Площади. Посрединѣ ея поставили сороковую бочку, покрыли коврами и съ боку придѣлали небольшую лѣстницу съ перилами. Дневныя дѣла нашихъ предковъ начинались не такъ поздно, какъ въ нынѣшнее время: съ восходомъ солнца народъ уже появлялся на улицахъ. Вскорѣ около воздвигнутой каѳедры собралась толпа любопытныхъ. Отряды стрѣльцовъ, шедшихъ безъ всякаго порядка, начали одинъ за другимъ появляться, и вскорѣ вся площадь покрылась народомъ.

Никита взошелъ на каѳедру, поднялъ руки къ небу, и долго стоялъ въ этомъ положеніи,

Глухой говоръ народа раздавался, какъ шумъ отдаленнаго моря. Всѣ смотрѣли съ любопытствомъ и страхомъ на необыкновенное явленіе.

«Здравствуй, Андрей Петровичъ!» сказалъ шопотомъ Лаптевъ, увидѣвъ брата Натальи, который близъ него стоялъ съ своими академическими товарищами.

«А, и ты здѣсь, Андрей Матвѣевичъ!»

«Шелъ-было къ заутрени, да остановился. Видишь какое здѣсь чудо!»

«А меня съ товарищами послалъ изъ монастыря отецъ блюститель: посмотрѣть, что̀ здѣсь дѣлается и ему донести. Самъ-то, видишь, страшится сюда итти: ему монастырскій служка насказалъ невѣсть что̀. Справедливо сказано, что fama crescit eundo.»

«Что̀, что̀ такое? Ѳома кряхтитъ въ будни? Ну чтожъ, Андрей Петровичъ! Это еще не бѣда; иной, горемычной, кряхтитъ и въ праздники. Да что̀ это за Ѳома?»

«Не то, Андрей Матвѣевичъ! Fama crescit eundo, значитъ по-русски: молва растетъ, шествуя.»

«Вотъ что! разумѣю!... Да скажи пожалуйста, кукла тамъ, аль живой человѣкъ стоитъ?»

«Какая кукла! Это бывшій суздальскій попъ Никита. Онъ затѣялъ расколъ, потомъ образумился, а нынче, видно, опять принялся за старое. Его многіе называютъ: Пустосвятъ.—Езопъ...»

Андрей, забывши басню, которую хотѣлъ разсказать, остановился.

«Пустосвятъ-Езопъ? Первое слово я понимаю,» сказалъ Лаптевъ: «а второе-то что̀ значитъ, еретикъ что ли?»

«Не то̀, Андрей Матвѣевичъ! Езопъ былъ греческій баснописецъ.»

«Греческій иконописецъ? Разумѣю! Смотри-ка, смотри, Андрей Петровичъ, Никита креститься началъ, видно, проповѣдь сказать хочетъ. Подойдемъ поближе, продеремся какъ-нибудь. Этакая давка, словно за заутреней въ свѣтлое воскресенье!»

На площади водворилось глубокое молчаніе. Никита, поклонясь на всѣ четыре стороны, началъ говорить слѣдующее:

«*Священнопротопопъ Аввакумъ многотерпѣливый, великій учитель нашъ, ограда древняго благочестія и обличитель никонова новозаконенія, не ялъ въ великій постъ четыредесять дней, и видѣлъ чудное видѣніе: руки его, ноги, зубы и весь онъ распространился по всему небеси, и вмѣстилъ Богъ въ него небо и землю и всю тварь. И познавъ тако все сущее, исполнися разумъ его премудрости. И написа Аввакумъ дивную книгу и нарече ю Евангеліе Вѣчное; не имъ, но перстомъ Божіимъ писано. Немнозіи избранніи изъ сея книжицы познаша истинный путь спасенія, его же хощу возвѣстити вамъ, на-*

роди православіи. Нѣсть нынѣ истинныя церкве на земли, ни въ Руси, ни въ Грекахъ. Токмо мы еще держимъ православную христіанскую вѣру и крестимся двѣма персты, изображующе въ томъ божество и человѣчество Сына Божія. А треми персты кто крестится, той со антихристомъ въ вѣчной муцѣ будетъ, то бо есть печать антихристова. Кто же убо и гдѣ есть сей антихристъ? Мнозіи отъ невѣдѣнія писанія глаголютъ быти ему во Іерусалимѣ. Ты же узрися, глаголетъ пророкъ, яко отъ сѣвера лукавство изыдетъ. Аѳанасій Великій возвѣстилъ Антіоху, еже быти антихристу въ Скиѳополіи; Скиѳополь же сѣверна страна, то наша Русская земля. Святый Іоаннъ Златоустъ сказуетъ въ Римѣ ему быти. И сіе согласно еже здѣ быти ему, зане святый Селиверстъ папа римскій, егда посланъ бысть отъ Бога къ Филоѳею, патріарху Царя-града, на нашу Русскую землю благочестія ради, исповѣдалъ свѣтлую Россію третіимъ Римомъ, а Греческое царство вторый Римъ именуется въ писаніяхъ. Святый Кириллъ глаголетъ о антихристѣ, яко ни отъ царей, ни отъ рода царска будетъ; преподобный же Петръ Дамаскинъ сказуетъ о немъ же, яко чернецъ имать возстати въ сѣверной странѣ, и всѣхъ еретиковъ ереси подыметъ. И се согласно зѣло нынѣшнему времени. Кириллъ святый пишетъ, яко антихристъ церковь древнюю Соломонову съ инымъ богомоліемъ, прелести ради, покусится создати, совершенно же

совершити не возможетъ. И писано о немъ, яко льстецъ во всемъ хощетъ быти равенъ Христу. Кто же построилъ Іерусалимъ въ сиверной странѣ, и рѣку Истру Іорданомъ переименовалъ, и церковь такову, какова во Іерусалимѣ построилъ, (*) *и около своего льстиваго Іерусалима селамъ и деревнямъ имена новыя надавалъ: Назаретъ, Виѳлеемъ и прочая? У кого есть новая Галилейская пустыня? Кто и горамъ имена новыя далъ, и едину изъ оныхъ Голгоѳою наименовалъ? Кто чернецовъ молодыхъ, постригая, именовалъ херувимами и серафимами? Имѣяй умъ да разумѣетъ прелесть Никона антихриста и сосуда сатанинскаго. Аще не явствененъ еще льстецъ, то скажу свидѣтельство о немъ, да на томъ поставите умъ свой, яко на камени крѣпкомъ. Число звѣрино явственно исполнися въ тотъ годъ, егда пагубникъ Никонъ свои еретическіе служебники выдалъ, а святые прежніе служебники, по которымъ отцы наши угодили Богу, повелѣлъ вонъ изъ церкви изнести. Блюдитеся, православніи! посѣщати конскія стоялища, еже церквами назы-*

(*) Патріархъ Никонъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, имъ построенномъ въ 1654 году, за 40 верстъ отъ Москвы, на рѣкѣ Истрѣ, и названномъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, за красоту зданія и мѣстоположенія, Іерусалимомъ, соорудилъ соборную церковь по подобію Іерусалимской.

ваютъ сыны антихристовы. Блюдитеся слушати тѣ льстивые служебники, да не погубите душъ вашихъ. Грядите въ Кремль! Воздвигните брань за вѣру истинную, за древнее благочестіе, да изгонимъ изъ стада хищнаго волка, наслѣдника антихристова, съ сонмомъ лжеучителей, и да возставимъ церковь Божію!»

«Возставимъ церковь Божію!» закричали тысячи голосовъ. «Вретъ Пустосвятъ Никита, хочетъ насъ морочить! Бѣсъ въ немъ сидитъ!» кричали другіе. Вся площадь взволновалась. Никита сошелъ съ каѳедры, вынулъ изъ-подъ рясы крестъ и, поднявъ его вверхъ, пошелъ къ Спасскимъ воротамъ. Болѣе семи тысячъ стрѣльцовъ и безчисленное множество людей разнаго званія, какъ потокъ лавы, устремились за Никитою.

Лаптевъ, видя опасность, угрожающую церкви православной, заплакалъ. Множество народа, неувлеченнаго проповѣдью изувѣра, осталось на площади. Иной плакалъ подобно Лаптеву, другой проклиналъ Пустосвята.

«О чемъ плачешь, Андрей Матвѣевичъ!» спросилъ Борисовъ, приблизясь къ Лаптеву.

«Какъ не плакать, Иванъ Борисовичъ!» отвѣчалъ печальнымъ голосомъ Лаптевъ, отирая рукавомъ слезы: «вотъ до какихъ временъ мы дожили! Еретикъ не велитъ въ церкви Божіи ходить, грозитъ святѣйшаго патріарха прогнать

и навязываетъ всѣмъ православнымъ свою проклятую ересь. Того и гляди, что сатана ему поможетъ! Посмотри-ка сколько за нимъ народу пошло; и стрѣльцы съ нимъ заодно.»

«Не всѣ же стрѣльцы, Андрей Матвѣевичъ; тысячъ пять не вѣрятъ еретику, остались въ слободахъ и не хотятъ въ это дѣло мѣшаться. Изъ нашего полка человѣкъ пятьдесятъ дались въ обманъ. Еслибъ Василій Петровичъ былъ здѣсь: и того бы не было. Вчера, предъ полуночью, приходилъ къ намъ въ полкъ этотъ проклятый Никита, наговорилъ съ три короба; думалъ, что всѣхъ нашихъ обратитъ въ свою поганую ересь. Да не тутъ-то было. Въ другихъ полкахъ ему болѣе было удачи: Титовъ на его сторонѣ, болѣе половины Стремяннаго, Тарбѣевъ также почти весь.... да что̀ тутъ считать! Горе беретъ! Самъ ты знаешь, Андрей Матвѣевичъ, что глупыхъ больше на свѣтѣ нежели умныхъ; дураковъ-то не сѣютъ, а сами родятся; не диво, что его сторона сильнѣе. Я было подговаривалъ нашихъ молодцовъ схватить проклятаго Пустосвята, да стащить на Патріаршій дворъ. Побоялись другихъ полковъ. Жаль, право, что Василья Петровича здѣсь нѣтъ: онъ бы, вѣрно, вывелъ этого еретика на свѣжую воду.»

«Да куда дѣвался Василій Петровичъ?» спросилъ Лаптевъ. «Вы оба словно на дно канули; я ужъ съ вами съ мѣсяцъ не видался. Да вотъ и

Андрей Петровичъ! Богъ ему судья—совсѣмъ забылъ меня!»

«Василій Петровичъ,» шепнулъ Борисовъ Лаптеву на ухо: «приказалъ тебѣ сказать, что онъ получилъ отставку и тайкомъ уѣхалъ въ деревню своей тетки. Только, ради Бога, не говори объ этомъ Варварѣ Ивановнѣ: неравно дойдетъ какъ-нибудь до Милославскаго—бѣда!»

«Не бось, никому не скажу! Слава Богу, что онъ успѣлъ туда убраться. Я чай, поживаетъ себѣ припѣваючи.»

«Да, слава Богу! А я съ полкомъ нашимъ черезъ недѣлю пойду въ Воронежъ.»

«Какъ-такъ?»

«Царевна Софья Алексѣевна приказала.»

«Жаль, жаль, Иванъ Борисовичъ! Экое, слышь ты, горе! Этакъ совсѣмъ безъ пріятелей останешься, не съ кѣмъ будетъ и слова перемолвить!»

«И мнѣ итти въ Воронежъ-то больно не хочется. По-крайней-мѣрѣ я радъ, что мой благодѣтель, Василій Петровичъ, поживаетъ въ добромъ мѣстѣ.»

Если бы предоставили намъ на выборъ какую-нибудь радость или печаль, то всякой, безъ сомнѣнія, избралъ бы первую. Но бываютъ случаи, въ которыхъ лучше избирать послѣднюю. Что̀ лучше было, напримѣръ, для двухъ друзей Бурмистрова: радоваться ли, вображая, что онъ

въ безопасности, или печалиться, зная, что жизнь его виситъ на волоскѣ? Конечно, они согласились бы на послѣднее, еслибъ отъ нихъ зависѣло избрать то или другое; потому-что и горькая истина предпочтительнѣе пріятнаго заблужденія. Итакъ, почтенные читатели, будемъ всегда поборниками истины и врагами заблужденія, подобно Андрею, который, во время разговора Лаптева съ Борисовымъ, протѣснился къ порожней каѳедрѣ, и взошелъ на нее съ намѣреніемъ сказать обличительную рѣчь противъ Никиты. Его ревность къ этому подвигу, безъ сомнѣнія, удвоилась бы, еслибъ онъ зналъ, что, мѣшая успѣху Никиты, онъ спасаетъ жизнь Бурмистрова.

Увидѣвъ на каѳедрѣ новое лицо, окружавшая ее толпа замолчала. Ободренный тѣмъ, Андрей, избравъ за образецъ рѣчь Цицерона противъ Катилины, которую зналъ наизустъ, принялъ величественное положеніе, приличное оратору. Никита въ это время приблизился уже къ Спасскимъ воротамъ, и съ сообщниками своими стучался въ нихъ, требуя съ крикомъ, чтобы его впустили въ Кремль. Андрей, указывая на него, сказалъ:

«Доколѣ будешь, Никита Пустосвятъ, употреблять во зло терпѣніе наше? (—Пустосвятъ? Ахъ ты собака!—заворчало нѣсколько стрѣльцовъ Титова полка, стоявшихъ около каѳедры. Дай срокъ: что̀ онъ еще скажетъ? Проучимъ

его!—) Долго ли скрывать станешь отъ насъ сіе твое бѣшенство? До чего похваляться будешь необузданною твоею продерзостію? Или не возмущаетъ тебя защищеніе горы Палатинской.... то есть Кремля? (Ораторъ сбился, забывшій, что онъ говоритъ собственную рѣчь безъ приготовленія, а не повторяетъ наизустъ Цицеронову.) Или не возмущаетъ тебя ни стража около града, ни страхъ народный, ни стеченіе всѣхъ добрыхъ людей, ни взоры, ни лица собравшихся здѣсь сен..... православныхъ христіанъ? (Онъ чуть было не сказалъ сенаторовъ, но примѣтивъ, что около каѳедры стоятъ большею частію мужики, нашелся и счастливо избѣжалъ неумѣстнаго выраженія.) Или ты не чувствуешь, что твои совѣты явны? Или ты не видишь, что уже всѣ сіи сановитые мужи (описавъ рукою покружіе, онъ указалъ на мужиковъ) только отъ одной умѣренности удерживаютъ свои совѣсти.... яснѣе сказать, руки, и не налагаютъ ихъ на тебя? Кого ты изъ насъ чаешь, кто бы не зналъ, что ты нынѣшнею и прошлою ночью дѣлалъ, гдѣ былъ, какихъ людей созвалъ и какіе имѣлъ совѣты? (Въ этомъ мѣстѣ ораторъ послѣдовалъ въ точности Цицерону, не зная, впрочемъ, откуда взялся на площади Никита. Стрѣльцы начали шептаться между собою:—Да видно, этотъ краснобай—лазутчикъ! Какъ узналъ онъ, что отецъ Никита въ слободѣ у насъ по ночамъ скрывал-

ся и съ нашими старшими совѣтовался? Убьемъ его!—)Чего ожидаешь ты еще, Никита Пустосвятъ, когда уже ночь злобныхъ твоихъ сборовъ покрыть не можетъ, когда уже все ясно и наружу вышло? Перемѣни свои мысли, повѣрь мнѣ! Позабудь.... о твоей ереси: со всѣхъ сторонъ ты пойманъ; всѣ твои предпріятія яснѣе полуденнаго свѣта. (Въ это время Никита и нѣсколько стрѣльцовъ толстымъ чурбаномъ старались вышибить Спасскія ворота.) Что̀ ты ни дѣлаешь, что̀ не предпріемлешь, что̀ ни замышляешь,—то все я не токмо слышу, но ясно вижу и почти руками осязаю. Вспомни прошедшую ночь, то уразумѣешь, что я тщательнѣе бодрствую для спасенія.... церкви православной, нежели ты для погубленія оной. Здѣсь, здѣсь между нами, господа.... православные христіане, въ семъ преименитомъ и святѣйшемъ всего земнаго круга совѣтѣ, есть такіе люди, которые думаютъ погубить меня и всѣхъ насъ и, слѣдовательно, всю вселенную. (—Ага, догадался!—заворчали стрѣльцы.—Вотъ мы тебя!—) Въ такихъ обстоятельствахъ, Никита Пустосвятъ, выйди изъ города: ворота отворены! (Стрѣльцы оглянулись на Спасскія ворота, но увидѣли, что ихъ еще не выломили.) Выведи съ собою всѣхъ своихъ сообщниковъ; очисти городъ. Отъ великаго меня избавишь страха, коль-скоро между мною и тобою стѣна будетъ! Съ нами быть те-

бѣ больше невозможно. Не снесу, не стерплю, не попущу!»

Лаптевъ, примѣтивъ, что стрѣльцы поднимаютъ каменья и собираются около каѳедры, уговорилъ Борисова и товарищей Андрея стащить оратора и избавить его отъ угрожающей опасности.

Кончивъ введеніе рѣчи, заимствованное изъ Цицерона, Андрей продолжалъ: «Ты говорилъ, Никита Пустосвятъ, что протопопъ Аввакумъ ничего не ѣлъ четырнадцать дней, распространился по всему небу и вмѣстилъ въ себя всю вселенную,—о верхъ нелѣпости! Не говоря уже о томъ, что безъ всякой пищи и четырнадцать часовъ пробыть довольно трудно, изслѣдуемъ вкратцѣ: можетъ ли помѣститься цѣлая вселенная въ утробѣ человѣческой? (Смѣхъ и громкое одобреніе. Сердце оратора забилось отъ радости.) Можетъ ли....»

Въ это время Борисовъ и два товарища Андрея схватили его и потащили долой съ каѳедры.

«Что̀ это значитъ? Пусти, пусти меня, ради Бога, Иванъ Борисовичъ, дай кончить рѣчь!» кричалъ Андрей во все горло. «Послушай, Петрушка, я тебя живаго не оставлю! Видно, мало я тебя поколотилъ вчера передъ ужиномъ. Да что вы на меня напали, бѣлены что ли объѣлись? Пустите! Куда вы меня тащите? Сенька

мошенникъ, совсѣмъ воротникъ оторвалъ, я съ тебя твой новый кафтанъ сдеру!»

Не смотря ни на просьбы, ни на угрозы оратора, его стащили съ каѳедры. Стрѣльцы, думая, что Борисовъ и товарищи Андрея хотятъ поколотить его, бросились къ нимъ на помощь, а стоявшіе около каѳедры мужики кинулись отнимать его у Борисова, чтобы ввести опять въ торжествѣ на бочку, для окончанія рѣчи. Неизвѣстно чѣмъ бы кончилось все это; но, къ счастію, растворились Спасскія ворота, и стрѣльцы бросились въ Кремль, оставивъ поле сраженія за мужиками защищавшими оратора.

Такимъ образомъ роковая рѣчь Цицерона, поставившая Андрея въ Ласточкиномъ Гнѣздѣ въ непріятное и смѣшное положеніе, на Красной Площади чуть не навлекла ему побой. Не понимая, куда и зачѣмъ тащили его въ одну сторону Борисовъ съ товарищами, въ другую мужики, а въ третью стрѣльцы, онъ дивился дѣйствію своего краснорѣчія и думалъ, что его постигнетъ участь Орфея, растерзаннаго Вакханками. Надвинулъ шапку на глаза, въ величайшей досадѣ, пошелъ онъ скорымъ шагомъ въ Заиконоспасскій монастырь. Между-тѣмъ Никита, сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ народа, вошелъ въ Кремль и приблизился къ царскимъ палатамъ. Бояринъ Милославскій вышелъ на Постельное Крыльцо и отъ имени царевны

Софіи Алексѣевны спросилъ предводителя толпы, Никиту: чего онъ требуетъ?

«Народъ московскій требуетъ, чтобы воставленъ былъ столпъ древняго благочестія и чтобы на площадь, предъ конскимъ стоялищемъ, которое вы именуете Успенскимъ Соборомъ, вышелъ хищный волкъ и весь сонмъ лжеучителей, для пренія съ нами о вѣрѣ.»

«Я сейчасъ донесу о вашемъ требованіи государямъ,» сказалъ Милославскій, «и объявлю вамъ волю ихъ.»

Бояринъ вошелъ во дворецъ и, опять явясь на Постельномъ Крыльцѣ, сказалъ: «Цари повелѣли прошеніе ваше разсмотрѣть патріарху, онъ, вѣрно, преклонится ко всенародному моленію. А для васъ, стрѣльцы, царевна Софья Алексѣевна приказала отпереть царскіе погреба въ награду за ваше всегдашнее усердіе къ ней и за ревность къ вѣрѣ православной. Она проситъ васъ, чтобъ вы въ это дѣло не мѣшались. Положитесь на ея милость и правосудіе. Еслибы патріархъ и рѣшилъ это дѣло неправильно, то на немъ отъ Бога взыщется, а не на васъ.»

Сказавъ это, Милославскій удалился въ покои дворца.

«Здравія и многія лѣта царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ?» закричали стрѣльцы всѣхъ полковъ, кромѣ Титова. «Къ погребамъ, ребята!»

Никита, видя, что воздвигаемый имъ столпъ

древняго благочестія, подмытый виномъ, сильно пошатнулся, и что ряды его благочестиваго воинства примѣтно рѣдѣютъ, закричалъ грознымъ голосомъ: «Грядите, грядите, нечестивцы, изъ свѣтлаго вертограда во тму погребовъ, на дно адово! Упивайтесь виномъ нечестія! Мы и безъ васъ низвергнемъ въ преисподнюю хищнаго волка!»

Съ этими словами пошелъ онъ изъ Кремля, и вся толпа двинулась за нимъ.

IV.

Врагъ рекъ: пойдемъ, постигнемъ, поженемъ,
Корысти раздѣлимъ! Се жатва намъ обильна!
Упейся, мечъ, въ крови....

Мерзляковъ.

Между-тѣмъ Хованскій, исполняя приказаніе: пребыть въ постѣ и молитвѣ до возвѣщенія побѣды, съ солнечнаго восхода молился въ своей рабочей горницѣ, не столько объ успѣхѣ древняго благочестія, сколько о скорѣйшемъ прибытіи Пикиты, потому-что давно прошелъ уже полдень, и запахъ жареныхъ курицъ, поданныхъ на столъ, проникнувъ изъ столовой въ рабочую горницу, сильно соблазнялъ благочестиваго князя. Сынъ его, князь Андрей, сидѣлъ въ молчаніи на скамьѣ, у окошка. (*)

(*) Сынъ боярина Артемона Матвѣева, графъ Андрей Матвѣевъ, въ своей лѣтописи между прочимъ, пишетъ о Хованскомъ, *что отецъ человѣкъ трусливый, а сынъ легкомысленный и высокомѣрный.* Раупахъ, въ прекрасной трагедіи: Die Fürsten Chawansky, описалъ князя Андрея геро-

«Взгляни, Андрюша,» сказалъ онъ наконецъ сыну, кладя земной поклонъ: «нейдетъ ли отецъ Никита; да вели курицъ-то въ печь поставить; я думаю, совсѣмъ простыли.»

емъ; но трагедія его основана большею частію на вымыслѣ. Изъ нашихъ лѣтописей видно, что главное дѣйствующее лицо во время мятежа раскольниковъ былъ старый Хованскій. Сынъ боярина Матвѣева оправдываетъ обоихъ князей, говоря, что обвиненіе ихъ въ умыслѣ противъ царскаго дома, патріарха и бояръ, было слѣдствіемъ личной злобы и коварства боярина Милославскаго. Онъ ссылается въ томъ *на догадку старожилыхъ людей,* тогдашнихъ *политиковъ московскихъ.* Но догадка эта весьма сомнительна, хотя ей и повѣрилъ Бергманъ. Означенные выше политики полагали, что Милославскій рѣшился погубить Хованскихъ посредствомъ клеветы, по двумъ причинамъ: первая, по ихъ мнѣнію, состояла въ боязни его, чтобы чрезъ Хованскихъ, пріобрѣвшихъ особенную любовь стрѣльцовъ, не открылось участіе его, Милославскаго, въ бунтѣ 15 Мая; вторая, въ опасеніи, чтобы Хованскіе, пользуясь вліяніемъ своимъ на стрѣльцовъ, не пріобрѣли слишкомъ большой силы. Чтобы оцѣнить достовѣрность этихъ причинъ и повѣствованія Матвѣева, должно не упустить изъ виду: 1) что Милославскій погубилъ боярина Матвѣева, отца лѣтописца; 2) что, поэтому, нельзя вполнѣ полагаться на безпристрастіе послѣдняго, когда онъ всѣ возможныя злодѣйства приписываетъ Милославскому, котораго назы-

«Отца Никиты еще не видно,» отвѣчалъ князь Андрей, растворивъ окно и посмотрѣвъ на улицу.

«И подаждь ему на хищнаго волка побѣду и одолѣніе!» прошепталъ старикъ Хованскій съ глубокимъ вздохомъ, продолжая кланяться въ землю. «Да скажи, чтобъ Ѳомка не въ самый жаръ курицъ поставилъ; пожалуй, перегорятъ!... Да прейдетъ царство антихриста, да возсіяетъ истинная церковь, и да посрамятся и низвергнутся въ преисподнюю всѣ враги ея!... Андрюша, эй! Андрюша! скажи дворецкому, чтобъ приготовилъ для отца Никиты кружку настойки, кружку французскаго вина, да кувшинъ пива.»

Молодой князь вышелъ и, вскорѣ возвратясь, сказалъ: «пришелъ отецъ Никита.»

ваетъ *скорпіономъ*; 3) что Милославскій былъ другъ стараго Хованскаго, и по его стараніямъ послѣдній сдѣланъ былъ начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа; 4) что Милославскому нечего было опасаться, чтобы Хованскій не открылъ участія его въ бунтѣ 15 Мая; потому-что Софія очень хорошо знала объ этомъ участіи, которое послужило къ возведенію ея въ правительницы государства. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы рѣшились слѣдовать въ описаніи мятежа раскольниковъ не столько повѣствованію Матвѣева, сколько лѣтописи монаха Медвѣдева и другимъ источникамъ, съ этою лѣтописью согласнымъ.

«Пришелъ!» воскликнулъ Хованскій, вскочивъ съ пола и не кончивъ земнаго поклона. «Вели скорѣе подавать на столъ! Гдѣ же отецъ Никита?»

«Онъ здѣсь, въ столовой.»

Старикъ Хованскій выбѣжалъ изъ рабочей горницы въ столовую и вдругъ остановился, увидѣвъ мрачное и гнѣвное лицо Никиты.

«Такъ-то, чадо Іоаннъ, исполняешь ты велѣнія свыше! Не дождавшись моего возвращенія и благовѣстія, ты уже пересталъ молиться.»

«Что ты, отецъ Никита! Я съ самаго разсвѣта молился и до-сихъ-поръ пребылъ въ постѣ, хотя уже давно пора обѣдать. Спроси Андрюши, если мнѣ не вѣришь.»

«Ты долженъ былъ молиться и ждать, пока я не подойду къ тебѣ и не возвѣщу побѣды. Но ты самъ поспѣшилъ ко мнѣ на встрѣчу и нарушилъ велѣніе свыше. Ты виноватъ, что пророчество не исполнилось и древнее благочестіе не одержало еще побѣды; ибо, по маловѣрію твоему, ослабѣлъ въ молитвѣ.»

Хованскій не отвѣчалъ ни слова; совѣсть его сильно смутилась отъ мысли, что Никита, и за глаза видя глубину его души, узналъ, что ею нѣсколько разъ овладѣвали во время молитвы досада, нетерпѣніе и помыслы о земномъ, то есть о жареныхъ курицахъ. Никита же, видя смущеніе князя, тайно радовался, что ему уда-

лось неисполненіе своего пророчества приписать винѣ другаго.

Всѣ трое въ молчаніи сѣли за столъ. По мѣрѣ уменьшенія жидкостей въ кружкахъ, приготовленныхъ для отца Никиты, лицо его прояснялось и морщины гнѣвнаго чела разглаживались, а по мѣрѣ уменьшенія морщинъ слабѣли въ душѣ Хованскаго угрызенія совѣсти. Такимъ образомъ къ концу стола опустѣвшія кружки совершенно успокоили совѣсть Хованскаго, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ, слѣдуя примѣру своего учителя, осушилъ кружки двѣ-три веселящей сердце влаги. Послѣ обѣда Никита пригласилъ князей удалиться съ нимъ въ рабочую горницу. Старикъ Хованскій приказалъ всѣмъ, бывшимъ у стола холопамъ, итти въ ихъ избу, кромѣ длинноносаго дворецкаго, которому велѣлъ стать у двери предъ сѣнями, не сходить ни на шагъ съ мѣста и никого въ столовую не впускать. Когда князья съ Никитою вошли въ рабочую горницу и заперли за собою дверь, любопытство побудило Савельича приблизиться къ ней на цыпочкахъ и приставить ухо къ замочной скважинѣ. Всѣ трое говорили очень тихо, однакожъ дворецкій успѣлъ кое-что разслушать изъ тайнаго ихъ разговора.

«Завтра,» говорилъ Никита, «надобно выманить хищнаго волка. Это твое дѣло, чадо Іоаннъ;

а мы припасемъ каменья. Скажи, что государи указали ему итти на площадь.»

«Убить его должно, спору нѣтъ,» отвѣчалъ старикъ Хованскій; «только какъ сладить потомъ съ царевной? Не всѣ стрѣльцы освободились отъ сѣтей діавольскихъ, многіе заступятся за волка!»

«Нѣтъ жертвы, которой нельзя бы было принести для древняго благочестія! Потщись, чадо Іоаннъ, просвѣтить царевну, а если она будетъ упорствовать, то....»

Тутъ Никита началъ говорить такъ тихо, что Савельичъ ничего не могъ разслушать.

«Ктожъ будетъ тогда царемъ?» спросилъ старикъ Хованскій.

«Ты, чадо Іоаннъ, а я буду патріархомъ. Тогда процвѣтетъ во всемъ Русскомъ царствѣ вѣра старая и истинная и посрамятся всѣ враги ея. Сынъ твой говорилъ мнѣ, что ты королевскаго рода?»

«Это правда: я происхожу отъ древняго короля литовскаго Ягелла.» (*)

«Будешь и на московскомъ престолѣ!»

(*) Въ общемъ гербовникѣ Россійской имперіи сказано, что родъ князей Хованскихъ происходитъ отъ Гедимина, великаго князя литовскаго, а родъ послѣдняго отъ великаго князя Владиміра.

«Но неужели и всѣхъ царевенъ надобно будетъ принести въ жертву?» спросилъ князь Андрей.

«Тебѣ жаль ихъ! вижу твои плотскіе помыслы,» сказалъ старикъ Хованскій. «Женись на Катеринѣ-то: не помѣшаемъ; а прочихъ разошлемъ по дальнимъ монастырямъ. Такъ ли, отецъ Никита?»

«Внимай, чадо Іоаннъ, гласу, въ глубинѣ сердца моего вѣщающему: еретическія дѣти Петръ и Іоаннъ, супостатки истиннаго ученія Наталія и Софія, хищный волкъ со всѣмъ сонмомъ лжеучителей, совѣтъ нечестивыхъ, нарицаемый Думою, градскіе воеводы и всѣ мощные противники древняго благочестія обрекаются на гибель, въ жертву очищенія. Восторжествуетъ истинная церковь и чрезъ три дня принесется въ жертву благодаренія нечестивецъ, дерзнувшій усомниться въ глаголахъ духа пророчества, вѣщавшаго и вѣщающаго моими недостойными устами!»

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе.

«А что̀ будетъ съ прочими царевнами?» спросилъ наконецъ старикъ Хованскій.

«Не знаю!» отвѣчалъ Никита. «Гласъ, въ сердцѣ моемъ вѣщавшій, умолкнулъ. Дѣлай съ ними что̀ хочешь, чадо Іоаннъ! Соблазнительницу сына твоего, Екатерину, отдай ему головою, а

всѣхъ прочихъ дочерей богоотступнаго царя и еретика Алексѣя, друга антихристова, разошли по монастырямъ.»

«А какъ, отецъ Никита, быть со стрѣльцами, которые пребудутъ во злѣ и не обратятся на путь истинный? Конечно, всѣ они меня любятъ, какъ отца роднаго, однакожъ половина полковъ еще въ сѣтяхъ діавольскихъ. Можно....»

Въ это время дворецкій, почувствовавъ охоту чихнуть, большими шагами, на цыпочкахъ, удалился отъ двери. Сгорбясь отъ страха, схвативъ лѣвою рукою свой длинный носъ и удерживая дыханіе, онъ поспѣшилъ встать на свое мѣсто, предъ сѣнями, и перекрестился, вздохнувъ изъ глубины своихъ лёгкихъ, подобно человѣку, котораго хотѣли удушить и вдругъ помиловали. Сердце его сильно билось. Гладя носъ, который былъ стиснутъ въ испугѣ слишкомъ неосторожно, дворецкій шепталъ про себя: «Чтобъ тебя волки съѣли, проклятаго; въ пору нашло на тебя чиханье!» Поуспокоившись, Савельичъ опять началъ поглядывать на дверь рабочей горницы. Прошло болѣе часа. Впечатлѣніе испуга постепенно ослабѣло и бѣсенокъ любопытства, высунувъ головку изъ замочной скважины, началъ манить дворецкаго къ двери. Перекрестясь, онъ сталъ тихонько къ ней приближаться; но благоразумный носъ съ истиннымъ самоотверженіемъ снова погрозилъ хозяину обличить его

въ преступленіи, принудилъ его поспѣшно возвратиться на свое мѣсто и снова былъ стиснутъ. Не онъ первый, не онъ послѣдній на свѣтѣ подвергся притѣсненію за благонамѣренное предостереженіе своего властелина, увлекаемаго страстію. Однакожъ Савельичъ вскорѣ увидѣлъ всю несправедливось свою къ носу и почувствовалъ искреннюю къ нему благодарность: едва успѣлъ онъ встать предъ сѣнями, какъ дверь рабочей горницы отворилась и князья вышли въ столовую съ Никитою, который, простясь съ ними и благословивъ ихъ, отправился въ слободу Титова полка.

«Позови ко мнѣ десятника!» сказалъ старикъ Хованскій дворецкому.

«Чтó прикажешь, отецъ нашъ?» спросилъ вошедшій десятникъ.

«Когда пойдешь послѣ смѣны въ слободу, то объяви по всѣмъ полкамъ мой приказъ, чтобы впередъ присылали ко мнѣ всякой день въ домъ, для стражи, не по десяти человѣкъ, а по сту и съ сотникомъ. Слышишь ли?»

«Слышу, отецъ нашъ.»

«Да чтобы всѣ были не съ однѣми саблями, но и съ ружьями. Пятьдесятъ человѣкъ пусть надѣваютъ кафтаны получше; они станутъ ходить проводниками за моею каретою, когда мнѣ случится со двора ѣхать. Слышишь ли?»

«Слышу, отецъ нашъ.»

«Еще пошли теперь же стрѣльца ко всѣмъ полковникамъ, подполковникамъ и пятисотеннымъ; вели имъ сказать, что я требую ихъ къ себѣ сегодня вечеромъ, черезъ три часа послѣ солнечнаго заката. Ну, ступай!».

«Про какого нечестивца,» спросилъ молодой Хованскій, «говорилъ отецъ Никита?»

«Про многихъ. Нынѣ истинно-благочестивыхъ людей съ фонаремъ поискать.»

«Онъ говорилъ, что кто-то усомнился въ его дарѣ пророчества. Кого онъ разумѣлъ?»

«Пятисотеннаго Бурмистрова, который у меня въ тюрьмѣ сидитъ. Хорошо-что ты мнѣ объ немъ напомнилъ. Эй, дворецкій!»

«Чтó приказать изволишь?» сказалъ дворецкій, отворивъ дверь изъ сѣней, у которой подслушивалъ разговоръ боярина съ сыномъ.

«Есть ли у насъ дома сѣкира?»

«Валяется ихъ съ полдюжины въ чуланѣ, да больно тупы, и полѣна не расколешь!»

«Наточи одну поострѣе. Дня черезъ три мнѣ понадобится.»

«Слушаю!»

«Приготовь еще телегу, чурбанъ, столько веревокъ, чтобъ можно было одному человѣку руки и ноги связать, и два заступа. Ступай! Да смотри, дѣлай все тихомолкомъ и никому не болтай объ этомъ; не то самому отрублю голову!»

«Слушаю!»

«А носишь ты еще медъ и кушанье съ моего стола тому тюремному сидѣльцу, къ которому я посылалъ съ тобою книгу?»

«Ношу всякій день, по твоему приказу.»

«Впередъ не носи, а подавай ему, какъ и прочимъ, хлѣбъ да воду. Ну, ступай! Да смотри, если проболтаешься—голову отрублю!... Пойдемъ въ рабочую горницу, Андрюша, отдохнемъ немного, мы послѣ обѣда еще не спали сегодня. Да надобно съ тобой еще кое о чемъ посовѣтоваться. Помоги намъ, Господи, въ нашемъ благомъ подвигѣ!»

Вечеромъ собрались въ домѣ Хованскаго стрѣлецкіе полковники, подполковники и пятисотенные, и пробыли у него до глубокой ночи.

V.

Ослѣпли въ буйствѣ ихъ сердца:
Среди крамолъ и пылкихъ преній,
Упившись злобой и грѣхомъ,
Не видятъ истинныхъ видѣній.

Глинка. (*)

На другой день, пятаго іюля, патріархъ Іоакимъ, со всѣмъ высшимъ духовенствомъ и священниками всѣхъ московскихъ церквей, молился въ Успенскомъ Соборѣ о защитѣ православной церкви противъ отпадшихъ сыновъ ея и о прекращеніи мятежа народнаго.

(*) Описанныя въ этой V главѣ происшествія изображены Голиковымъ и другими неполно и невѣрно. Онъ ввелъ въ ошибку не только своихъ читателей, но и гравера, который вырѣзалъ на мѣди большой эстампъ, изображающій преніе духовенства съ раскольниками въ Грановитой Палатѣ и геройскій поступокъ юнаго Петра (который *вовсе не былъ* въ то время въ этой палатѣ). Голиковымъ принята была въ основаніе *Лѣтопись Россійская и послѣдованіе царствъ отъ Рюрика до кончины Петра Великаго.* Бергманъ (часть I, стр. 120) сомнѣвается въ справедливости опи-

Между-тѣмъ Никита и сообщники его, собравшись за Яузою, въ слободѣ Титова полка, пошли къ Кремлю въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ и безчисленнаго множества народа. Предъ Никитою двѣнадцать мужиковъ несли восковыя зажженныя свѣчи; за нимъ слѣдовали, попарно, его приближенные сообщники съ древними иконами, книгами, тетрадями и налоями. На площади, предъ церковью Архангела Михаила, близъ царскихъ палатъ, они остановились, поставили высокія скамьи и положили на налои иконы, предъ которыми встали мужи-

---

санія Голикова, говоря, между прочимъ, о рѣчи, сказанной будто бы при этомъ случаѣ Петромъ: «Такъ-какъ мы не знаемъ: сколько принадлежитъ изъ этой рѣчи юному царю, и сколько его историку, то лучше согласиться, что царь ничего при этомъ случаѣ не сказалъ.» Невѣрность описанія Голикова доказывается многими неопровержимыми историческими источниками, которыми мы воспользовались. Вотъ они: 1) *Увѣтъ Духовный,* сочиненіе патріарха Іоакима, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ во время описанныхъ Голиковымъ событій; 2) Лѣтопись монаха Сильвестра Медвѣдева, также современника и очевидца происшествій; 3) Третіе посланіе митрополита Игнатія; 4) Розыскъ Димитрія Ростовскаго; 5) Полное историческое извѣстіе о старообрядцахъ протоіерея Андрея Іоаннова, и 6) старообрядческія рукописи, принадлежавшія предку автора.

ки, державшіе свѣчи. Взявъ свои тетради и книги, Никита, разстриги-чернецы Сергій и два Савватія, и мужики Дороѳей и Гаврило, начали проповѣдывать древнее благочестіе, уча народъ не ходить въ хлѣвы и амбары (такъ называли они церкви). Патріархъ послалъ изъ собора дворцоваго протопопа, Василія, для увѣщанія народа, чтобы онъ не слушалъ лживыхъ проповѣдниковъ; но толпа раскольниковъ напала на протопопа и вѣрно бы убила его, еслибъ онъ не успѣлъ скрыться въ Успенскій Соборъ. По окончаніи молебна и обѣдни, патріархъ со всѣмъ духовенствомъ удалился въ свою Крестовую Палату. Никита и сообщники его начали съ крикомъ требовать, чтобы патріархъ вышелъ на площадь предъ соборомъ, для состязанія съ ними. Толпа изувѣровъ безпрестанно умножалась любопытными, которые со всѣхъ сторонъ сбѣгались на площадь, и вскорѣ весь Кремль наполнился народомъ.

Князь Иванъ Хованскій, войдя въ Крестовую Палату, сказалъ патріарху, что государи велѣли ему и всему духовенству немедленно итти во дворецъ, черезъ Красное Крыльцо. У этого крыльца собралось множество раскольниковъ съ каменьями за пазухою и въ карманахъ. Патріархъ, не довѣряя Хованскому, медлилъ. Старый князь, видя, что замыселъ его не удается,

пошелъ во дворецъ, въ комнаты царевны Софіи, и сказалъ ей съ притворнымъ безпокойствомъ:

«Государыня! стрѣльцы требуютъ, чтобы святѣйшій патріархъ вышелъ на площадь, для пренія о вѣрѣ.»

«Съ кѣмъ, князь?»

«Не знаю навѣрное, государыня; изволь сама взглянуть въ окно. Господи Боже мой!» воскликнулъ Хованскій, отворяя окно: «какая бездна народу! Кажется, вонъ эти чернецы, чтó стоятъ на скамьяхъ, близъ налоевъ, хотятъ съ патріархомъ состязаться.»

«Для чего же ты не приказалъ схватить ихъ?»

«Это невозможное дѣло, государыня! Всѣ стрѣльцы и весь народъ на ихъ сторонѣ. Я боюсь, чтобы опять не произошло—отъ чего сохрани Господи!—такого же смятенія, какое было пятнадцатаго мая.»

«А я всегда думала, что князь Хованскій не допуститъ стрѣльцовъ до такихъ безпорядковъ, какіе были при измѣнникѣ Долгорукомъ.»

«Я готовъ умереть за тебя, государыня; но чтожъ мнѣ дѣлать? Я всѣми силами старался вразумить стрѣльцовъ,—и слушать не хотятъ! Грозятъ убить не только всѣхъ насъ, бояръ, но даже.... и выговорить страшно!... даже тебя, государыня, со всѣмъ домомъ царскимъ, если не будетъ исполнено ихъ требованіе. Ради самого Господа, прикажи патріарху выйти. Я просилъ

его объ этомъ, но онъ не соглашается. Чего опасаться такому мудрому и святому мужу какихъ-нибудь бѣглыхъ чернецовъ? Онъ, вѣрно, посрамитъ ихъ предъ лицомъ всего народа и успѣетъ прекратить мятежъ.»

«Хорошо! Я сама къ нимъ выйду съ патріархомъ.»

«Сама выйдешь, государыня!» воскликнулъ Хованскій съ притворнымъ ужасомъ. «Избави тебя Господи! Хоть завтра же вели казнить меня, но я тебя не пущу на площадь: я клялся охранять государское твое здравіе,—и исполню свою клятву.»

«Развѣ мнѣ угрожаетъ какая-нибудь опасность? Ты самъ говорилъ, что и патріарху бояться нечего.»

«Будущее закрыто отъ насъ, государыня! Ручаться нельзя за всѣхъ тѣхъ, которые на площади толпятся. Изволь послушать, какіе неистовые крики, словно вой дикихъ звѣрей! Нѣтъ, ни за что́ на свѣтѣ не пущу я твое царское величество. Пусть идетъ одинъ патріархъ; я буду охранять его. Если и убьютъ меня: бѣда не велика; я готовъ съ радостію умереть за тебя, государыня!»

«Благодарю тебя за твое усердіе, князь. Я послѣдую твоимъ совѣтамъ. Иди къ патріарху и скажи ему моимъ именемъ, чтобы онъ немедленно шелъ во дворецъ.»

«Черезъ Красное Крыльцо, государыня?»

«Да. А мятежникамъ объяви, что я потребовала патріарха къ себѣ и прикажу ему тотчасъ же выйти къ нимъ для состязанія.»

По уходѣ Хованскаго, Софія, кликнувъ стряпчаго, немедленно послала его къ патріарху и велѣла тихонько сказать ему, чтобы онъ изъявилъ на приглашеніе Хованскаго притворное согласіе и вошелъ во дворецъ не чрезъ Красное Крыльцо, а по лѣстницѣ Ризположенской. Другому стряпчему царевна велѣла, какъ можно скорѣе, отыскать преданныхъ ей, по ея мнѣнію, полковниковъ Петрова, Одинцова и Циклера, и подполковника Чермнаго, и объявить имъ приказаніе немедленно къ ней явиться.

Всѣхъ прежде пришелъ Циклеръ.

«Что значитъ это новое смятеніе?» спросила гнѣвно Софія. «Чего хотятъ измѣнники-стрѣльцы? Говори мнѣ всю правду.»

«Я только-что хотѣлъ самъ, государыня, просить позволенія явиться предъ твои свѣтлыя очи и донести тебѣ на князя Хованскаго. Вчера, по его приказанію, мы собрались у него въ домѣ. Онъ совѣщался съ нами о введеніи старой вѣры во всемъ царствѣ и заставилъ всѣхъ насъ цѣловать крестъ, съ клятвою хранить замыселъ его втайнѣ. Онъ всѣмъ намъ обѣщалъ щедрыя награды.»

«И ты цѣловалъ крестъ?»

«Цѣловалъ, государыня, для того только, чтобы узнать въ подробности все, что замышляетъ Хованскій, и донести тебѣ.»

«Благодарю тебя! Ты не останешься безъ награды. Кто главный руководитель мятежа?»

«Руководитель явный—разстриженный попъ Никита, а тайный—князь Хованскій.»

«Сколько стрѣлецкихъ полковъ на ихъ сторонѣ?»

«Весь Титовъ полкъ и нѣсколько сотенъ изъ другихъ полковъ.»

«Хорошо! Поди въ Грановитую Палату и тамъ ожидай моихъ приказаній.»

Циклеръ удалился. Войдя въ Грановитую Палату, онъ сталъ у окошка и, сложивъ на грудь руки, началъ придумывать средство: какъ бы увѣдомить Хованскаго, что царевнѣ Софіи извѣстенъ уже его замыселъ. Не зная, которая изъ двухъ сторонъ восторжествуетъ, онъ хотѣлъ обезопасить себя съ той и другой стороны, давно привыкнувъ руководствоваться въ дѣйствіяхъ своихъ однимъ корыстолюбіемъ и желаніемъ возвышаться какими бы то ни было средствами.

Между-тѣмъ къ царевнѣ Софіи пришелъ Чермной.

«И ты вздумалъ измѣнять мнѣ!» сказала Софія грознымъ голосомъ.» Ты забылъ, что у тебя не двѣ головы?»

Чермной,—давшій накануне слово Хованскому наедине: за боярство и вотчину убить царевну, еслибы князь призналъ это необходимымъ,—несколько смутился; но, вскоре ободрившись, началъ уверять Софію, что онъ вступилъ въ заговоръ съ темъ только намереніемъ, чтобы выведать все замыслы Хованскаго и ее предостеречь. Подтвердивъ увереніи свои всеми возможными клятвами, онъ сказалъ наконецъ царевне, что готовъ, по ея первому приказанію, убить изменника Хованскаго.

Заметивъ его смущеніе, Софія, хотя и не поверила его клятвамъ, однакожъ решилась скрыть свои мысли, опасаясь, чтобы Чермной решительно не перешелъ на сторону Хованскаго.

«Я всегда была уверена въ твоемъ усердіи ко мне,» сказала царевна притворно-ласковымъ голосомъ. «За верность твою получишь достойную награду. Я поговорю съ тобой еще о Хованскомъ; а теперь поди въ Грановитую Палату и тамъ ожидай меня.»

Едва Чермной удалился, вошелъ Одинцовъ.

«Готовъ ли ты, помня все мои прежнія милости, защищать меня противъ мятежниковъ?» спросила Софія.

«Я готовъ пролить за твое царское величество последнюю каплю крови.»

«Говорятъ, князь Хованскій затѣялъ весь этотъ мятежъ. Правда ли это?»

«Клевета, государыня! Не онъ, а нововведенія патріарха Никона, которыя давно тревожатъ совѣсть всѣхъ сыновъ истинной церкви, произвели нынѣшній мятежъ. Этого надобно было ожидать. Отмѣни всѣ богопротивныя новизны, государыня, возставь церковь въ прежней чистотѣ ея,—и всѣ успокоятся!»

«Я знаю, что вчера у князя было въ домѣ совѣщаніе.»

«Онъ замѣтилъ, что всѣ стрѣльцы и народъ въ сильномъ волненіи, и совѣтовался съ нами о средствахъ къ отвращенію грозящей опасности.»

«Не обманывай меня, измѣнникъ! Я все знаю!» воскликнула Софія въ сильномъ гнѣвѣ.

Одинцовъ, увѣренный въ успѣхѣ Хованскаго и преданный всѣмъ сердцемъ древнему благочестію, отвѣчалъ:

«Я не боюсь твоего гнѣва: совѣстъ меня ни въ чемъ не укоряетъ. Ты обижаешь меня, царевна, называя измѣнникомъ: я доказалъ на дѣлѣ мое усердіе къ тебѣ. Видно, старыя заслуги скоро забываются! Не ты ли увѣряла насъ въ твоей всегдашней милости, когда убѣждала заступиться за брата твоего. Мы подвергали жизнь свою опасности, чтобы помочь тебѣ въ твоихъ намѣреніяхъ. Безъ нашей помощи не правила бы ты царствомъ.»

Пораженная дерзостію Одинцова, Софія чувствовала однакожъ справедливость имъ сказаннаго и долго искала словъ для отвѣта; наконецъ сказала, стараясь скрыть овладѣвшее ею негодованіе: «Я докажу тебѣ, что я не забываю старыхъ заслугъ. Докажи и ты, что усердіе твое ко мнѣ не измѣнилось.»

Вмѣстѣ съ этими словами Софія твердо рѣшилась, по укрощеніи мятежа и по минованіи опасности, при первомъ случаѣ казнить Одинцова.

«Что̀ приказать изволишь, государыня?» спросилъ вошедшій въ это время Петровъ.

Царевна, приказавъ и Одинцову идти въ Грановитую Палату, спросила Петрова:

«Былъ ли ты вчера у Хованскаго на совѣщаніи?»

«Не былъ, государыня.»

«Не обманывай меня, измѣнникъ! Мнѣ уже все извѣстно!»

Петровъ былъ искренно преданъ Софіи. Слова ея сильно поразили его.

«Клянусь тебѣ Господомъ, что я не обманываю тебя, государыня!» сказалъ онъ. «Я узналъ, что князь Иванъ Андреевичъ замышляетъ ввести во всемъ царствѣ Аввакумовскую вѣру, и потому не пошелъ къ нему на совѣщаніе, хотѣлъ развѣдать о всемъ, что̀ онъ замышляетъ, и донести твоему царскому величеству.»

«Поздно притворяться! Одно средство осталось тебѣ избѣжать заслуженной казни: докажи на дѣлѣ мнѣ свою преданность. Если стрѣльцы сегодня не успокоятся, то я и безъ тебя усмирю ихъ, и тогда тебѣ первому велю отрубить голову.»

«Жизнь моя въ твоей волѣ, государыня! Не знаю, чѣмъ заслужилъ я гнѣвъ твой. Я, кажется, на дѣлѣ доказалъ уже тебѣ мою преданность: я первый согласился на предложеніе боярина Ивана Михайловича, когда онъ послѣ присяги царю Петру Алексѣевичу....»

«Скажи еще хоть одно слово, то сегодня же будешь безъ головы!» воскликнула Софія, вскочивъ съ креселъ. «Поди, измѣнникъ, къ Хованскому, помогай ему въ его замыслѣ! Я не боюсь подобныхъ тебѣ злодѣевъ! Ты скоро забылъ всѣ мои милости. Прочь съ глазъ моихъ!»

Петровъ, оскорбленный несправедливыми укоризнами, почти рѣшился исполнить приказаніе царевны и дѣйствовать съ Хованскимъ за одно. Подойдя уже къ дверямъ, онъ остановился и, снова приблизясь къ Софіи, сказалъ: «Государыня! у тебя изъ стрѣлецкихъ начальниковъ немного вѣрныхъ, искренно тебѣ преданныхъ слугъ, на которыхъ ты могла бы положиться. Одинъ я не былъ на совѣщаніи у Хованскаго. Сторона его и безъ меня сильна. Не отвергай

вѣрной службы моей, и не заставь меня дѣйствовать противъ тебя!»

Софія, думая, что Петровъ устрашился угрозъ ся и оттого притворяется ей преданнымъ, но считая, впрочемъ, что въ такую опасную для нея минуту можетъ быть не безполезенъ и тотъ, кто изъ одного страха предлагаетъ ей свои услуги, сказала Петрову: «Ну, хорошо, заглaдь твою измѣну; я прощу тебя, если увижу на дѣлѣ твое усердіе ко мнѣ.»

«Увидишь, государыня, что ты меня понапрасну считаешь измѣнникомъ.»

По приказанію Софіи, Петровъ пошелъ въ Грановитую Палату.

«Чтожъ намъ теперь дѣлать, Иванъ Михайловичъ?» спросила Софія.

Бояринъ Милославскій, отдернувъ штофный занавѣсъ, за которымъ скрывался во время разговора царевны съ Хованскимъ и съ приходившими стрѣлецкими начальниками, сказалъ ей: «Изъ всего я вижу, что на сторонѣ Хованскаго не болѣе половины стрѣльцовъ, и что бояться нечего. Только не должно допустить, чтобы патріархъ вышелъ на площадь, для состязанія. Если его убьютъ, то все потеряно. Во всякомъ злодѣйствѣ первый шагъ только страшенъ, а я знаю, что Хованскій съ сообщниками условился начать дѣло убійствомъ патріарха.»

«Я уже велѣла ему сказать, чтобы онъ во-

шелъ во дворецъ по Ризположенской лѣстницѣ.»

«Для чего, государыня, велѣла ты Циклеру, Петрову, Одинцову и Чермному итти въ Грановитую Палату? Мнѣ кажется, что ни на одного изъ нихъ положиться не льзя.»

«А вотъ увидимъ.»

Софія, кликнувъ стряпчаго, послала въ Грановитую Палату посмотрѣть: кто въ ней находится.

Стряпчій, возвратясь, донесъ, что онъ нашелъ въ палатѣ Циклера, Петрова и Чермнаго.

«Вотъ видишь ли!» сказала Софія, когда стряпчій вышелъ: «я не ошиблась: только Одинцовъ измѣнилъ мнѣ и пошелъ на площадь.»

Однакожъ Софія, не смотря на свою проницательность, очень ошибалась, потому-что одинъ Петровъ, на котораго она всего менѣе надѣялась, держался искренно ея стороны. Чермной, расхаживая большими шагами по Грановитой Палатѣ и мечтая о обѣщанномъ боярствѣ и вотчинѣ, снова рѣшился еще тверже прежняго дѣйствовать съ Хованскимъ за одно и, по первому его приказанію, принести Софію въ жертву древнему благочестію. Какая вѣра ни будь, новая или старая, и кто ни царствуй, Софія или Иванъ, для меня все равно—размышлялъ онъ—лишь бы добиться боярства, да получить вотчину въ тысячу дворовъ; а тамъ по мнѣ хоть

трава не расти! Циклеръ съ нетерпѣніемъ ожидалъ приказаній Софіи, чтобы скорѣе уйти изъ Грановитой Палаты, предостеречь Хованскаго, и такимъ образомъ обманувъ и царевну и князя, ждать спокойно конца дѣла и награды отъ того изъ нихъ, кто восторжествуетъ.

«Не знаете ли, товарищи,» спросилъ Петровъ: «для чего царевна сюда насъ послала?»

«Она велѣла мнѣ ждать ея приказаній,» отвѣчалъ Циклеръ.

«А мнѣ говорила,» сказалъ Чермной, «что она сама придетъ сюда.»

«Чѣмъ все это кончится?» продолжалъ Петровъ. «Признаюсь: мнѣ эти мятежи надоѣли. Хоть мы и хорошо сдѣлали, что послушались Ивана Михайловича и заступились за царевича Ивана Алексѣевича, однакожъ надобно и то сказать: еслибъ не было бунта пятнадцатаго мая, такъ не было бы и нынѣшняго. Я съ вами говорю, какъ съ товарищами. Вы изъ избы сору не вынесете?»

«Стыдись, Петровъ!» сказалъ Циклеръ. Послѣ всѣхъ милостей, которыя намъ оказала царевна Софья Алексѣевна, грѣшно слабѣть въ усердіи къ ней. Этакъ скоро дойдешь и до измѣны! Что до меня касается, такъ я за нее въ огонь и въ воду готовъ!»

«И я также,» сказалъ Чермной. «Смотри, Петровъ! Чуть замѣчу, что ты пойдешь на попят-

ный дворъ, да задумаешь измѣнять Софьѣ Алексѣевнѣ, такъ я тебѣ голову снесу, даромъ, что ты мнѣ пріятель. Я готовъ за нее отца роднаго зарѣзать!»

«Что вы, что вы, товарищи! Кто вамъ сказалъ, что я хочу измѣнять царевнѣ? Я только хотѣлъ съ вами поболтать. Мало ли что̀ иногда взбредетъ на умъ; а у меня что́ на умѣ, то и на языкѣ, когда я говорю съ пріятелями.»

«То-то съ пріятелями!» сказалъ Чермной, говори да не заговаривайся.»

Между-тѣмъ-какъ они разговаривали, Софія совѣщалась съ Милославскимъ, а Хованскій сообщилъ ея приказаніе патріарху: итти во дворецъ чрезъ Красное Крыльцо. Патріархъ, предувѣдомленный стряпчимъ, согласился, и Хованскій, выйдя изъ Крестовой Палаты на площадь, вмѣшался въ толпу.

Аѳанасій, архіепископъ холмогорскій, съ двумя епископами, съ нѣсколькими архимандритами, игуменами разныхъ монастырей и священниками всѣхъ церквей московскихъ, пошелъ изъ Крестовой Палаты къ Красному Крыльцу. Всѣ они несли множество древнихъ греческихъ и славянскихъ хартій и книгъ, чтобы показать народу готовность къ состязанію съ раскольниками.

Вся площадь зашумѣла, какъ море. Не видя патріарха, стоявшіе у Краснаго Крыльца съ ка-

меньями, не знали на что рѣшиться, и шептали другъ другу: «Волка-то нѣтъ! Чтожъ намъ дѣлать? Спросить бы князя Ивана Андреевича. Куда онъ запропастился? А, да вотъ онъ!»

Хованскій, протѣснясь сквозь толпу, приблизился къ архіепископу Аѳанасію и спросилъ: «А гдѣ же святѣйшій патріархъ?»

«Онъ ужъ съ митрополитами въ царскихъ палатахъ,» отвѣчалъ Аѳанасій.

«Какъ! да когда же онъ туда прошелъ? Я съ Краснаго Крыльца глазъ не спускалъ: все смотрѣлъ, чтобы святѣйшаго патріарха не затѣснили и дали ему дорогу.»

«О святѣйшемъ патріархѣ заботиться нечего, онъ ужъ прошелъ. А вотъ мы какъ пройдемъ сквозь эту толпу? Взгляни, какая тѣснота у Краснаго Крыльца! Вели, князь, твоимъ стрѣльцамъ очистить намъ дорогу.»

Вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ и слѣдовавшимъ за нимъ духовенствомъ Хованскій вошелъ во дворецъ.

«Государыня!» сказалъ онъ Софіи, «вели святѣйшему патріарху немедленно итти на площадь: проклятые бунтовщики угрожаютъ ворваться попрежнему во дворецъ и убить патріарха со всѣмъ духовенствомъ и всѣхъ бояръ. Я опасаюсь и за твое государское здравіе и за весь домъ царскій!»

«Я назначила быть состязанію въ Грановитой

Палатѣ,» отвѣчала Софія. «Объяви, князь, бунтовщикамъ мою волю.»

Истощивъ всѣ возможныя убѣжденія и видя непреклонность царевны, Хованскій вышелъ на Красное Крыльцо и велѣлъ позвать Никиту съ сообщниками въ Грановитую Палату, куда, между-тѣмъ, пошли Софія, сестра ея, царевна Марія, тетка ихъ, царевна Татьяна Михаиловна и царица Наталья Кирилловна, въ сопровожденіи патріарха, всего духовенства и Государственной Думы, немедленно собравшейся по приказанію царевны. Софія и царевна Татьяна Михаиловна сѣли на царскіе престолы; подлѣ нихъ помѣстились, въ креслахъ, царица Наталья Кирилловна, царевна Марія и патріархъ; потомъ, по порядку, восемь митрополитовъ, пять архіепископовъ и два епископа. Члены Думы, архимандриты, игумены, священники, нѣсколько стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дворянъ и выборныхъ изъ солдатскихъ и стрѣлецкихъ полковъ, въ томъ числѣ Петровъ, Циклеръ и Чермной, стали по обѣимъ сторонамъ палаты.

Наконецъ отворилась дверь. Вошелъ Хованскій и занялъ свое мѣсто между членами Думы; за нимъ вошли двѣнадцать мужиковъ, съ зажженными восковыми свѣчами, и толпа избранныхъ сообщниковъ Никиты съ налоями, иконами, книгами и тетрадями; наконецъ явился самъ Никита, съ крестомъ въ рукѣ. Его вели подъ

руки сопроповѣдники его, крестьяне Дороѳей и Гаврило, за нимъ слѣдовали чернецы Сергій и два Савватія. На поставленные налои были положены иконы, книги и тетради, и мужики, со свѣчами, какъ и на площади, стали предъ налоями.

Когда шумъ, произведенный вошедшими, утихъ, Софія спросила строгимъ голосомъ:

«Чего требуете вы?»

«Не мы,» отвѣчалъ Никита: «а весь народъ московскій и всѣ православные христіане требуютъ, чтобы возстановлена была вѣра старая и истинная, и чтобы новая вѣра, ведущая къ погибели, была отмѣнена.»

«Скажи мнѣ: что̀ такое вѣра, и чѣмъ различается старая отъ новой?» спросила Софія.

«Вѣра старая ведетъ ко спасенію, а новая къ погибели. Первой держимся мы, а второй слѣдуете всѣ вы, обольщенные антихристомъ Никономъ.»

«Я не о томъ спрашиваю. Скажи мнѣ прежде: что такое вѣра?»

«Никто изъ истинныхъ сыновъ церкви объ этомъ вопрошать не станетъ; всякой изъ нихъ это знаетъ. Я не хочу отвѣчать на твой вопросъ, потому-что послѣдователи антихриста не могутъ понимать словъ моихъ. Не хочу метать напрасно бисера....»

«Лучше скажи, что не умѣешь отвѣчать. Какъ

же смѣлъ ты явиться предъ царское величество, когда самъ не знаешь чего требуешь? Какъ смѣлъ ты надѣть одежду священника, когда тебя лишили этого сана за твое второе обращеніе къ ереси, въ которой ты прежде раскаялся?»

«Хищный волкъ съ сонмомъ лжеучителей не могъ меня лишить моего сана: власть его дарована ему антихристомъ. Я не признаю этой власти, и до конца земнаго моего странствованія не буду ей повиноваться.»

«Замолчи, бунтовщикъ, и встань сюда, къ сторонѣ! Чтожъ, не вздумалъ ли ты меня ослушаться? Я тотчасъ же прикажу отрубить тебѣ голову!»

Никита, нахмуривъ брови, замолчалъ и отошелъ къ сторонѣ.

«Говорите: зачѣмъ пришли вы?» спросила Софія, обратясь къ сообщникамъ Никиты.

«Подать челобитную твоему царскому величеству!» отвѣчалъ чернецъ Сергій, вынувъ изъ-за пазухи бумагу.

По приказанію царевны, одинъ изъ членовъ Думы, взявъ у него челобитную, началъ читать ее вслухъ. (*)

(*) Для любителей старины выписываемъ содержаніе этой челобитной. Раскольники писали слѣдующее: 1) Въ *новой* книгѣ: *Скрижаль,* иподіаконъ Дамаскинъ, повелѣваетъ православнымъ христіанамъ ходить безъ крестовъ, по-татарски

Она состояла изъ двадцати четырехъ статей, и ни кѣмъ не была подписана. Въ началѣ было сказано: *Бьютъ челомъ святыя Восточныя Церкве Христовы, царскіе богомольцы, священническій*

и пишетъ: какая польза или добродѣтель носить крестъ на рамѣ своемъ? 2) Онъ же именуетъ безгрѣшнаго Сына Божія грѣшнымъ. 3) Въ книгѣ Іоанна Дамаскина, называемой: *Небеса,* сказано: *всякъ убо не исповѣдуя Сына Божіяго и Бога во плоти пришествовати, Антихристъ есть.* Слова эти означаютъ, что Сынъ Божій не приходилъ еще, а придетъ. 4) Новыя книги во многихъ мѣстахъ не проповѣдуютъ воскресенія Сына Божія, какъ-то въ служебникахъ на литургіи, въ тріодѣхъ въ великую субботу, въ тропарѣ: *Благообразный Іосифъ,* въ тропарѣ Женамъ Мvроносицамъ и въ кондакѣ: *Иже бездну затворивый.* 5) Въ новомъ Требникѣ помѣщено моленіе лукавому духу. 6) Надъ умершими, вмѣсто помазанія святаго масла, велѣно сыпать пепломъ. *Это срамно не только творити, но и глаголати.* 7) Нововводители животворящій крестъ, изъ *пѣгга, кедра и кипариса* дѣлаемый, оставили и возлюбили *крыжъ латинскій.* 8) Въ новыхъ книгахъ велѣно креститься не двумя, а тремя перстами, противъ преданія святыхъ отцевъ. 9) Въ нынѣшнія послѣднія времена проповѣдники новой вѣры стали очень горды и немилосерды: за одно неугодное имъ о вѣрѣ слово мучатъ и хотятъ предать смерти. 10) Въ новыхъ книгахъ велѣно говорить *аллилуія* трижды. Но это латинская ересь, ибо должно говорить дважды, по преда-

и иноческій чинъ, и вси православніи христіане, опрично тѣхъ, которые новымъ Никоновымъ книгамъ послѣдуютъ, а старыя хулятъ.

По прочтеніи каждой статьи начинался споръ,

нію цареградскаго патріарха Іосифа. 11) Нововводители, неизвѣстно для чего, въ молитвѣ Іисусовой: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!* сдѣлали перемѣну, и велятъ говорить: *Господи Іисусе Христе Боже нашъ* и проч. 12) Въ новыхъ книгахъ въ Символѣ Вѣры вмѣсто: *нѣсть конца,* сказано: *не будетъ конца.* Такъ поступили Уніаты, присоединясь къ Риму. 13) Въ тѣхъ же книгахъ напечатано: *И въ Духа Святаго Господа животворящаго.* Въ старыхъ же книгахъ послѣ слова: *Господа* сказано еще: *истиннаго.* 14) Въ новыхъ книгахъ Символъ Вѣры измѣненъ еще тѣмъ, что въ словѣ: *Іса* (Іисуса) прибавлена буква *и.* Нововводители отдѣляютъ этимъ *Сына Божія во инъ составъ отъ Божества.* 15) Въ новыхъ книгахъ на Троицкой вечернѣ отмѣнена *эктенія большая* и *молитва Святому Духу.* Притомъ нынѣ молятся стоя, по-римски, на колѣняхъ и главъ не преклоняютъ. 16) Въ новыхъ книгахъ на отпускѣ Троицкой вечерни напечатано: *иже отъ отчіихъ и божественныхъ нѣдръ истощивый себе,* а въ старыхъ сказано: *изліявъ себе.* 17) Въ новыхъ служебникахъ архіерейскія молитвы предъ литургіею отмѣнены, а въ Соловецкой обители находятся служебники, писанные за 500, за 600 лѣтъ и болѣе: въ нихъ есть архіерейскія молитвы. Эти древніе служебники съ никоновыми разнятся. 18) Въ ста-

и, по опроверженіи ея, приступаемо было къ чтенію слѣдующей.

Когда дошла очередь до пятой статьи, въ которой было сказано, что въ новомъ Требникѣ

рыхъ служебникахъ велѣно служить надъ семью просвирами, а не надъ пятью, да и на просвирахъ нововводители ставятъ, вмѣсто прежняго истиннаго осьмиконечнаго креста, четвероконечный крыжъ латинскій. 19) Въ новыхъ книгахъ напечатано въ тропарѣ: *Во гробѣ плотски, и на престолѣ былъ еси,* а въ старыхъ сказано: *бѣяше,* а не *былъ еси.* 20) Никонъ завелъ, вмѣсто жезла святителя Петра Чудотворца, святительскіе жезлы со змѣями, занявъ это отъ Жидовъ. 21) Новые учители иноческій чинъ совершенно исказили: ходятъ въ церковь и по площадямъ безъ мантій, какъ иноземцы; клобуки перемѣнили и носятъ подклейки, какъ женщины, поверхъ лба, не по преданію святыхъ отцевъ. 22) Въ новомъ Требникѣ не велѣно возлагать мантій на постригаемыхъ въ иноки. 23) Новые учители въ московскомъ государствѣ греческими книгами православную вѣру истребили до того, что и слѣда нѣтъ православія, и учатъ насъ новой вѣрѣ какъ *Мордву и Черемису,* будто бы совсѣмъ незнающихъ Бога и истинной православной вѣры. 24) По установленію Никона, архіереи благословляютъ, осѣняя народъ обѣими руками, по-римски.

Въ сочиненіи патріарха Іоакима: *Увѣтъ Духовный,* содержится полное опроверженіе этой челобитной.

напечатана молитва лукавому духу, то Хованскій, расхаживая по палатѣ будто бы для прекращенія шума, подошелъ къ Никитѣ и шепнулъ ему: «Не опасайся, отецъ Никита, угрозъ царевниныхъ и не слабѣй въ святомъ усердіи къ древнему благочестію.»

Едва Хованскій успѣлъ отойти отъ него, какъ Никита, не давъ патріарху окончить начатаго имъ возраженія, закричалъ:

«Сомкни, хищный волкъ, уста твои, исполненныя лести и коварства! Дѣла ваши обличаютъ васъ! Еслибъ вы были не ученики антихристовы, то не стали бы молиться врагу человѣческаго рода!»

«Ты говоришь это потому, что плохо знаешь грамматику!» сказалъ спокойно архіепископъ холмогорскій Аѳанасій. «Пустясь въ море Богословія, ты у берега не замѣтилъ запятой и, наткнувшись на этотъ подводный камень, самъ тонешь, да и другихъ на дно съ собою тащишь. Въ молитвѣ на крещеніе сказано прежде: *Ты самъ владыко Господи Царю пріиди*; далѣе же слѣдуетъ: *Да не снидетъ со крещающимся, молимся тебѣ Господи, духъ лукавый* и проч. И такъ все сказанное въ этой молитвѣ относится къ Богу, равно какъ и слова: *молимся тебѣ Господи*. Еслибъ послѣднія относились къ духу лукавому, то они не были бы отдѣлены знаками препинанія, да и духъ лукавый должно было бы

поставить въ звательномъ падежѣ и сказать: душе лукавый.»

«Сатана, которому вы молитесь, говоритъ твоими нечестивыми устами!» воскликнулъ Никита. «Я смышлю въ твое изъ *грамматическаго художества,* и знаю, что оно учитъ не вѣрѣ истинной, а знакамъ препинанія; оно помогаетъ полагать препинанія православнымъ на пути спасенія. Оттого-то и антихристъ Никонъ, учитель вашъ, любилъ грамматическое художество; оттого и вы....»

«Замолчи!» воскликнула Софія и велѣла продолжать чтеніе челобитной.

По прочтеніи осьмой статьи, въ которой доказывалось, что должно креститься двумя, а не тремя перстами, Никита, не обращая вниманія на слова царевны, приказывавшей ему замолчать, началъ съ жаромъ читать изъ тетради, которую взялъ съ налоя, слѣдующее:

Великіе страдальцы Алексій и Ѳеодоръ, града Ростова, начаша обличати Никоново новопреданіе. Царь же не восхоте сихъ озлобити, аще и духовніи наступоваху на кровопролитіе, но не послуша царь, во изганіе осуждаетъ ихъ въ Поморскую страну, во океянскіе предѣлы, близъ Кольскаго острога въ монастырь Кандалажскій, идѣже всякую скорбь и тѣсноту и скудость пріемлюще яко до сорока лѣтъ. Сего ради отвсюду народи притекающе слышати отъ нихъ душеполезная словеса, отъ

всея поморскія страны. Тогда на Холмогорѣхъ нововопоставленному архіепископу Аѳанасію, лютѣйшу зѣло завистію, Никоновыхъ новопреданій любителю, возвѣщено бысть о сихъ блаженныхъ, яко всю поморскую страну подтверждаютъ еже о древнемъ благочестіи. Архіерей яростію распалився, воины взявъ отъ воеводы, въ Кандалажскій монастырь посылаетъ. Тогда взяша страдальцевъ, въ темницу за крѣпкую стражу посадиша, по семъ представиша архіерею, и прежде увѣщеваху, еже креститися треми персты и пріяти новопечатныя книги. Они же не пріемляху, но и пріемлющихъ поношаста. Тогда архіерей повеле бити ихъ и вопрошаше: покоряетелися? Страдальцы же никакого же хотяху, но терпѣти обѣщевающеся за древнее благочестіе. Недоумѣвался архіерей коимъ бы хитротвореніемъ привлещи къ своей воли, повеле ихъ въ темницу посадити и гладомъ морити, хотя сихъ нѣкими прелестьми одолѣти. Брашно начатъ къ тѣмъ отъ себе посылати, но прежде нѣчто дѣйствовавъ надъ брашны, и рукою пятиперстнымъ благословеніемъ оградивъ посылаетъ. Спящу вседивному Ѳеодору, Алексій брашно пріемлетъ, и егда гладомъ преклоняемъ восхоте Алексій отъ принесеннаго пріяти брашна, возставъ Ѳеодоръ, удержа его за руку и рече: не прикасайся приносимымъ; не видиши ли змія чернаго на брашнѣ лежаща? Прежде помолися со слезами, и увидиши прелесть. Тогда Алексій начатъ молити-

ся, и виде на всѣхъ брашнехъ змiево лежанiе. Тогда вземъ брашно, верзе за оконце на землю. Стрегущiи зряху, возвѣщаютъ сiя архiерею. И начаста страдальцы гладомъ пребывати, отъ архiерея не прiемлюще брашна. И нѣкогда Алексiй жаждою объятъ бывъ, повеле стрегущему сосудецъ принести воды. Стрегущiй шедъ доложися архiерею. Повеле архiерей принести воды и вземъ къ себѣ нѣчто дѣйствоваше, и рукою оградивъ пятиперстнымъ сложенiемъ, посылаетъ. Но духопрозрительный Ѳеодоръ, вземъ сосудъ, рече Алексiеви: видиши ли яко змiй въ сосудѣ на водѣ плаваетъ? Таже дивный Ѳеодоръ глагола ко стрегущему: былъ гдѣ съ водою? Оному же отпирающуся, глаголаше старецъ: само видѣнiе воды являетъ, яко у архiерея былъ еси, сего ради змiй черный по водѣ плаваетъ невидимо. И тако вземъ воду за окно изливаетъ на землю. Преподобный Ѳеодоръ гладомъ преставися; многотерпѣливый же Алексiй, девять седьмицъ (*) безъ пищи и питiя препроводивъ, преставися, и тако оба скончастася за древнее благочестiе.

«Вотъ дѣла твои, душегубецъ!» воскликнулъ Никита, обратясь къ Аѳанасiю. «Вы повелѣваете всѣмъ креститься тремя перстами, порицая истинное двуперстное сложенiе, а сами втайнѣ слагаете пять перстовъ и призываете дiавола на пищу и питiе, для обольщенiя православныхъ!

(*) И того 63 дня.

Горе тому, кто васъ слушается! Ваше троеперстное сложеніе есть печать антихриста, а пятиперстное—знакъ союза съ врагомъ человѣческаго рода!»

«Душегубцы! богоотступники! дѣти антихристовы!» закричали всѣ сообщники Никиты, поднявъ правыя руки вверхъ съ двумя сложенными пальцами. «Такъ, такъ должно креститься!»

Стрѣльцы, стоявшіе на площади, слыша крикъ въ Грановитой Палатѣ, начали громко роптать, вынимая сабли. Народъ, ужаснувшись, заволновался на площади.

Софія съ теткою и сестрою и царица Наталья Кирилловна встали съ мѣстъ своихъ, въ намѣреніи удалиться изъ палаты.

«Если вы попускаете бунтовщиковъ въ нашемъ присутствіи и при святѣйшемъ патріархѣ до такихъ неистовствъ,» сказала Софія Петрову, Циклеру и Чермному, «то ни царямъ, ни мнѣ, ни всему дому царскому въ Москвѣ болѣе оставаться невозможно; мы всѣ удалимся въ чужія страны, и объявимъ народу, что вы этому причиною.»

«Мы готовы за тебя положить свои головы, государыня!» отвѣчалъ Петровъ и началъ умолять Софію перемѣнить ея намѣреніе.

По усильнымъ просьбамъ его, равно Циклера и Чермнаго, Софія опять сѣла на одинъ изъ престоловъ, и всѣ заняли прежнія мѣста свои.

Когда возстановилось въ палатѣ молчаніе, архіепископъ Аѳанасій сказалъ Никитѣ:

«Греки, отъ которыхъ Россія приняла православную христіанскую вѣру, при великомъ князѣ Владимірѣ, крестятся, слагая три перста. Обычай этотъ сохраняетъ греческая церковь по преданію апостольскому. Вы ссылаетесь на Ѳеодорита епископа курскаго, будто бы повелѣвающаго креститься двумя перстами; но вы лжете на Ѳеодорита. Еще въ лѣто міробытія шесть-тысячъ шесть-сотъ-шестьдесятъ-шестое еретикъ Мартинъ Армянинъ училъ слагать персты по-вашему и былъ преданъ проклятію соборомъ, бывшимъ двадцатаго октября того же года въ Кіевѣ. Притомъ молитва не состоитъ въ одномъ сложеніи перстовъ: должно покланяться Богу духомъ и истиною. Если сердце ваше исполнено страсти къ раздорамъ, гордости и ненависти къ братіямъ вашимъ, если вы не покоряетесь установленнымъ отъ Бога властямъ и производите мятежъ народный: то, какъ ни слагайте персты, молитва ваша не будетъ услышана. Богъ внемлетъ молитвамъ праведныхъ, которые соблюдаютъ двѣ главныя заповѣди Его: любить Бога и ближняго,—которые любятъ даже враговъ своихъ.»

«Не тебѣ учить насъ, душегубецъ!» воскликнулъ Никита. «Не изъ любви ли къ ближнимъ

уморилъ ты голодомъ великихъ страдальцевъ Өеодора и Алексія?»

«Ты клевещешь на меня! узнавши, что они учатъ народъ не ходить въ церкви, распространяютъ между нимъ ересь свою, вопреки царскому запрещенію, объявленному имъ при отправленіи ихъ, еще при патріархѣ Никонѣ, въ Кандалажскій монастырь, я потребовалъ ихъ къ себѣ и старался всѣми мѣрами обратить ихъ къ церкви православной. Не моя вина, что на кушаньѣ и питьѣ, которыя я имъ посылалъ съ моего стола, грезились имъ какіе-то черные змѣи, и что они бросали кушанье и выливали питье за окно. По словамъ самого Өеодора, змѣй по водѣ плавалъ невидимо; какъ же онъ видѣлъ его? Вольно имъ было, испугавшись невидимаго змѣя, уморить себя голодомъ и жаждою. За это нельзя винить меня. Притомъ нельзя вѣрить твоему повѣствованію. Кто говоритъ, что человѣкъ пробылъ безъ пищи и питія девять недѣль, тотъ явно лжетъ.»

«Ты уморилъ праведныхъ страдальцевъ, душегубецъ! Услышьте моленіе мое, преподобный Өеодоръ и многотерпѣливый Алексій, помогите отомстить смерть вашу. Погибни сынъ погибели!...»

Съ этими словами Никита, въ изступленіи, бросился на Аөанасія и хотѣлъ ударить его крестомъ въ високъ, но полковникъ Петровъ удер-

жалъ его руку и съ величайшимъ усиліемъ оттащилъ отъ архіепископа. Во всей палатѣ произошло смятеніе.

«Если ты осмѣлишься еще сойти съ твоего мѣста и сказать хоть одно слово, то я, какъ ослушника царской власти, прикажу казнить тебя!» сказала Софія Никитѣ.

Когда чтеніе челобитной кончилось, раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Начинало уже смеркаться. Софія встала съ престола и сказала раскольникамъ: «Теперь уже поздно рѣшить вашу челобитную. Собраніе продолжается съ десятаго часа дня; всѣ устали. Завтра опять будетъ назначено собраніе, и вамъ объявится указъ на ваше прошеніе.»

Софія съ теткою и сестрою и царица Наталья Кирилловна удалились въ свои покои, и всѣ вышли изъ Грановитой Палаты. Никита и сообщники его, посреди безчисленной толпы народа, пошли изъ Кремля на Красную Площадь, поднявъ правыя руки вверхъ съ двумя сложенными пальцами и восклицая: «Побѣдили! побѣдили! Такъ слагайте персты! По нашему вѣруйте!»

Взойдя на лобное мѣсто и положивъ на налои иконы, продолжали они кричать народу: «По нашему вѣруйте! Мы всѣхъ архіереевъ оспорили и посрамили!»

Послѣ этого сказали они народу поученіе, будто-бы по царскому повелѣнію, и сошли съ лоб-

наго мѣста, чтобы удалиться въ главное мѣсто сборища ихъ, въ слободу Титова полка.

Вдругъ глаза у Никиты закатились и онъ упалъ на землю въ страшныхъ судорогахъ. Пѣна била у него изо-рта.

Сообщники его остановились въ недоумѣніи; толпа стрѣльцовъ и народа окружила ихъ.

Наконецъ Никита пришелъ въ чувство и всталъ, шатаясь, на ноги.

«Хватайте его!» закричалъ полковникъ Петровъ, бросясь съ отрядомъ стрѣльцовъ своего полка къ Никитѣ.

«Не тронь!» закричали стрѣльцы, единомышленники раскольниковъ.

«Хватайте, вяжите его! Крѣпче, Ванька, затягивай!» продолжалъ Петровъ. «Не мѣшайте намъ, дурачье! Что вы за этого еретика заступаетесь, развѣ не видали вы, какъ его нечистый духъ ударилъ о земь? Отъ всякаго православнаго дьяволъ бѣжитъ, не оглядываясь. Явно, что этотъ бездѣльникъ—колдунъ и чернокнижникъ, и всѣхъ васъ морочитъ.»

Слова эти произвели на защитниковъ Никиты примѣтное впечатлѣніе. Сообщники его въ страхѣ разбѣжались, и толпа, шедшая за нимъ до Тюремнаго двора, постепенно разсѣялась.

На другой день, шестаго іюля, рано утромъ вывели Никиту на Красную Площадь. Палачъ, съ сѣкирой въ рукѣ, стоялъ уже на лобномъ

мѣстѣ. Вскорѣ вся площадь закипѣла народомъ.

Думный дьякъ прочиталъ указъ объ отсѣченіи головы Никитѣ, если онъ всенародно не раскается въ своихъ преступленіяхъ и въ своей ереси. Въ послѣднемъ случаѣ, велѣно было его сослать въ дальній монастырь.

Никита, выслушавъ указъ, твердыми шагами взошелъ на лобное мѣсто.

«Одумайся!» сказалъ думный дьякъ.

«Предаю анаѳемѣ антихриста Никона и всѣхъ учениковъ его! Держитесь, православные, вѣры старой и истинной!»

«И такъ ты не хочешь раскаяться?» спросилъ дьякъ.

«Умираю за древнее благочестіе!»

Перекрестясь двумя перстами, Никита положилъ голову на плаху. Народъ хранилъ глубокое молчаніе.

Сѣкира, сверкнувъ, ударила по плахѣ. Брызнула кровь, и голова Никиты, отлетѣвъ отъ туловища, покатилась. Всѣ, бывшіе на площади, невольно вздрогнули и, въ-полголоса разговаривая другъ съ другомъ, мало-по-малу разсѣялись.

VI.

Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.

Пушкинъ.

Смерть Никиты сильно поразила и опечалила Хованскаго. Съ Одинцовымъ и съ нѣкоторыми другими, самыми ревностными поборниками старой вѣры, отслуживъ ночью панихиду по великомъ учителѣ своемъ и включивъ его въ число мучениковъ, Хованскій поклялся идти по слѣдамъ его и, во что бы то ни стало, утвердить во всемъ Русскомъ царствѣ древнее благочестіе. Онъ началъ еще болѣе прежняго потворствовать стрѣльцамъ, исходатайствовалъ у Софіи указъ (*) о переименованіи ихъ, по обѣщанію ея, Надворною пѣхотою, и всѣми мѣрами старался ихъ привязать къ себѣ, чтобы чрезъ нихъ достигнуть своей цѣли. Вскорѣ всѣ стрѣльцы, безъ исключенія, начали называть его отцомъ своимъ,

---

(*) 28 іюля 1682 года.

и всякій изъ нихъ готовъ былъ пожертвовать жизнію за стараго князя. Поступки его не укрылись отъ Софіи. Повторяемыя увѣренія Хованскаго въ неизмѣнной преданности считала она, по справедливости, притворствомъ и была увѣрена, что онъ ждетъ только удобнаго случая для исполненія замысла, разрушеннаго смертію Никиты. Основываясь на доносѣ Циклера, она думала, что вся цѣль Хованскаго состоитъ во введеніи старой вѣры въ Россіи, и что поэтому онъ опасенъ не ей самой, а только патріарху и духовенству. Зная приверженность стрѣльцовъ къ князю, царевна боялась вооружить его противъ себя, продолжала оказывать ему прежнее довѣріе и искала случая удалить его подъ какимъ-нубудь благовиднымъ предлогомъ изъ столицы. Милославскій давно смотрѣлъ съ завистью на возрастающее могущество Хованскаго, и наконецъ, поссорясь съ нимъ явно, изъ друга превратился въ непримиримаго врага его. Наблюдая за всѣми поступками Хованскаго, онъ доносилъ обо всемъ Софіи. Циклеръ вкрался въ довѣренность князя, чтобы обезопасить себя и что-нибудь выиграть при новомъ мятежѣ, и въ то же время помогалъ Милославскому въ наблюденіяхъ за Хованскимъ. Не за долго до перваго сентября, мѣсяца черезъ полтора послѣ смерти Никиты, Циклеръ разсказалъ Милославскому, что онъ, изъ нѣкоторыхъ словъ Хованскаго и сы-

на его, замѣтилъ, что замыслы ихъ не ограничиваются повсемѣстнымъ возстановленіемъ въ государствѣ древняго благочестія, а простираются гораздо далѣе. Увѣдомленная о томъ Софія, опасаясь, чтобы Хованскій не произвелъ опять мятежа во время празднованія новаго года въ наступавшее тогда первое число сентября, (*) рѣшилась удалиться изъ Москвы съ обоими царями и со всѣмъ домомъ царскимъ въ село Коломенское. Хованскій остался въ Москвѣ. Еще девятнадцатаго августа, въ день крестнаго хода въ Донской монастырь, замышлялъ онъ произвести мятежъ и предать смерти патріарха, Государственную Думу и весь домъ царскій, и, по избранію стрѣльцовъ, сдѣлаться царемъ московскимъ. Но Софія съ обоими царями пріѣхала въ монастырь по прибытіи уже туда патріарха, а Хованскій, подумавъ, что она съ царями вовсе

(*) Въ древности считали въ Россіи новый годъ съ весны, отъ перваго новолунія по равноденствіи. Послѣ принятія Христіанской вѣры начали счислять время съ сотворенія міра и праздновать церковный годъ 1-го марта, а гражданскій 1-го сентября. При митрополитѣ Ѳеогностѣ Соборъ, бывшій въ Москвѣ, рѣшилъ, какъ церковный, такъ и гражданскій годъ начинать 1-го сентября. Въ 1700 году Петръ Великій указалъ праздновать новый годъ 1-го января, и счислять время отъ Рождества Христова.

не будетъ присутствовать при этомъ торжествѣ, отложилъ исполненіе своего замысла до другаго удобнаго времени. По отъѣздѣ въ село Коломенское, Софія велѣла объявить царское повелѣніе Хованскому, чтобы онъ присутствовалъ при молебствіи на дворцовой площади, которое долженъ былъ совершать патріархъ въ день новаго года. Повелѣніе это имѣло двѣ цѣли: во-первыхъ, подъ видомъ особой довѣренности къ Хованскому, поручить ему надзоръ за порядкомъ при назначенномъ торжествѣ и такимъ образомъ всю отвѣтственность за нарушеніе порядка возложить на того человѣка, котораго наиболѣе должно было въ этомъ случаѣ опасаться; во-вторыхъ, этимъ средствомъ обезопасить патріарха во время молебствія, посреди тѣхъ самыхъ стрѣльцовъ, которые недавно замышляли убить его, вызвавъ на площадь.

Хованскій, обманувшись въ надеждѣ совершить перваго сентября то, что̀ не удалось ему исполнить девятнадцатаго августа, вопреки царскому повелѣнію, пробылъ весь день новаго года дома, не присутствовалъ при молебствіи и послалъ вмѣсто себя окольничаго Хлопова.

Стрѣльцы, державшіеся древняго благочестія, не смѣя безъ приказанія ихъ главнаго начальника покуситься на безпорядки, ограничились оскорбительными для патріарха восклицаніями во время молебствія и разными неопредѣлен-

ными угрозами, которыя навели ужасъ на всѣхъ московскихъ жителей.

Поздно вечеромъ пришли къ Хованскому сынъ его, князь Андрей, и полковникъ Одинцовъ, и долго совѣщались съ нимъ наединѣ въ рабочей горницѣ боярина.

Во время ужина вошелъ въ столовую дворецкій Савельичъ. Румяный, какъ вечерняя заря, носъ его показывалъ, что онъ, не смотря на всѣ свои заботы и хлопоты, не упустилъ въ такой торжественный день сходить на Отдаточный дворъ и, съ кружкою въ рукѣ, заочно поздравить своего господина съ наступившимъ новымъ годомъ.

Поклонясь низко князю и пошатнувшись немного въ сторону, онъ оперся о столъ обѣими руками и сказалъ довольно внятно, не смотря на то, что языкъ плохо ему повиновался:

«На тотъ случай, еслибъ ты, бояринъ, неравно, подумалъ, что я сегодня пьянъ, пришелъ я доложить твоей милости, что у меня—хоть къ присягѣ веди—во рту капли не бывало.»

«Это видно!» сказалъ князь Андрей, засмѣявшись.

«Пошелъ вонъ, дуралей!» закричалъ старикъ Хованскій.

«Пойти-то я пойду, только надобно прежде доложить еще, что у насъ приключилась превеликая бѣда. Не хотѣлось бы мнѣ тревожить

твою милость въ этакой день, да дѣлать нечего, дѣло важное!»

«Что такое?», спросилъ Хованскій, нѣсколько испугавшись.

«А вотъ изволишь видѣть, бояринъ: давеча, въ то самое время, какъ пріѣзжалъ къ тебѣ отъ царевны Софьи Алексѣевны гонецъ, стряслась такая бѣда, что и сказать страшно, языкъ не ворочается....»

«Вижу, что онъ не ворочается, пьяница!» закричалъ Хованскій. «Говори скорѣе: что за бѣда?»

«Этого нельзя сказать тебѣ при другихъ.»

«Каково вамъ это кажется!» сказалъ Хованскій, посмотрѣвъ на сына и Одинцова. «Ты, видно, умъ пропилъ, разбойникъ! Здѣсь лишняго никого нѣтъ: все сейчасъ говори!»

«Коли ты приказываешь, то я, пожалуй, скажу. А то самъ же ты велѣлъ мнѣ молчать, и грозилъ отрубить голову, если я проболтаюсь.»

«Добьюсь ли я отъ тебя сегодня толку, мошенникъ!» закричалъ князь, вскочивъ съ своего мѣста.

«Сѣкира-то пропала!»

«Какая сѣкира, пьяница?»

«Воля твоя, бояринъ, виноватъ не я. Ты сказалъ мнѣ тогда, что эта сѣкира понадобится тебѣ черезъ три дня и велѣлъ ее наточить. Я и наточилъ ее, вытесалъ и чурбанъ, и веревки, и

два заступа приготовилъ, и убралъ все въ чуланъ, знаешь, въ тотъ, гдѣ разный хламъ валяется. Я нѣсколько разъ тебѣ докладывалъ, что надобно купить новый замокъ къ чулану, и что твой поваръ Ѳедотка сущій воръ. Анъ такъ и вышло! Какъ онъ наканунѣ твоего тезоименитства прошлаго года бѣжалъ, и замокъ тогда же укралъ, мошенникъ; сверхъ того, изъ погреба бутыль любимой твоей настойки, которую ты самъ изволилъ дѣлать, мой вязаный колпакъ да еще кой-какія мелочи....»

«Что ты за вздоръ мелешь! Ты что-то болталъ про давешняго гонца и про какую-то бѣду,—говори толкомъ, пьяница, и не ври посторонщины.»

«Какая тутъ посторонщина! Изволь только до конца выслушать. Ты мнѣ на прошлой недѣлѣ приказывалъ купить на Отдаточномъ дворѣ вина для настойки. Прихожу я сегодня туда, не то, чтобы выпить, а чтобы вина купить для твоей милости,—глядь—въ углу стоитъ наша сѣкира! Я спрашиваю у продавца: откуда онъ взялъ ее? Онъ сказалъ мнѣ, что какой-то де мужикъ принесъ сѣкиру и заложилъ ее въ двухъ алтынахъ за кружку вина. Я и смекнулъ: знать, кто-нибудь стянулъ у насъ сѣкиру изъ чулана. Что тутъ за диво, коли замка нѣтъ! Эй, вели купить замокъ, бояринъ; этакъ и все растащатъ! Я однакожъ бѣду поправилъ и сѣкиру выкупилъ на

свои деньги. Стало-быть, два алтына за твоею милостью. Ну да ничего, сочтемся.»

Одинцовъ и князь Андрей захохотали.

«Пошелъ вонъ, дурачина!» закричалъ Хованскій. «Только для новаго года прощаю тебя. Напейся ты у меня въ другой разъ!»

Дворецкій низко поклонился и вышелъ изъ комнаты, не по прямой, однакожъ, геометрической линіи, а по ломанной.

«Про какую толковалъ онъ сѣкиру?» спросилъ Одинцовъ старика Хованскаго.

«Я велѣлъ ее приготовить для Бурмистрова.»

«Какъ, развѣ онъ еще живъ? Я думалъ, что ему давно уже голову отрубили. По всей Москвѣ говорили объ этомъ.»

Хованскій объяснилъ Одинцову причины, по которымъ, отсрочивъ казнь Бурмистрова, рѣшился онъ тайно содержать его въ тюрьмѣ своей, и прибавилъ: «Великій страдалецъ Никита повелѣлъ принести его въ благодарственную жертву чрезъ три дня по возстановленіи древняго благочестія. Не сомнѣваюсь, что скоро принесемъ мы эту жертву. Господь явно по насъ побораетъ. Онъ поможетъ намъ совершить подвигъ нашъ во славу Божію и истребить съ лица земли еретиковъ, которые пролили кровь праведника.»

«Я положилъ сѣкиру въ чуланъ,» сказалъ Са-

вельичъ, войдя опять въ комнату: «и привѣсилъ къ двери замокъ съ моего стараго сундука.»

«Убирайся вонъ, бездѣльникъ!» закричалъ Хованскій.

«Я купилъ его, лѣтъ пять тому назадъ, за четыре алтына; а такъ-какъ ты не господинъ нашъ, а настоящій отецъ, то я уступаю тебѣ этотъ замокъ, хоть онъ и новехонекъ, за три алтына. Стало быть, за твоею милостію съ давешними всего пять алтынъ. Еще забылъ я спросить тебя: отцу-то Никитѣ отрубили голову,— кто же теперь будетъ патріархомъ? Царемъ будешь ты, бояринъ,—это ужъ дѣло рѣшеное; а патріарха-то гдѣ бы намъ взять?»

«Это что значитъ?» воскликнулъ Хованскій, вскочивъ съ своего мѣста. Схвативъ со стола ножъ, подошелъ онъ къ дворецкому и, взявъ его за-воротъ, приставилъ ножъ къ сердцу: «Говори, бездѣльникъ, гдѣ ты весь этотъ вздоръ слышалъ?»

Дворецкій, какъ ни былъ пьянъ, догадался однакожъ, что онъ лишнее выпилъ и отъ-того выболталъ лишнее. Чтобъ выпутаться изъ бѣды, рѣшился онъ прибѣгнуть къ выдумкѣ.

«Помилуй, бояринъ, за что ты на меня взъѣлся?» сказалъ онъ. «Я все это слышалъ на Отдаточномъ дворѣ.»

«Что!!! На Отдаточномъ дворѣ?» воскликнулъ Хованскій, измѣнясь въ лицѣ.

«Истинно такъ! Тамъ всѣ, какъ въ трубу трубятъ, что ты будешь царемъ и выберешь другаго патріарха.»

Хованскій, стараясь скрыть испугъ свой и смущеніе, сѣлъ опять къ столу и отеръ рукою холодный потъ, выступившій на лицѣ его.

«Тамъ насчиталъ я человѣкъ съ тридцать подъячихъ, чернослободскихъ купцовъ и мужиковъ: всѣ пили за твое государское здравіе. Грѣшный человѣкъ, не удержался, и я выпилъ за здравіе твоего царскаго величества!»

«Поди, выспись! Если ты скажешь кому-нибудь хоть одно слово о всѣхъ этихъ бредняхъ, то я велю тебѣ языкъ отрѣзать.»

Когда дворецкій вышелъ, старикъ Хованскій, обратясь къ Одинцову, сказалъ: «Кто-нибудь измѣнилъ намъ! Нѣтъ сомнѣнія, что Царскій дворъ все уже знаетъ, если ужъ на Отдаточномъ многое извѣстно. Что намъ дѣлать?»

«Не теряй, князь, бодрости,» отвѣчалъ Одинцовъ. «Богъ видитъ, что мы подвизаемся за доброе дѣло; Онъ наставитъ насъ и намъ поможетъ.»

«Однакожъ не должно терять времени,» сказалъ молодой Хованскій: «надобно подумать о мѣрахъ предосторожности: могутъ вдругъ схватить насъ.»

«Всего лучше,» сказалъ Одинцовъ: «скрыться въ какое-нибудь неотдаленное отъ Москвы мѣ-

сто, созвать туда всѣхъ нашихъ сподвижниковъ, посовѣтоваться, и, призвавъ Бога въ помощь, итти противъ еретиковъ. Въ Коломенскомъ войска-то немного.»

«Я самъ тоже думалъ,» сказалъ старикъ Хованскій. «Но куда мы скроемся? Что обо мнѣ подумаютъ мои дѣти, моя Надворная пѣхота?»

«Я объявлю имъ, чтобъ они до приказу твоего оставались спокойно въ Москвѣ.»

«Можно оставить здѣсь съ ними Циклера,» продолжалъ старикъ Хованскій: «и поручить ему, чтобы онъ наблюдалъ за всѣми поступками еретиковъ и насъ обо всемъ извѣщалъ.»

«Циклера? Давно я хотѣлъ сказать тебѣ, князь, что онъ человѣкъ ненадежный. Хоть онъ и притворяется тебѣ преданнымъ, но я бьюсь объ закладъ моею головою, что онъ ищетъ во всемъ своей только выгоды, и, при первой твоей неудачѣ, на тебя возстанетъ.»

«Почему ты такъ объ немъ думаешь? Онъ на дѣлѣ доказываетъ свое усердіе къ древнему благочестію.»

«Притворяется! Вѣдь онъ перекрещенъ въ нашу вѣру изъ Нѣмцевъ, а вѣрно, втайнѣ держится своей лютеранской ереси. Того и гляди, что онъ намъ измѣнитъ! Я даже думаю, что никто другой, какъ онъ, донесъ о нашихъ намѣреніяхъ супостаткѣ истинной церкви, Софьѣ, и что отъ него разнеслись по Москвѣ всѣ эти слухи, о

которыхъ говорилъ твой дворецкій. Мнѣ сказывалъ одинъ изъ стрѣльцовъ, что видѣлъ недавно, какъ Циклеръ, поздно вечеромъ, пробирался въ домъ Милославскаго.»

«Милославскаго? Точно ли это правда?»

«Какая надобность стрѣльцу лгать на Циклера!»

«Благодарю тебя, Борисъ Андреевичъ, что ты меня предостерегъ. Однакожъ.... мудрено повѣрить, чтобъ Циклеръ былъ измѣнникъ. Отчего бы ему такъ дѣйствовать рѣшительно? Мнѣ кажется, онъ готовъ голову положить за истинную церковь.»

«Онъ всегда рѣшителенъ, когда видитъ, что можно чужими руками жаръ загрести. Покуда есть опасность, онъ виляетъ на ту и на другую сторону, а какъ начнетъ одна сторона одолѣвать, такъ онъ къ ней какъ-разъ и пристанетъ, тогда въ огонь и въ воду лѣзть готовъ; подумаешь, что онъ-то все и сдѣлалъ. Знаю я его! До пятнадцатаго мая былъ онъ тише воды, ниже травы, а какъ счастье повезло Ивану Михайловичу, нашъ Циклеръ такъ впередъ и рвется. За то и помѣстье ему досталось получше, чѣмъ намъ, грѣшнымъ. По мнѣ, такъ измѣнникъ Петровъ лучше этого Іуды!»

«А гдѣ Петровъ?» спросилъ старикъ Хованскій.

«Уѣхалъ сегодня утромъ въ Коломенское.»

«Туда и дорога!» сказалъ князь Андрей. «Мы съ нимъ скоро тамъ увидимся.»

Во время послѣдовавшаго за тѣмъ молчанія, старый князь ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; на лицѣ его изображалось сильное душевное волненіе.

«Андрюша!» сказалъ онъ сыну: «осмотри нашу стражу: всѣ ли сто человѣкъ на-лицо? Вели всѣмъ зарядить ружья. На всю ночь поставить у воротъ часовыхъ. Да скажи дворецкому, чтобы подалъ мнѣ ключъ отъ калитки, что́ на черномъ дворѣ, и чтобы велѣлъ осѣдлать нашихъ лошадей и поставить у калитки.»

«Куда ты, князь, собираешься? Теперь уже скоро полночь,» сказалъ Одинцовъ.

«Я хочу итти спать. Ночуй у меня, Борисъ Андреевичъ, а лошадь твою вели съ нашими вмѣстѣ поставить. Хоть опасаться нечего, однакожъ все-таки лучше приготовиться на всякой случай; спокойнѣе спать будемъ. Да не лучше ли теперь же намъ уѣхать изъ Москвы,—какъ ты думаешь?»

«Къ чему такъ торопиться? Ляжемъ, благословясь, спать. Утро вечера мудренѣе. Успѣемъ и завтра уѣхать. Прежде надобно посовѣтоваться со всѣми нашими сподвижниками, да и ихъ всѣхъ взять съ собой. Пускай и Циклеръ съ нами ѣдетъ; а въ Москвѣ оставимъ съ Надворною пѣхотою Чермнаго: онъ будетъ одинъ знать

гдѣ мы. Когда придетъ время подвига, пошлемъ къ нему приказъ, чтобы поспѣшилъ къ намъ съ войскомъ,—и пойдемъ истреблять еретиковъ.»

Въ это время вошелъ въ комнату Циклеръ. Примѣтивъ безпокойство старика Хованскаго и перемѣну въ его обращеніи съ нимъ, онъ тотчасъ подумалъ: не узналъ ли что-нибудь старый князь объ его сношеніяхъ съ Милославскимъ.

«Я пришелъ къ вамъ съ важными вѣстями,» сказалъ онъ. «Слышалъ ли ты, князь, что Милославскій вчера вечеромъ, а Петровъ сегодня утромъ уѣхали въ Коломенское?»

«Все это знаю,» отвѣчалъ старикъ Хованскій. «Знаю и то, что ты по вечерамъ ходишь въ-гости къ Ванькѣ Подорванному!» (*)

«Я только-что хотѣлъ объ этомъ говорить. По старой дружбѣ, призывалъ онъ меня, на дняхъ, къ себѣ, сулилъ золотыя горы и звалъ меня съ собою въ Коломенское. Я и притворился, что держусь стороны еретиковъ; а онъ, сдуру, и выболталъ мнѣ все, что̀ на сердцѣ лежало. Ужъ какъ тебя трусятъ еретики! Однакожъ ни онъ, ни супостатка истинной вѣры, Софья, ничего не знаютъ о нашихъ намѣреніяхъ. Не худо бы застать ихъ въ-расплохъ! Когда ты, князь, думаешь приступить къ дѣлу?»

(*) Прозвище, которое было присвоено простымъ народомъ Милославскому.

«Мѣра терпѣнія Божія еще не исполнилась! Господь укажетъ часъ, когда должны мы будемъ извлечь мечи наши на пораженіе учениковъ антихриста. Завтра вечеромъ уѣзжаемъ мы изъ Москвы.»

«Куда?»

«Увидишь, куда. Тебѣ надобно будетъ ѣхать съ нами. Ночуй у меня. Завтра цѣлый день ты мнѣ будешь нуженъ, а вечеромъ отправимся вмѣстѣ въ дорогу.»

«Очень хорошо! Вели, князь, теперь же послать за моею лошадью. Я пришелъ сюда пѣшкомъ, завернувшись въ опашень. Милославскій велѣлъ подглядывать объѣзжимъ и рѣшеточнымъ за всѣми, кто къ тебѣ пріѣзжаетъ или приходитъ.»

«Такъ ты его и испугался?»

«Есть кого бояться! Я для того только рѣшился приходить къ тебѣ тайкомъ, чтобы этотъ Подорванный все думалъ, что я на сторонѣ еретиковъ. Я хочу на дняхъ побывать въ Коломенскомъ. Онъ мнѣ еще что-нибудь разболтаетъ, а я все тебѣ перескажу. Я слышалъ, что онъ совѣтовалъ Софьѣ послать въ Москву и во всѣ города грамоты, съ указомъ, чтобы стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы, дѣти боярскіе, копейщики, рейтары, (*) солдаты, боярскіе слуги

(*) *Копейщики* составляли небольшое пѣхотное войско, размѣщенное по городамъ, для охра-

и всякихъ чиновъ ратные люди съѣхались къ Коломенскому. Хоть этой сволочи бояться нечего: что она сдѣлаетъ противъ храброй Надворной пѣхоты и стройнаго Бутырскаго полка? — (*) однакожъ надобно поразвѣдать: правда ли это? Если въ самомъ дѣлѣ такъ, то лучше, не теряя времени, нагрянуть на Коломенское, — да и концы въ воду. А тамъ изберемъ царя и новаго патріарха; хищнаго волка низвергнемъ въ преисподнюю, и составимъ новую Думу. Ты нашъ отецъ, а мы дѣти твои. Будешь царемъ, а мы боярами. Я люблю говорить прямо! Что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ!»

«Не плѣняйся, Иванъ Даниловичъ, боярствомъ и не прельщай меня царскимъ вѣнцомъ. Я дожилъ до сѣдыхъ волосъ и увѣрился, что все въ мірѣ этомъ суета суетъ, кромѣ вѣры истинной. Для нея подвизаюсь я, для нея извлекаю мечъ противъ обольщенныхъ антихристомъ еретиковъ, пролившихъ кровь праведника. Если я и желаю царскаго вѣнца, то для того только, чтобы ниспровергнуть царство антихриста, воз-

---

ненія внутренней безопасности. Они вооружены были только копьями, и отъ того получили свое названіе. Рейтарами назывались конные полки, учрежденные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ вмѣстѣ съ солдатскими.

(*) Лѣтописи наши называютъ иногда солдатскіе полки *стройными*. Слово это хорошо выражаетъ иностранное названіе *регулярный*.

ставить древнее благочестіе и спасти душу мою. Мнѣ уже не долго осталось жить на свѣтѣ: пора и о спасеніи души подумать! Впрочемъ, да совершается воля Всевышняго со мною; я съ вѣрою слѣдую, куда рука Его ведетъ меня. Если Онъ судилъ мнѣ быть на престолѣ, для возстановленія въ Русскомъ царствѣ матери нашей истинной церкви, потщусь совершить Его назначеніе; если же Онъ повелитъ мнѣ прославить имя Его моею кровію, сѣкира и плаха не устрашатъ меня. Великіе страдальцы Аввакумъ сожженный и Никита обезглавленный заслужили уже небесный, мученическій вѣнецъ, который славнѣе всѣхъ земныхъ вѣнцовъ царскихъ. Прославлю Господа, если Онъ и меня сподобитъ этого вѣнца!»

Сказавши это, Хованскій удалился въ свою спальню. Одинцовъ и Циклеръ въ комнатѣ, для нихъ отведенной, легли на ковры и, не сказавъ другъ другу ни слова, заснули, а князь Андрей пошелъ осматривать стражу и исполнять всѣ другія приказанія отца. Когда часовые были поставлены и лошади осѣдланы, онъ легъ въ постель и цѣлую ночь не смыкалъ глазъ, мечтая о бракѣ своемъ съ царевною Екатериною. Будетъ, думалъ онъ, сожалѣть, недостойная сестра ея, надменная Софья, что отвергла предложеніе отца моего. Родственный союзъ съ князьями Хованскими, происходящими отъ короля Ягеллы,

показался ей унизительнымъ! Пусть же погибаетъ она, пусть погибаютъ всѣ ея родственники, кромѣ моей невѣсты! По смерти отца, я взойду съ нею на престолъ московскій. Я докажу свѣту, что Хованскіе рождены царствовать: завоюю Литву, отниму у Турокъ Грецію и заставлю трепетать русскаго оружія всѣхъ государей земли; подданные будутъ обожать меня; я возстановлю правосудіе, прекращу всѣ церковные расколы. Не буду слушаться, подобно отцу моему, какого-нибудь разстриженнаго попа,—воля моя для всѣхъ будетъ закономъ.

Утренняя заря появилась уже на востокѣ, когда заснулъ преступный мечтатель.

VII.

Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны къ трону вѣжды.
Державинъ.

Втораго сентября, на разсвѣтѣ, преданный Софіи, стрѣлецкій полковникъ Акинфій Даниловъ пробрался окольною дорогою къ селу Коломенскому. Онъ выѣхалъ изъ Москвы ночью, для донесенія царевны о всемъ, чтó произошло въ столицѣ, въ день новаго года. Окна коломенскаго дворца, отражавшія лучи восходящаго солнца, казались издали рядомъ горящихъ свѣчъ. Даниловъ примѣтилъ, что вдругъ блескъ средняго окна исчезъ, и заключилъ, что его кто-нибудь отворилъ.—Неужели царевна уже встала?—подумалъ онъ. Подъѣхавъ на близкое разстояніе къ дворцу, онъ увидѣлъ у окна Софію.

Привязавъ лошадь къ дереву, которое расло неподалеку отъ дворца, Даниловъ подошелъ къ воротамъ. Прибитая къ нимъ какая-то бумага бросилась ему въ глаза. Онъ снялъ ее съ гвоздя и увидѣлъ, что это было письмо съ надписью: *Вручить государынѣ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.*

Немедленно былъ онъ впущенъ въ комнату царевны. Она стояла у окна. Милославскій сидѣлъ у стола и писалъ.

«Что скажешь, Даниловъ? Что́ надѣлалось въ Москвѣ?» спросила царевна, стараясь казаться равнодушною.

«Вчерашній день прошелъ благополучно, государыня. Только во время молебствія раскольники изъ стрѣльцовъ говорили *непригожія слова.*»

«Былъ Хованскій на молебствіи?

«Онъ послалъ вмѣсто себя окольничаго Хлопова, а самъ пробылъ весь день дома.»

«Слышишь, Иванъ Михайловичъ? Онъ явно ослушается моихъ повелѣній! Теперь я согласна поступить, какъ ты сегодня мнѣ совѣтовалъ.... Это что за письмо? Отъ кого?»

«Не знаю, государыня,» отвѣчалъ Даниловъ. «Оно было прибито къ воротамъ здѣшняго дворца.»

Софія, распечатавъ письмо, прочитала, съ примѣтнымъ волненіемъ:

Царемъ Государемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ, извѣщаютъ московской стрѣлецъ, да два человѣка посадскихъ на воровъ, на измѣнниковъ, на Боярина Князь Ивана Хованскаго, да на сына ево Князь Андрея. На нынѣшнихъ недѣляхъ призывали они насъ къ себѣ въ домъ девяти человѣкъ пѣхотнаго

чина, да пяти человѣкъ посадскихъ, и говорили, чтобы помогали имъ доступити царства Московскаго, и чтобы мы научали свою братью Вашъ Царской корень известь, и чтобъ придти большимъ собраніемъ изневѣсть въ городъ, и называть Васъ Государей еретическими дѣтьми, и убить Васъ Государей обоихъ, и Царицу Наталью Кириловну, и Царевну Софію Алексѣевну, и Патріарха, и властей; а на одной бы Царевнѣ князь Андрею жениться, а достальныхъ бы Царевенъ постричь и разослать въ дальніе монастыри; да Бояръ побить Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, Ивана Михайловича Милославскаго, Шереметьевыхъ двоихъ, и иныхъ многихъ людей изъ Бояръ, которые старой Вѣры не любятъ, а новую заводятъ; а какъ то злое дѣло учинятъ, послать смущать во все Московское государство по городамъ и по деревнямъ, чтобъ въ городѣхъ посадскіе люди побили воеводъ и приказныхъ людей, а крестьянъ поучать, чтобъ побили бояръ своихъ и людей боярскихъ; а какъ государство замутится, и на Московское бъ царство выбрали царемъ ево князь Ивана, а Патріарха и властей поставить ково изберутъ народомъ, которые бы старыя книги любили; и цѣловали намъ на томъ Хованскіе крестъ, и мы имъ въ томъ во всемъ, что то злое дѣло дѣлать намъ вообще, крестъ цѣловалижъ; а дали они намъ всѣмъ по дѣсти рублевъ человѣку, и обѣщалися предъ образомъ,

что если они того доступятъ, пожаловать насъ въ ближніе люди, а стрѣльцомъ велѣлъ наговаривать: которые будутъ побиты, и тѣхъ животы и вотчины продавать, а деньги отдавать имъ стрѣльцамъ на всѣ приказы (*). *И мы три человѣка, убояся Бога, не хотя на такое дѣло дерзнуть, извѣщаемъ Вамъ Государемъ, чтобы Вы Государи Свое здоровье оберегли. А мы холопи Ваши нынѣ живемъ въ похоронкахъ; а какъ Ваше Государское здравіе сохранится, и все Богъ утишитъ, тогда мы Вамъ государемъ объявимся: а имянъ намъ своихъ написать невозможно, а примѣтъ у насъ: у одного на правомъ плечѣ бородавка черная, у другова на правой ногѣ поперегъ берца рубецъ, посѣчено, а третьяго объявимъ мы, потому что у него примѣтъ никакихъ нѣтъ.*

Въ тотъ же день весь царскій домъ поспѣшно удалился изъ села Коломенскаго въ Савинъ монастырь, и тайно посланы были оттуда, по приказанію Софіи, въ разные города царскія граматы, въ которыхъ предписывалось стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, жильцамъ, дѣтямъ боярскимъ, копейщикамъ, рейтарамъ, солдатамъ, всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ и боярскимъ слугамъ спѣшить днемъ и ночью къ государямъ, для защиты ихъ противъ Хованскихъ, *для очищенія царствующаго града Москвы*

(*) Полки назывались также приказами.

отъ воровъ и измѣнниковъ, и для отмщенія невинной крови, стрѣльцами, во время бунта пятнадцатаго мая, пролитой.

Вскорѣ послѣ этого царскій домъ изъ Савина монастыря переѣхалъ въ село Воздвиженское. Получаемыя изъ Москвы отъ Циклера извѣстія то тревожили, то успокоивали Софію. Хованскій въ теченіе двухъ недѣль оставался въ Москвѣ въ совершенномъ бездѣйствіи. Софія приписывала это его нерѣшительности и придумывала средство: силою или хитростію избавиться отъ человѣка, столько для нея опаснаго. Приверженность стрѣльцовъ къ старому князю всего болѣе препятствовала въ этомъ царевнѣ и устрашала ее.

Между-тѣмъ Хованскій началъ тѣмъ болѣе чувствовать угрызенія совѣсти, чѣмъ менѣе представлялось препятствій къ исполненію его замысла. Съ одной стороны, ложно направленное и слѣпое усердіе къ вѣрѣ, увлекавшее его къ возстановленію древняго благочестія и къ отмщенію за смерть Никиты, съ другой стороны, ужасъ, возбуждаемый въ немъ мыслію о цареубійствѣ, которое казалось ему необходимымъ для достиженія цѣли, указанной, по ложному его убѣжденію, Небомъ,—производили въ душѣ Хованскаго мучительную борьбу. Нерѣдко со слезами молилъ онъ Бога наставить его на путь правый и ниспослать какое-нибудь знаменіе для

показанія воли Его, которой онъ долженъ былъ бы слѣдовать. Однажды, на разсвѣтѣ, послѣ продолжительной молитвы, старый князь взялъ евангеліе. На раскрывшейся страницѣ первыя слова, попавшіяся ему на глаза, были слѣдующія: «Воздадите Кесарева Кесареви, и Божія Богови.»

Эти слова Спасителя произвели непостижимое дѣйствіе на князя. Онъ вдругъ увидѣлъ бездну, на краю которой стоялъ до-сихъ-поръ съ закрытыми глазами. Грѣхъ цареубійства представился ему во всемъ своемъ ужасѣ. Совѣсть— этотъ голосъ Неба, этотъ нелицемѣрный судья дѣлъ и помысловъ нашихъ, иногда заглушаемый навремя неистовымъ крикомъ страстей,—совѣсть громко заговорила въ душѣ Хованскаго. Слезы раскаянія оросили его блѣдныя щеки. Онъ упалъ предъ образомъ своего Ангела, и долго молился, не смѣя поднять на него глазъ. Ему казалось, что Ангелъ его смотритъ на него съ небеснымъ участіемъ, сожалѣніемъ и укоризною во взорахъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, Хованскій съ сыномъ, Циклеромъ и Одинцовымъ, тихонько уѣхалъ въ село Пушкино, принадлежавшее патріарху. Онъ твердо рѣшился оставить всѣ свои преступные замыслы, служить царямъ до могилы съ непоколебимою вѣрностію и усердіемъ нелицемѣрнымъ, и просьбами сво-

ими, со-временемъ склонить царей къ возстановленію церкви, которую считалъ истинною.

Узнавши, что сынъ малороссійскаго гетмана ѣдетъ къ Москвѣ, Хованскій, черезъ Чермнаго, оставшагося въ столицѣ, послалъ донесеніе къ государямъ, и въ выраженіяхъ, которыя показывали искреннюю его преданность имъ, испрашивалъ наставленія: какъ принять гетманскаго сына? Шестнадцатаго сентября Чермный, знавшій одинъ мѣсто убѣжища князя, привезъ къ нему присланную въ Москву царскую грамату, въ которой содержались похвала его вѣрной и усердной службѣ и приглашеніе пріѣхать въ Воздвиженское для словеснаго объясненія, по его донесенію.

Одинцовъ и молодой Хованскій, зная, что въ Воздвиженскомъ все дѣлается не иначе, какъ по совѣтамъ Милославскаго, предостерегали стараго князя отъ сѣтей этого личнаго врага его, и не совѣтовали ему ѣхать въ Воздвиженское. Оба они тайно осуждали его за нерѣшительность и трусость, считая ихъ причиною неисполненія его прежнихъ намѣреній. Какъ удивились они, когда услышали отъ старика Хованскаго, что онъ оставилъ всѣ свои замыслы и рѣшился до гроба служить царямъ, какъ вѣрный подданный.

Молодой Хованскій, глубоко огорченный разрушеніемъ всѣхъ своихъ мечтаній властолюбія

и потерею надежды вступить въ бракъ съ царевною Екатериною, немедленно уѣхалъ изъ села Пушкина въ принадлежавшую ему подмосковную вотчину, на рѣкѣ Клязьмѣ.

Циклеръ проводилъ его туда, далъ ему совѣтъ не предаваться отчаянію, и поскакалъ прямо въ село Воздвиженское.

Въ селѣ Пушкинѣ остался съ старикомъ Хованскимъ Одинцовъ. Онъ истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобы возбудить въ князѣ охладѣвшую, какъ говорилъ онъ, ревность къ древнему благочестію, представлялъ ему невозможность примириться съ Софіею и съ любимцемъ ея Милославскимъ, и угрожалъ ему неизбѣжною гибелью. Хованскій показалъ ему царскую грамату, въ которой съ лаской звали его въ Воздвиженское, и сказалъ: «Завтра день ангела царевны Софьи Алексѣевны. Завтра поѣду я въ Воздвиженское и раскаюсь предъ нею въ моихъ преступныхъ, вѣроятно, ей уже извѣстныхъ замыслахъ. Она, вѣрно, меня проститъ, и я до конца жизни моей буду служить ей вѣрой и правдой. Это не помѣшаетъ мнѣ подвизаться за церковь истинную. По словамъ Спасителя, буду я воздавать Кесарева Кесареви, и Божія Богови. Сердце царево въ рукѣ Божіей! Можетъ-быть, я доживу еще до того радостнаго дня, когда юный царь Петръ Алексѣевичъ, по достиженіи совершеннолѣтія, убѣдится просьбами вѣрнаго

слуги своего и возстановитъ въ Русскомъ царствѣ святую церковь въ прежней чистотѣ ея и благолѣпіи.

Одинцовъ, слушая внимательно князя, закрылъ лицо руками и заплакалъ. «Губишь ты себя, Иванъ Андреевичъ, и всѣхъ насъ вмѣстѣ съ собою! Охладѣло въ тебѣ усердіе къ вѣрѣ старой и истинной! Смотри, чтобы Богъ не наказалъ тебя и не потребовалъ на Страшномъ Судѣ отвѣта, что ты не исполнилъ воли Его и не довершилъ твоего подвига! Я своей головы не жалѣлъ и не жалѣю, и съ радостію умру, если Всевышній такъ судилъ мнѣ, за древнее благочестіе!»

Рано утромъ, семнадцатаго сентября, бояринъ князь Иванъ Михайловичъ Лыковъ, съ нѣсколькими стольниками и стряпчими, и съ толпою вооруженныхъ служителей ихъ, выѣхалъ, по приказанію Софіи изъ Воздвиженскаго. Циклеръ открылъ ей, гдѣ скрываются Хованскіе, и получилъ за это въ подарокъ богатое помѣстье.

Приблизясь къ селу Пушкину, вся толпа остановилась въ густой рощѣ. Лыковъ послалъ въ село одного изъ служителей развѣдать: тамъ ли старый князь.

Снявъ съ себя саблю, посланный, при входѣ въ село, встрѣтилъ крестьянина и спросилъ его: «Не знаешь ли, дядя, гдѣ тутъ остановился князь Хованскій?»

«Гдѣ остановился князь Хованской? А Господь его знаетъ!»

«Не льзя ли какъ-нибудь поразвѣдать?»

«Поразвѣдать.... а на-што тебѣ?»

«Я къ нему присланъ изъ Москвы съ посылкой.»

«Изъ Москвы съ посылкой.... Нешто. Экое горе!» продолжалъ крестьянинъ, почесывая затылокъ: «сказалъ бы тебѣ, гдѣ остановился князь Хованской, да не знаю, дядя. Поспрошай у бабы, вонъ что корову-то гонитъ, авось она тебѣ скажетъ.»

Служитель, приблизясь къ указанной крестьянкѣ, повторилъ свой вопросъ.

«Почемъ намъ знать гдѣ Кованской!» отвѣчала крестьянка. «Ну, ну, пошла, окаянная!» закричала она, ударивъ свою корову хлыстомъ. «Что рыло-то приворотила къ репейнику! экую нашла невидаль!»

«У кого бы мнѣ спросить, тетка?»

«А у кого хошь!... Куды тебя чортъ понесъ!» закричала крестьянка, пустясь въ догонку за побѣжавшей коровой. «Экое зелье какое! словно бѣшеная кляча скачетъ!»

«Эй, дѣдушка!» сказалъ служитель, увидѣвши старика, который вышелъ изъ воротъ ближней избы: «гдѣ бы мнѣ найти здѣсь князя Ивана Андреича?»

«Князя Ивана Андреича?»

«Да.»

«А что это за князь Иванъ Андреичъ?»

«Хованскій, начальникъ Надворной пѣхоты.»

«А что это за Надворна пихота?»

«Ну, стрѣльцы. Слыхалъ, я чай, что-нибудь про стрѣльцовъ?»

«Какъ не слыхать, вѣстимо, что слыхалъ!»

«Гдѣ же Хованскій-то?»

«А развѣ ты не знашь?»

«Какъ бы зналъ, такъ и не спрашивалъ бы.»

«Вѣстимо, что не спрашивалъ бы! Экое, парень, горе, вѣдь и я не знаю. Да постой! Спросить было у дочки: она больно охоча калякать со всѣми молодыми мужиками и парнями. Пыталъ я ее журить за то. Я чай, она все знаетъ. Эй, Малашка!» закричалъ старикъ, постучавъ кулакомъ въ окно.

«Что, батюшка?» отвѣчала дочь крестьянина, высунувъ заспанное лицо въ окно.

«А вотъ дядя спрашиваетъ: гдѣ князь Хованской?»

«Хованской?... Богъ его знаетъ. Онъ съ саблей чтоль ходитъ?»

«Съ саблей,» отвѣчалъ служитель.

«Видѣла я ономнясь, какъ по грибы въ лѣсъ ходила, немолодаго ужъ парня съ саблей, знаешь, тамъ, подъ горой, гдѣ крестьянскія гумна. Никакъ и шатеръ тамъ въ лѣсу стоитъ.»

«Гдѣ же это?» спросилъ служитель,

«А вотъ ступай прямо-то, большой троицкой дорогой, да и поверни въ сторону, какъ дойдешь вонъ до той избушки, что̀ на сторону-то пошатнулась; а какъ повернешь, то и увидишь пригорокъ, а какъ пригорокъ-то увидишь, такъ и обойди его, да смотри не забреди въ болото: и не великонько оно, а по уши увязнешь; а какъ обойдешь пригорокъ, такъ и увидишь гумна, а за гумнами лѣсъ. Тутъ-то шатеръ и есть.»

Обрадованный этимъ свѣдѣніемъ, служитель поспѣшилъ сообщить свое открытіе князю Лыкову. Немедленно со всею толпою князь выѣхалъ изъ рощи, и вскорѣ, миновавъ указанный пригорокъ, увидѣлъ въ лѣсу шатеръ, который бѣлѣлся между деревьями.

Въ шатрѣ сидѣлъ старикъ Хованскій съ Одинцовымъ. Оба вздрогнули, услышавъ конскій топотъ. Одинцовъ, вынувъ саблю, вышелъ изъ шатра.

«Ловите! хватайте измѣнниковъ!» закричалъ Лыковъ.

Толпа служителей бросилась на Одинцова и, не смотря па отчаянное его сопротивленіе, скоро его обезоружила.

Хованскій самъ отдался имъ въ руки. Его и Одинцова связали и, посадивъ во взятую изъ села крестьянскую телѣгу, повезли.

Когда они доѣхали до подмосковной вотчины, которая принадлежала молодому Хованскому, то

Лыковъ велѣлъ немедленно окружить домъ владѣльца.

Вдругъ изъ одного окна раздался ружейный выстрѣлъ, и одинъ изъ служителей, смертельно раненый, упалъ съ лошади. Въ то же время въ другихъ окнахъ появились вооруженные ружьями холопы князя.

«Ломай дверь! въ домъ!» закричалъ Лыковъ.

Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ, но пули ранили только двухъ лошадей.

Дверь выломили. Сначала служители, а за ними Лыковъ, съ стольниками и стряпчими, вбѣжали въ домъ. Князь Андрей встрѣтилъ ихъ съ саблею въ рукѣ.

«Не отдамся живой! Стрѣляйте!» кричалъ онъ своимъ холопамъ. Тѣ, видя невозможность защитить своего господина, бросили ружья, побѣжали и начали прыгать одинъ за другимъ въ окна. Молодаго князя обезоружили, связали и, посадивъ на одну телѣгу съ отцомъ его и Одинцовымъ, привезли всѣхъ трехъ въ Воздвиженское.

По приказанію Софіи, всѣ бывшіе въ этомъ селѣ бояре немедленно собрались во дворецъ. Когда всѣ сѣли по мѣстамъ, Милославскій вышелъ изъ спальни царевны и объявилъ ея повелѣніе: судить привезенныхъ преступниковъ.

Хованскихъ ввели въ залу. Думный дьякъ Ѳедоръ Шакловитый прочиталъ сначала письмо,

которое снялъ втораго сентября съ воротъ дворца полковникъ Даниловъ, а потомъ приготовленный уже приговоръ. Въ этомъ приговорѣ Хованскіе были обвиняемы: въ самоуправствѣ, въ раздачѣ государственныхъ денегъ безъ царскихъ указовъ; въ самовольномъ содержаніи разныхъ лицъ подъ стражею; въ потворствѣ Надворной пѣхотѣ съ отягощеніемъ другихъ подданныхъ и монастырей; въ ложномъ объявленіи царскихъ указовъ; въ неуваженіи къ дому царскому и презрѣніи ко всѣмъ другимъ боярамъ; въ покровительствѣ раскольникамъ и Никитѣ-пустосвяту, въ замыслѣ: ниспровергнуть православную церковь; въ неисполненіи царскихъ повелѣній объ отправленіи полковъ въ Кіевъ, въ село Коломенское и противъ Калмыковъ и Башкирцевъ; въ неповиновеніи царскому указу: присутствовать при торжествѣ въ день новаго года; въ ложныхъ докладахъ царевнѣ Софіи, и наконецъ въ умыслѣ: истребить царскій домъ и овладѣть Московскимъ государствомъ. Въ концѣ приговора было сказано: *«И Великіе Государи указали васъ, князь Ивана и князь Андрея Хованскихъ, за такія ваши великія вины и за многія воровства и за измѣну, казнить смертію.»*

Когда думный дьякъ прочиталъ громкимъ голосомъ эти послѣднія, ужасныя слова, то старикъ Хованскій, сплеснувъ руками и взглянувъ

на небо, глубоко вздохнулъ, а князь Андрей, содрогнувшись, поблѣднѣлъ какъ полотно.

«Насъ безъ допроса осуждаете вы на смерть!» сказалъ старый князь. «Пусть явятся наши тайные обвинители! Послѣдній изъ подданныхъ вправѣ этого требовать. Допросите насъ въ ихъ присутствіи; выслушайте наши оправданія—и тогда насъ судите!»

«Твои обвинители—дѣла твои!» отвѣчалъ Милославскій.

«Дѣла мои? Иванъ Михайловичъ! не для меня одного будетъ Страшный Судъ!... Я не пролилъ столько невинной крови, сколько пролили другіе!... Одной милости прошу у васъ, бояре: позвольте мнѣ упасть къ ногамъ милосердой государыни царевны Софьи Алексѣевны и оправдаться предъ нею. Успѣете еще казнить меня!»

«Чтожъ? Почему не согласиться на его просьбу?» начали говорить въ-полголоса нѣкоторые изъ бояръ.

«Хорошо,» сказалъ Милославскій, «и я согласенъ. Я спрошу государыню царевну велитъ ли она предстать измѣнникамъ предъ ея свѣтлыя очи?»

Милославскій всталъ и пошелъ въ спальню Софіи. Выйдя изъ залы въ другую горницу, онъ нѣсколько минутъ постоялъ за дверью, опять вошелъ въ залу и объявилъ, что царевна не хочетъ слушать никакихъ оправданій и повелѣ-

ваетъ немедленно исполнить боярскій приговоръ.

Хованскихъ и Одинцова, который стоялъ на дворѣ, окруженный стражею, вывели за дворцовыя ворота. Всѣ бояре вышли вслѣдъ за ними на площадь.

«Гдѣ палачъ?» спросилъ Милославскій полковника Петрова.

«По твоему приказу искалъ я во всѣхъ окольныхъ мѣстахъ палача, но нигдѣ не нашелъ,» отвѣчалъ Петровъ въ смущеніи.

«Сыщи гдѣ хочешь!» закричалъ гнѣвно Милославскій.

Петровъ удалился, и чрезъ нѣсколько минутъ привелъ Стремяннаго полка стрѣльца, пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ изъ Москвы. Послѣдній несъ сѣкиру.

Два крестьянина, по приказанію Петрова, принесли толстый отрубокъ бревна и положили на землю, вмѣсто плахи.

«Къ дѣлу!» сказалъ стрѣльцу Милославскій.

Служители подвели связаннаго старика Хованскаго къ стрѣльцу и поставили его подлѣ бревна на колѣна.

«Клади же, князь, голову!» сказалъ стрѣлецъ.

Читая вполголоса молитву, Хованскій началъ тихо склонять голову подъ сѣкиру. Нѣсколько разъ судорожный трепетъ пробѣгалъ по всѣмъ

его членамъ, и онъ, вдругъ приподнимаясь, устремлялъ взоры на небо.

«Дѣлай свое дѣло!» закричалъ Милославскій стрѣльцу.

Стрѣлецъ, взявъ князя за плеча, положилъ голову его на плаху.

Раздался ударъ сѣкиры, кровь хлынула, и голова, въ которой недавно кипѣло столько замысловъ, обрызганная кровью, упала на землю.

Князь Андрей, ломая руки, подошелъ къ обезглавленному трупу отца, поцѣловалъ его и легъ на плаху.

Раздался второй ударъ сѣкиры, — и голова юноши, мечтавшаго носить нѣкогда вѣнецъ царскій, упала подлѣ головы отца.

«Теперь твоя очередь!» сказалъ Милославскій Одинцову, который стоялъ, связанный и окруженный служителями, близъ боярина.

Одинцовъ содрогнулся; кровь оледенѣла въ его жилахъ и прилилась къ сердцу.

«Какъ?» сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ «меня еще не допрашивали и не судили.»

«Не твое дѣло разсуждать!» закричалъ Милославскій. «Исполняй, что приказываютъ! Эй вы! положите его на плаху.»

Служители, схвативъ Одинцова, потащили къ плахѣ.

«Богъ тебѣ судья, Софья Алексѣевна!» кричалъ Одинцовъ. «Такъ эта мнѣ награда за то,

что я помогъ тебѣ отнять власть у царицы Натальи Кирилловны! Богъ тебѣ судья! Не ты ли обѣщалась всегда насъ жаловать и миловать! Богъ тебѣ судья, Иванъ Михайловичъ! Сжальтесь надо мной, бояре: дайте хоть время покаяться и приготовиться по-христіански къ смерти; здѣсь недалеко живетъ нашъ священникъ.»

«Руби!» закричалъ Милославскій,—и не стало Одинцова.

Тѣла Хованскихъ положили въ одинъ приготовленный гробъ и отвезли въ находившееся неподалеку отъ Воздвиженскаго Троицкое село, Недѣльное, (*) а трупъ Одинцова зарыли въ ближнемъ лѣсу.

На другой день, осьмнадцатаго сентября, былъ отправленъ въ Москву, къ патріарху, стольникъ Петръ Зиновьевъ съ объявительною граматою объ измѣнѣ и казни Хованскихъ. Милославскій, между прочимъ, поручилъ ему, по приказанію царевны Софіи, освободить всѣхъ тѣхъ, которые содержались въ тюрьмѣ стараго князя; но Зиновьева предупредилъ комнатный стольникъ царя Петра Алексѣевича князь Иванъ Хованскій, другой сынъ казненнаго. Выѣхавъ въ ночь

(*) Такъ сказано во II томѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи на стр. 467. Въ 6-й части Записокъ Туманскаго на стр. 95, въ напечатанной лѣтописи, село это названо: *Городецъ*.

на осьмнадцатое сентября изъ Воздвиженскаго, прискакалъ онъ въ Москву и объявилъ стрѣльцамъ, что его отецъ, братъ и Одинцовъ казнены смертію безъ царскаго указа, и что бояре, находившіеся въ Воздвиженскомъ, набравъ войско, хотятъ всѣхъ стрѣльцовъ, женъ и дѣтей ихъ изрубить, а домы ихъ сжечь. Ярость стрѣльцовъ достигла высочайшей степени. Въ полночь раздался звукъ набата и барабановъ. Вся Москва ужаснулась. Стрѣльцы немедленно бросились къ Пушечному двору (*) и его разграбили. Нѣсколько пушекъ развезли по своимъ полкамъ, другія поставили въ Кремлѣ; ружья, карабины, копья, сабли, порохъ и пули роздали народу; поставили сильные отряды, для стражи, въ Кремлѣ, на Красной-Площади, въ Китаѣ-Городѣ, у всѣхъ воротъ Бѣлаго-Города, и во многихъ мѣстахъ Землянаго, въ которомъ устроили нѣсколько укрѣпленій, загородили улицы насыпями и палисадами. Женъ и дѣтей своихъ со всѣмъ имѣніемъ перевезли они изъ стрѣлецкихъ слободъ въ Бѣлый-Городъ. На всѣхъ площадяхъ и улицахъ Москвы во всю ночь раздавались неистовые крики мятежниковъ, ружейные выстрѣлы, звукъ барабановъ и стукъ колесъ отъ провозимыхъ телѣгъ, пушекъ и пороховыхъ ящиковъ. Посреди этого смятенія Зиновьевъ успѣлъ

(*) Арсеналъ.

въѣхать въ Москву. Приблизясь къ Кремлю, увидѣлъ онъ, что ему невозможно туда пробраться, для врученія граматы патріарху, потому-что у всѣхъ воротъ кремлевскихъ стояли на стражѣ толпы мятежниковъ. Онъ принужденъ былъ остаться въ Китай-Городѣ, въ ожиданіи удобнаго случая проѣхать въ Кремль, и рѣшился покуда исполнить другое порученіе Милославскаго, которое состояло въ томъ, чтобы освободить всѣхъ содержавшихся въ тюрьмѣ Хованскаго.

Зиновьевъ, съ помощію встрѣченнаго имъ на дворѣ холопа, отыскалъ дворецкаго Савельича, который, испугавшись бунта, скрылся въ конюшню, легъ въ порожнее стойло и велѣлъ завалить себя сѣномъ.

«Эй, дворецкій! гдѣ ты тутъ запрятался?»

«А вотъ онъ здѣсь!» сказалъ холопъ, разгребая сѣно. «Иванъ Савельичъ! вотъ къ тебѣ присланъ его милость съ приказомъ отъ царевны Софьи Алексѣевны. Вѣдь ты у насъ нàбольшой въ домѣ-то.»

Дворецкій высунулъ изъ сѣна голову, напудренную сѣнною трухою, и, отирая потъ съ лица, катившійся градомъ отъ страха и удушливой теплоты подъ сѣномъ, уставилъ глаза на Зиновьева.

«У тебя ключи отъ тюрьмы князя Ивана Андреевича?» спросилъ Зиновьевъ.

«Ключи?... Кажись, у меня. Батюшки-свѣты, стрѣляютъ!» закричалъ онъ, услышавши нѣсколько выстрѣловъ, которые раздались въ это время на улицѣ, и снова зарылся въ сѣно.

«Вытащи его оттуда,» сказалъ Зиновьевъ холопу. Тотъ съ немалымъ трудомъ исполнилъ приказанное и поставилъ на ноги Савельича, у котораго нижніе зубы стучались о верхніе, какъ въ самой сильной лихорадкѣ.

«Давай скорѣе ключи отъ тюрьмы!» продолжалъ Зиновьевъ. «Царевна Софья Алексѣевна приказала выпустить всѣхъ тюремныхъ сидѣльцевъ.»

«Не спросясь князя Ивана Андреича, я не смѣю дать ключей твоей милости,» отвѣчалъ Савельичъ дрожащимъ голосомъ.

«Ну такъ сходи на тотъ свѣтъ, да спросись. Князю отрубили вчера голову за измѣну, и сыну его также.»

«Какъ!» воскликнулъ дворецкій, сплеснувъ руками. Онъ былъ самый старинный слуга Хованскаго и искренно былъ къ нему привязанъ. Сильная горесть вмигъ прогнала его трусость. «Ахъ мои батюшки!» завопилъ Савельичъ, обливаясь слезами: «отецъ ты мой родной, князь Иванъ Андреичъ! Ужъ не увижу я на семъ свѣтѣ твоихъ очей ясныхъ! Не кому будетъ меня уму-разуму поучить. Батюшка ты нашъ! От-

рубили тебѣ твою головушку! Пропали мы, бѣдные, осиротѣли безъ тебя!»

Холопъ, глядя на дворецкаго, также заплакалъ.

«Ну полно выть! Давай ключи!» закричалъ Зиновьевъ.

«Возьми пожалуй,» сказалъ дворецкій, продолжая плакать и отвязывая ключи отъ кушака. «Я ужъ не дворецкій теперь. Охъ, горе, горе! Не найти ужъ намъ, Антипка, такого добраго господина!» продолжалъ онъ, обратясь къ холопу. «Сгибли мы, окаянные! Изъ дворецкихъ попадусь я въ дворники, а тебя, Антипка, заставятъ каменья ворочать! Натерпимся горя! Не нажить ужъ намъ такого господина! Пропали наши головушки!»

Зиновьевъ, приказавъ дворецкому выпустить всѣхъ содержавшихся въ тюрьмѣ князя, велѣлъ имъ всѣмъ встать въ рядъ на дворѣ. Въ числѣ ихъ находился и Бурмистровъ. Съ начала іюля всякой день ждалъ онъ казни, обѣщанной Хованскимъ, и давно уже потерялъ надежду на избавленіе.

Можно легко вообразить, какъ удивился онъ, когда было ему объявлено, что смертельный врагъ его, Милославскій, по приказанію царевны Софіи, прислалъ нарочнаго, для его освобожденія. Онъ заключилъ изъ этого, что послѣ смерти Никиты и Хованскихъ ни одному человѣку

въ мірѣ неизвѣстно, что старый князь, нарушивъ повелѣніе Софіи, сохранилъ ему жизнь и въ тайнѣ берегъ ее, чтобы лишить его жизни тогда, когда восторжествуетъ древнее благочестіе. Бурмистровъ не зналъ, что еще Одинцову извѣстна была тайна его сохраненія, равно не зналъ и того, что Одинцовъ унесъ съ собою эту тайну въ могилу, потому-что Зиновьевъ объявилъ только о казни однихъ Хованскихъ.

Въ искренней, жаркой молитвѣ вознеся благодарность Богу за свое неожиданное освобожденіе, Бурмистровъ поспѣшилъ прямо въ домъ къ пріятелю своему, купцу Лаптеву.

VIII.

Добро лишь для добра творить.
Державинъ.

«Молись, Варвара Ивановна, молись, не отставай!» говорилъ Лаптевъ женѣ своей, которая, при своей дородности, давно уже устала вмѣстѣ съ нимъ класть передъ иконами земные поклоны. «Писаніе велитъ непрестанно молиться!»

«Я чаю, скоро свѣтать начнетъ, Андрей Матвѣичъ! Не время ли ужъ и обѣдъ готовить!»

«До обѣда ли теперь! По всему видно, что настали послѣднія времена. Что это? Ну, пропали мы! Кажется, кто-то стучитъ въ калитку. Да, чу! гдѣ-то изъ пушекъ палятъ! А колокола-то, колокола-то какъ воютъ!»

«Господи, Боже мой! помилуй насъ, грѣшныхъ!» прошептала, съ глубокимъ вздохомъ, Лаптева.

Мужъ и жена начали еще усерднѣе кланяться въ землю.

Вдругъ отворилась дверь, и вошелъ Бурмистровъ. Отъ долгаго пребыванія въ тюрьмѣ, худой пищи и продолжительныхъ душевныхъ стра-

даній, онъ такъ похудѣлъ и сдѣлался блѣденъ, что не только ночью, въ горницѣ, освѣщенной одною лампадою, но и днемъ можно было его счесть за мертвеца.

«Съ нами крестная сила!» воскликнулъ Лаптевъ, повалясь на полъ и закрывъ лицо руками. «Ну, прощай, Варвара Ивановна! Преставленіе свѣта! Мертвые встаютъ изъ гробовъ!»

Лаптева, оглянувшись на вошедшаго въ горницу и разсмотрѣвъ лицо его, закричала что было силы, и полѣзла подъ кровать.

«Что вы, что вы такъ перепугались!» сказалъ Василій. «Я такой же живой человѣкъ, какъ и вы. Встань-ка, Андрей Матвѣевичъ, да поздоровайся со мною; мы ужъ съ тобой давно не видались.»

Съ этими словами поднялъ онъ своего пріятеля съ пола.

Лаптевъ, нѣсколько времени посмотрѣвъ пристально въ лицо Бурмистрову и увѣрясь, что передъ нимъ стоитъ не мертвецъ, а старинный другъ его, заплакалъ отъ радости и бросился его обнимать.

«Жена!» кричалъ онъ: «вылѣзай скорѣе!... Господи, Боже мой! не ждалъ я такой радости!... Варвара Ивановна! вылѣзай!... Да какъ это Богъ тебя сохранилъ, Василій Петровичъ? Я ужъ давно по тебѣ панихиду отслужилъ.... Варвара Ивановна! Да чтожъ ты не вылѣзаешь!»

Лаптева, лежа подъ кроватью, отъ сильнаго испуга разслушала только то, что мужъ ее кличетъ.

«Прощай, Андрей Матвѣичъ, прощай, голубчикъ мой! Пусть ужъ онъ тебя одного тащитъ, а я не вылѣзу! Приведи меня Господь на томъ свѣтѣ съ тобой увидѣться!»

«Авось и на этомъ еще увидимся!» сказалъ Лаптевъ, подходя къ кровати. «Помоги мнѣ, Василій Петровичъ, ее вытащить. Она такъ тебя перепугалась, что ее теперь оттуда калачемъ не выманишь. Да помоги, Василій Петровичъ! Видишь, какъ упирается! Мнѣ одному съ нею не сладить!»

Бурмистровъ, едва удерживаясь отъ смѣха, подошелъ къ Лаптеву, который съ величайшимъ усиліемъ успѣлъ уже вытащить сожительницу свою изъ-подъ кровати. Василій началъ помогать ему, чтобы поднять ее съ пола.

Варвара Ивановна въ ужасѣ зажмурила глаза, махала руками и, въ полной увѣренности, что ее тащитъ мертвецъ въ преисподнюю, кричала жалобнымъ голосомъ: «Охти, мои батюшки! помилуй меня, отецъ родной! отпусти душу на покаяніе! Отслужу по тебѣ сорокъ панихидъ; колоколъ велю вылить, чтобы тебя изъ аду выблаговѣстилъ! Уфъ! какія холодныя руки!»

Между-тѣмъ вошелъ въ горницу Андрей, братъ Натальи, и въ изумленіи остановился

у двери. Лаптевъ и Бурмистровъ, хлопотавшіе около Варвары Ивановны, вовсе его не замѣтили.

— Что̀ бы это значило? подумалъ онъ: какимъ образомъ очутился здѣсь Василій Петровичъ, которому давно голову отрубили и котораго я давно оплакалъ? Если онъ не мертвецъ, то отчего Варвара Ивановна въ такомъ ужасѣ, и для чего и куда онъ ее ночью тащитъ? Если же онъ мертвецъ, то почему Андрей Матвѣевичъ такъ равнодушенъ въ его присутствіи, и почему онъ съ такимъ усердіемъ помогаетъ ему тащить жену свою?—Вспомнивъ, что Плиній повѣствуетъ о явленіи мертвеца въ одномъ римскомъ домѣ, онъ разрѣшилъ свое недоумѣніе тѣмъ, что Бурмистровъ, послѣ казни, былъ брошенъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, и что онъ явился Лаптеву, какъ Патроклъ другу своему, Ахиллесу, требуя погребенія. При этой мысли, Андрей почувствовалъ пробѣжавшій отъ ужаса по всему тѣлу ознобъ, перекрестился и хотѣлъ бѣжать вонъ изъ горницы. На бѣду его, онъ, при входѣ въ свѣтлицу Варвары Ивановны, плотно затворилъ за собою дверь, не зная, что замо̀къ этой двери испорченъ, и что ее нельзя отворить, если она захлопнется. Схватясь за ручку замка̀, началъ онъ ее проворно вертѣть то въ ту, то въ другую сторону; съ каждымъ безуспѣшнымъ поворотомъ ручки, ужасъ его возрасталъ и достигъ высшей степени, когда Бурмистровъ и Лаптевъ

положили на кровать обезпамятѣвшую отъ страха Варвару Ивановну, и когда Василій, увидѣвъ Андрея, пошелъ къ нему съ распростертыми объятіями.

«Чуръ меня! чуръ меня!» закричалъ Андрей во все горло, бросясь опрометью отъ двери. Въ испугѣ перескочилъ онъ черезъ Варвару Ивановну, лежавшую на краю постели, приподнялъ другой край перины, касавшійся стѣны, и подъ нее спрятался.

Бурмистровъ не могъ удержаться отъ смѣха; Лаптевъ также захохоталъ, схватясь обѣими руками за бока.

«Ахъ ты, Господи! и смѣхъ и горе!» проговорилъ онъ прерывающимся отъ хохота голосомъ. «Добро моя жена, а то и Андрей Петровичъ подумалъ, что ты мертвецъ. Этакъ онъ отъ тебя бросился, словно мышь отъ кошки! Охъ, батюшки мои! бока ломитъ отъ смѣху!»

«Неужто ты думаешь, Андрей Матвѣевичъ, что я въ самомъ дѣлѣ испугался? Хе! хе! хе! Я не такъ суевѣренъ, какъ ты думаешь,» сказалъ Андрей, приподнявъ перину и высунувъ улыбающееся лицо, на которомъ не изгладились еще признаки недавняго ужаса. «Мнѣ вздумалось пошутить и насмѣшить васъ. Не правда ли, что я очень удачно притворился и весьма естественно представилъ испугъ и ужасъ?»

«Кто это тутъ говоритъ?» спросила слабымъ

голосомъ Лаптева, которая пришла между-тѣмъ въ память и ободрилась, видя, что и мужъ и Бурмистровъ хохочутъ.

«Это я, Варвара Ивановна!» отвѣчалъ Андрей, вылѣзая изъ-подъ перины.

«Господи, твоя воля! да откуда ты это взялся, Андрей Петровичъ, вмѣстѣ со мной на постели?» сказала удивленная Лаптева, оглянувшись на Андрея.

«Въ самомъ дѣлѣ это забавно! Хе, хе, хе! Я пошутилъ, Варвара Ивановна!» отвѣчалъ последній, перешагнувъ черезъ нее и спрыгнувъ на полъ.

«Осрамилъ ты мою головушку!» сказала Лаптева, слѣзая съ постели.

По просьбѣ Андрея, Лаптева и жены его, Бурмистровъ объяснилъ, отчего прошелъ по Москвѣ общій слухъ объ его казни, и какимъ образомъ избѣжалъ онъ смерти.

Нѣсколько отдаленныхъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ обратили разговоръ къ ужасному мятежу, который въ Москвѣ такъ неожиданно вспыхнулъ.

«Что-то будетъ съ нами?» сказалъ со вздохомъ Лаптевъ.

«Признаться,» сказалъ Андрей: «эта ночь долго не выйдетъ у меня изъ памяти. Вчера, утомясь дневными трудами, легъ я спокойно въ постель. Въ самую полночь слышу набатъ,

стрѣльбу на улицѣ изъ ружей, крикъ, стукотню, и Богъ знаетъ что!... Я вскочилъ съ постели и одѣлся; всѣ мои товарищи также. Мы всѣ словно обезумѣли. Бѣгаемъ изъ комнаты въ комнату и спрашиваемъ другъ у друга: что такое надѣлалось? Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ подполковникъ Чермной, съ саблею въ рукѣ, а за нимъ толпа стрѣльцовъ. Выгнали всѣхъ насъ на улицу, и начали раздавать намъ оружіе: кому саблю, кому пику, кому сѣкиру. Сѣвъ на лошадь, Чермной закричалъ: «Ступайте всѣ за мной на Красную-Площадь.» Пришли мы туда: Господи, Боже мой! площадь зачерпнулась народомъ. Шумъ, крикъ, бѣготня, сумятица! У меня голова закружилась. Тутъ мужикъ съ ружьемъ, здѣсь посадскій съ пикой, тамъ купецъ съ саблей. Чермной подвелъ меня къ толпѣ мужиковъ, и сказалъ имъ: «Вотъ вашъ пятисотенный! Онъ человѣкъ грамотный, даромъ что молодъ; слушайтесь его, какъ самого меня; а не то, всѣхъ велю перестрѣлять, какъ галокъ!» Сказавши это, онъ ускакалъ. «Что вы за люди?» спросилъ я у мужика, стоявшаго близъ меня съ рогатиной.—«Мы ямщики,» отвѣчалъ онъ. «Не знаетъ ли твоя милость, зачѣмъ насъ сюда пригнали?»—Я ему ничего не отвѣтилъ, потому-что самъ его хотѣлъ о томъ же спросить. Я постоялъ, постоялъ, смотрю: въ рукѣ у меня сабля. Народъ со всѣхъ сторонъ тѣснитъ меня

какъ при выходѣ изъ церкви.—Что за ахинея! подумалъ я. Не во снѣ ли я все это вижу? Какими судьбами изъ учениковъ академіи попалъ я въ пятисотенные!—Вспомнивъ совѣтъ Горація: Nil admirari.... etcetera, который переведу вамъ въ другое время, я, по краткомъ размышленіи, бросилъ саблю и побѣжалъ, Андрей Матвѣевичъ, къ тебѣ, чтобы посовѣтоваться и узнать, что̀ за чудеса у насъ въ Москвѣ совершаются? У меня и теперь голова не на мѣстѣ. Мудрено ли, что послѣ такого переполоха я испугался.... то есть, чрезвычайно обрадовался, когда неожиданно увидѣлъ здѣсь воскресшаго изъ мертвыхъ Василья Петровича, и съ радости вздумалъ пошутить. Недавно я съ товарищами, въ воскресенье подъ вечеръ, ходилъ въ лѣсъ, что подлѣ Нѣмецкой-Слободы, и отыскивалъ твою, Василій Петровичъ, могилу. Не помню, кто говорилъ мнѣ, что тебя тамъ будто-бы при его глазахъ похоронили.»

«Что жъ мы станемъ дѣлать?» сказалъ Лаптевъ. «Не убраться ли намъ скорѣе изъ Москвы по-добру, по-здорову, напримѣръ, хоть въ помѣстье къ твоей тетушкѣ, Василій Петровичъ?»

«Это невозможно,» отвѣчалъ Бурмистровъ: «на всѣхъ заставахъ стоятъ отряды мятежниковъ. Они никого не выпускаютъ за городъ, и не пропускаютъ въ Москву.»

«Экое горе какое!»

«Позавидуешь, право, матушкѣ и сестрѣ!» сказалъ Андрей: «онѣ, я думаю, ничего не знаютъ, чтó здѣсь дѣлается.»

«Здоровы ли онѣ?» спросилъ Бурмистровъ.

«Я ужъ мѣсяца три не получалъ отъ нихъ никакого извѣстія,» отвѣчалъ Андрей: «съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ концѣ іюня пріѣзжалъ сюда изъ Ласточкина-Гнѣзда твой слуга, Гришка. Онъ разспрашивалъ меня, чтò съ тобой сдѣлалось послѣ того, какъ схватили тебя въ селѣ Погорѣловѣ. Я сказалъ ему, что о тебѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ заплакалъ, да съ тѣмъ и поѣхалъ назадъ.»

Въ это время вбѣжалъ въ комнату прикащикъ Лаптева, Иванъ Кубышкинъ, и бросился ему въ ноги.

«Взглянь-ка, хозяинъ, какъ меня нарядили!» воскликнулъ онъ сквозь слезы. «Научи меня, глупаго, чтò мнѣ дѣлать! Бунтовщики всучили мнѣ въ руки вотъ это ружьецо, напялили на меня кожаный кушакъ съ этими окаянными пистолетами, да прицѣпили эту саблю, и велѣли, чтобы я съ ними заодно бунтовалъ. Не то, де, голову снесемъ! Я съ самой Красной-Площади бѣжалъ сюда безъ оглядки.»

«Господи, Боже мой! Что жъ, гонятся что ли они за тобой?»

«А мнѣ не въ-домѣкъ, хозяинъ. Кажись, что погони нѣтъ.»

«Слава Богу!» сказалъ Лаптевъ. «Сними-ка скорѣй саблю и кушакъ-то, да засунь куда-нибудь и съ ружьецомъ вмѣстѣ; вотъ хоть сюда, подъ кровать, да подальше; или, нѣтъ, постой! брось лучше всю эту дрянь въ помойную яму.»

«Для чего бросать?» сказалъ Бурмистровъ. «Можетъ-быть, эта дрянь пригодится. Подай все сюда. Какой славный карабинъ! Сними-ка саблю. Кто это тебѣ надѣлъ ее на правый бокъ?»

«Дали-то мнѣ ее бунтовщики, а нацѣпилъ-то я самъ,» отвѣчалъ прикащикъ, подавая Василью саблю вмѣстѣ съ пистолетами.

«Ого! какая острая! И пистолеты не худы. Жаль, что полкъ мой далеко отъ Москвы; съ нимъ я бы что-нибудь да сдѣлалъ.»

Вынувъ изъ кожанаго пояса двѣ пули и двѣ жестяные трубочки съ порохомъ, заткнутыя пыжами, Бурмистровъ началъ заряжать пистолеты. Прикащикъ, сдавъ оружіе, перекрестился и вышелъ изъ комнаты.

Безоблачный востокъ зарумянился зарею, и вскорѣ лучи утренняго солнца осыпали золотомъ струи смиренной Яузы.

Вдругъ подъ окнами дома Лаптева послышался шумъ. Бурмистровъ, взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что нѣсколько солдатъ тащатъ мимо дома связаннаго офицера. Схвативъ саблю и пистолеты, и надѣвъ на себя кожаный поясъ съ зарядами, Василій выбѣжалъ изъ комнаты.

Нагнавъ солдатъ, закричалъ онъ имъ: «Стой! Куда вы его тащите, бездѣльники?»

«А тебѣ что за дѣло!» отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ.

«Сейчасъ развяжите офицера!»

Солдаты остановились.

«Да что ты намъ за указчикъ? Знать мы тебя не хотимъ!» бормотали нѣкоторые изъ нихъ.

«Что? Вы смѣете ослушаться! Васъ всѣхъ разстрѣляютъ!»

«Не разстрѣляютъ!» сказалъ одинъ изъ солдатъ. «Что вы рты-то разинули, да слушаете этого выскочки! Потащимъ нашего-то гуся, куда надобно!»

«Такъ умри же, бездѣльникъ!» воскликнулъ Бурмистровъ и выстрѣлилъ въ бунтовщика изъ пистолета. Солдатъ, раненный въ плечо на-вылетъ, упалъ. «Хватайте, вяжите ихъ!» закричалъ онъ толпѣ мужиковъ, собравшейся около солдатъ, изъ любопытства.

Охота съ кѣмъ-бы-то ни было подраться за правое дѣло, презрѣніе къ опасностямъ и желаніе блеснуть удальствомъ, составляли и составляютъ отличительныя, врожденныя черты русскаго характера. Мужики, по первому слову Бурмистрова, вооружась одними кулаками, бросились на бунтовщиковъ, вмигъ ихъ обезоружили и перевязали.

Офицера, отнятаго у солдатъ, Бурмистровъ пригласилъ войти въ домъ Лаптева, а связан-

ныхъ солдатъ велѣлъ ввести къ нему на дворъ и запереть въ сарай.

«Кому обязанъ я моимъ избавленіемъ?» спросилъ офицеръ, войдя за Васильемъ въ свѣтлицу Лаптевой, и поклонясь хозяину, хозяйкѣ и Андрею. «Кого долженъ благодарить я за спасеніе моей жизни?»

«Безъ помощи этихъ добрыхъ посадскихъ, я бы ничего не успѣлъ сдѣлать,» отвѣчалъ Бурмистровъ. «Меня благодарить не за что̀.»

«Какъ не за что̀? Какъ бы не ты, такъ капитана Лыкова поминай какъ звали! Бездѣльники тащили меня на Красную-Площадь и хотѣли тамъ разстрѣлять.»

«Капитанъ Лыковъ?... Боже мой! Да мы, кажется, съ тобой знакомы. Помнишь, въ домѣ полковника Кравгофа....»

«То-то я смотрю: лицо твое съ перваго взгляда показалось мнѣ знакомо. Да отчего ты такъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ? Какъ бишь зовутъ тебя? Ты вѣдь пятисотенный?»

«Былъ пятисотеннымъ. Послѣ бунта пятнадцатаго мая вышелъ я въ отставку. Ну что подѣлываетъ Кравгофъ? Гдѣ онъ теперь?»

«Онъ чрезъ недѣлю послѣ бунта уѣхалъ со стыда въ свою Данію. Полуполковникъ нашъ, Біельке, умеръ—вѣчная ему память!—и маіоръ Рейтъ началъ править полкомъ. Недѣли на двѣ уѣхалъ онъ въ отпускъ и сдалъ мнѣ свою долж-

ность, а безъ него, какъ нарочно, и стряслась бѣда. Сегодня въ полночь услышалъ я, что въ Москвѣ бунтъ. Ахъ, ты дьяволъ! подумалъ я, да будетъ ли конецъ этимъ проклятымъ бунтамъ! Какъ разъ собралъ я весь нашъ полкъ, и хотѣлъ изъ нашей слободы нагрянуть на бунтовщиковъ, этихъ окаянныхъ стрѣльцовъ.... виноватъ! Изъ ума вонъ, что ты самъ служилъ въ стрѣлецкихъ полкахъ.»

«Да не угодно ли сѣсть, господинъ капитанъ? Я чаю, твоя милость устала!» сказалъ Лаптевъ, поклонясь Лыкову и придвигая для него къ столу скамейку.

«Какъ не устать! Я таки поработалъ сегодня: пятерыхъ бездѣльниковъ своими руками закололъ за упрямство. Не пойдемъ! кричатъ, да и только. Меня горе взяло. Ахъ, вы мошенники! Я вамъ дамъ знать—не пойдемъ! Весь нашъ полкъ довелъ ужъ я изъ Бутырской-Слободы до Землянаго-Города. Ребята! закричалъ я: отъ меня не отставай! Катай бунтовщиковъ, чтобы небу было жарко!—Первая рота, нечего сказать, отличилась, молодцы! настоящіе русскіе солдаты: такъ на валъ за мной и лѣзутъ. Стрѣльцы начали было отстрѣливаться. Погодите, дружки! Дуй ихъ прикладами! закричалъ я. Струсила хваленая Надворная пѣхота. Бунтовать—ее дѣло, а драться—такъ нѣтъ! Побѣжали, мошенники, въ-разсыпную. Я съ вала кричу прочимъ

ротамъ: за мной! А они, подлецы, ни съ мѣста! Провалитесь же вы скзозь землю, поганые трусы! крикнулъ я. Я и съ одной храброй ротой раскатаю бунтовщиковъ. Впередъ, ребята! Дадимъ себя знать этой Надворной пѣхотѣ.—Спустились мы съ валу, да и начали подчивать прiятелей въ затылокъ свинцовымъ горохомъ. Бѣгутъ себѣ, не оглядываясь, ну такъ что смотрѣть жалко! Впередъ! кричу я своимъ молодцамъ, да грѣхомъ и насунулся на пушки. Тьфу ты, пропасть! Чортъ же зналъ, что у васъ, мошенниковъ, и эти чугунныя дуры есть. Вижу я, что дѣло не ладно, да ужъ коли на то пошло—«бери пушки!» закричалъ я солдатамъ. «За мной!»—Бросились мы впередъ, а насъ вдругъ какъ вспрыснутъ картечью! Нечего сказать, умѣючи выстрѣлили: легло и нашихъ довольно! Вижу я, что дѣлать нечего, и что у насъ храбрости много, да людей мало,—и велѣлъ я своимъ отступать, а чугунныя дуры, разозлясь, такъ на насъ и лаютъ да ухаютъ, одна за другою! Вышли мы изъ Землянаго-Города. Я прямо къ прочимъ ротамъ, и началъ ихъ ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ; а меня, подлецы, схватили, руки назадъ, затянули веревкой, да и потащили къ этому сатанѣ, Чермному, на Красную-Площадь. Они хотѣли, спросясь его, меня разстрѣлять. Тьфу какая досада! Я бы согласился лучше удавиться! Вѣдь полкъ-то нашъ, кромѣ первой

роты, опять себя опозорилъ и присталъ къ этимъ окаяннымъ бунтовщикамъ. Срамъ, да и только! Право, пришлось удавиться съ досады!»

Лыковъ отъ сильнаго негодованія вскочилъ со скамьи, началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, и слезы навернулись у него на глазахъ.

«А знаешь ли, что поганые бунтовщики было затѣяли?» продолжалъ онъ, обратясь къ Бурмистрову. «Поймали они стольника Зиновьева, который присланъ былъ изъ Воздвиженскаго съ царскою граматой къ патріарху, привели его къ святѣйшему отцу, и велѣли грамату читать вслухъ. Какъ услышали они, что Хованскіе казнены за измѣну — батюшки-свѣты! — взбѣленились и заорали въ одинъ голосъ: «Пойдемъ въ Воздвиженское, и перерѣжемъ тамъ всѣхъ!» И патріарха-то убить грозились. А какъ услышали, что царскій домъ со всѣми боярами ѣдетъ въ Троицкій монастырь, что тамъ есть войско, крѣпкія стѣны, а на стѣнахъ-то чугунныя дуры: такъ и храбрость прошла. Какъ-разъ хвосты поджали, бездѣльники, и объявили, что если изъ монастыря придетъ войско къ Москвѣ, то они поставятъ посадскихъ съ женами и дѣтьми передъ собой, и изъ-за нихъ станутъ драться. Я думаю, какъ-нибудь изъ Москвы дать тягу въ монастырь. Не поѣдешь ли и ты вмѣстѣ со мною?»

«Душой былъ бы радъ,» отвѣчалъ Бурми-

стровъ: «да нѣтъ возможности отсюда вырваться. Станемъ здѣсь что-нибудь дѣлать.»

«А что, въ-самомъ дѣлѣ! Двое-то что нибудь да свахляемъ.»

«Можно подговорить поболѣе посадскихъ и другихъ честныхъ гражданъ. Бунтовщики всѣмъ жителямъ роздали оружіе. Нападемъ на нихъ въ расплохъ ночью. Жалѣть ихъ нечего!»

«Ай да пятисотенный!» воскликнулъ Лыковъ, вскочивъ съ своего мѣста, и бросясь обнимать Бурмистрова. «Одолжилъ, знатно выдумалъ! Поцѣлуй! поцѣлуй еще разъ!»

Лаптевъ, тихонько дернувъ Бурмистрова за рукавъ, повелъ его изъ свѣтлицы въ нижнюю комнату, затворилъ дверь, и сказалъ ему шопотомъ: «Не во гнѣвъ тебѣ буди сказано, Василій Петровичъ: мнѣ кажется, что тебѣ лучше всего спрятаться на нѣсколько дней у меня въ домѣ, а потомъ, при помощи Божіей, тихомолкомъ выбраться изъ Москвы. Если дойдетъ до царевны Софьи Алексѣевны и Милославскаго, что ты живъ, того и смотри, что тебя схватятъ, отрубятъ голову, али пошлютъ туда, куда воронъ костей не заноситъ. Милославскій, самъ ты знаешь, на тебя пуще сатаны золъ, и по-своему всѣми дѣлами ворочаетъ. Ужъ онъ тебя, слышь ты, не помилуетъ, да выпытаетъ еще: гдѣ Наталья Петровна? Ты и себя и ее погубишь. Милославскій вѣдь не посмотритъ на то,

что ты бунтовщиковъ уймешь. Ихъ —Богъ милостливъ,—и безъ тебя уймутъ, а Софьѣ-то Алексѣевнѣ впередъ наука—прости, Господи, мое согрѣшеніе! Ее видимо Богъ наказываетъ за то, что она обидѣла царицу Наталью Кирилловну. Какъ бы не взбунтовала она противъ нея, нашей матушки, стрѣльцовъ, такъ они и теперь бы противъ нея самой не бунтовали. Пусть капитанъ одинъ усмиряетъ разбойниковъ, а тебѣ, Василій Петровичъ, лучше изъ Москвы подальше убраться. Поѣзжай съ Богомъ въ Ласточкино-Гнѣздо и обрадуй твою невѣсту. Я чаю, бѣдненькая, по тебѣ съ утра до вечера плачетъ. Женился бы и зажилъ, какъ въ раю! Капитану-то можно поусердствовать для Софьи Алексѣевны: она, вѣрно, его наградитъ; а тебѣ чего ждать отъ нея?»

«Неужели ты думаешь,» отвѣчалъ Бурмистровъ: «что тогда только должно дѣйствовать, когда можно ожидать награды? Нѣтъ, Андрей Матвѣевичъ, ты любишь читать Священное Писаніе, вспомни-ка, что тамъ сказано. Велѣно дѣлать добро, не думая о наградѣ; велѣно полагать душу свою за ближняго. Если мы дѣлаемъ добро для того только, чтобы заслужить похвалу, награду или славу, то поступаемъ нечисто. Тогда только исполняемъ мы обязанности наши, когда руководствуемся въ дѣйствіяхъ одною безкорыстною любовію къ Богу и ближ-

нимъ. Вотъ, Андрей Матвѣевичъ, долгъ всякаго христіанина. Я прожилъ уже тридцать лѣтъ на свѣтѣ. Жизнь коротка: не должно терять время на дѣла нечистыя или безплодныя! Кто можетъ назвать будущій день, будущій часъ—своимъ? Кто можетъ быть увѣренъ, что онъ долго еще не предстанетъ предъ Нелицемѣрнаго Судію, для отчета въ дѣлахъ своихъ?»

«Такъ, Василій Петровичъ, истинно такъ!» сказалъ со вздохомъ Лаптевъ. «Однако жъ мнѣ, право, жаль тебя! Ты уймешь бунтовщиковъ, а тебя положатъ на плаху, или пошлютъ въ ссылку: ты знаешь Милославскаго-то.»

«Знаю, что онъ злой человѣкъ; но увѣренъ и въ томъ, что власть, какая бы ни была, лучше безначалія. Напримѣръ, теперь всякой презрѣнный бездѣльникъ, всякой кровожадный злодѣй можетъ безнаказанно ворваться въ домъ твой, лишить тебя жизни, разграбить твое имѣніе; можетъ оскорбить каждаго мирнаго и честнаго гражданина, обезчестить его жену и дочерей, зарѣзать невиннаго младенца на груди матери. Милославскій какъ ни золъ, но этого не сдѣлаетъ. Если не любовь къ добру, то по-крайнеймѣрѣ собственная польза и безопасность всегда будутъ побуждать его къ охраненію общаго спокойствія и порядка, которыхъ ничѣмъ нельзя прочнѣе охранить, какъ исполненіемъ законовъ и строгимъ соблюденіемъ правосудія. Можетъ-

быть, по страсти или злобѣ, окажетъ онъ несправедливость нѣсколькимъ гражданамъ, но за то цѣлыя тысячи найдутъ въ немъ защитника и покровителя. И такъ скажи: не лучше ли безначалія власть, даже несправедливыми путями пріобрѣтенная? Справедливо, что Богъ не оставляетъ ее долго въ рукахъ недостойныхъ. Годуновъ, при всемъ своемъ умѣ, Лжедимитрій, при всей своей хитрости, вмѣстѣ съ жизнію лишились царскихъ вѣнцовъ, святотатственно ими похищенныхъ. Прочная, истинная власть даруется Богомъ помазанникамъ Его. Не должны ли мы охранять этотъ священный даръ Всевышняго, не жалѣя послѣдней капли крови? Не должны ли мы считать противниками самаго Бога возстающихъ противъ власти царской? Какое преступленіе можетъ быть ужаснѣе поднятія святотатственной руки на пролитіе крови помазанника Божія?»

«Такъ, Василій Петровичъ, истинно такъ; и въ Писаніи сказано: «Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога.» Она страшна однимъ злодѣямъ и мошенникамъ. Писаніе говоритъ: «Хощеши же ли не боятися власти, благое твори;» и еще сказано: «Противляйяся власти, Божію повелѣнію противляется.» Святый Апостолъ Петръ поучаетъ: «Братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите.» И въ другомъ мѣстѣ....»

«И такъ я надѣюсь, что ты не станешь мнѣ

совѣтовать, чтобы я оставилъ мое намѣреніе. Еслибъ даже стрѣльцы бунтовали противъ одной Софьи Алексѣевны, и тогда бы я сталъ противъ нихъ дѣйствовать. Но вспомни, что злодѣи хотятъ погубить весь домъ царскій и царя Петра Алексѣевича — надежду отечества. Не клялся ли я защищать его до послѣдней капли крови?»

«Эхъ, Василій Петровичъ, да мнѣ тебя-то жаль! Подумай о своей головушкѣ; вспомни о своей невѣстѣ: вѣдь злодѣй Милославскій, пожалуй, запытаетъ тебя до смерти, чтобы узнать, куда ты скрылъ ее?»

«Ну что жъ? я умру, но Милославскій не узнаетъ ея убѣжища.»

Лаптевъ хотѣлъ что-то еще сказать, но не могъ ни слова болѣе выговорить, заплакалъ и крѣпко обнялъ Бурмистрова.

«Да благословитъ тебя Господь!» сказалъ онъ наконецъ, всхлипывая. «Дѣлай, что Богъ тебѣ на сердце положилъ, а я буду за тебя молиться. Онъ посильнѣе и царевны Софьи Алексѣевны и Милославскаго, Онъ защититъ тебя за твое доброе дѣло.»

Послѣ этого, оба пошли въ свѣтлицу.

«Ну что, пятисотенный, когда же приступимъ къ дѣлу? У насъ есть еще помощникъ!»

«Кто?» спросилъ Бурмистровъ.

«А вотъ этотъ молодецъ!» отвѣчалъ Лыковъ,

взявъ за руку Андрея. «У него такъ руки и зудятъ на драку съ бунтовщиками! Ей богу, молодецъ! Я бы его сегодня же принялъ въ нашъ полкъ прапорщикомъ! Брось-ка, Андрей Петровичъ, свою академію, возьми, вмѣсто пера, шпагу, да и начни писать, вмѣсто черныхъ чернилъ, красными.»

«Можно владѣть и мечемъ и перомъ вмѣстѣ!» отвѣчалъ Андрей. «Юлій Цесарь, по другому же произношенію Кесарь, былъ и отличный полководецъ и отличный писатель.»

«Чудная охота марать бумагу! Ну да ужъ пусть такъ! оставайся въ академіи; только теперь помогай намъ.»

«Пойдемъ, капитанъ, и ты Андрей Петровичъ, въ нижнюю горницу, «сказалъ Бурмистровъ; «надобно намъ посовѣтоваться. Не пойдешь ли и ты съ нами, Андрей Матвѣевичъ? Я думаю, мы наскучили Варварѣ Ивановнѣ: вѣрно, ей давно ужъ пора заняться хозяйствомъ.»

«Посовѣтоваться? Ой ужъ мнѣ эти совѣты!» воскликнулъ Лыковъ. «Кравгофъ былъ смертельный до нихъ охотникъ, и до того досовѣтовался, что насъ чуть-было всѣхъ не перестрѣляли, какъ тетеревей!»

«А намъ надобно,» сказалъ Василій: «посовѣтоваться для того, чтобы перестрѣлять бунтовщиковъ, какъ тетеревей.»

«Право? Вотъ для этого такъ и я отъ совѣтовъ не прочь!»

Лыковъ пошелъ съ Бурмистровымъ и Лаптевымъ въ нижнюю горницу. Андрей, восхищаясь, что его пригласили для военнаго совѣта, послѣдовалъ за ними, перебирая въ памяти латинскихъ и греческихъ писателей, которые разсуждали о военномъ искусствѣ.

«Да не лучше ли вамъ здѣсь посовѣтоваться? сказала Варвара Ивановна. «Вѣдь я никому ничего лишняго не выболтаю.»

«Нѣтъ, жена! Не мѣшай дѣло дѣлать, а лучше приготовь-ка обѣдъ. Помнишь сѣновалъ-то?»

«Да, я чаю, и ты его не забылъ!» отвѣчала Лаптева.

«Ну, ну, полно! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!»

IX.

Грядою тянутся въ нашъ станъ;
Главу повинную приносятъ.

Лобановъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго въ предъидущей главѣ совѣщанія, капитанъ Лыковъ пришелъ утромъ къ Лаптеву.

«Не здѣсь ли, Василій Петровичъ?» спросилъ онъ хозяина, который вышелъ въ сѣни ему на встрѣчу.

«Здѣсь, господинъ капитанъ, въ верхней свѣтлицѣ.»

«Ну, пятисотенный,» воскликнулъ Лыковъ, войдя въ свѣтлицу: «всѣ труды наши пропали, все пропало!»

«Какъ! Что это значитъ?» спросилъ Бурмистровъ, съ безпокойствомъ.

«Да что, братецъ, досадно! Вѣдь не удастся намъ съ тобою потѣшиться надъ проклятыми бунтовщиками! Дошелъ до нихъ слухъ, что около Троицкаго монастыря собралось сто тысячъ войска. Я слышалъ отъ вѣрнаго человѣка, что сто хоть не сто, а тысячъ съ тридцать. Что же?

Вѣдь собачьи-то дѣти не знаютъ куда дѣваться со страха. Бросились къ боярину Михаилу Петровичу Головину, который на дняхъ отъ государей въ Москву пріѣхалъ, и нутка въ ноги ему кланяться. «Насъ, де, смутилъ молодой князь Иванъ Ивановичъ Хованскій!» ревутъ, какъ бабы, и помилованія просятъ. Уфъ, какъ бы я былъ на мѣстѣ боярина, помиловалъ бы я васъ, мошенниковъ! Съ перваго до послѣдняго велѣлъ бы вздернуть на висѣлицу!»

«Слава тебѣ, Господи!» воскликнулъ Лаптевъ, перекрестясь. «Стало-быть, бунтовщики унимаются?»

«Унялись, разбойники! А право жаль: смерть хотѣлось мнѣ съ ними подраться! Вотъ, потомъ они бросились отъ боярина Головина къ святѣйшему патріарху, и тому бухъ въ ноги. Патріархъ отправилъ въ Троицкій монастырь архимандрита Чудова монастыря Адріана, а послѣ того еще Иларіона, митрополита суздальскаго и юрьевскаго, съ граматами къ царямъ, что бунтовщики, де, просятъ ихъ помиловать и обѣщаются впредь служить вѣрой и правдой. Софья Алексѣевна прислала въ отвѣтъ на эти граматы приказъ, чтобы до двадцати человѣкъ выборныхъ изъ каждаго полка Надворной пѣхоты пришли въ Троицкій монастырь съ повинною головою. Собрались всѣ, мошенники, на Красной-Площади, и начали совѣтоваться: итти ли

выборнымъ въ монастырь? Ни на одномъ лица нѣтъ. Ходятъ, повѣся голову, какъ шальные. Я хотѣлъ было еще постоять да посмотрѣть, а какъ услышалъ, что затѣвается у мошенниковъ совѣтъ, я и пошелъ оттуда безъ оглядки. Терпѣть не могу совѣтовъ!»

«Какія чудеса происходятъ на Красной-Площади!» сказалъ Андрей, войдя въ свѣтлицу, «такія чудеса, что и повѣрить трудно.»

«Что, что такое?» спросили всѣ въ одинъ голосъ.

«Сотни двѣ главныхъ бунтовщиковъ надѣли на шеи петли, и вытянулись въ рядъ гусемъ. Передъ каждымъ изъ нихъ встали два стрѣльца съ плахой, а съ боку еще стрѣлецъ съ сѣкирой. И Чермной надѣлъ на себя петлю. Тутъ подошли къ бунтовщикамъ жены и ребятишки ихъ, чтобы проститься съ ними. Какой начался вой да плачь! Оглушили, просто, оглушили! Ребятишки-то схватились рученками за ноги отцевъ, кричатъ и не пускаютъ ихъ итти. Хоть они и злодѣи, но мнѣ, признаюсь, ихъ жалко стало. Всѣ поблѣднѣли, какъ полотно; цѣлуютъ своихъ ребятишекъ, а слезы у самихъ такъ градомъ и катятся. А жены-то, жены-то ихъ! Я не могъ смотрѣть болѣе на эту раздирающую сердце картину. Прощаніе Гектора съ Андромахой, еслибъ я былъ свидѣтелемъ этой трогательной сцены, едва ли бы произвело на меня такое

впечатлѣніе. Я самъ заплакалъ, какъ дуракъ, и ушелъ съ площади.»

«Есть о чемъ плакать! Хорошо они сдѣлали, что петли сами на себя надѣли. Тутъ же я велѣлъ бы всѣмъ имъ шеи-то покрѣпче перетянуть, разбойникамъ. Ахъ, да! Хорошо что вспомнилъ. Вели-ка, Андрей Матвѣевичъ, моихъ солдатъ, что у тебя въ сараѣ сидятъ, вывести на дворъ. Я сейчасъ приду.»

«Обѣдали ль они, Варвара Ивановна?» спросилъ Лаптевъ, обратясь къ женѣ.

«Нѣтъ еще!»

«Какъ, Андрей Матвѣевичъ! Да неужто ты кормишь этихъ злодѣевъ?»

«Не съ голоду же ихъ уморить, господинъ капитанъ. И Писаніе велитъ накормить алчущаго.»

«Не стоятъ они этого. Охота же была тебѣ кормить десятерыхъ мошенниковъ! Ну да ужъ пусть такъ. Что съѣдено, того не воротишь. Вели же, пожалуй-ста, ихъ вывести. Я тотчасъ возвращусь.»

Лыковъ поспѣшно вышелъ. Черезъ полчаса привелъ онъ на дворъ Лаптева около тридцати солдатъ первой роты, и поставилъ ихъ въ рядъ. Одинъ изъ нихъ держалъ пукъ веревокъ. Бурмистровъ, Лаптевъ и Андрей вышли на крыльцо, а Варвара Ивановна, отворивъ изъ сѣней окно, съ любопытствомъ смотрѣла на происходившее.

«Ребята!» закричалъ Лыковъ солдатамъ первой роты: «вы дрались съ бунтовщиками помолодецки! Я ужъ благодарилъ васъ, и теперь еще скажу спасибо, и пока у меня языкъ не отсохнетъ, все буду говорить спасибо!»

«Рады стараться, господинъ капитанъ!» гаркнули въ одинъ голосъ солдаты.

«За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Будь я подлецъ, если вамъ чрезъ три дня не выпрошу царской милости. Всѣхъ до одного въ капралы, да еще и денжонокъ вамъ выпрошу, чтобы было чѣмъ на радости пирушку задать.»

«Много благодарствуемъ твоей милости, господинъ капитанъ!»

«А покуда сослужите мнѣ еще службу! Всѣмъ этимъ подлецамъ, трусамъ, бунтовщикамъ и мошенникамъ надѣньте петли на шеи. Я научу васъ не слушаться капитана и таскать его по улицамъ, словно какую-нибудь куклу! Отведите ихъ всѣхъ на Красную-Площадь. Оттуда идутъ стрѣльцы въ Троицкій монастырь просить помилованія; тамъ съ ними раздѣлаются: пойдутъ съ головами, а воротятся безъ головъ! Проводите и этихъ всѣхъ бездѣльниковъ въ монастырь. Надѣвайте же петли-то!»

«Взмилуйся, господинъ капитанъ!» заговорили выведенные изъ сарая солдаты.

«Молчать!» закричалъ Лыковъ, вошелъ на

крыльцо и, вмѣстѣ съ Бурмистровымъ, Лаптевымъ и Андреемъ, войдя въ нижнюю горницу, сѣлъ спокойно за столъ, на которомъ стояли уже пирогъ и миса со щами.

Прошло нѣсколько дней. Наконецъ возвратились въ Москву всѣ мятежники, которые пошли въ Троицкій монастырь съ повинною головою. Софія объявила имъ, чтобы они немедленно прислали въ монастырь князя Ивана Хованскаго, возвратили на Пушечный дворъ взятые оттуда пушки и оружіе, покорились безусловно ея волѣ, и ждали царскаго указа. Патріархъ Іоакимъ послалъ между-тѣмъ къ царямъ сочиненный имъ *Увѣтъ Духовный*, содержавшій въ себѣ опроверженіе челобитной, которую подалъ Никита съ сообщниками, и увѣщаніе всѣмъ раскольникамъ, чтобы они обратились къ церкви православной. Онъ получилъ въ отвѣтъ царскую грамату о принятіи царями приношенія его съ благодарностію, и о прощеніи мятежниковъ, если они все то исполнятъ, что объявлено было тѣмъ изъ нихъ, которые приходили въ Троицкій монастырь. Осьмаго октября собрались стрѣльцы и солдаты Бутырскаго полка на площади предъ Успенскимъ Соборомъ. По окончаніи обѣдни, патріархъ прочелъ Увѣтъ Духовный, и объявилъ указъ, что цари, по ходатайству его, пріемля раскаяніе бунтовщиковъ, ихъ прощаютъ. Всѣ, бывшіе въ церкви, послѣ того цѣловали

положенныя на налояхъ Евангеліе и руку святаго Апостола Андрея Первозваннаго, изображавшую тремя сложенными перстами крестное знаменіе. Одинъ Титовъ полкъ остался непреклоннымъ, не захотѣлъ отречься отъ древняго благочестія, и съ площади возвратился въ слободу.

На другой день, девятаго октября, пришли въ Крестовую-Палату выборные изъ покорившихся стрѣльцовъ, со слезами благодарили патріарха за его ходатайство и просили его донести царямъ, что они вполнѣ чувствуютъ ихъ милосердіе и клянутся служить имъ вѣрой и правдой. Патріархъ немедленно пошелъ въ Успенскій Соборъ. На площади предъ церковью стояли ряды стрѣльцовъ и Бутырскій полкъ. Раздался звонъ колоколовъ, и безчисленное множество народа собралось во храмъ.

Отслуживъ благодарственный молебенъ, патріархъ сказалъ раскаявшимся мятежникамъ: «*Людіе Божіи! Видите сами явленное вамъ милосердіе Творца, иже въ руцѣ Своей царская сердца имѣетъ. Творецъ неба и земли вложи въ сердца благочестивыхъ нашихъ царей помиловати васъ и прощеніе вамъ даровати. Азъ имъ, государемъ, о васъ во Христѣ чадѣхъ велія прошенія сотворихъ, да оставятъ вамъ долги ваша, и оставиша. Сего ради помните сіе, и мене, суща яко въ порученіи по васъ, не предадите; оставите всякое зломыслъство*

сердецъ вашихъ, и поживете благо лѣта многа. И не возмогите навести на мене и на себе злобнаго и клятвеннаго порока.»

«Да не будетъ на насъ,» воскликнули тронутые стрѣльцы, «милость Божія и Пречистыя Богородицы, если мы крестное цѣлованіе и обѣщаніе наше нарушимъ! Да будетъ на измѣнникахъ проклятіе Божіе!»

Патріархъ, благословивъ крестомъ всѣхъ, бывшихъ въ соборѣ, пошелъ, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, въ Крестовую-Палату. Народъ и стрѣльцы вышли изъ церкви на площадь. Радость сіяла на всѣхъ лицахъ; всѣ славили милосердіе государей, обнимались и поздравляли другъ друга.

По просьбѣ стрѣльцовъ, названіе: «Надворная пѣхота,» было у нихъ отнято, столбъ, въ честь ихъ поставленный на Красной-Площади, былъ сломанъ, и находившіеся на немъ жестяныя доски, съ похвальною граматою и съ именами убитыхъ ими пятнадцатаго мая мнимыхъ измѣнниковъ, брошены были въ огонь.

Послѣ того домъ царскій вознамѣрился возвратиться въ Москву. Прежде въѣзда въ столицу цари остановились въ селѣ Алексѣевскомъ. Патріархъ съ выборными изъ стрѣльцовъ прибылъ въ село, и послѣдніе со слезами просили государей отпустить имъ вины ихъ и возвратиться въ престольный городъ. Имъ подтверж-

дено было прощеніе, и весь домъ царскій поѣхалъ въ Москву. Отъ самаго села до столицы стрѣльцы, безъ оружія. стали по обѣимъ сторонамъ дороги и, при проѣздѣ царей, падая на землю, громко благодарили ихъ за оказанное имъ милосердіе. Царь Іоаннъ Алексѣевичъ, блѣдный и задумчивый, ѣхалъ, потупивъ глаза въ землю, и повидимому обращалъ мало вниманія на происходившее. Огненные взоры юнаго царя Петра, обращаемые на мятежниковъ, выражали попеременно то гнѣвъ, то милость. У городскихъ воротъ стрѣльцы поднесли государямъ хлѣбъ и соль, и похвальную грамату, данную имъ послѣ бунта пятнадцатаго мая, за истребленіе мнимыхъ измѣнниковъ, которая, по приказанію царей, въ то же время была уничтожена.

Ивана Хованскаго сослали въ Сибирь. Чермный, по ходатайству Милославскаго, получилъ прощеніе. Циклеру пожалована была вотчина въ триста дворовъ, а Петрову въ пятьдесятъ, и все многочисленное войско, собравшееся къ Троицкому монастырю, для защиты царей противъ мятежниковъ, было щедро награждено и распущено. Софія, повелѣвъ разослать всѣхъ непокорившихся стрѣльцовъ Титова полка по дальнымъ городамъ, назначила начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа думнаго дьяка Ѳедора Шакловитаго и пожаловала его въ окольничіе.

X.

Будь твердъ въ злосчастныя минуты;
Но счастью тожъ не довѣряй!

Капнистъ.

По возстановленіи въ Москвѣ спокойствія, Бурмистровъ тайно выѣхалъ, ночью, изъ города. Лаптевъ, Андрей и капитанъ Лыковъ проводили его до заставы. Первый, при прощаньи, обѣщалъ неусыпно наблюдать за Варварой Ивановной, чтобы она кому-нибудь не проговорилась о томъ, что Василій живъ.

Начинало свѣтать, когда Бурмистровъ въѣхалъ въ село Погорѣлово. Расплатясь съ своимъ извощикомъ, онъ купилъ въ селѣ лошадь, надѣлъ на нее сѣдло и сбрую, взятыя имъ изъ Москвы, и немедленно поскакалъ далѣе. Вскорѣ увидѣлъ онъ проселочную дорогу, которая вела въ Ласточкино-Гнѣздо. Сердце его забилось сильнѣе. Нетерпѣніе обрадовать свою невѣсту заставило его погонять лошадь, которая и безъ того неслась во весь опоръ. Но такъ-какъ во всей вселенной нѣтъ ничего быстрѣе мысли человѣческой, которая въ одинъ мигъ можетъ пе-

рескочить въ Камчатку, изъ Камчатки на луну, а съ луны спрыгнуть въ комнату, гдѣ читается эта книга, то почтенные читатели, на крылатой мысли, безъ труда обгонятъ нетерпѣливаго жениха, прежде него прибудутъ въ Ласточкино-Гнѣздо и узнаютъ, что тамъ еще за нѣсколько дней до выѣзда его изъ Москвы случилось слѣдующее, необыкновенное происшествіе.

Крестьянинъ Мавры Савишны Брусницыной, Иванъ Сидоровъ, подъ вечеръ пошелъ, по ея порученію, въ Чортово-Раздолье, чтобы настрѣлять дичи. Не смѣя зайти далеко въ боръ, бродилъ онъ между деревьями шагахъ въ двадцати отъ озера, на берегу котораго стояло Ласточкино-Гнѣздо. На бѣду его, не попалось ему на глаза ни одной птицы, до поздняго вечера. Заря угасла уже на западѣ. Бѣдный охотникъ того и смотрѣлъ, что попадется ему на встрѣчу лѣшій, ростомъ съ сосну, или пустится за нимъ въ погоню Баба-Яга, въ ступѣ, съ пестомъ въ одной рукѣ и съ помеломъ въ другой. Наконецъ, съ величайшею радостію, замѣтилъ Сидоровъ на березѣ тетерева. «Слава тебѣ Господи!» прошепталъ онъ. «Застрѣлю этого глухаго чорта, да и домой вернусь! Нѣтъ, Мавра Савишна, впередъ изволь сама ходить сюда за дичью по вечерамъ, а ужъ я не ходильщикъ,—воля твоя!»

Въ-торопяхъ прицѣлившись въ тетерева, Сидоровъ только-что хотѣлъ выстрѣлить, какъ

вдругъ услышалъ позади себя чей-то голосъ. Руки опустились у него отъ страха, ноги подкосились, и онъ, упавъ на землю, поползъ, какъ лягавая собака, и скрылся подъ вѣтвями густаго кустарника. Вскорѣ услышалъ онъ, что сухія листья и вѣтви, покрывавшія землю, хрустятъ подъ чьими-то ногами. Шумъ приближается къ нему, и голосъ, его испугавшій, становится явственнѣе и громче. Прижавшись къ землѣ отъ страха и творя молитву, Сидоровъ слышитъ слѣдующія слова:

«Сядемъ здѣсь, на эту кочку. Не знаю, какъ ты, а я очень усталъ.»

«И я чуть ноги волочу!» говоритъ другой голосъ. Вѣдь мы цѣлый день бродили. Ну ужъ лѣсокъ! Нечего сказать! Какъ бы ни солнышко, такъ мы, вѣрно бы, заблудились. Думали ль мы, когда жили въ Москвѣ, что насъ Господь приведетъ скитаться въ этакомъ омутѣ. Злодѣй этотъ Милославскій! Не дрогнула бы у меня рука воткнуть ему эту саблю въ горло, по самую рукоять: онъ погубилъ насъ!»

Сидоровъ, ѣздившій часто по порученіямъ своей помѣщицы въ село Погорѣлово, за разными покупками, узнавалъ отъ тамошнихъ поселянъ, а иногда отъ проѣзжихъ, обо всемъ, чтó происходило важнаго и примѣчательнаго въ столицѣ. Въ послѣднюю поѣздку свою услышалъ онъ тамъ отъ одного изъ знакомцевъ, что князья

Хованскіе, по наговорамъ Милославскаго, были преданы патріархомъ анаѳемѣ, и потомъ повѣшены гдѣ-то въ захолустьи, на осинѣ. Наслышавшись прежде отъ достовѣрныхъ, старыхъ людей, что въ Чортовомъ-Раздольи, кромѣ нечистыхъ духовъ, вѣдьмъ и лѣшихъ, водятся и мертвецы, Сидоровъ смекнулъ, что бѣсы сняли прóклятыхъ патріархомъ Хованскихъ съ осины и перенесли въ свое гнѣздо, въ Чортово-Раздолье. Жалоба на Милославскаго, произнесенная голосомъ неизвѣстнаго, навела Сидорова на эту мысль. Онъ оледенѣлъ отъ страха и началъ прощаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Долго лежалъ онъ ничкомъ на землѣ, удерживая дыханіе и не смѣя сквозь вѣтви кустарника взглянуть на мертвецовъ, которые, сидя на кочкѣ, не подалеку отъ него, продолжали разговаривать. Наконецъ они встали. Сидоровъ слышитъ, что они подходятъ къ нему. Въ ужасѣ запустилъ онъ обѣ руки въ рыхлую и мшистую землю и уцѣпился за корни кустарника. Если бъ въ это время вздумалъ кто-нибудь тащить Сидорова, хоть не въ преисподнюю, а въ его собственную избу, то пришлось бы ему прежде вырвать изъ земли кустарникъ: такъ крѣпко неустрашимый охотникъ ухватился за корни. Мертвецы прошли мимо него, приблизились къ берегу озера и остановились шагахъ въ пятнадцати отъ Сидорова, обернувшись къ нему спиною.

— Знать, они меня не видали!—подумалъ онъ. Кажись, они ушли. Зѣвать-то нечего! Встать было, да и бѣжать отсюда безъ оглядки домой, покамѣстъ они не воротились. Онъ вытащилъ тихонько руки изъ земли, взялъ лежавшее подлѣ него ружье и, стиснувъ зубы, которые били тревогу не хуже самаго искуснаго барабанщика, рѣшился взглянуть сквозь вѣтви кустарника въ ту сторону, куда мертвецы удалились.

«Ахъ вы дьяволы!» прошепталъ Сидоровъ, «да это, кажись, не мертвецы: на нихъ и савановъ нѣтъ! Чтобъ волкъ васъ съѣлъ, окаянные побродяги! Натко! шатаются вечеромъ въ лѣсу, калякаютъ, да добрыхъ людей пугаютъ! Я вамъ за это всажу по пригоршнѣ дроби въ затылки, да еще и пулю на придачу!» Вынувъ изъ висѣвшей у него съ боку сумки пулю, опустилъ онъ ее въ дуло ружья. «Лѣшій васъ зналъ, что вы живые люди! Кажись, что живые!... Такъ и есть! На обоихъ сабли; шапки, да кафтаны стрѣлецкіе. Никакъ это стрѣльцы бѣглые. Погодите, дружки! Видно вы сюда въ лѣсъ промышлять пришли. Живыхъ-то я и десятерыхъ не испугаюсь!»

Сидоровъ, все еще лежа подъ кустарникомъ, прицѣливался въ одного изъ стрѣльцовъ, размышляя: одного-то я застрѣлю, а другаго пришибу прикладомъ; ужъ онъ готовъ былъ выстрѣлить, но вдругъ опустилъ ружье.—Да за

чтожъ я ухожу ихъ?—подумалъ онъ.—Вѣдь они не хотѣли меня настращать, а я самъ, по своей охотѣ, ихъ испугался. Можетъ быть, они и добрые люди. Дай-ка послушаю: о чемъ они толкуютъ.

Положивъ ружье на землю, Сидоровъ рѣшился подслушать разговоръ стрѣльцовъ. Приблизясь къ берегу озера, они долго смотрѣли на Ласточкино-Гнѣздо, и одинъ изъ нихъ, продолжая говорить, нѣсколько разъ указалъ на домъ Мавры Савишны. Потомъ оба возвратились къ той самой кочкѣ, на которой прежде отдыхали, и сѣли бокомъ къ Сидорову въ такомъ отъ него разстояніи, что онъ могъ разсмотрѣть ихъ лица и явственно слышать всѣ слова ихъ.

«Нѣтъ, Иванъ Борисовичъ, не ропщи на Милославскаго!» сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ.

«Я больше потерялъ, нежели ты. Я былъ сотникомъ, а ты пятидесятникомъ. У меня былъ домъ въ Москвѣ, а ты жилъ у пріятеля. Конечно, мы всего лишились; однако жъ я за все благодарю Господа! Во всемъ этомъ я вижу перстъ Его, указующій мнѣ путь спасенія. Девять лѣтъ хранилъ я тайну, которую тебѣ теперь открою. Теперь могу я возвѣстить тебѣ все, что у меня таилось такъ долго на сердцѣ. Срокъ, назначенный преподобнымъ Аввакумомъ многотерпѣливымъ, насталъ, и я долженъ исполнить его повелѣніе. Въ изгнаніи нашемъ изъ

Москвы, въ лишеніи нашемъ всѣхъ суетныхъ благъ земныхъ, въ найденномъ нами во глубинѣ этого лѣса убѣжищѣ, въ усердіи твоемъ ко мнѣ, въ покорности всѣхъ бывшихъ въ моей сотнѣ стрѣльцовъ,—во всемъ я вижу знаменіе, что наступило время къ совершенію дѣла, возложеннаго на меня свыше. Я не только не ропщу на Милославскаго, но считаю его моимъ благодѣтелемъ, желаю ему всякаго добра и радъ все для него сдѣлать. Теперь все готово для моего подвига. Священнослужителя только не достаетъ намъ; но сегодня въ полночь пошлетъ его намъ Господь; въ этомъ я не сомнѣваюсь.»

«Въ послѣдній разъ,» сказалъ другой стрѣлецъ, «какъ ходилъ я, переодѣтый крестьяниномъ, въ деревню за съѣстными припасами, разспрашивалъ я объ ней мальчика, и узналъ, что ее зовутъ Наталья. Намъ легко будетъ ее похитить. Въ домѣ помѣщицы теперь нѣтъ ни одного мужчины. Она была помолвлена. Женихъ ея жилъ нѣсколько времени въ этой деревнѣ; но съ-тѣхъ-поръ, какъ схватили его въ селѣ Погорѣловѣ, ни одинъ мужчина къ помѣщицѣ не пріѣзжалъ. Крестьянъ у нея также не много, всего человѣкъ семь или восемь; что̀ они сдѣлаютъ противъ десятерыхъ? Я велѣлъ всѣмъ взять ружья и дожидаться насъ у холма, вонъ тамъ, на берегу этого озера.»

«Пойдемъ въ деревню ровно въ полночь, а покуда отдохнемъ здѣсь. Въ ожиданіи ночи открою тебѣ тайну, о которой говорить началъ. Ты знаешь, что я учился четыре года въ Андреевскомъ монастырѣ. (*) Прилежаніемъ и добрымъ поведеніемъ заслужилъ я любовь всѣхъ учителей и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; но на двадцатомъ году случилось со мною странная перемѣна: я пристрастился къ пьянству и былъ исключенъ изъ училища. Всѣ род-

---

(*) Въ этомъ монастырѣ, находившемся въ то время за городомъ, на Москвѣ рѣкѣ, положено было при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1665 году основаніе Славяно-Греко-Латинской Академіи, стараніями окольничаго Ѳедора Михайловича Ртищева. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ 1679 году перевелъ эту академію въ Китай-Городъ, въ Заиконоспасскій монастырь, называвшійся *Старый-Спасъ,* и далъ академіи въ 1682 году привилегію, которою, между прочимъ, былъ пожалованъ Андреевскій монастырь *того училища блюстителю и учителемъ на довольное и лѣпотствующее препитаніе и нужныхъ исполненіе.* Еще прежде того при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ заведена была Греко-Латино-Славянская школа на Патріаршемъ дворѣ. Олеарій осматривалъ ее въ 1639 году. Онъ пишетъ, что патріархъ Филаретъ, съ согласія царя, хотѣлъ устроить подобныя училища во многихъ мѣстахъ.

ственники, товарищи и знакомые винили меня; но я вовсе былъ невиноватъ. Врагъ человѣческаго рода, ходящій по землѣ и рыкающій, какъ левъ, который ищетъ добычи, погубилъ меня. О святкахъ, случайно познакомился я съ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ. Онъ выдавалъ себя за новогородскаго дворянина. Однажды зазвалъ монъ еня на Кружечный дворъ, и, не смотря на всѣ мои отговорки, принудилъ выпить съ нимъ ковшъ вина. Я примѣтилъ, что, принявшись за ковшъ, онъ не перекрестился, и, не знаю самъ какимъ образомъ, принудилъ и меня выпить оставшееся вино, не давъ мнѣ времени сотворить крестное знаменіе. Послѣ этого я съ нимъ никогда не видался, и во мнѣ явилась страсть къ вину, которой я не въ силахъ былъ преодолѣть. Иногда предавался я ей въ теченіе цѣлаго мѣсяца и болѣе. Я чувствовалъ, что гублю себя. Всѣ говорили, что я пью запоемъ, но всѣ очень ошибались. Меня безпрестанно, днемъ и ночью, смущалъ и тянулъ къ вину этотъ новогородскій дворянинъ. Ковшъ, выпитый мною съ нимъ вмѣстѣ, не выходилъ у меня изъ головы. Я старался думать о чемъ-нибудь другомъ, но чѣмъ болѣе употреблялъ усилій, тѣмъ сильнѣе мучила меня неутолимая жажда. Самая молитва мнѣ не помогала. Иногда удавалось мнѣ однако жъ, съ неописанными мученіями, превозмогать обольщенія лукаваго, и я

вдругъ переставалъ пить. Тогда совѣсть моя успокоивалась, на сердцѣ дѣлалось легко и весело, и я возносился духомъ туда, куда обыкновенные люди, преданные суетѣ міра и работающіе грѣху, не имѣютъ доступа. Сколько видѣній, самыхъ восхитительныхъ и самыхъ ужасныхъ, являлось тогда предо мной! Сколько открывалось предъ глазами моими таинствъ, ни одному смертному неизвѣстныхъ. Когда я приходилъ въ это необыкновенное состояніе духа, всѣ говорили про меня, что я мѣшаюсь въ разсудкѣ. Я не оскорблялся этимъ; я чувствовалъ превосходство свое надъ обыкновенными людьми, глядѣлъ на нихъ съ состраданіемъ и изъ любви къ нимъ желалъ, чтобъ и они могли видѣть и постигать то же, что я видѣлъ и постигалъ. Однажды, послѣ побѣды, одержанной мною надъ искусителемъ, вознесся я духомъ такъ высоко, какъ никогда еще не возносился, и шелъ чрезъ одно подмосковное село. Вдругъ яркое пламя и густой, клубящійся дымъ поразили глаза мои. Я пошелъ впередъ и увидѣлъ, что горитъ сельская церковь. Поселяне старались гасить пожаръ, но напрасно: огонь обхватилъ все зданіе; крыша и колокольня съ трескомъ рухнули. Когда вѣтеръ разнесъ густой дымъ, столбомъ поднявшійся надъ горящими развалинами церкви, одинъ пылающій иконостасъ съ затворенными царскими вратами представился моимъ глазамъ. Наконецъ

загорѣлись царскія врата и начали медленно отворяться. Изъ алтаря блеснуло яркое сіяніе и освѣтило дальную окрестность. Вдругъ примѣтилъ я, что за алтаремъ стоитъ въ бѣлой одеждѣ Аввакумъ многотерпѣливый, съ пальмовою вѣтвію и крестомъ въ рукѣ. Выйдя изъ алтаря, началъ онъ восходить по дыму, который несся къ небу съ развалинъ церкви. Съ дыма святой мученикъ перешелъ на бѣлое облако, которое стояло на востокѣ, и, взглянувъ на меня, указалъ въ небесной вышинѣ золотую дверь. Я упалъ на землю и началъ молиться. Послѣ молитвы увидѣлъ я еще три тысячи мучениковъ, пострадавшихъ за древнее благочестіе. Всѣ они, одинъ за другимъ, вышли также изъ пылающаго алтаря и по черному дыму перешли на бѣлое облако вслѣдъ за Аввакумомъ, и начали всѣ они подниматься къ золотой двери, которая сіяла ярче звѣзды. Вскорѣ потерялъ я ихъ изъ виду. Тогда оглянулся я на церковь, и чтоже увидѣлъ? Иконостасъ съ царскими вратами и алтарь превратились уже въ груду горящихъ углей, съ которыхъ несся синеватый, мрачный дымъ. Вдругъ, изъ этого дыма поднимается.... кто бы ты подумалъ?... новогородскій дворянинъ! Я задрожалъ. Онъ указалъ мнѣ глубокую бездну, на краю которой стоялъ я, самъ того не примѣчая. На самомъ днѣ этой бездны увидѣлъ я раскаленную желѣзную дверь. Зеленый пламень, какъ распла-

вленная мѣдь, прорывался сквозь щели и замочную скважину двери. Она медленно отворилась, я взглянулъ въ нее—и обмеръ отъ ужаса. Я далъ обѣтъ Аввакуму многотерпѣливому никогда и никому не говорить, что̀ я за дверью увидѣлъ. Еслибъ я и не далъ этого обѣта, то все бы не нашелъ словъ для описанія видѣнія, которое мнѣ представилось. Новогородскій дворянинъ захлопалъ въ ладоши, началъ прыгать и запѣлъ пѣсню, отъ которой у меня волосы на головѣ поднялись дыбомъ. Преподобный Аввакумъ сказалъ мнѣ, что всякой, кого онъ особенно не охраняетъ, погибнетъ на-вѣки, если хоть одно слово услышитъ изъ этой пѣсни. Я рѣшился никогда не повторять ее, чтобы не погубить кого-нибудь изъ ближнихъ. Почему могу я знать, кого многотерпѣливый праведникъ охраняетъ, и кого нѣтъ? И началъ новогородскій дворянинъ спускаться въ бездну, къ желѣзной двери, а за нимъ пошли вслѣдъ, появляясь одинъ за другимъ изъ синеватаго дыма, антихристъ Никонъ и еще три тысячи единомышленниковъ его, которые вмѣстѣ съ нимъ гнали древнее благочестіе. Всѣ они были въ черныхъ саванахъ. Никонъ, замѣнившій жезлъ святителя Петра чудотворца іудейскимъ жезломъ со змѣями, съ головы до ногъ былъ обвитъ чернымъ змѣемъ. Я отворотился отъ ужаснаго зрѣлища. Въ это самое время кто-то взялъ ме-

ня за руку. Я оглянулся, и невольный, благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ моимъ членамъ: подлѣ меня стоялъ Аввакумъ!—Иди за мною! — сказалъ онъ мнѣ, и повелъ меня изъ села на какую-то высокую гору, съ которой спустились мы въ густой лѣсъ.—Видѣлъ ли ты видѣніе у горящей церкви?—спросилъ онъ меня.—Видѣлъ,—отвѣчалъ я.—Девять годовъ храни въ сердцѣ твоемъ все, что ты видѣлъ,—продолжалъ онъ,—и все, что я еще покажу тебѣ. Въ нынѣшнее антихристово время міръ утопаетъ въ нечестіи; нигдѣ нѣтъ истинной церкви; все на землѣ осквернено и нечисто. Удались въ глубину лѣса, сокройся навѣки отъ міра и возставь истинную церковь, которую покажу тебѣ. Для этого подвига долженъ ты пріять крещеніе водою небесною; ибо на землѣ нѣтъ воды не оскверненной. Всѣ моря, озера, рѣки и источники заражены прикосновеніемъ слугъ антихристовыхъ. Сказавъ это, повелъ онъ меня далѣе, въ самую средину лѣса и, показавъ истинную церковь, исчезъ. Меня нашли въ лѣсу дровосѣки чуть живаго, принесли домой, и я долго былъ боленъ горячкою. По выздоровленіи, страсть къ пьянству во мнѣ совершенно исчезла. Девять лѣтъ хранилъ я молчаніе о моемъ видѣніи, терпѣлъ часто голодъ и холодъ, и наконецъ, по убѣжденію дяди, вступилъ въ стрѣльцы. Въ концѣ прошедшаго августа минуло девять лѣтъ

съ-тѣхъ-поръ, какъ я сподобился бесѣдовать съ преподобнымъ Аввакумомъ. Памятуя слово его, удалился я однажды въ лѣсъ, наломалъ вѣтвей, скрѣпилъ ихъ тонкими прутьями, древесною смолою и глиною, и устроилъ купель. Въ то время шелъ дождь нѣсколько дней сряду. Когда купель наполнилась до половины небесною водою, я погрузился въ нее и принялъ крещеніе, мнѣ заповѣданное. Возвратясь въ Москву, началъ я помышлять о воздвиженіи истинной церкви. Ты знаешь, что потомъ случилось съ нашимъ полкомъ. Я съ радостію услышалъ вѣсть о нашемъ изгнаніи изъ Москвы, съ радостію вышелъ изъ этого Содома. Здѣсь, въ этомъ лѣсу скроемся навсегда отъ служителей антихриста и отъ всего нечестиваго міра, воздвигнемъ въ тайнѣ истинную церковь и достигнемъ золотой, небесной двери.»

Вечерняя заря угасла. Стрѣльцы встали и пошли по берегу озера къ холму, у котораго ихъ ожидали десятеро сообщниковъ. Сидоровъ, выслушавъ весь разговоръ, вылѣзъ изъ-подъ куста и побѣжалъ безъ оглядки въ домъ своей помѣщицы.

«Ну что, принесъ ли дичи?» спросила его Мавра Савишна, которую онъ вызвалъ въ сѣни.

«Какая дичь, матушка! Я насилу ноги уплелъ, чуть не умеръ со страху.»

«Ахъ ты, мошенникъ! Дуру что ли ты нашелъ;

не обманешь меня, плутъ! Видно, ты въ лѣсъ-то не ходилъ, а весь вечеръ пролежалъ на палатяхъ.»

«Нѣтъ, Мавра Савишна, не грѣши! Я пролежалъ не на палатяхъ, а подъ кустомъ.»

«Что? подъ кустомъ? Да ты никакъ потѣшаешься надо мной, или съ ума спятилъ! Завтра нечего будетъ за обѣдъ подать! Я тебя научу надо мной потѣшаться! Видно, борода-то у тебя густа! Смотри, разбойникъ, вцѣплюсь!»

«Воля твоя, Мавра Савишна! Изволь надъ моей бородой тѣшиться, сколько душѣ угодно, а только ужъ я въ другой разъ за дичью подъ вечеръ не пойду. Ужъ лучше утопиться!»

«Не бѣлены ли ты объѣлся? Что на тебя за дурь нашла, мошенникъ!»

«По неволѣ найдетъ дурь, коли душа со страху въ пятки ушла! Изволь-ка, Мавра Савишна, выслушать меня, такъ и гнѣваться перестанешь.»

«Ну чтó, чтó, такое? говори, плутъ, скорѣе.»

«А вотъ изволишь видѣть. Бродилъ я долго по лѣсу, нѣтъ ни одной птицы, хоть ты плачь! Напослѣдки вижу я: сидитъ на деревѣ глухой тетеревъ. Я какъ разъ прицѣлился, да и услышалъ голосъ. Я и смекнулъ, что дѣло не ладно и нырнулъ подъ кустъ; и увидѣлъ я двухъ человѣкъ. Хованскіе ль они, стрѣльцы ли, али лѣшіе какіе—лукавый ихъ знаетъ! Сѣли они не-

подалеку отъ меня и понесли такую околесную, что я ни словечка не понялъ. Болтали они что-то про пожаръ, про золотую дверь, да еще про желѣзную, про антихриста, про какого-то дворянина, про Милославскаго, и про всякую всячину! Одинъ, которой постарше и съ бородавкой-то на щекѣ, указывалъ, кажись, на твой домъ и болталъ, что онъ прежде пилъ запоемъ, и что надо сегодня ночью, никакъ, утащить Наталью Петровну.»

«Утащить Наталью Петровну! Да что ты, мошенникъ, въ самомъ дѣлѣ меня пугаешь! Вѣдь какъ начну со щеки на щеку, такъ дурь-то выбью.»

«Бей, матушка, Мавра Савишна! Дѣло наше крестьянское: за всякимъ тычкомъ не угоняешься; только ужъ будутъ къ тебѣ сегодня ночью гости.»

Испуганная Семирамида, приказавъ Сидорову собрать къ ней на дворъ всѣхъ крестьянъ ея съ ихъ семействами, побѣжала въ верхнюю свѣтлицу, чтобы сообщить ужасную вѣсть старухѣ Смирновой и Натальѣ. Работница Акулина, мимоходомъ услышавъ кое-что изъ разговора Мавры Савишны съ Сидоровымъ, выбѣжала за ворота и, остановивъ проходившую мимо дома куму свою, сказала ей нѣсколько словъ на ухо. Кума пошла далѣе и поговорила что-то съ другою крестьянкой. Вмигъ по всему Ласточкину-

Гнѣзду распространилась молва, что Сидоровъ въ Чортовомъ-Раздольи встрѣтилъ лѣшаго и прибѣжалъ оттуда безъ памяти. Другіе же, менѣе суевѣрные, говорили, что онъ вовсе лѣшаго не видалъ, и утверждали напротивъ, что изъ лѣса выѣхала въ ступѣ Баба-Яга, пустила въ Сидорова пестомъ, чуть-чуть не попала ему въ затылокъ, и до самой деревни гналась за нимъ, безъ отдыха колотя его въ спину помеломъ.

Вскорѣ всѣ жители Ласточкина-Гнѣзда собрались на дворѣ помѣщицы. Мавра Савишна, посовѣтовавшись съ старухою Смирновою и Натальею, осталась при томъ мнѣніи, что какая-нибудь шайка воровъ сбирается ограбить ея домъ, который стоилъ ей столько трудовъ и издержекъ. Она рѣшилась защищаться до послѣдней крайности, приказала Сидорову зарядить ружье цѣлою пригоршнею дроби, всѣмъ же другимъ крестьянамъ, женамъ ихъ, сыновьямъ и дочерямъ велѣла воооружиться топорами, косами, вилами и граблями. Давно извѣстно, что отчаяніе можетъ придать и трусливому человѣку необыкновенную храбрость. Это случилось и съ Маврой Савишной. Принудивъ старуху Смирнову и Наталью изъ верхней свѣтлицы перемѣститься на ночь въ баню, и увѣривъ ихъ, что опасаться нечего, Семирамида, съ косою въ рукѣ и въ мужскомъ тулупѣ, надѣтомъ сверхъ сарафана, вышла къ своему войску.

«Смотрите вы, олухи!» закричала она: «не зѣвать! Только лишь воры носъ высунутъ: колоти ихъ, окаянныхъ, чѣмъ попало!»

«Слушаемъ, матушка, Мавра Савишна!» закричало войско на разные голоса, въ числѣ которыхъ были женскіе и дѣтскіе.

Прошелъ цѣлый часъ. Войско Семирамиды все еще стояло въ боевомъ порядкѣ. Предводительница, для возбужденія своей храбрости, удалилась на минуту въ чуланъ и подкрѣпила себя стаканомъ настойки; потомъ, явясь опять передъ войскомъ, подняла она косу на плечо, подбоченилась и начала бодро расхаживать взадъ и впередъ по двору. Наконецъ настала полночь. Большая часть войска, къ несчастію, убѣждена была, что должно отразить нападеніе не воровъ, а Бабы-Яги, и совершенно потеряла увѣренность въ побѣдѣ, а безъ этой увѣренности въ войскѣ ничего бы не успѣлъ сдѣлать и самъ Наполеонъ, еслибъ судьба поставила его въ трудное положеніе Мавры Савишны.

Вскорѣ послѣ полуночи вдругъ раздался у воротъ стукъ. Войско Семирамиды вмигъ разсыпалось въ разныя стороны, какъ груда сухихъ листьевъ отъ набѣжавшаго вихря. Сама предводительница, кинувъ оружіе на землю, опрометью бросилась въ курятникъ, захлопнула за собою дверь и всполошила спавшихъ его обитателей. Пѣтухи и курицы подняли страшный

крикъ, и начали бѣгать и летать изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлые. Одинъ Сидоровъ доказалъ свою неустрашимость. Онъ подошелъ къ самымъ воротамъ, прицѣлился, выстрѣлилъ, влѣпилъ всю дробь въ ворота и послѣдній убѣжалъ съ поля сраженія. Семирамида, услышавъ выстрѣлъ, упала навзничъ и простилась со свѣтомъ, почувствовавъ, что ее колютъ пикою въ горло. И никто бы на ея мѣстѣ не могъ въ темнотѣ разсмотрѣть, что укололъ ее когтями пѣтухъ, соскакнувшій съ насѣста къ ней на шею. До-сихъ-поръ историки не разрѣшили: кто кого болѣе тогда перепугалъ: пѣтухъ ли Семирамиду, или Семирамида пѣтуха?

Исторія также не объясняетъ: долго ли пробыла владѣтельница Ласточкина-Гнѣзда въ курятникѣ. Извѣстно только то, что она, на разсвѣтѣ, войдя въ баню, нашла тамъ одну старуху Смирнову, которая горько плакала. Отъ нея узнала она, что два человѣка, вооруженные саблями, вырвали изъ рукъ ея Наталью и, не смотря на крикъ и сопротивленіе бѣдной дѣвушки, унесли ее за ворота.

Нужно ли говорить, чтó почувствовалъ Бурмистровъ, когда пріѣхалъ въ Ласточкино-Гнѣздо и узналъ о похищеніи Натальи? Напрасно разспрашивалъ онъ безтолковаго Сидорова о разговорѣ, имъ подслушанномъ, и о примѣтахъ похитителей его невѣсты; напрасно искалъ онъ

ее по всѣмъ окрестнымъ мѣстамъ. Услышавъ отъ Сидорова, что похитители упоминали въ разговорѣ не одинъ разъ имя Милославскаго, Василій увѣрился, что его Наталья попалась въ руки сладострастнаго злодѣя, и что онъ разлученъ съ нею навсегда. Въ состояніи, близкомъ къ отчаянію, простясь съ ея матерью и съ своею теткою, сѣлъ онъ на коня и поскакалъ по первой попавшейся ему на глаза дорогѣ. Мавра Савишна стояла на берегу озера, и обливаясь слезами, смотрѣла ему вслѣдъ. Долго еще въ отдаленіи топотъ копытъ раздавался. Наконецъ все утихло, и Мавра Савишна тихонько побрела къ своему дому, чтобы утѣшать вдову Смирнову, которую Бурмистровъ поручилъ ея попеченію.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

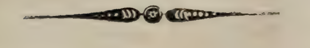
СТРѢЛЬЦЫ.

СОЧИНЕНІЕ

КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО,

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.
Изданіе Книгопродавца Манухина.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, Января 14 дня 1861 года.

Цензоръ *Е. Волковъ.*

Въ Типографіи М. Смирновой.

I.

Бѣжишь отъ совѣсти напрасно:
Тиранъ твой—сердца въ глубинѣ;
Она съ тобою повсечастно;
Летитъ на кораблѣ и скачетъ на конѣ.

Дмитріевъ.

Прекрасный, майскій день вечерѣлъ. Заходившее солнце золотило верхи отдаленныхъ холмовъ. Поселянки гнали съ полей стада свои, и при звукѣ рожка, на которомъ наигрывалъ пѣсню молодой пастухъ, дружно и весело пѣли: «Ты иди, моя коровушка, домой!»

На скамьѣ, подъ окнами опрятной и просторной избы, сидѣлъ священникъ села Погорѣлова, отецъ Павелъ. Вечерній вѣтеръ развѣвалъ его сѣдые волосы. Предъ нимъ, на лугу, игралъ мячемъ, лѣтъ пяти, мальчикъ, въ красной рубашкѣ. Задумчивые взоры старика выражали тихое удовольствіе, ощущаемое при видѣ прелестной природы человѣкомъ, который, не смотря на сѣдины свои, сохранилъ еще свѣжесть чувствъ, свойственную юности.

Всадникъ, повидимому пріѣхавшій издалека

и остановившій передъ священникомъ свою лошадь, прервалъ его задумчивость.

«Не льзя ли, батюшка, мнѣ ночевать у тебя?» спросилъ всадникъ, спрыгнувъ съ лошади и подойдя къ благословенію священника. «Лошадь моя очень устала, и я не надѣюсь поспѣть до ночи туда, куда ѣхать мнѣ надобно.»

«Милости просимъ,» отвѣчалъ гостепріимный старикъ.

Всадникъ, привязавъ лошадь къ дереву, которое густыми вѣтвями осѣняло домъ священника, сѣлъ подлѣ него на скамью.

«Изъ далека ли, добрый человѣкъ, и куда ѣдешь?» спросилъ отецъ Павелъ.

«Ѣду я въ помѣстье моей родственницы, съ которою ужъ шесть лѣтъ слишкомъ не видался.»

«А какъ прозываешься ты?»

«Другому бы никому не сказалъ своего имени, а тебѣ скажу, батюшка. Я давно ужъ знаю тебя.»

«Давно знаешь?» сказалъ священникъ, пристально вглядываясь въ лицо незнакомца. «Въ самомъ дѣлѣ я, кажется, видалъ тебя. Однакожъ не помню, гдѣ. Развѣ давно, когда-нибудь? Не взыщи на старикѣ, память у меня ужъ не та, что̀ въ прежніе годы.»

«А помнишь ли, батюшка, какъ пріѣзжалъ къ тебѣ однажды стрѣлецкій пятисотенный и про-

силъ тебя обвѣнчать его ночью, безъ свидѣтелей?»

«Да неужто это ты въ самомъ дѣлѣ? Быть не можетъ! Съ-тѣхъ-поръ прошло около шести лѣтъ. Когда жъ ты успѣлъ этакъ состарѣться?»

«Горесть прежде времени заставитъ хоть кого состарѣться,» отвѣчалъ незнакомецъ, котораго имя, вѣроятно, не нужно уже сказывать читателямъ.

«Не то, чтобы ты состарѣлся, а похудѣлъ. Видно, былъ нездоровъ? Богъ милостивъ, поправишься, такъ опять будешь молодецъ. Сколько тебѣ лѣтъ отъ-роду?»

«Тридцать четыре года.»

«А мнѣ такъ ужъ восьмой десятокъ идетъ.»

Въ это время подошла къ разговаривавшимъ пожилая женщина съ смуглымъ лицомъ и, взглянувъ на пріѣзжаго, бросилась его обнимать, восклицая: «Господи Боже мой! да откуда ты взялся, мой дорогой племянникъ?»

«А ты какъ попала сюда, тетушка? Я ѣхалъ къ тебѣ въ помѣстье.»

«Въ помѣстье?» сказала, вздохнувъ, женщина. «Было оно у меня, да сплыло! И домикъ мой, который я сама построила, достался въ недобрыя руки. Что дѣлать! видно Богу такъ было угодно.»

«Какъ, развѣ ты продала свою деревню?»

«Нѣтъ, племянничекъ; давай мнѣ Софья Але-

ксѣевна свои палаты за мой домикъ, не промѣнялась бы я съ нею. Выгнали по шеѣ, такъ дѣлать было нечего. Взвыла голосомъ, да и пошла по міру. Какъ бы не укрылъ насъ со старухой, съ нареченной твоей тещей, отецъ Павелъ,—дай Господи ему много лѣтъ здравствовать!—такъ бы мы обѣ съ голоду померли.»

«Полно, Мавра Савишна!» сказалъ священникъ, «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.»

«Нѣтъ, батюшка, воля твоя, пусть выколютъ мнѣ хоть оба глаза, а я все-таки скажу, что ты добрый человѣкъ, настоящая душа христіанская. Во-вѣки-вѣковъ не забуду я, что ты пріютилъ насъ, бѣдныхъ. Много натерпѣлась я горя безъ тебя, любезный племянничекъ! Вскорѣ послѣ того, какъ ты отъ насъ уѣхалъ, Милославскій узналъ,—знать сорока ему на хвостѣ вѣсть принесла,—что невѣста твоя жила у меня въ домѣ. Прислалъ онъ тотчасъ за нею холоповъ; а какъ услышалъ, что Наталья Петровна пропала, такъ и велѣлъ меня выгнать въ толчки, на большую дорогу, а помѣстье мое подарилъ, злодѣй, и съ домикомъ, своему крестному сыну, площадному подъячему Лыскову. Долго мы съ твоей нареченной тещей шатались по деревнямъ, да милостыни просили. Какъ бы не батюшка, такъ бы мы....»

«Ну, полно же, Мавра Савишна!» прервалъ

священникъ; «что ни заговоришь, а все сведешь на одно.»

«Да ужъ воля твоя, батюшка, сердись, не сердись, а я до гробовой доски стану твердить встрѣчному и поперечному, что ты благодѣтель нашъ.»

Бурмистровъ, тронутый несчастіемъ тетки и оказанною ей помощью скромнымъ благотворителемъ, хотѣлъ благодарить священника; но послѣдній, желая обратить разговоръ на другой какой-нибудь предметъ, спросилъ:

«А куда пошла наша старушка?»

«Смирнова-то, батюшка? Въ церковь, отецъ мой. Сегодня, вишь ты, поминки по Милославскомъ. По твоему совѣту, мы каждый годъ ходимъ съ нею вмѣстѣ во храмъ Божій за его душу помолиться.»

«Какъ, развѣ умеръ Милославскій?» воскликнулъ Бурмистровъ.

«Умеръ, три года ровно тому назадъ,» (*) отвѣчалъ священникъ. «Бояринъ князь Голицынъ, да начальникъ стрѣльцовъ Шакловитой мало-

---

(*) Бояринъ Милославскій умеръ въ 1686 году. Съ 22 мая 1680 года управлялъ онъ *Приказомъ Большія Казны, Московскою Таможнею, Помѣрною и Мытною избою, городовыми таможнями и всякими денежными доходами.* Предъ кончиною сталъ онъ удаляться отъ дѣлъ и жилъ большею частію въ своихъ вотчинахъ,

по-малу пришли въ такую милость у царевны Софьи Алексѣевны, что Ивану Михайловичу сдѣлалось на нихъ завидно. Онъ уѣхалъ въ свою подмосковную вотчину—она верстъ за пять отсюда—и жилъ тамъ до самой своей кончины. Онъ призывалъ меня къ себѣ, чтобъ исповѣдать и пріобщить его предъ смертью. Господь не сподобилъ его покаяться и умереть по-христіански.»

«Разскажи, батюшка, племяннику-то,» сказала Мавра Савишна: «какъ скончался Милославскій. Не приведи Богъ никого этакъ умереть!»

«Да,» сказалъ священникъ: «не въ осужденіе ближняго, а въ доказательство, какъ справедливы слова Писанія, что смерть грѣшниковъ люта, разскажу я тебѣ, сынъ мой, про кончину Милославскаго. Три года прошло съ-тѣхъ-поръ, а я какъ-будто теперь еще слышу всѣ слова его и стенанія. Молись и ты за его душу. Я знаю, что въ жизни сдѣлалъ онъ тебѣ много зла; но истинный христіанинъ долженъ и за враговъ молиться.... Ночью прискакалъ отъ Милославскаго за мною холопъ его. Я взялъ съ собою святые дары и поспѣшилъ въ село къ боярину. Вошелъ я въ спальню и увидѣлъ, что онъ въ жару мечется на постели. Нѣсколько разъ приходилъ онъ въ память. Я хотѣлъ воспользоваться этими минутами и начиналъ исповѣдь; но онъ кричалъ ужаснымъ голосомъ:—Прочь! прочь

отсюда! Кто сказалъ тебѣ, что я умираю? Я еще буду жить, долго жить!—Отирая холодный потъ съ лица, онъ потомъ утихалъ, говорилъ, чтобы все имѣніе его раздать по монастырямъ; но послѣ того, какъ бы вдругъ что-то вспомнивъ ужасное, начиналъ хохотать. И теперь еще этотъ судорожный смѣхъ у меня въ ушахъ раздается!—Все вздоръ!—восклицалъ онъ.—Я не умру еще! Успѣю еще покаяться! Голицынъ и Шакловитой узнаютъ Милославскаго!—Предъ послѣднимъ вздохомъ своимъ, подозвалъ онъ меня къ себѣ и слабымъ голосомъ сказалъ, чтобы я его исповѣдывалъ. На вопросы мои не отвѣчалъ онъ ни слова, и все смотрѣлъ пристально на дверь. Въ глазахъ его изображались тоска и ужасъ. Думая, что онъ не въ силахъ говорить, я продолжалъ глухую исповѣдь, и, кончивъ ее, хотѣлъ его пріобщить.—Одинцовъ!—закричалъ онъ вдругъ страшнымъ голосомъ:—дай, дай мнѣ пріобщиться.... не дави мнѣ горло.... охъ душно!... уйди прочь!... не мучь меня! — Помолчавъ нѣсколько времени, онъ схватилъ меня за руку и съ трепетомъ указалъ мнѣ на дверь.—Батюшка!—сказалъ онъ шопотомъ, вели запереть крѣпче дверь, не впускай ихъ сюда.... мнѣ страшно! Зачѣмъ они пришли? Скажи имъ, что меня нѣтъ здѣсь; уговори ихъ, чтобъ они меня не мучили. А!... они указываютъ на меня въ окошко!... Заприте, заприте окно крѣпче!... Видишь ли, ба-

тюшка, сколько безголовыхъ мертвецовъ стоятъ у окошка? Кровь ихъ течетъ къ моей постели!... Видишь ли.... вотъ это Хованскіе, а это Долгорукій и Матвѣевъ! Не пускайте, не пускайте ихъ сюда!... ради Бога, не пускайте!—Голосъ его началъ постепенно слабѣть, и онъ умеръ на рукахъ моихъ.»

«Мы молились сегодня за его душу, помолись и ты, племянникъ, чтобы.... Этакой ты баловень, Ванюша, вѣдь прямехонько мнѣ въ лобъ мячемъ попалъ!»

«Играй, Ваня, осторожнѣе!» сказалъ священникъ мальчику въ красной рубашкѣ.

«Чтó это за дитя?» спросилъ Бурмистровъ.

«Онъ сиротинка,» отвѣчала Мавра Савишна. «Отецъ Павелъ принялъ его къ себѣ въ домъ, вмѣсто сына. Да ужъ не кивай мнѣ головой-то, батюшка, ужъ ничего не смолчу, всѣ твои добрыя дѣла племяннику выскажу.»

«Какая холодная роса поднимается!» сказалъ священникъ; «не лучше ли намъ въ домъ войти? Милости просимъ.»

«Вишь какъ рѣчь-то заминаетъ,» продолжала Мавра Савишна, входя съ племянникомъ въ домъ, вслѣдъ за священникомъ. «Знаемъ, что роса холодна, да знаемъ и то, что у тебя сердечушко куда горячо на добро—дай Господи тебѣ здоровья и многія лѣта.»

II.

Вилась дорожка; темный лѣсъ
Чернѣлъ передъ глазами.
Жуковскій.

Бурмистровъ разсказалъ священнику, своей теткѣ и, возвратившейся вскорѣ послѣ входа ихъ въ горницу, старухѣ Смирновой, что онъ болѣе шести лѣтъ ѣздилъ по разнымъ городамъ, напрасно старался заглушить свою горесть, и наконецъ не безъ труда рѣшился побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ нѣкогда счастливъ. «Мнѣ бы легче было,» говорилъ онъ, «еслибъ Наталья умерла; тогда бы время могло постепенно утѣшить меня. Мысль, что потеря моя невозвратна, не допускала бы уже никогда въ сердце мое надежды когда-нибудь снова быть счастливымъ, и не возбуждала бы во мнѣ желанія освободить изъ рукъ неизвѣстнаго похитителя мою Наталью, желаніе, которое безпрестанно терзало меня, потому-что я чувствовалъ его несбыточность.»

«Да, да, любезный племянникъ!» сказала Ма-

вра Савишна со вздохомъ: «до-сихъ-поръ о ней ни слуху, ни духу! Да и слава Богу!»

«Какъ слава Богу, тетушка?»

«А вотъ, вишь ты, Милославскій завѣщалъ кое-какіе пожитки свои крестному сыну, этому мошеннику Лыскову, да и Наталью-то Петровну назначилъ ему же послѣ своей смерти. Прежній мой крестьянинъ Сидоровъ пріѣзжалъ прошлою осенью сюда и сказывалъ, что Лысковъ вездѣ отыскиваетъ твою невѣсту, что она, дескать, принадлежала его крестному батькѣ по старинному холопству, что онъ воленъ былъ ее кому хотѣлъ завѣщать, и что Лысковъ норовитъ ее хоть на днѣ морскомъ отыскать и на ней жениться.»

«Такъ не Милославскій ее похитилъ?» воскликнулъ Бурмистровъ.

«Какой Милославскій!» отвѣчала Мавра Савишна. «Еслибъ тогда попалась она въ его руки, такъ ужъ вѣрно бы давно была за-мужемъ за этимъ окаяннымъ Лысковымъ и поживала бы съ нимъ, проклятымъ, въ моемъ домикѣ. Ужъ куда мнѣ горько, какъ я объ немъ вспомню: вѣдь сама строила!»

Мавра Савишна, растрогавшись, захныкала и начала утирать кулаками слезы.

На другой же день Бурмистровъ сѣлъ на коня и поскакалъ въ Ласточкино-Гнѣздо. Отыскавъ Сидорова, началъ онъ его снова разспра-

шивать о примѣтахъ похитителей Натальи, о мѣстѣ, гдѣ онъ ихъ подслушалъ, и объ ихъ разговорѣ. Отвѣты Сидорова были еще безтолковѣе, нежели прежде. Онъ прибавилъ только, что недавно, рано утромъ отправясь на охоту въ Чортово-Раздолье, видѣлъ онъ тамъ опять нѣсколько человѣкъ въ стрѣлецкомъ платьѣ, и между ними того самаго, у котораго, въ первую встрѣчу въ лѣсу со стрѣльцами, замѣтилъ на щекѣ черную бородавку.

«Его рожа-то больно мнѣ памятна!» говорилъ Сидоровъ. «Онъ такъ настращалъ меня тогда, проклятый, что и теперь еще меня, какъ вздумаю объ этомъ хорошенько, морозъ по кожѣ подираетъ.»

«Не замѣтилъ ли ты, куда онъ пошелъ изъ лѣсу?»

«Кажись, онъ пошелъ по тропинкѣ, въ лѣсъ, а не изъ лѣсу. Тропинку-то эту я замѣтилъ хорошо потому, что она начинается въ лѣсу, за оврагомъ, подлѣ стараго дуба, который, знать, громовой стрѣлой сверху до низу раскололо на двое, словно полѣно топоромъ. Да здорова ли, Василій Петровичъ, Мавра Савишна? Я ужъ давно въ Погорѣловѣ-то не бывалъ. Чай ты оттуда?»

«Она велѣла тебѣ кланяться и попросить тебя, чтобъ ты сослужилъ мнѣ службу. Проводи меня теперь же къ той тропинкѣ, по которой стрѣлецъ въ лѣсъ ушелъ.»

«Нѣтъ, Василій Петровичъ, воля твоя, теперь я ни для отца роднаго въ Чортово-Раздолье не пойду. Взлянь-ка, вѣдь солнышко закатывается. Развѣ завтра утромъ?»

«Я бы тебѣ далъ рубль за работу.»

«И десяти не возьму!»

«Ну, нечего дѣлать! Хоть завтра утромъ проводи меня, да покажи тропинку.»

«Хорошо-ста. Да на что тебѣ показать-то? Развѣ ты этихъ побродягъ искать хочешь? Да вотъ и мой теперешній бояринъ, Сидоръ Терентьичъ, сбирается также послоняться по лѣсу. Онъ ѣздилъ нарочно въ Москву и просилъ своего милостивца, Шакловитаго, чтобы прислалъ къ нему десятка три стрѣльцовъ. У меня, де, въ лѣсу завелись разбойники. Тотъ и обѣщалъ прислать. А вѣдь обманулъ его Сидоръ-то Терентьичъ. Онъ хочетъ искать не разбойниковъ, а Наталью Петровну. Никакъ онъ смекаетъ на ней жениться. Не ѣхать ли вамъ въ лѣсъ вмѣстѣ? Авось, вы двое-то лучше дѣло сладите. Ты сыщешь этихъ окаянныхъ побродягъ, а онъ Наталью Петровну. Да вѣдь и ты въ-старину на ней никакъ сватался?»

«Отчего Лыскову вздумалось ѣхать въ лѣсъ?»

«Отчего! Я надоумилъ его. Поѣзжай, де, баринъ, въ Чортово-Раздолье, авось тамъ кладъ найдешь. Ну, да если и шею сломитъ, плакать-то я не стану: вѣдь житья намъ нѣтъ отъ него.

Авось, его тамъ вѣдьма удавитъ! Ну ему ли тамъ отыскать Наталью Петровну! Коли она и впрямь попалась въ этотъ омутъ, такъ, я чаю, ее давнымъ-давно поминай какъ звали!»

Ночевавъ въ избѣ Сидорова, Бурмистровъ, на разсвѣтѣ, осѣдлалъ лошадь и поспѣшилъ къ Чортову-Раздолью, сопровождаемый своимъ путеводителемъ, который, безъ сѣдла, сѣлъ на свою клячу. Въѣхавъ въ лѣсъ, они вскорѣ прискакали къ оврагу; слѣзли съ лошадей, осторожно перебрались съ ними на другую сторону оврага, увидѣли расколотый молніею дубъ и подлѣ него тропинку, которая, извиваясь между огромными соснами, терялась въ глубинѣ бора. Отдавши Сидорову обѣщанный рубль, Василій накрѣпко наказалъ ему ни слова не говорить объ ихъ свиданіи и разговорѣ Лыскову, — сѣлъ опять на своего коня и поскакалъ далѣе по тропинкѣ. Путеводитель его, нѣсколько времени посмотрѣвъ ему въ-слѣдъ, махнулъ рукою, проворчалъ что-то сквозь зубы и, вскочивъ на свою клячу, отправился домой. Чѣмъ далѣе ѣхалъ Василій, тѣмъ лѣсъ становился мрачнѣе и гуще, а тропинка менѣе замѣтною. Часто густыя вѣтви деревъ, наклонившіяся почти до земли, преграждали ему дорогу. Иногда принужденъ онъ былъ слѣзать съ лошади, брать ее за повода и пробираться съ большимъ трудомъ далѣе. По знакамъ, вырѣзаннымъ справа и слѣва на деревьяхъ,

удостовѣрился онъ, что едва замѣтная тропинка, по которой онъ ѣхалъ, давно уже была проложена и вела, вѣроятно, къ какому-нибудь человѣческому жилищу. Долго углубляясь такимъ образомъ въ лѣсъ, увидѣлъ онъ наконецъ довольно широкую просѣку, и вдали покрытую лѣсомъ гору. Приблизясь къ горѣ и поднявшись па нее, Василій взлѣзъ на дерево и разсмотрѣлъ на вершинѣ горы обширное, деревянное зданіе, весьма странной наружности, обнесенное высокою земляною насыпью. Спустясь съ дерева, сѣлъ онъ снова на свою лошадь и между мрачными соснами, окружавшими со всѣхъ сторонъ насыпь, объѣхалъ ее кругомъ и увидѣлъ запертыя ворота. Онъ началъ въ нихъ стучаться.

«Кто тамъ?» закричалъ за воротами грубый голосъ.

«Впусти меня!» отвѣчалъ Василій. «Я заблудился въ этомъ лѣсу.»

Чрезъ нѣсколько времени ворота отворились. Бурмистровъ въѣхалъ въ нихъ и едва успѣлъ слѣзть съ лошади, какъ человѣкъ, впустившій его за насыпь, опять заперъ ворота и, подбѣжавъ къ лошади Василья, воткнулъ ей въ грудь саблю. Бѣдное животное, обливаясь кровью, упало на землю.

«Что это значитъ?» воскликнулъ Бурмистровъ, выхвативъ свою саблю.

«Ничего!» отвѣчалъ ему хладнокровно неизвѣ-

стный. «Волею или неволею ты сюда попалъ, только должно будетъ тебѣ здѣсь навсегда остаться; ужъ у насъ такое правило. Да не горячись такъ, любезный, здѣсь народу-то много: съ тобою сладятъ. Ты вѣдь знаешь, что съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ. Пойдемъ-ка лучше къ нашему старшему. Да вотъ онъ никакъ и самъ сюда идетъ.»

Василій увидѣлъ приближавшагося къ нему человѣка въ черномъ кафтанѣ; за нимъ слѣдовала толпа людей, вооруженныхъ ружьями и саблями. Бурмистровъ, всмотрясь въ него, узналъ въ немъ бывшаго сотника Титова полка, Петра Андреева. Послѣдній, вдругъ остановясь, началъ креститься и, глядя на Василья, не вѣрилъ, казалось, глазамъ своимъ.

«Что за чудо!» воскликнулъ сотникъ. «Не съ того ли свѣта пришелъ ты къ намъ, Василій Петровичъ? Развѣ тебѣ не отрубили головы?»

«Ты видишь, что она у меня на плечахъ,» отвѣчалъ Бурмистровъ, примѣтивъ между-тѣмъ на щекѣ сотника черную бородавку и вспомнивъ разсказъ Сидорова.

«Да какими судьбами ты попалъ въ наше убѣжище?»

«Я радъ гдѣ-нибудь приклонить голову. Ты вѣдь знаешь, что Милославскій наговорилъ на меня, Богъ знаетъ что̀, царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, и что она велѣла мнѣ давнымъ-давно го-

лову отрубить. Я бѣжалъ изъ тюрьмы Хованскаго и съ-тѣхъ-поръ все скрывался въ этомъ лѣсу. Не дашь ли ты мнѣ уголка въ твоемъ домѣ, Петръ Архиповичъ?»

«Это не мой домъ, а Божій. Всѣ, въ него входящіе изъ него уже не выходятъ, и не сообщаются съ нечестивымъ міромъ.»

«Я готовъ здѣсь на всю жизнь остаться!»

«Искренно ли ты говоришь это?»

«Ты знаешь, что я никогда не любилъ лукавить. Я искренно радъ, что нашелъ наконецъ убѣжище, котораго давно искалъ.»

«Иванъ Борисовичъ!» сказалъ сотникъ, обращаясь къ стоявшему позади его пожилому человѣку, бывшему пятидесятнику Титова полка: «отведи Василья Петровича въ *келью оглашенныхъ*, и постарайся скорѣе *убѣлить* его.»

Бурмистровъ, обольщаясь слабою надеждою вывѣдать что-нибудь у Андреева о судьбѣ своей Натальи, рѣшился во всемъ ему повиноваться и безпрекословно послѣдовалъ за пятидесятникомъ.

Андреевъ, подозвавъ послѣдняго къ себѣ, шепнулъ ему что-то на ухо и ушелъ въ небольшую избу, которая стояла близъ воротъ.

Пятидесятникъ ввелъ Бурмистрова въ главное зданіе, которое стояло посреди двора, спустился съ нимъ въ подполье и заперъ его въ небольшой горницѣ, освѣщенной однимъ окномъ съ желѣз-

ною рѣшеткою. Осмотрѣвъ горницу, въ которой болѣе ничего не было, кромѣ деревяннаго стола и скамьи, покрытой войлокомъ, Василій нечаянно увидѣлъ на стѣнѣ нѣсколько едва замѣтныхъ словъ, написанныхъ какимъ-нибудь остріемъ. Многія слова невозможно было разобрать, и онъ съ трудомъ могъ прочитать только слѣдующее: «Лѣта 194-го мѣсяца іюля въ 15-й день заблудился я въ лѣсу и . . . . . во власть . . . . долго принуждали . . . . ихъ ересь, но я . . . . мориди голодомъ . . . . повѣсить . . . . . . черезъ часъ на смерть . . . . священническій сынъ Иванъ Логиновъ.»

Нужно ли говорить, какое впечатлѣніе произвела на Василья эта надпись, повидимому еще ни разу не замѣченная Андреевымъ, который одинъ былъ грамотенъ изъ всѣхъ обитателей таинственнаго его убѣжища?

Наступила ночь. Утомленный Бурмистровъ легъ на скамью, но не могъ заснуть до самаго разсвѣта. Тогда послышалось ему въ верхнихъ горницахъ дома пѣніе и потомъ шумъ, производимый нѣсколькими бѣгающими людьми. Вскорѣ опять все затихло, и Василій, какъ ни напрягалъ слухъ, не могъ ничего болѣе разслушать, кромѣ вѣтра, который однообразно свистѣлъ въ вершинахъ старыхъ сосенъ и елей.

III.

> Отъ милыхъ ближнихъ вдалекѣ
> Живетъ ли сердцу радость?
> И въ безутѣшной бы тоскѣ
> Моя увяла младость!
>
> *Жуковскій.*

Вскорѣ послѣ солнечнаго восхода вошелъ въ горницу Василья бывшій пятидесятникъ Титова полка, Иванъ Гороховъ. Послѣ длинной рѣчи, въ которой онъ доказывалъ, что на землѣ нѣтъ уже нигдѣ истинной церкви, и что антихристъ воцарился во всемъ русскомъ царствѣ, Гороховъ спросилъ: «Имѣешь ли ты желаніе *убѣлиться?*»

Бурмистровъ хотя и не вполнѣ понялъ этотъ вопросъ, однакожъ отвѣчалъ утвердительно, потому-что къ спасенію себя и своей невѣсты, которая, по догадкамъ его, находилась во власти Андреева, не видѣлъ другаго средства, кромѣ притворнаго вступленія въ его сообщники. Притомъ желалъ онъ пріобрѣсть этимъ способомъ довѣренность сотника и узнать, не томится ли въ убѣжищѣ его еще какая-нибудь жертва изувѣрства, которую ожидаетъ такая же участь,

какая постигла несчастнаго, возбудившаго въ Васильѣ глубокое состраданіе прочитанною на стѣнѣ надписью.

Пятидесятникъ взялъ Василья за руку и сказалъ ему: «Горе тебѣ, если притворяешься. Ужасная казнь постигнетъ тебя, если ты изъ любопытства или страха изъявилъ согласіе содѣлаться сыномъ истинной церкви? *Пророческая обѣдня* изобличитъ твое лукавство.»

Послѣ этого вывелъ онъ его изъ подполья и, взойдя вмѣстѣ съ нимъ по деревянной лѣстницѣ въ верхнія горницы дома, остановился предъ небольшою дверью, которая была завѣшена черною тафтою.

«Отче Петръ!» сказалъ пятидесятникъ: «я привелъ къ двери истинной церкви оскверненнаго человѣка, желающаго убѣлиться.»

«Войдите!» отвѣчалъ голосъ за дверью, и пятидесятникъ ввелъ Бурмистрова въ церковь, наполненную сообщниками Андреева. Всѣ стѣны этой церкви, отъ потолка до полу, покрыты были иконами. Предъ каждою иконою горѣла восковая свѣча. Нигдѣ не было замѣтно ни малѣйшаго отверзстія, чрезъ которое дневной свѣтъ проникалъ бы въ церковь. Вмѣсто алтаря устроено было возвышеніе, обитое холстомъ и расписанное въ видѣ облака, а на возвышеніи стояла деревянная дверь, увѣшанная бисеромъ, стеклянными обломками и другими блестящими вещами.

Отражая сіяніе свѣчъ, она уподоблялась яркому золоту.

«Скоро начнется обѣдня,» сказалъ Андреевъ Бурмистрову. «Ты прежде долженъ покаяться по нашей вѣрѣ. Встань на колѣна, наклони голову до земли и ожидай, покуда священникъ не позоветъ тебя.»

Бурмистровъ исполнилъ приказанное, внутренно жалѣя отпадшихъ сыновъ церкви и чувствуя невольное отвращеніе, смѣшанное съ удивленіемъ, при видѣ нелѣпыхъ обрядовъ, столько удалившихся отъ истиннаго христіанскаго богослуженія.

Всѣ бывшіе въ церкви запѣли:

Пріидите послѣднее время,
Грядутъ грѣшники на судъ,
Дѣла на раменахъ несутъ!
И глаголетъ имъ Судія:
Ой вы рабушки рабы!
Азъ возмогу васъ простити,
И огонь вѣчный погасити.

Когда кончилось пѣніе, Бурмистровъ слышитъ, что дверь, находившаяся на возвышеніи, отворилась. Чей-то нѣжный голосъ говоритъ ему: «Иди ко мнѣ!»

Бурмистровъ всталъ.... и кого же увидѣлъ? На возвышеніи, предъ блестящею дверью, стояла, въ бѣлой одеждѣ, съ вѣнкомъ, изъ лѣсныхъ

цвѣтовъ, на головѣ и съ распущенными по плечамъ волосами, Наталья. Радость и изумленіе сильно потрясли его душу. Онъ долго не вѣрилъ глазамъ своимъ. И бѣдная дѣвушка, увидѣвъ жениха своего, едва не лишилась чувствъ. Страхъ обличить его предъ изувѣрами придалъ ей сверхъестественныя силы. Съ неизобразимымъ трепетомъ сердца подала она знакъ рукою Василью, чтобы онъ къ ней приблизился.

«Поклянись священнику, что ты отрекаешься отъ прежняго твоего нечестія и всякой скверны;» сказалъ Андреевъ: «покайся ему во всѣхъ беззаконіяхъ твоихъ и скажи, что ты хочешь убѣлиться.»

Всѣ стоявшіе близъ возвышенія удалились отъ него, чтобы не слышать исповѣди Бурмистрова. Подойдя къ своей невѣстѣ, онъ, по приказанію ея, сталъ передъ нею на колѣна и тихо сказалъ: «Наталья, милая Наталья, скажи, ради Бога, какъ попалась ты въ этотъ вертепъ изувѣровъ? Научи меня: какъ спасти тебя?»

«Да, спаси, спаси меня!» отвѣчала трепещущимъ голосомъ Наталья. «О! еслибъ ты зналъ, сколько я перенесла мученій отъ этихъ изверговъ!»

«Ты блѣднѣешь, милая Наталья!» прошепталъ Бурмистровъ. «Ради Бога, собери всѣ твои силы, скрой твое волненіе. Во что бы то ни стало, я спасу тебя!»

«Тише, тише говори: они насъ услышатъ.»

«Научи меня, какъ избавить тебя; я на все готовъ.»

«Отсюда невозможно убѣжать. Всякаго бѣглеца изверги называютъ Іудою-предателемъ и вѣшаютъ на осинѣ.»

«Скажи, что жъ намъ дѣлать? Я еще не знаю ни правилъ, ни обрядовъ этого убѣжища изувѣровъ. Неужели нѣтъ никакихъ средствъ къ побѣгу?»

«Никакихъ. Прошу тебя объ одномъ: безпрекословно повинуйся здѣшнему главѣ. За малѣйшее непослушаніе онъ сочтетъ тебя клятвопреступникомъ и закоснѣлымъ противникомъ истинной церкви. Пятеро уже несчастныхъ случайно попались въ его руки. Я убѣждала ихъ исполнять всѣ его приказанія; но они, считая меня сообщницею еретиковъ, не послушались меня, съ твердостію говорили, что они не измѣнятъ церкви православной, и всѣ погибли.»

«И я не измѣню истинной церкви. Клянусь спасти тебя и истребить это гнѣздо изувѣровъ.»

«Отъ тебя еретики потребуютъ торжественной клятвы, что ты волею вступаешь въ ихъ сообщество и никогда имъ не измѣнишь.»

«Я дамъ эту клятву и ее нарушу. Если бы безумный, бросясь на меня съ ножемъ, принудилъ меня произнести какую-нибудь нелѣпую

клятву, неужели я долженъ былъ бы исполнить ее, или упорствомъ заставить его меня зарѣзать?»

«Слова твои успокоиваютъ мою совѣсть. Меня часто мучило раскаяніе, что я, спасая жизнь свою, рѣшилась исполнять всѣ нелѣпости, которыя мнѣ предписывалъ мой похититель. Много разъ рѣшалась я неповиновеніемъ избавиться отъ мучительной жизни; но всегда ты приходилъ мнѣ на умъ. Слабая надежда: когда-нибудь спастись изъ рукъ моихъ мучителей и съ тобою увидѣться, воскресала въ моемъ сердцѣ. Для тебя переносила я всѣ мученія и дорожила жизнію.»

«Милая Наталья! Самъ Богъ послалъ меня сюда, для твоего избавленія. Положимся на Его милосердіе. Я не предвижу еще средствъ какъ спасти тебя, но Онъ наставитъ меня!»

«Я всякой день со слезами Ему молилась! Кто-жъ, какъ не Онъ, послалъ тебя сюда? Предадимся Его волѣ, и хотя спасеніе наше кажется невозможнымъ, но для Него и невозможное возможно!... Пора уже кончить исповѣдь. Глава пристально на насъ смотритъ. Не забудь моей просьбы: исполнять все, что̀ онъ тебѣ скажетъ. Не измѣни себѣ и подивись нелѣпостямъ, которыя ты еще увидишь.»

Наталья, положивъ руку на голову Бурмистрова, сказала: «Буди убѣленъ!»

Андреевъ и сообщники его подошли къ возвышенію и начали цѣловать Бурмистрова.

«Поклянись,» сказалъ онъ Василью, «что ты добровольно вступаешь въ число избранныхъ сыновъ истинной церкви. Оборотись лицомъ къ *небеснымъ вратамъ,* подними правую руку съ двоеперстнымъ знаменіемъ и повторяй, что̀ я буду говорить. *Никонъ, антихристъ и сосудъ сатанинскій, бодый церковь рогами и уставы ея стираяй! отрекаюся тебѣ и клянуся соблюдати уставы истыя церкве; аще ли же нарушу клятву, да буду преданъ казни и сожженъ огнемъ, уготованнымъ діаволу.»*

По произнесеніи клятвы, Андреевъ подвелъ Бурмистрова къ двери, находившейся на возвышеніи, и сказалъ ему, чтобы онъ три раза предъ нею повергся на землю. Послѣ того, всѣ вышли вонъ изъ церкви, надѣли на себя бѣлые саваны и взяли въ руки зажженныя свѣчи зеленаго воска. Андреевъ, подавая саванъ Бурмистрову, приказалъ ему надѣть его на себя и также взять свѣчу. Когда всѣ возвратились въ церковь, Наталья, въ бѣлой, широкой одеждѣ, съ чернымъ крестомъ на груди, и подпоясанная кожанымъ поясомъ, на которомъ было начертано нѣсколько славянскихъ буквъ, вышла изъ небесныхъ вратъ и стала по срединѣ церкви. Андреевъ и всѣ его сообщники составили около Натальи большой кругъ и начали бѣгать около нея, восклицая, чтобы на нее сошелъ духъ пророчества.

Чрезъ нѣсколько времени всѣ остановились,

и Андреевъ, вставъ предъ Натальею на колѣна, спросилъ:

«Новый сынъ истинной церкви будетъ ли всегда ей вѣренъ?»

«Будетъ!» отвѣчала Наталья.

«Нѣтъ ли у него въ сердцѣ какого нибудь злаго умысла противъ меня?»

«Нѣтъ!»

«Не грозитъ ли мнѣ какая-нибудь опасность?»

«Не грозитъ!»

«Не буду ли я когда-нибудь схваченъ слугами антихриста?»

«Не будешь!»

Такимъ образомъ всѣ сообщники Андреева, одинъ послѣ другаго, предлагали вопросы. Нелѣпость ихъ часто затрудняла Наталью, однакожъ она, по врожденной остротѣ ума ея, всегда находила приличные отвѣты.

Наконецъ дошла очередь до Бурмистрова. Онъ всталъ на колѣна и спросилъ: «Не смутитъ ли меня когда-нибудь врагъ человѣческаго рода, и не измѣню ли я истинной церкви?»

«Ты всегда будешь ей вѣренъ!»

Андреевъ, услышавъ этотъ двусмысленный отвѣтъ, ласково взглянулъ на Бурмистрова.

Когда очередь спрашивать дошла опять до Андреева, то онъ предложилъ вопросъ: «Антихристъ Никонъ давно уже пришелъ и умеръ:

когда же будетъ кончина міра, и нынѣшнія времена послѣднія, или еще не послѣднія?»

«Я скажу тебѣ это чрезъ три дня,» отвѣчала Наталья, нѣсколько затрудненная такимъ вопросомъ, и пошла изъ церкви. За нею и всѣ послѣдовали.

Объяснимъ читателямъ, какимъ образомъ Наталья сдѣлалась священникомъ раскольниковъ.

Когда Софія повелѣла Титовъ полкъ, за непокорность, разослать по дальнимъ городамъ, Андреевъ, которому назначено было итти въ Астрахань, отправляясь туда изъ Москвы съ своею сотнею, убилъ на дорогѣ посланнаго съ нимъ проводника и пошелъ окольными дорогами въ другую сторону. Случайно проходивъ близъ Ласточкина-Гнѣзда и увидѣвъ на берегу озера густой лѣсъ, онъ скрылся въ него съ пятидесятникомъ Гороховымъ и со своими стрѣльцами, почитавшими его за набожность святымъ, и рѣшился избрать въ глубинѣ этого лѣса мѣсто для устроенія истинной церкви, которую, по его убѣжденію, показалъ ему Аввакумъ. Церковь эта, безъ сомнѣнія, была создана бредомъ воображенія его, которое приходило въ сильное разстройство послѣ каждаго припадка запоя. Отъ послѣдняго избавила его другая сильная болѣзнь—горячка; но воображеніе его не излечилось. Найдя удобное мѣсто для осуществленія призрака, который представился

ему въ бреду, онъ увидѣлъ однажды Наталью, когда она прогуливалась по берегу озера, подсмотрѣлъ, что она ушла въ домъ Мавры Савишны, и рѣшился ее похитить; потому-что въ церкви, которую онъ хотѣлъ воздвигнуть, слѣдовало быть священникомъ молодой дѣвушкѣ. Онъ вовсе не зналъ, что Наталья была невѣста Бурмистрова. Читателямъ извѣстно все остальное.

Андреевъ, помня пророчество Натальи о Бурмистровѣ, началъ обходиться съ нимъ ласково и довѣрчиво, возлагалъ на него разныя порученія, и ходилъ однажды съ нимъ вмѣстѣ въ лѣсъ на охоту, которая составляла главный способъ пропитанія членовъ воздвигнутой имъ церкви.

Вечеромъ, наканунѣ дня, назначеннаго Натальею для разрѣшенія предложеннаго Андреевымъ вопроса, онъ послалъ Василья въ ея горницу, чтобы спросить, въ какое время можно будетъ на другой день служить пророческую обѣдню? Бурмистровъ воспользовался случаемъ, чтобы условиться съ Натальею о средствахъ къ ихъ побѣгу. Долго не находили они никакого; наконецъ Василью пришла мысль счастливая и рѣшительная. Онъ сообщилъ ее съ восторгомъ своей невѣстѣ и рѣшился испытать придуманное имъ средство, хотя и видѣлъ ясно всю его опасность.

Наталья назначила служить обѣдню за три часа до захожденія солнца. Бурмистровъ, прежде ухода въ свою келью, сообщивъ объ этомъ Андрееву, сказалъ, что священникъ, для открытія великой тайны о времени кончины міра, находитъ нужнымъ совершить самое торжественное служеніе, повелѣваетъ весь завтрашній день всѣмъ поститься, и надѣется отвѣтить на предложенный ему великій вопросъ въ ту самую минуту, когда солнце закатится.

И Василій и Наталья цѣлую ночь не смыкали глазъ, нетерпѣливо ожидая разсвѣта. Наконецъ солнце появилось на востокѣ. Оба думали, что́ готовитъ имъ наступившій день: спасеніе или гибель?

За три часа до солнечнаго заката собрались всѣ въ церковь, одѣвшись въ саваны и взявъ въ руки свѣчи зеленаго воску. Когда Наталья, въ своей одеждѣ, стала по срединѣ церкви, началось пѣніе и потомъ бѣганье вокругъ попрежнему. Въ утомленіи, нѣсколько разъ всѣ останавливались, и, отдохнувъ, снова начинали бѣгать. Поставленному на кровлѣ дома часовому было приказано извѣстить бывшихъ въ церкви о минутѣ, когда солнце начнетъ закатываться. Всѣ поглядывали на церковную дверь, не исключая Василья и Натальи, хотя они по другимъ побужденіямъ, нежели прочіе, нетерпѣливо жда-

ли вѣстника. Наконецъ онъ вошелъ торопливо въ церковь и сказалъ: «Закатывается!»

Любопытство еретиковъ достигло высшей степени. Они перестали бѣгать и, храня глубокое молчаніе, устремили взоры на Наталью.

«Я не въ силахъ еще возвѣстить вамъ великой тайны, которую вы знать желаете,» сказала Наталья торжественнымъ голосомъ. «Повергнитесь всѣ на землю и вознесите души ваши къ небу. Изгоните изъ сердецъ всѣ суетные помыслы. Да не смущаетъ слуха вашего никакой земной звукъ, и да не прельщаютъ зрѣнія никакіе суетные призраки этого міра, ни камень, ни дерево, ни вода, ни свѣтъ, ни мракъ; все земное заражено прикосновеніемъ слугъ антихриста. Скоро, по моленію вашему, услышите тайну тайнъ!»

Всѣ раскольники съ благоговѣніемъ легли на полъ, ницъ лицомъ, зажали уши и зажмурили глаза.

Бурмистровъ съ сильнымъ трепетомъ сердца тихонько всталъ съ пола и, взявъ Наталью за руку, повелъ изъ церкви. Бѣдная дѣвушка едва дышала. Они подошли къ двери. Василій началъ ее медленно отворять, опасаясь, чтобы она не заскрипѣла. Наконецъ вышли они изъ церкви, спустились съ лѣстницы и, пройдя поспѣшно дворъ, приблизились къ воротамъ. Они были заперты. Черезъ высокую насыпь перелѣзть

было невозможно, другаго же выхода, по словамъ Натальи, не было. По ея совѣту, Бурмистровъ вошелъ въ избу привратника, стоявшую близъ воротъ, и началъ искать въ ней ключа. Осмотрѣвъ всѣ уголки, онъ въ недоумѣніи остановился предъ деревяннымъ столомъ, у окошка, не смѣя выйти къ Натальѣ и сказать ей о безуспѣшности своихъ поисковъ. Онъ почти уже рѣшился сломать висѣвшій на воротахъ замокъ, избѣгая сколько возможно неминуемаго притомъ шума. Въ эту самую минуту вошла въ избу, съ радостнымъ лицомъ, Наталья, держа ключъ въ рукѣ. «Онъ висѣлъ на вереѣ,» сказала она шопотомъ. Бурмистровъ осторожно отворилъ ворота и вывелъ невѣсту свою за насыпь. Оба перекрестились и поспѣшно начали спускаться съ горы, къ извѣстной уже читателямъ просѣкѣ. Вскорѣ они достигли ея, и побѣжали къ тропинкѣ.

Между-тѣмъ раскольники, лежа на полу съ зажмуренными глазами и заткнутыми ушами, съ нетерпѣніемъ ожидали повелѣнія священника, встать для услышанія тайны, которая сильно заняла ихъ воображеніе. Прошло около часа. Андреевъ, долго лежа на полу наравнѣ съ другими, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія. Священникъ истинной церкви не можетъ быть зараженъ прикосновеніемъ слугъ антихриста,—размыслилъ Андреевъ и рѣшился тихонько взглянуть на Наталью. Увидѣвъ, что ее посрединѣ

церкви нѣтъ, онъ вскочилъ и закричалъ ужаснымъ голосомъ: «Измѣна! предательство!»

Всѣ раскольники, услышавъ крикъ его, вскочили. Вмигъ выбѣжали они вслѣдъ за своимъ главою изъ церкви, переодѣлись въ стрѣлецкіе кафтаны, схватили сабли и пустились въ погоню за бѣглецами.

Между-тѣмъ Василій и Наталья, добѣжавъ уже до знакомой первому тропинки, поспѣшно шли по ней къ выходу изъ лѣса. Видя утомленіе дѣвушки, Бурмистровъ принужденъ былъ итти потише и наконецъ остановиться, чтобы дать ей время отдохнуть. Съ трудомъ переводя дыханіе, она сѣла на кочку, покрытую мхомъ. Вдругъ позади ихъ послышался отдаленный шумъ. «Побѣжимъ, милая Наталья, за нами погоня!» воскликнулъ Бурмистровъ.

Оба побѣжали. Бѣдная дѣвушка вскорѣ потеряла послѣднія силы. Схвативъ Василья за руку и прислонясь къ плечу его, сказала она слабымъ голосомъ: «Я не могу бѣжать далѣе!»

Бурмистровъ, схвативъ ее на руки, продолжалъ бѣжать по тропинкѣ. Наклонившіяся до земли вѣтви и широко-раскинувшіеся кустарники часто его останавливали. Наконецъ тропинка пресѣклась оврагомъ, и оставалось уже не болѣе версты до выхода изъ лѣса, который примѣтно рѣдѣлъ. Перебравшись черезъ оврагъ, утомленный Бурмистровъ остановился, для ко-

роткаго отдыха, и посадилъ Наталью на камень, лежавшій между кустами. Въ это самое время раздался въ отдаленіи голосъ: «Вонъ, вотъ они!» и вскорѣ начали, одинъ за другимъ, появляться бѣгущіе толпою раскольники, съ поднятыми саблями.

Василій хотѣлъ снова взять Наталью на руки, но она, вскочивъ съ камня, указала ему въ ту сторону, куда имъ бѣжать было должно, и произнесла голосомъ, который выражалъ изнеможеніе и отчаяніе: «Мы погибли!»

Василій, взглянувъ туда, куда Наталья ему указывала, увидѣлъ Лыскова, ѣхавшаго верхомъ имъ на встрѣчу, въ сопровожденіи коннаго отряда стрѣльцовъ. Сидоровъ шелъ подлѣ него, снявъ шапку. Оружія съ Бурмистровымъ не было, потому-что онъ бѣжалъ съ Натальею прямо изъ церкви. Чтó оставалось ему дѣлать? На чтò онъ долженъ былъ рѣшиться: отдаться ли въ руки раскольниковъ, или же Лыскова? Онъ стоялъ въ недоумѣніи, поддерживая Наталью за руку. Между-тѣмъ бѣгущіе раскольники и Лысковъ къ нему приближались. Послѣдній однакожъ былъ отъ него вдвое ближе, нежели первые. Схвативъ толстый сукъ съ земли, рѣшился онъ защищать свою невѣсту до послѣдней крайности и умереть подъ саблями противниковъ.

«Обоихъ на осину!» кричалъ Андреевъ своимъ

сообщникамъ. «Не уйдете, предатели! Бѣгите, друзья, бѣгите за мной скорѣе!»

«Тропинка ужъ близко отсюда, баринъ, вонъ тамъ, за оврагомъ,» говорилъ Сидоровъ Лыскову: «мы какъ разъ до нея доберемся! Я тебѣ покажу куда ѣхать, а тамъ и ступай все прямо.... Господи твоя воля!» воскликнулъ онъ въ ужасѣ.

«Что съ тобой сдѣлалось, дурачина?» спросилъ Лысковъ. «Чего ты испугался.»

Сидоровъ не могъ ничего отвѣчать отъ страха и, дрожа, указалъ на Василья и Наталью. Они стояли неподвижно. Бѣлая одежда ихъ освѣщена была вечернею зарею, алое сіяніе которой проникало сквозь вѣтви деревъ и кустарниковъ.

«Что въ самомъ дѣлѣ за дьявольщина!» воскликнулъ Лысковъ, нѣсколько испугавшись и всматриваясь въ показанныхъ ему Сидоровымъ двухъ человѣкъ. «Они какъ-будто бы въ саванахъ! Тутъ должны быть какія-нибудь плутни! За мной, ребята! Схватимъ этихъ мошенниковъ!»

Онъ поѣхалъ со стрѣльцами впередъ, а Сидоровъ пустился бѣжать изъ лѣса съ такою быстротою, что и гончая собака едва ли бы перегнала его. Прибѣжавъ безъ души въ Ласточкино-Гнѣздо, объявилъ онъ тамъ прочимъ крестьянамъ, что господинъ ихъ встрѣтилъ въ лѣсу двухъ мертвецовъ и хотѣлъ было бѣжать, но

что они его, по дьявольскому наважденію, потянули къ себѣ со всѣми стрѣльцами.

Прискакавъ на близкое разстояніе къ Бурмистрову, Лысковъ закричалъ: «Кто вы таковы? Отдайтесь намъ въ руки, а не то я велю изрубить васъ.»

«Прежде разможжу я тебѣ голову, а потомъ сдамся!» отвѣчалъ Бурмистровъ.

Лысковъ, услышавъ знакомый голосъ и всмотрѣвшись въ лицо Василья, содрогнулся и отъ ужаса опустилъ изъ руки повода своей лошади. Онъ былъ увѣренъ, что Василью давно уже отрубили голову, и никакъ не ожидалъ увидѣть его въ саванѣ, посреди лѣса. Наталью, вѣроятно, онъ не узналъ, или счелъ и ее за привидѣніе.

«Чтожъ ты медлишь!» закричалъ Бурмистровъ. «Нападай на меня, если смѣешь!»

Лысковъ дрожащею рукою началъ доставать повисшіе повода, въ намѣреніи скакать изъ лѣса безъ оглядки. Лошадь, примѣтивъ, что сѣдокъ на ней ворочается, и ожидая удара поводомъ, подвинулась еще ближе къ Бурмистрову. Стрѣльцы остались на прежнемъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ отъ Лыскова отдаленіи, и, ожидая его приказаній, смотрѣли со страхомъ и изумленіемъ на происходившее. Бурмистровъ замѣтилъ ужасъ Лыскова и тотчасъ понялъ причину этого ужаса. Въ головѣ его блеснула счастливая мысль.

«Часъ твой насталъ, злодѣй!» закричалъ онъ

торжественнымъ голосомъ, бросивъ на землю толстый сукъ, который держалъ въ рукѣ. «Ни кто на свѣтѣ не спасетъ тебя! Иди за мною!»

Лысковъ, обезпамятѣвъ отъ страха, спустился съ лошади, и повалился на землю передъ Бурмистровымъ.

«Позволяю тебѣ жить на этомъ свѣтѣ еще десять лѣтъ, если ты сдѣлаешь хоть одно доброе дѣло,» продолжалъ Бурмистровъ. «Схвати этихъ разбойниковъ, которые бѣгутъ сюда, и предай ихъ въ руки правосудія.»

Лысковъ вскочилъ съ земли, сѣлъ на лошадь, махнулъ стрѣльцамъ и пустился съ ними на встрѣчу раскольникамъ.

Началась между ними упорная драка. Долго раздавались удары сабель и крики сражающихся; долго ни та, ни другая сторона не уступала. Наконецъ раскольники побѣжали, и Лысковъ со стрѣльцами пустился ихъ преслѣдовать. Тѣмъ временемъ Василій и Наталья, выбѣжавъ изъ лѣса, пошли въ Ласточкино-Гнѣздо. Заря уже угасла на западѣ. Бурмистровъ рѣшился итти въ избу Сидорова, выпросить у него телѣгу и немедленно ѣхать съ Натальей въ село Погорѣлово, покуда Лысковъ не воротился еще въ деревню, гдѣ почти всѣ жители уже спали.

«Кто тамъ?» закричалъ Сидоровъ, услышавъ стукъ у дверей своей избы.

«Впусти меня скорѣе!» сказалъ Бурмистровъ.

«Ахъ! это никакъ ты, Василій Петровичъ. Слава тебѣ Господи! видно, ты цѣлъ воротился изъ лѣсу.»

Сидоровъ, отворивъ дверь и увидѣвъ нарядъ Василья и Натальи, отскочилъ отъ нихъ аршина на три и прижался въ переднемъ углу къ стѣнѣ, подъ иконами.

«Что ты, что ты, братъ!» сказалъ Василій, входя съ Натальей въ избу. «Ты, вѣрно, подумалъ, что къ тебѣ мертвецы въ-гости пришли? Не бойся, мы тебѣ ничего не сдѣлаемъ. Заложи-ка поскорѣе телѣгу, да ссуди меня какимъ-нибудь кафтаномъ и шапкой, а для Натальи Петровны достань гдѣ-нибудь сарафанъ и повязку. Мы теперь же уѣдемъ въ Погорѣлово. Пріѣзжай завтра туда за твоимъ платьемъ. Да не льзя ли, братецъ, все это сдѣлать попроворнѣе. Я тебѣ завтра дамъ три серебряныхъ рубля за хлопоты. Только смотри: ни слова не говори Лыскову.»

«Да ты никакъ и впрямь не мертвецъ!» сказалъ Сидоровъ, все еще посматривая съ недовѣрчивостію и страхомъ то на Василья, то на его невѣсту. «Да кто васъ угораздилъ этакъ нарядиться? Святки что ли справляете? Раненько запраздновали! До святокъ-то еще можно сорокъ сороковъ тетеревей настрѣлять.»

«У Сидорова все дичь на умѣ,» сказала Наталья, съ улыбкой взглянувъ на Бурмистрова.

«Однакожъ, братецъ, не льзя ли все поскорѣе спроворить?» сказалъ Василій. «Намъ дожидаться некогда. Да одолжи мнѣ кстати до завтра твоего ружья.»

«Сейчасъ, сейчасъ, Василій Петровичъ. Все мигомъ будетъ готово!»

Сидоровъ проворно заложилъ свою лошадь въ телѣгу, сбѣгалъ къ замужней сестрѣ своей за сарафаномъ и повязкой, вытащилъ изъ сундука свой праздничный кафтанъ и шапку, досталъ изъ чулана ружье свое съ сумкой и подалъ все Бурмистрову.

Когда Василій и Наталья, переодѣвшись, сѣли уже въ телѣгу, Сидоровъ сказалъ: «А кто же будетъ лошаденкой-то править? Развѣ мнѣ самому, Василій Петровичъ, васъ прокатить!»

Безъ шапки, сѣлъ онъ на облучекъ телѣги, взялъ возжи, пріосанился, ударилъ лошадь плетью и поскакалъ по дорогѣ къ Погорѣлову, присвистывая и крича: «Ну, родимая, не выдай! Знатно скачетъ, только держись.»

Еще прежде полуночи онъ пріѣхалъ въ Погорѣлово. Нужно ли описывать радость Натальиной матери, которая такъ неожиданно увидѣла дочь свою послѣ долгой разлуки? Отецъ Павелъ не могъ удержаться отъ слезъ, глядя на обрадованную старуху и на восторгъ дочери. Мавра Савишна, вскочивъ со сна, въ торопяхъ надѣла на себя, вмѣсто своего сарафана, подрясникъ от-

ца Павла, и выбѣжала здороваться съ нежданными гостями, а потомъ, отъ восхищенія, пустилась плясать, не смотря на свою духовную одежду.

«Мавра Савишна!» сказалъ, улыбнувшись, отецъ Павелъ: «погляди на себя: ты, кажется, мой подрясникъ надѣла. Полно плясать-то!»

«Ничего, батюшка; на такой радости не грѣхъ и въ подрясникѣ поплясать — прости Господи мое согрѣшеніе! Ай люшиньки люли!»

Сидоровъ, которому Мавра Савишна послѣ пляски поднесла стаканъ настойки, остался, противъ приказанія Василья, ночевать въ домѣ отца Павла, и, получивъ свое платье, ружье и обѣщанную награду, на другой уже день возвратился въ Ласточкино-Гнѣздо, въ полной увѣренности, что барина его, Лыскова, утащили лѣшіе и мертвецы въ преисподнюю, и что никто не спроситъ его: куда онъ и съ кѣмъ ночью ѣздилъ?

IV.

Не знаешь, какъ онъ силенъ у двора:
Пропалъ ты, и на-вѣкъ!

Княжнинъ.

Было около полудня, когда Сидоровъ подъѣхалъ къ избѣ своей. На бѣду его, Лысковъ сидѣлъ на скамьѣ предъ своимъ домомъ, подъ тѣнью березы, отдыхая послѣ вчерашней, безуспѣшной погони за раскольниками, и ломая голову надъ чудесною встрѣчею его въ лѣсу съ Бурмистровымъ. Увидѣвъ Сидорова, махнулъ онъ ему рукою. Впустивъ лошадь свою съ телѣгою на дворъ, бѣднякъ почувствовалъ холодъ и жаръ въ рукахъ и ногахъ отъ страха, и побѣжалъ къ своему барину.

«Куда ты ѣздилъ, мошенникъ?»

«А въ лѣсъ за дровами, батюшка.»

«Такъ это ты шатался цѣлую ночь на-пролетъ по лѣсу, а? Говори же, разбойникъ! Ты и днемъ боишься въ лѣсъ ходить!»

«Виноватъ, батюшка! Съ глупа-то мнѣ и не въ-домѣкъ, что ночью въ лѣсъ за дровами не ѣзда.»

«Куда же ты ѣздилъ? говори мнѣ, плутъ, всю правду. Ѳедька, палокъ!»

«Взмилуйся, отецъ родной, Сидоръ Терентьичъ; за что?»

«Я тебѣ покажу за что. Катай его!» закричалъ Лысковъ своему холопу Ѳедькѣ, котораго главная должность состояла въ томъ, чтобы имѣть всегда запасъ палокъ, и чтобы колотить безъ пощады всякаго, кого баринъ прикажетъ.

Сидоръ повалился въ ноги Лыскову и признался, что онъ ѣздилъ въ село Погорѣлово.

«Въ Погорѣлово? А зачѣмъ? Небось къ прежней помѣщицѣ? Ахъ ты бездѣльникъ! Она-то васъ и избаловала! Ѳедька, принимайся за дѣло!»

«Помилуй, Сидоръ Терентьичъ!» продолжалъ Сидоровъ, кланяясь въ ноги Лыскову. «Я не къ помѣщицѣ ѣздилъ.»

«Такъ къ чорту что ли, мошенникъ? Говори мнѣ всю правду, не то до полусмерти велю приколотить.»

«Скажу, батюшка, всю правду-истину! Лаптишки у меня больно изорвались, такъ я и собрался въ Погорѣлово за покупкой. Тамъ кума моя, Василиса, знатные лапти плететъ.»

«Да что ты, бездѣльникъ, меня обманываешь! Понадобились лапти, такъ ночью за двадцать верстъ за ними поѣхалъ! Ахъ ты разбойникъ! До смерти прибью, если не скажешь правды.

Привяжи его къ этой березѣ, Ѳедька, да принеси палокъ-то потолще. Я изъ тебя выбью правду!»

Холопъ потащилъ бѣдняка къ березѣ.

«Скажу, Сидоръ Терентьичъ, все скажу, только помилуй!» закричалъ крестьянинъ, вырвавшись изъ рукъ холопа и снова упавши въ ноги Лыскову. «Я отвезъ въ Погорѣлово Василья Петровича съ Натальей Петровной.»

Лысковъ, не смотря на свое изумленіе, схватилъ палку и собственноручно излилъ гнѣвъ свой на бѣднаго крестьянина. Потомъ велѣлъ осѣдлать свою лошадь и, взявъ съ собою Сидорова и еще четырехъ крестьянъ, вооруженныхъ ружьями, поѣхалъ немедленно въ Погорѣлово, рѣшась отнять у Бурмистрова Наталью, которую считалъ своею холопкою.

Пріѣхавъ въ село, онъ остановился у дома священника, зная, что у него живетъ тетка Бурмистрова, и потому полагая навѣрное, что Натальѣ болѣе негдѣ быть, какъ въ домѣ отца Павла.

Лысковъ вошелъ прямо въ горницу. Мавра Савишна ахнула, старуха Смирнова заплакала, Наталья, поблѣднѣвъ, бросилась на шею матери, а отецъ Павелъ, не зная Лыскова, смотрѣлъ на всѣхъ въ недоумѣніи. Бурмистрова не было въ горницѣ.

«Что, голубушка, не уйдешь отъ меня! Изволька сбираться проворнѣе. Поѣдемъ ко мнѣ въ-

гости; ужъ и телѣга у воротъ для тебя стоитъ. Что жъ, за чѣмъ дѣло стало? Простись съ родительницей, да поѣдемъ проворнѣе.»

«Прежде умру!» отвѣчала Наталья, рыдая и обнимая мать свою.

«Вотъ пустяки какіе! Есть отъ чего умирать! Да тебѣ, моя красоточка, будетъ у меня не житье, а масляница. Ну, да вѣдь если волей нейдешь, такъ и силой потащатъ. Эй, Ванька, Гришка, подите всѣ сюда: тащите ее въ телѣгу!»

«Хоть я не знаю твоей милости,» сказалъ отецъ Павелъ, съ изумленіемъ и негодованіемъ смотрѣвшій на Лыскова: «однакожъ, какъ хозяинъ этого дома, кажется могу спросить: по какому праву разлучаешь ты мать съ дочерью?»

«Ха, ха, ха! По какому праву! Она моя холопка, вотъ и все тутъ. Если бъ забѣжала ко мнѣ на дворъ твоя лошадь или корова, ты бы, я чаю, пришелъ за нею, и я бы, вѣрно, не спросилъ: по какому праву берешь ты съ моего двора твою корову? Эхъ, старинушка! дожилъ до сѣдыхъ волосъ, а тебя же мнѣ надобно учить. Чтожъ вы, олухи, ее не тащите! Крику-то что ли ея испугались? Ну, поворачивайтесь! Подъ руки ее, подъ руки возьмите! Да отвяжись ты, старая вѣдьма! Этакъ за дочку-то уцѣпилась! Ты мать, а я господинъ. Дѣлать-то нечего! Оттолкни ее, Ванька!»

«Это что?» воскликнулъ Бурмистровъ, входя въ горницу. «Прочь, бездѣльники! Вонъ отсюда!»

Крестьяне, испуганные грознымъ голосомъ Бурмистрова, отошли отъ Натальи.

«Не лучше ли тебѣ итти вонъ?» сказалъ Лысковъ. «Я сегодня же донесу царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, что ты живехонекъ. Она, не знаю кому-то, голову велѣла отрубить.»

«Доноси кому хочешь, только убирайся вонъ!» закричалъ Василій.

«Да какъ ты смѣешь отбивать у меня мою холопку? Коли на разбой пошло, такъ я велю защищать себя. Ружья-то у пятерыхъ заряжены. Ты думаешь, что я тебя испугался. Волоскомъ меня тронь, такъ я стрѣлять велю! Ты и то шесть лѣтъ слишкомъ у смерти укралъ. По настоящему, надобно схватить тебя, да отправить въ Москву. Хватайте его, ребята, вяжите! Чтожъ вы, бездѣльники? У него оружія нѣтъ, чего вы трусите? Хватай его, Ванька!»

«Какъ, это ты, Сидоровъ, на меня нападаешь! Ну, ну смѣлѣе! Попробуй схватить меня!»

«Да чтожъ, Василій Петровичъ, дѣлать, воля господская;. велятъ, такъ и на отца роднаго кинешься!

«Полно, Сидоровъ! Опусти-ка лучше мою руку; вѣдь я посильнѣе тебя. Мнѣ не хочется противъ тебя защищаться.»

«Мошенникъ ты, Ванюха!» закричала Мавра

Савишна: «забылъ ты мою хлѣбъ-соль! Ну, да Богъ съ тобой!»

Бурмистровъ между-тѣмъ схватилъ ружье Сидорова. Послѣдній притворился будто старается удержать ружье всѣми силами и между-тѣмъ шепталъ Бурмистрову: «Дай мнѣ тычка, а ружье-то отними!»

Другіе крестьяне хотѣли броситься къ Сидорову на помощь, но отецъ Павелъ остановилъ ихъ, закричавъ: «Грѣшно, дѣти, грѣшно пятерымъ нападать на одного.»

Бурмистровъ, для вида, толкнулъ своего противника и вырвалъ у него ружье.

«Ой мои батюшки!» закричалъ Сидоровъ, упавъ нарочно на полъ. «Этакой медвѣдь какой, никакъ мнѣ ребро переломилъ!»

Лысковъ задрожалъ отъ злости и закричалъ крестьянамъ: «Стрѣляйте! Я отвѣтчикъ за его голову.»

Крестьяне, исполняя приказаніе господина, прицѣлились въ Бурмистрова.

«Застрѣлите, дѣти, и меня вмѣстѣ!» сказалъ отецъ Павелъ, ставъ подлѣ Василья.

Всѣ ружья вдругъ опустились.

Бурмистровъ, прицѣлясь въ Лыскова, сказалъ: «Ты хотѣлъ меня застрѣлить, какъ разбойникъ, а противъ разбойниковъ, по закону, позволено защищаться. Сейчасъ уйди отсюда а не то посажу тебѣ пулю въ лобъ.»

«Хорошо,» воскликнулъ Лысковъ, задыхаясь отъ злобы: «я уйду; только ужъ поставлю на своемъ. Сегодня же пошлю челобитную къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.»

«Да ужъ поздно, Хамово поколѣніе, поздно, сѣмя крапивное!» закричала Мавра Савишна, которая вмѣстѣ съ старухой Смирновой старались привести въ чувство упавшую въ обморокъ Наталью. «Я ужъ съ племянникомъ сама написала на тебя сегодня челобитную батюшкѣ-царю Петру Алексѣевичу!»

«Очень радъ!» сказалъ Лысковъ: «насъ царь разсудитъ.»

«Племянникъ-то мнѣ растолковалъ, что ты въ моемъ помѣстьѣ не владѣлецъ, и что Ласточкино-Гнѣздо и съ домикомъ все-таки мое, даромъ-что меня по шеѣ оттуда выгнали!»

«Не разсказывай всего этому плуту, тетушка. Убирайся же вонъ! Чего ты еще дожидаешься?»

«Уйду, сейчасъ уйду, дай только слово сказать. Ты, вѣдь, святой отецъ, хозяинъ этого дома. Если укрываешь у себя мою холопку, такъ и отвѣчать долженъ за нее, если она убѣжитъ. Тогда я за тебя примусь. Не забудь этого. Прощай! Авось скоро увидимся. Пойдемте, мошенники!» закричалъ Лысковъ крестьянамъ. «Я съ вами дома раздѣлаюсь! Пятеро не могли съ однимъ сладить!»

«Если хочешь, тетушка, то прикажи твоимъ

крестьянамъ остаться здѣсь,» сказалъ Василій. «Лысковъ не помѣщикъ ихъ; онъ завладѣлъ твоимъ имѣніемъ не по закону, а самовольно. Ты настоящая помѣщица.»

«Коли такъ,» воскликнула Мавра Савишна, посадивъ пришедшую въ чувство Наталью на скамью: «то я вамъ всѣмъ приказываю не уходить отсюда ни на пядь!»

«Слушаемъ, матушка!» сказали въ одинъ голосъ обрадованные крестьяне.

«Кормилица ты наша!» прибавилъ Сидоровъ, бросясь къ Маврѣ Савишнѣ: «дай поцѣловать твою ручку! Опять ты наша госпожа! Слава тебѣ Господи!»

«Врешь ты, разбойникъ!» закричалъ Лысковъ: «я вашъ господинъ! Осмѣльтесь не пойти со мною: до полусмерти всѣхъ велю батогами образумить.»

«Не прикажешь ли, матушка, Мавра Савишна, самого его образумить и проводить отсюда?» спросилъ Сидоровъ, сложивъ кулаки и поправляя рукавицы.»

«Вонъ его толкай, Ванюха!» закричала Мавра Савишна. «Живетъ, мошенникъ, въ моемъ домикѣ, ни за-што ни про-што, да еще надъ моими крестьянами смѣетъ ломаться! Вонъ его!»

«Ребята, не отставай!» закричалъ Сидоровъ, выталкивая Лыскова въ шею изъ горницы. «Про-

водимъ его милость за ворота, вѣдь госпожа приказала!»

«Прибавь ему, Ванюха, прибавь ему, мошеннику!» кричала Мавра Савишна.

Крестьяне, вытолкавъ Лыскова за ворота, возвратились въ горницу и спросили помѣщицу: что̀ имъ еще дѣлать прикажетъ?

«Пусть они покуда останутся у меня въ домѣ,» сказалъ отецъ Павелъ: «да не велишь ли имъ, Мавра Савишна, помочь моей работницѣ; она пошла въ огородъ гряды полоть?»

«Слышите, ребята? Ступайте гряды полоть, да смотрите: не пускайте козла въ огородъ. Неравно Лысковъ сюда воротится, такъ опять его въ шею!»

«Слушаемъ, матушка!» сказали крестьяне и вышли изъ горницы.

«Ну, племянникъ,» сказала Мавра Савишна: «потѣшили мы себя: вытолкали мошенника. Только что-то будетъ съ нами? Вѣдь разбойникъ на всѣхъ насъ нажалуется церевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ!»

«Такъ чтожъ? Пусть его жалуется. Твоя челобитная прежде придетъ къ царю Петру Алексѣевичу.»

«Развѣ онъ, нашъ батюшка, за насъ заступится; а не то бѣдовое дѣло: всѣ пропадемъ какъ мошки!»

«И, полно, тетушка! Правому нечего бояться. Я теперь же поѣду въ село Преображенское и ударю челомъ царю.»

«Да, да, поѣзжай скорѣе, пока насъ всѣхъ еще не перехватали, да не сковали.»

V.

Ко скипетру рожденны руки
На трудъ несродный простиралъ:
Звучатъ доднесь по свѣту звуки,
Какъ онъ сѣкирой ударялъ.
Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ.

Державинъ.

Кто изъ Русскихъ не знаетъ села Преображенскаго, этой колыбели величія Петра? Кто не читалъ, или не слыхалъ про забавы царственнаго отрока съ его Потѣшными, на обширныхъ поляхъ, которыя это село окружали?

Еще при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ въ Преображенскомъ былъ устроенъ Потѣшный Дворъ, родоначальникъ русскихъ театровъ. Тамъ, какъ повѣствуютъ Розрядныя Записки, въ 1676 году *была комедія; тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна Царица Царю голову отсѣкла, и на органахъ играли Нѣмцы, да люди дворовые Боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева. Тогожъ году была другая комедія тамъ же, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и въ органы играли, и на фіолахъ, и въ струменты, и танцовали.*

Родитель Петра Великаго, царь Алексій Михайловичъ, особенно любилъ село Преображенское и часто тамъ отдыхалъ отъ заботъ государственныхъ, предаваясь любимой забавѣ своей, соколиной охотѣ. Оно служило пріятнымъ убѣжищемъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ и царю Петру Алексѣевичу во время правленія Софіи. Тамъ юный государь завелъ, сначала въ небольшомъ числѣ, Потѣшныхъ изъ юношей равныхъ съ нимъ лѣтъ. Это небольшое войско, служившее къ увеселенію монарха и получившее отъ того свое названіе, мало-по-малу умножилось, и часть этого войска была переведена въ село Семеновское. Съ того времени Потѣшные раздѣлились на Преображенскихъ и Семеновскихъ, и въ послѣдствіи изъ нихъ учреждены были, въ 1695 году, полки Преображенскій и Семеновскій.

Сначала Потѣшные составляли одну только роту. Капитаномъ ея былъ Женевецъ Лефоръ, любимецъ Петра Великаго. Вступивъ въ русскую службу, въ 1677 году, онъ отличилъ себя храбростью въ походѣ противъ Татаръ и Турокъ. Впослѣдствіи юный царь узналъ и полюбилъ его, началъ учиться у него голландскому языку и вступилъ къ нему въ роту солдатомъ. Наравнѣ съ сослуживцами своими, юный царь спалъ въ палаткѣ, билъ зорю, стоялъ, поочереди, на-часахъ, возилъ на тележкѣ землю для устроенія крѣпостцы, словомъ сказать, подавалъ

собою примѣръ своимъ подданнымъ воинской подчиненности, и наконецъ монархъ Россіи съ великою радостію получилъ чинъ сержанта. На слова патріарха, старавшагося, по совѣту бояръ, отвлечь юнаго государя отъ несоразмѣрныхъ съ его силами и возрастомъ трудовъ, онъ отвѣчалъ: «Труды не ослабляютъ здоровья моего, а напротивъ, его укрѣпляютъ. Много времени проходитъ у меня и въ пустыхъ забавахъ, но отъ нихъ, владыко святой, никто меня не отвлекаетъ.»

Въ 1684 году, въ день Преполовенія, двѣнадцатилѣтній царь, находясь въ Москвѣ и осматривая Пушечный Дворъ, приказалъ стрѣлять въ цѣль изъ пушекъ и метать бомбы. Окружавшіе его бояре убѣждали монарха не подходить близко къ пушкамъ. Вмѣсто отвѣта, онъ взялъ фитиль, смѣло приложилъ къ затравкѣ—и пушка грянула.

Развивающійся съ каждымъ днемъ геній юнаго царя тревожилъ властолюбивую Софію. Въ 1688 году, двадцать-пятаго января, Петръ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ царемъ Іоанномъ и съ царевною, присутствовалъ въ первый разъ въ Государственной Думѣ, и съ-тѣхъ-поръ былъ удаляемъ отъ совѣщаній: царевна увидѣла, что, допустивъ вліяніе Петра на дѣла государства, она лишитъ сама себя власти. Не смотря на это, рожденный для престола геній не останавли-

вался на пути своемъ, и Софія съ безпокойствомъ предугадывала, что юный царь скоро твердою рукою возьметъ у нея скипетръ, ему по праву принадлежащій.

Солнце поднялось уже до половины изъ-за отдаленнаго бора, когда Бурмистровъ приближался къ Преображенскому, съ челобитною своей тетки. При въѣздѣ въ село, онъ услышалъ окликъ часоваго: «кто идетъ?» и остановилъ свою лошадь.

«Здѣсь ли его царское величество?» спросилъ Бурмистровъ.

«Его царское величество въ Москвѣ,» отвѣчалъ часовой.

«Какъ? мнѣ сказали, что царь Петръ Алексѣевичъ здѣсь, въ Преображенскомъ.»

«Говорятъ тебѣ, что царя здѣсь нѣтъ. Посторонись, посторонись! Прапорщикъ идетъ: надобно честь отдать.»

Бурмистровъ увидѣлъ приближавшихся къ нему двухъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ семнадцати, высокаго роста, *съ открытымъ, прелестнымъ лицомъ, на которомъ играла кровь юношества. Еслибъ это была дѣвица, то всѣ бы влюблялись въ нее.* (*) Другой былъ человѣкъ

(*) Слова Кемпфера, который, во время аудіенціи, видѣлъ Петра Великаго, когда государю было 16 лѣтъ отъ-роду.

также высокаго роста, лѣтъ тридцати-пяти, съ привлекательною физіономіею и благородною поступью. Оба разговаривали по-голландски.

Бурмистровъ, соскочивъ съ лошади и снявъ шапку, приблизился къ молодому офицеру, сталъ передъ нимъ на колѣна и подалъ ему челобитную.

Офицеръ, взявъ бумагу, спросилъ: «Кто ты таковъ?»

«Я бывшій пятисотенный Сухаревскаго стрѣлецкаго полка, Василій Бурмистровъ.»

«Бурмистровъ?... Про тебя мнѣ, какъ помнится, говорила что-то матушка. Не ты ли удержалъ твой полкъ отъ бунта?»

«Я исполнилъ свой долгъ, государь!»

«Встань! Обними меня! Тебѣ не прилично стоять передо мной на колѣнахъ: я прапорщикъ, а ты пятисотенный.»

Бурмистровъ, вставъ, почтительно приблизился къ царю, который обнялъ его и поцѣловалъ въ лобъ.

«Вотъ, любезный Францъ,» сказалъ монархъ, обратясь къ полковнику Лефору и потрепавъ Бурмистрова по плечу: «вѣрный слуга мой, даромъ-что стрѣлецъ. А гдѣ теперь полкъ твой?»

«Не знаю, государь. Я вышелъ давно уже въ отставку.»

«А зачѣмъ?»

Бурмистровъ разсказалъ все, что съ нимъ

было. Царь нѣсколько разъ не могъ удерживать своего негодованія, топалъ ногою и нахмуривалъ брови, внимательно слушая Василья.

«Отчего Милославскій такъ притѣснялъ тебя? Что-нибудь да произошло между вами?»

Бурмистровъ, зная, что Петръ столько же любилъ правду и откровенность, сколько ненавидѣлъ ложь и скрытность, объяснилъ государю: чѣмъ навлекъ онъ на себя гоненія.

«Такъ вотъ дѣло въ чемъ!... А гдѣ теперь твоя невѣста?»

«Неподалеку отъ Москвы, въ селѣ Погорѣловѣ. Тамошній священникъ пріютилъ ее вмѣстѣ съ ея матерью и моею теткою, которая лишена противозаконно своего небольшаго помѣстья. Ея челобитная и головы наши въ твоихъ рукахъ, государь! Заступись за насъ! Безъ твоей защиты, мы всѣ погибнемъ!»

Бурмистровъ снова сталъ на колѣна передъ Петромъ.

«Встань, встань, говорю я тебѣ!»

Прочитавъ челобитную, Петръ воскликнулъ: «Такъ этотъ Лысковъ отнялъ имѣніе у твоей тетки, да еще и невѣсту у тебя отнять хочетъ! Не бывать этому!»

«Онъ поѣхалъ въ Москву на меня жаловаться.»

«Кому жаловаться?»

Бурмистровъ смутился, не смѣя произнести имени царевны Софіи.

«Чтожъ ты не отвѣчаешь? Кому хотѣлъ онъ жаловаться? Сестрѣ моей, что ли?»

«Онъ угрожалъ, что надо мной исполнится приговоръ по старому докладу покойнаго боярина Милославскаго.»

«То есть, что сестра моя велитъ этотъ приговоръ исполнить? Говори прямо, смѣлѣе! Я люблю правду!»

«Онъ надѣется на помощь главнаго стрѣлецкаго начальника, окольничаго Шакловитаго.»

«Пускай надѣется!» воскликнулъ Петръ, топнувъ ногою.» Будь покоенъ: я твой защитникъ! Иди за мною.»

Бурмистровъ, взявъ свою лошадь за повода, послѣдовалъ за царемъ и Лефоромъ. Вскорѣ вышли они изъ села на поле, гдѣ Преображенскіе и Семеновскіе Потѣшные, въ ожиданіи прибытія царя, стояли уже подъ ружьемъ.

«Начни, полковникъ, ученье, и гдѣ стать мнѣ прикажешь?» спросилъ Петръ Лефора.

«У первой Преображенской роты.»

«А ты, пятисотенный,» сказалъ Петръ Бурмистрову: «останься на этомъ мѣстѣ, да посмотри на ученье моихъ Преображенцевъ и Семеновцевъ. Это не то, что̀ стрѣльцы.»

Царь, положивъ въ карманъ челобитную, которую держалъ въ рукѣ, вынулъ шпагу и сталъ на указанное мѣсто.

По окончаніи ученья, Петръ подошелъ къ Лефору и пожалъ ему руку.

«Ну что?» сказалъ государь, обратясь къ Бурмистрову. «Каково мои Потѣшные маршируютъ и стрѣляютъ? Они успѣютъ три раза залпомъ выстрѣлить, покуда стрѣльцы ружья заряжаютъ! А за все спасибо тебѣ, любезный Францъ! Обними меня!»

Послѣ этого царь вдругъ спросилъ Бурмистрова: «Гдѣ же была до-сихъ-поръ твоя невѣста? Ты, вѣдь, говорилъ, что Милославскій завѣщалъ ее Лыскову. Почему жъ этотъ плутъ только теперь вздумалъ ее у тебя отнимать?»

Бурмистровъ разсказалъ, какъ онъ освободилъ ее изъ рукъ раскольниковъ.

«Чтожъ ты мнѣ давеча этого не сказалъ?»

«Я думалъ, что это не стоитъ вниманія твоего царскаго величества.»

«Не хорошо, пятисотенный; отъ меня не должно ничего скрывать. Царю все знать нужно.»

По короткомъ размышленіи, Петръ продолжалъ: «Я велю дать тебѣ *опасную грамату*. (*)

(*) Когда кто-нибудь угрожалъ убить другаго, то, по челобитной государю, выдавалась просителю *опасная грамата съ большою заповѣдью*. Въ граматѣ означалось, что если тотъ, кто на другаго *похвалился смертнымъ убійствомъ*, исполнитъ свою угрозу, то заплатитъ *заповѣдь*

Посмотримъ, кто осмѣлится тронуть тебя, или твою невѣсту. Лыскову прикажу я возвратить немедленно помѣстье твоей теткѣ и заплатить ей сто рублей проторей и убытковъ, чтобы онъ впередъ не осмѣливался обижать честныхъ людей.... Справедливо ли написана челобитная твоей тетки?»

«За справедливость челобитной ручаюсь я моею головою, государь.»

«Не забудь словъ твоихъ, и помни: кому они сказаны:... Полагаясь на жалобу одной стороны, я никогда не дѣйствую; но для тебя отступаю отъ своего правила и потому, что тебѣ вѣрю, и потому, что дѣла поправить уже будетъ нельзя, когда отрубятъ тебѣ голову.... Ну слушай же еще: я дамъ тебѣ роту моихъ Потѣшныхъ. Исполни прежде все то, что̀ будетъ написано въ граматѣ, а потомъ поди съ ротой, схвати всѣхъ раскольниковъ, у которыхъ была твоя невѣста, и приведи всѣхъ въ Москву, на Патріаршій Дворъ. Я напишу объ нихъ святѣйшему патріарху. Которую роту, полковникъ, можно будетъ съ нимъ послать?» спросилъ Петръ Лефора.

(отъ пяти до семи тысячъ рублей и болѣе). Если кто послѣ этого совершалъ убійство, тотъ наказывался смертію, и родственники убитаго получали изъ имѣнія убійцы половину написанной въ граматѣ заповѣди, другая же половина взыскивалась въ казну.

«Я думаю, что лучше выбрать охотниковъ.»

«Хорошо! Объяви, въ чемъ состоитъ порученіе, и вызови охотниковъ.»

Лефоръ, подозвавъ къ себѣ всѣхъ офицеровъ, передалъ имъ приказаніе царя. Офицеры, возвратясь на мѣста свои, объявили приказъ полковника солдатамъ.

«Ну кто жъ охотники?» закричалъ Лефоръ. «Выступите изъ ряда!»

Весь длинный строй Потѣшныхъ двинулся впередъ.

«Ого!» воскликнулъ государь: «всѣ охотники! Хорошо, похвально, ребята! Но всѣхъ васъ много для этого похода; пусть идетъ третья рота. Смотри жъ, пятисотенный, я поручаю эту роту тебѣ. Да не переучи ее по-своему. Не отправить ли съ тобой офицера? Или нѣтъ; двое только будете мѣшать другъ другу, да и солдатъ съ толку собьете. Слѣдуй за мною: я дамъ тебѣ грамату, а потомъ и ступай въ походъ. Я надѣюсь, что ты не ударишь себя лицомъ въ грязь.»

Петръ, сопровождаемый Лефоромъ и Бурмистровымъ, при громкомъ звукѣ барабановъ, пошелъ къ селу. Черезъ нѣсколько часовъ Бурмистровъ съ ротою Потѣшныхъ поспѣшалъ уже къ селу Погорѣлову.

Въ опасной граматѣ, данной ему государемъ, было сказано, что тотъ, кто убьетъ Бурмистрова, будетъ наказанъ смертію и заплатитъ семь

тысячъ рублей заповѣди. Въ концѣ было прибавлено, что кабала, написанная на Наталью, уничтожается, что Ласточкино-Гнѣздо возвращается прежней помѣщицѣ и что завладѣвшій этою деревнею подъячій Лысковъ обязанъ ей заплатить, убытковъ и проторей, сто рублей; если же считаетъ себя правымъ, то явился бы немедленно въ Преображенское съ доказательствами.

VI.

Всѣ готовились къ смерти; никто не смѣлъ упомянуть о сдачѣ.

Карамзинъ.

Черезъ нѣсколько дней Бурмистровъ былъ уже въ Погорѣловѣ. Назначивъ одни сутки солдатамъ для роздыха и размѣстивъ ихъ по крестьянскимъ избамъ, онъ пошелъ къ дому отца Павла.

«Ну чтó, племянникъ,» воскликнула Мавра Савишна при входѣ Василья въ горницу: подалъ ли ты мою челобитную батюшкѣ-царю Петру Алексѣевичу.»

«Подалъ; но еще не знаю чѣмъ дѣло кончится,» отвѣчалъ Василій. Онъ хотѣлъ не вдругъ объявить теткѣ о царскомъ повелѣніи, чтобы болѣе ее обрадовать.

Мавра Савишна тяжело вздохнула. Отецъ Павелъ, бывшій также въ горницѣ, началъ ее утѣшать и совѣтовать, чтобы она, возложивъ надежду на Бога и царя, не предавалась преждевременно унынію. Вскорѣ потомъ вошла въ горницу Наталья съ своею матерью. Обѣ начали

разспрашивать Василья о послѣдствіяхъ его поѣздки въ Преображенское; но онъ не успѣлъ еще имъ отвѣтить, какъ подъ окнами дома раздался конскій топотъ, и Мавра Савишна, взглянувъ въ окно, закричала:

«Ну! пропали мы!»

«Что такое, тетушка?» спросилъ Бурмистровъ.

«Мошенникъ Лысковъ пріѣхалъ, и съ нимъ ратной силы на коняхъ видимо-невидимо! Охъ мои батюшки, пропали наши головушки!»

«Ничего, тетушка, будь спокойна!»

«Желаю здравія!» сказалъ Лысковъ, входя въ горницу, съ злобною радостію на лицѣ. «Я говорилъ вамъ въ прошлый разъ, что мы скоро опять увидимся. Вотъ я и пріѣхалъ, да еще и не одинъ: со мною тридцать конныхъ стрѣльцовъ. Эй, войдите сюда!» закричалъ онъ, оборотясь къ двери.

Вошли шесть стрѣльцовъ съ обнаженными саблями.

«Схватите этого молодца,» сказалъ онъ имъ, указывая на Бурмистрова: «свяжите и отвезите въ Москву къ благодѣтелю моему, а вашему главному начальнику!»

«Постойте, ребята!» сказалъ спокойно Василій подошедшимъ къ нему стрѣльцамъ. «Еще успѣете взять и связать меня, я никуда не уйду. По чьему приказу,» спросилъ онъ Лыскова: «хочешь ты отослать меня въ Москву?»

«Да вотъ прочти, пріятель, эту бумагу; увидишь, кто приказалъ схватить тебя. Дѣлать-то нечего! Ужъ лучше покориться, а станешь упрямиться, такъ худо будетъ!»

Василій, взявъ поданную ему бумагу, началъ читать ее, а Лысковъ между-тѣмъ сказалъ Натальѣ: «А ты, моя холопочка, сбирайся проворнѣе ѣхать со мною.»

Наталья посмотрѣла на него съ презрѣніемъ и, обнявъ мать свою, заплакала. Въ это время вошелъ въ горницу Сидоровъ съ вязанкою дровъ, чтобы затопить печь, по приказанію Мавры Савишны. Увидѣвъ Лыскова со стрѣльцами, онъ отъ страха уронилъ дрова на полъ и, сплеснувъ руками, остановился у двери, какъ истуканъ.

«Не плачь, милая Наталья, успокойся!» сказалъ Бурмистровъ. «Тебя Лысковъ не увезетъ отсюда и меня не отправитъ въ Москву: эта бумага ничего не значитъ!»

«Какъ ничего не значитъ!» воскликнулъ Лысковъ. «Да ты бунтовать что ли вздумалъ? Развѣ не прочиталъ ты повелѣнія царевны Софьи Алексѣевны, объявленнаго мнѣ главнымъ стрѣлецкимъ начальникомъ? Знать, у тебя отъ страха въ глазахъ зарябѣло!»

«Нѣтъ, вовсе не зарябѣло. Въ доказательство, я прочту тебѣ еще другую бумагу. Слушай.»

Вынувъ изъ кармана грамату царя Петра, началъ онъ читать ее вслухъ.

Отецъ Павелъ былъ тронутъ до слезъ правосудіемъ государя. Наталья въ восторгѣ обнимала мать свою и плакала отъ радости. Стрѣльцы вложили въ ножны свои сабли и сняли шапки. Лысковъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, дрожа отъ досады, а Мавра Савишна восклицала: «Что взялъ, мошенникъ? Не долго нажилъ въ моемъ домикѣ; царь-то батюшка защитилъ меня, бѣдную!»

Обрадованный Сидоровъ подбѣжалъ къ ней и, поцѣловавъ у нея руку, спросилъ: «Не прикажешь ли, матушка Мавра Савишна, опять проводить отсюда его милость, Сидора Терентьича?»

«Не тронь его, Ванюха! Лежачаго не бьютъ.»

«Да онъ, матушка, не лежитъ еще, а стоитъ словно пень какой. Взглянь-ка на него: вѣдь совсѣмъ парень-то ошалѣлъ. Позволь проводить.»

«Дай срокъ, и самъ уйдетъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, Лысковъ, видя, что дѣлать нечего, и не смѣя ѣхать въ Преображенское, поглядѣлъ на всѣхъ, какъ разсерженная ехидна, поспѣшно вышелъ изъ горницы, сѣлъ на свою лошадь и поскакалъ съ сопровождавшими его стрѣльцами въ Москву.

На другой день Бурмистровъ, простясь съ отцемъ Павломъ, съ Натальею, ея матерью и своею теткою, повелъ роту Потѣшныхъ въ Ласточкино-Гнѣздо. Прибывъ туда и остановясь тамъ, для отдыха, пошелъ онъ потомъ въ Чор-

тово-Раздолье и еще прежде солнечнаго заката достигъ горы, на которой находилось жилище Андреева и его собщниковъ. Онъ приказалъ солдатамъ зарядить ружья и началъ подниматься на гору. На площадкѣ, расчищенной передъ насыпью въ томъ мѣстѣ, гдѣ были ворота, Василій поставилъ роту и самъ взлѣзъ на дерево, чтобы взглянуть за насыпь. На дворѣ не было ни одного человѣка. Вдругъ послышалось въ зданіи, которое стояло посреди двора, пѣніе, и вскорѣ опять все утихло. Бурмистровъ приказалъ одному изъ солдатъ выстрѣлить, чтобы вызвать раскольниковъ изъ дома и объявить имъ царское повелѣніе. Гулъ повторилъ раздавшійся выстрѣлъ, и Бурмистровъ чрезъ нѣсколько времени увидѣлъ Андреева и его сообщниковъ, поспѣшно выходившихъ изъ дома. Всѣ они были вооружены саблями и ружьями. Одинъ изъ нихъ несъ стрѣлецкое знамя. Андреевъ взошелъ на насыпь по приставленной къ ней лѣстницѣ и, увидѣвъ роту, закричалъ: «Всѣ сюда, за мной!»

Бурмистровъ, спустясь съ дерева, всталъ передъ ротою. Всѣ раскольники, въ-слѣдъ за своимъ главою, одинъ за другимъ, поспѣшно взобрались на насыпь.

Василій объявилъ Андрееву цѣль своего прихода и прибавилъ: «Ты видишь, что со мною цѣлая рота храбрыхъ солдатъ; если станешь намъ противиться, мы начнемъ приступъ. Не

принудь насъ къ кровопролитію, лучше сдайся и покорись царской волѣ.

Вмѣсто отвѣта, Андреевъ выстрѣлилъ въ Бурмистрова; пуля, свистнувъ, ушла въ землю подлѣ самаго Василья, означивъ мѣсто, куда она попала, взлетѣвшею пылью и пескомъ.

«Прикладывайся, стрѣляй!» закричалъ Василій.

Залпъ ружей грянулъ, и нѣсколько убитыхъ и раненныхъ полетѣло съ насыпи.

«Стрѣляйте!» воскликнулъ въ бѣшенствѣ Андреевъ, махая саблею. Два или три выстрѣла, одинъ за другимъ, раздались съ насыпи, но никого не ранили изъ Потѣшныхъ, которые снова выстрѣлили въ ихъ противниковъ залпомъ и привели ихъ въ совершенное разстройство.

Не слушая крика Андреева, раскольники побѣжали къ лѣстницѣ, тѣсня другъ друга.

«На деревья, ребята!» закричалъ Бурмистровъ Потѣшнымъ. «Стрѣляй бѣглымъ огнемъ!»

Солдаты, проворно взобрались на густыя деревья, окружавшія со всѣхъ сторонъ насыпь, и начали стрѣлять въ бѣжавшихъ къ главному зданію раскольниковъ. Въ густой зелени деревъ безпрестанно, въ разныхъ мѣстахъ, мелькали, съ трескомъ, струи огня. Бѣлый дымъ клубами пробирался между вѣтвями къ вершинамъ и разсѣявался въ воздухѣ.

Андреевъ, оставшійся на насыпи, въ ярости

рубилъ саблею землю. Когда пальба прекратилась, Василій, стоявшій близъ воротъ, закричалъ ему: «Сдайся! Ты видишь, что не можешь намъ противиться!»

Андреевъ, заскрежетавъ зубами, бросилъ въ Бурмистрова свою саблю. Тотъ отскочилъ, и сабля, повернувшись на лету, рукояткою ударилась въ землю съ такою силой, что ушла въ нее до половины. Бросясь потомъ на колѣна и поднявъ руки къ небу, Андреевъ въ-полголоса произнесъ какую-то молитву и спустился по лѣстницѣ съ насыпи.

Бурмистровъ, приказавъ нѣсколькимъ Потѣшнымъ остаться на деревьяхъ для наблюденій за дѣйствіями раскольниковъ, собралъ всѣхъ прочихъ предъ воротами, велѣлъ устроить перекладину, срубить дерево и вытесать тяжелое бревно, съ одного конца заостренное. Повѣсивъ на перекладину это бревно на веревочной лѣстницѣ, взятой имъ изъ Преображенскаго, приказалъ онъ солдатамъ какъ можно сильнѣе бить заостреннымъ концемъ въ ворота. Вскорѣ они въ нѣсколькихъ мѣстахъ, отъ сильныхъ ударовъ, раскололись.

«Кто-то вышелъ изъ дома и идетъ къ насыпи!» закричалъ одинъ изъ Потѣшныхъ, бывшій на деревѣ неподалеку отъ Василья: «онъ всходитъ на лѣстницу.»

«Бейте сильнѣе, ребята, въ правую половину

воротъ!» воскликнулъ Бурмистровъ: «она больше раскололась.»

«Остановитесь!» закричалъ пятидесятникъ Гороховъ, появившійся на насыпи: «не трудитесь понапрасну. Глава нашъ требуетъ одного получаса на молитву и размышленіе. Онъ видитъ, что вы сильнѣе, и намѣревается безъ сопротивленія сдаться. Не смущайте насъ шумомъ въ послѣдней молитвѣ по нашей вѣрѣ истинной.»

«Скажи главѣ,» сказалъ Бурмистровъ: «что я согласенъ исполнить его требованіе. Если же чрезъ полчаса вы не сдадитесь, мы вышибемъ ворота и возьмемъ всѣхъ васъ силою.»

Гороховъ, спустясь съ насыпи, возвратился въ домъ.

Бурмистровъ велѣлъ солдатамъ отдохнуть. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ Потѣшныхъ закричалъ съ дерева: «Нѣсколько человѣкъ вышли изъ слуховаго окна на кровлю дома. Всѣ безъ оружія и на всѣхъ, кажется, саваны.»

«Вѣрно, они хотятъ молиться,» сказалъ Бурмистровъ.

«Что это?» воскликнулъ Потѣшный: «двое тащатъ на кровлю какую-то дѣвушку; и она также вся одѣта въ бѣломъ.»

«Это ихъ священникъ,» продолжалъ Василій.

«Изъ нижнихъ оконъ дома появился дымъ. Господи Боже мой! кажется, домъ загорается

снизу; вотъ ужъ и огонь пышетъ изъ одного окошка.»

«Ломайте скорѣе ворота, ребята!» закричалъ Василій.

Между-тѣмъ всѣ раскольники и глава ихъ, въ саванахъ, вышли на кровлю дома и запѣли свою предсмертную молитву. Они рѣшились лучше сжечь себя, нежели сообщиться съ нечестивымъ міромъ. Жертва ихъ изувѣрства, несчастная дѣвушка, гдѣ-нибудь ими похищенная послѣ освобожденія Натальи, громко кричала и вырывалась изъ рукъ двухъ, державшихъ ее изувѣровъ, которые, не обращая на жалобный вопль ея вниманія, продолжали пѣть вмѣстѣ съ прочими унылую, предсмертную пѣснь. При шумѣ пожара Василій разслушалъ только слѣдующія слова:

Міре нечестивый, міре оскверненный,
Сѣтію антихриста, яко мрежею, уловленный!
Нѣсть дано тебѣ власти надъ нами,
И се стоимъ предъ небесными вратами.

Расколотыя ворота слетѣли съ петлей, и Бурмистровъ съ Потѣшными вбѣжалъ на дворъ. Изъ всѣхъ нижнихъ оконъ дома клубился густой дымъ и лилось яркое пламя. Вбѣжать въ домъ, для спасенія дѣвушки, было уже невозможно; приставить къ дому лѣстницу и взобраться на кровлю также было нельзя. Вопль несчастной жертвы, заглушаемый унылымъ пѣ-

ніемъ ея палачей, которые стояли неподвижно, съ поднятыми къ небу глазами, раздиралъ сердце Бурмистрова.

«Кто изъ васъ лучшій стрѣлокъ?» спросилъ онъ Потѣшныхъ.

«Мы и всѣ-таки въ стрѣльбѣ понаторѣли,» отвѣчалъ одинъ изъ Преображенцевъ: «однакожъ всѣхъ чаще попадаетъ въ цѣль капралъ нашъ, Иванъ Григорьичъ.»

«Эй, капралъ!» закричалъ Василій: «убей этихъ двухъ, которые держатъ бѣдную дѣвушку за руки.»

«Боюсь, чтобъ въ нее не попасть; пожалуй рука дрогнетъ.»

«Стрѣляй только смѣлѣе, авось какъ-нибудь спасемъ эту несчастную. Если же ее и застрѣлишь, то все легче ей умереть отъ пули, нежели сгорѣть.»

«Какъ твоей милости угодно,» отвѣчалъ капралъ и началъ цѣлиться изъ ружья. Нѣсколько разъ дымъ скрывалъ отъ глазъ его дѣвушку и державшихъ ее изувѣровъ.

«Помоги Господи!» сказалъ шопотомъ капралъ и, выждавъ мигъ, когда дымъ пронесся нѣсколько, спустилъ курокъ. Одинъ изъ раскольниковъ, опустилъ руку дѣвушки, схватился за грудь свою обѣими руками и упалъ.

«Славно! молодецъ!» воскликнулъ Бурмистровъ: «теперь постарайся попасть въ другаго.»

Одинъ изъ Потѣшныхъ подалъ ружье свое капралу.

«Охъ батюшки!» сказалъ онъ, вздохнувъ: «душа не на мѣстѣ! рука-то проклятая дрожитъ.»

«Стрѣляй, братъ, скорѣе, не робѣй!» закричалъ Бурмистровъ.

Капралъ, перекрестясь, началъ цѣлиться. Сердце Бурмистрова сильно билось, и всѣ Потѣшные смотрѣли съ безпокойнымъ ожиданіемъ на перваго своего стрѣлка.

Раздался выстрѣлъ, и другой раскольникъ, державшій дѣвушку, смертельно раненный, упалъ.

«Слава Богу!» воскликнули въ одинъ голосъ Потѣшные.

Дѣвушка, бывшая почти въ безпамятствѣ, побѣжала и остановилась на краю кровли той стороны дома, которая еще не была объята пламенемъ. Раскольники, смотрѣвшіе на небо и продолжавшіе свое погребальное пѣніе, не замѣтили движенія дѣвушки. Продолжая жалобно кричать, она глядѣла съ кровли внизъ. Горѣвшее зданіе было въ два яруса и довольно высоко.

«Ребята!» закричалъ Бурмистровъ: «поищите какого-нибудь широкаго холста, на который ей можно было бы броситься. Скорѣе! она безъ того убьется!»

Потѣшные разсыпались по двору; нѣкоторые побѣжали въ избу привратника. Одинъ изъ нихъ увидѣлъ стрѣлецкое знамя, брошенное расколь-

никами подлѣ насыпи, схватилъ его и закричалъ: «Товарищи, нашелъ; за мной, скорѣе!»

Подбѣжавъ къ горѣвшему дому, Потѣшные сорвали съ древка и натянули стрѣлецкое знамя, которое было вдесятеро болѣе нынѣшнихъ.

«Бросься на знамя!» закричалъ Василій дѣвушкѣ.

Страхъ убиться нѣсколько времени ее останавливалъ. Въ это время Андреевъ побѣжалъ къ дѣвушкѣ и хотѣлъ ее остановить.

«Оглянись, оглянись, онъ тебя схватитъ!» воскликнулъ Бурмистровъ, и дѣвушка, перекрестясь, бросилась на знамя.

Радостный крикъ Потѣшныхъ потрясъ воздухъ. Дѣвушка, послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ движеній, впала въ глубокій обморокъ, и ее вынесли на знамени за ворота. Бурмистровъ съ трудомъ привелъ ее въ чувство. Посмотрѣвъ на себя и съ ужасомъ увидѣвъ, что она еще въ саванѣ, дѣвушка вскочила и сбросила съ себя свою гробовую одежду.

«Посмотри-ка, красавица какая!» шепнулъ одинъ изъ Потѣшныхъ другому. «Какой сарафанъ-то на ней знатный, никакъ, шелковый.»

«Нечего сказать,» отвѣчалъ другой: «умѣли же еретики ее нарядить. На этакую красоточку надѣли саванъ, словно на мертвеца!»

Дѣвушка была такъ слаба, что итти была не въ силахъ. Ее опять положили на знамя и по-

несли съ горы. Между-тѣмъ яркое пламя обхватило уже все зданіе, и унылое пѣніе раскольниковъ, прерываемое по временамъ невнятными воплями и заглушаемое трескомъ пылающихъ бревенъ, начало постепенно умолкать. Вскорѣ Василій съ ротою достигъ просѣки и, пройдя ее, остановился, для отдыха, у извѣстной читателямъ тропинки. Солнце уже закатилось и вечерняя темнота покрыла небо. Отдаленное, яркое зарево освѣщало краснымъ сіяніемъ верхи мрачныхъ сосенъ. Вскорѣ послѣ полуночи Бурмистровъ пришелъ въ Ласточкино-Гнѣздо и приказалъ Потѣшнымъ провести ночь въ крестьянскихъ избахъ. Потомъ, выславъ изъ дома своей тетки холоповъ Лыскова, помѣстилъ онъ въ верхней свѣтлицѣ спасенную имъ дѣвушку, а самъ рѣшился ночевать въ спальнѣ, которую Мавра Савишна приготовила для его свадьбы. Долго еще сидѣлъ онъ у окна и смотрѣлъ съ грустнымъ чувствомъ на зарево, растилавшееся въ отдаленіи надъ Чортовымъ-Раздольемъ. Наконецъ зарево начало гаснуть и совершенно исчезло при сребристомъ сіяніи мѣсяца, который, выглянувъ изъ-за облака, отразился въ зеркальной поверхности озера. Повсюду царствовала глубокая тишина, прерываемая по временамъ раздававшимся въ лѣсу пѣніемъ соловья.

—Боже мой, Боже мой!—подумалъ Бурмистровъ, приведенный въ умиленіе прелестною кар-

тиною природы и безмятежнымъ спокойствіемъ ночи:—до чего могутъ доводить людей суевѣріе и предразсудки!—

Наконецъ сонъ началъ склонять Василья; онъ легъ въ постель и скоро заснулъ, съ невольнымъ ужасомъ и состраданіемъ припоминая унылое пѣніе раскольниковъ, прощавшихся, посреди огня, съ жизнію.

На другой день Василій узналъ отъ спасенной имъ дѣвушки, что она ѣхала съ своимъ дядею, бѣднымъ городовымъ дворяниномъ Сытинымъ, изъ Ярославля въ Москву; что ночью раскольники на нихъ напали на дорогѣ, дядю ея убили, а ее увлекли въ ихъ жилище, и что Андреевъ долго морилъ ее голодомъ и принудилъ наконецъ исполнить его волю и принять на себя званіе священника устроенной имъ церкви.

«Господи Боже мой! что будетъ со мною?» говорила дѣвушка, заливаясь слезами. «Послѣ смерти моихъ родителей дядюшка призрѣлъ меня. Злодѣи убили втораго отца моего! Теперь я сирота безпомощная! Гдѣ приклоню я голову?»

«Успокойся, Ольга Андреевна!» сказалъ ей Бурмистровъ: «Богъ не оставляетъ сиротъ.»

Вскорѣ послѣ полудня Василій, собравъ свою роту, отправился съ дѣвушкой въ Погорѣлово, и встрѣченъ былъ за воротами восхищенною Натальею, старухою Смирновою, отцемъ Павломъ и Маврою Савишною. Всѣ вошли въ горницу.

Разспросамъ не было конца. Когда Василій разсказалъ, между прочимъ, какъ спасъ онъ приведенную имъ съ собой дѣвушку отъ смерти, то Наталья, взявъ ее ласково за руку, посадила подлѣ себя и всѣми силами старалась ее утѣшить. Ольга горько плакала.

«Ахъ Господи, Господи!» восклицала Мавра Савишна, слушая разсказъ Бурмистрова: «такъ это ты, горемычная моя пташечка, осталась на бѣломъ свѣтѣ сиротинкою! Неужто у тебя послѣ покойнаго твоего дядюшки—дай Богъ ему царство небесное!—никого изъ роденьки-то не осталось?»

«Никого!» отвѣчала Ольга, рыдая.

«Не плачь, не плачь, мое красное солнышко: коли нѣтъ у тебя родни, такъ будь же ты моею дочерью. Батюшка-царь защитилъ меня, бѣдную. Есть теперь у меня деревнишка и съ домикомъ; будетъ съ насъ; не умремъ съ голоду. Обними меня, старуху, моя сироточка!»

Ольга, пораженная такимъ неожиданнымъ великодушіемъ и тронутая нѣжными ласками новой своей благотворительницы, бросилась на шею Маврѣ Савишнѣ и начала цѣловать ея руки. Послѣдняя хотѣла что-то сказать, но не могла, и, обнимая Ольгу, навзрыдъ заплакала. Всѣ были тронуты.

«Господь вознаградитъ тебя за твое доброе дѣло, Мавра Савишна!» сказалъ отецъ Павелъ.

«И, батюшка, не меня вознаградитъ, а тебя. У кого я переняла дѣлать добро ближнимъ? Какъ бы не ты, такъ я бы съ голоду померла. Было время, сама ходила по міру!»

По общему совѣту положено было, чтобы Бурмистровъ свезъ Ольгу сначала въ Преображенское, чтобы представить ее царю Петру, а потомъ пріѣхалъ бы съ нею въ Ласточкино-Гнѣздо, куда Мавра Савишна со старухой Смирновой и Натальею намѣревалась черезъ день отправиться.

Пріѣхавши съ Ольгою въ село Преображенское, Василій пошелъ съ нею ко дворцу; за нимъ слѣдовала рота Потѣшныхъ. Царь сидѣлъ у окна съ матерью своей, Натальею Кирилловной, и супругою, Евдокіею Ѳеодоровной. (*) Увидѣвъ Бурмистрова, онъ выглянулъ въ окно и спросилъ его: «Ну что, исполнилъ ли ты мое порученіе? А это что за дѣвушка? Вѣрно, твоя невѣста?»

«Это, государь, племянница дворянина Сытина, убитаго раскольниками. Они хотѣли ее сжечь вмѣстѣ съ собою.

«Сжечь вмѣстѣ съ собою!» воскликнулъ Петръ. «Войди сюда вмѣстѣ съ дѣвушкой.»

(*) Царь Петръ Алексѣевичъ вступилъ въ бракъ 27 января 1689 года съ Евдокіею Ѳеодоровною Лопухиною.

Бурмистровъ, войдя во дворецъ, подробно разсказалъ все царю.

«Это ужасно!» повторялъ Петръ, слушая Василья и нѣсколько разъ вскакивая съ креселъ. «Вотъ плоды невѣжества! Изувѣры губили другихъ, сожгли самихъ себя, хотѣли сжечь эту бѣдную дѣвушку, и все были увѣрены, что они дѣлаютъ добро и угождаютъ Богу.»

«Они болѣе жалки, нежели преступны,» сказалъ Лефоръ, стоявшій подлѣ креселъ Петра. «Просвѣти, государь, подданныхъ твоихъ. Просвѣщеніе отвратитъ гораздо болѣе злодѣйствъ и преступленій, нежели самыя строгія казни.»

«Да, любезный Францъ!» воскликнулъ съ жаромъ Петръ, схвативъ за руку Лефора: «даю тебѣ слово: цѣлую жизнь стремиться къ просвѣщенію моихъ подданныхъ.»

«Остались ли еще у тебя родственники послѣ погибшаго дяди?» спросила Ольгу царица Наталья Кирилловна.

«Нѣтъ, государыня, никого не осталось,» отвѣчала Ольга дрожащимъ отъ робости голосомъ. «Тетка моего избавителя беретъ меня къ себѣ въ домъ, вмѣсто дочери.»

«Твоя тетка?» спросилъ Петръ Бурмистрова: «та самая, у которой Лысковъ отнялъ помѣстье?»

«Та самая, государь!»

«Скажи ей, что если Лысковъ и кто бы то

ни былъ станетъ какъ-нибудь притѣснять ее, то пусть она прямо пріѣзжаетъ ко мнѣ съ жалобою: я буду ея постоянный защитникъ и покровитель.»

«Отдай твоей новой матери этотъ небольшой подарокъ,» сказала царица Наталья Кирилловна, снявъ съ руки золотой перстень съ драгоцѣннымъ яхонтомъ и подавая Ольгѣ. «Скажи ей, чтобъ она увѣдомила меня, когда станетъ выдавать тебя за-мужъ: я дамъ тогда тебѣ приданое и сама вышью для тебя подвѣнечное покрывало.»

«Чѣмъ заслужила я такую милость, матушка-царица?» сказала, со слезами на глазахъ, Ольга, бросясь на колѣна предъ Натальей Кирилловной.

«Можно ли и мнѣ подарить этой дѣвушкѣ перстень?» спросила царя на ухо юная, прелестная супруга его. Нѣсколько разъ замѣтивъ бережливостъ Петра, она, безъ согласія его, не рѣшалась ни на какую издержку.

Петръ легкимъ наклоненіемъ головы изъявилъ согласіе, и молодая царица, подавши Ольгѣ съ своей руки золотой перстень съ рубиномъ, до слезъ была растрогана пламеннымъ и вмѣстѣ почтительнымъ изъявленіемъ ея благодарности.

«Ну, пятисотенный!» сказалъ Петръ Бурмистрову: «спасибо тебѣ за твою службу! Чѣмъ

же наградить тебя?... Хочешь ли ты служить у меня, въ Преображенскомъ? Да что тебя спрашивать, по глазамъ вижу, что хочешь. Я жалую тебя ротмистромъ. Ты, какъ я замѣтилъ, славно, верхомъ ѣздишь. Здѣсь есть у меня особая конная рота; ее зовутъ: *Налеты.* (*) Объяви имъ, любезный Францъ, что я назначилъ Бурмистрова ихъ начальникомъ. Итакъ, ты остаешься, новый ротмистръ, здѣсь. Ахъ да, совсѣмъ забылъ! Прежде тебѣ надобно жениться. Отвези эту дѣвушку къ твоей теткѣ, потомъ женись и пріѣзжай съ твоею молодою женою ко мнѣ, въ Преображенское. Пойдемъ, любезный Францъ!» продолжалъ Петръ, обратясь къ Лефо-

---

(*) Въ то время были двѣ особыя роты: одна называлась *Налеты,* другая *Нахалы.* Первая набрана была изъ охотниковъ и боярскихъ слугъ; вторая составлена была изъ людей, отданныхъ въ военную службу ихъ господами. Въ 1694 году, во время маневровъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Кожуховскаго похода,* онѣ находились подъ командою князя Ромодановскаго, со стороны Потѣшныхъ сражавшихся противъ стрѣльцовъ. Въ *Опытѣ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія* въ IV части сказано, что *Нахалы* были конные, а *Налеты* пѣшіе; но нѣтъ сомнѣнія, что это показаніе должно понимать на оборотъ. Самое названіе: *Налеты,* доказываетъ, что они составляли конную роту, а *Нахалы*—пѣшую.

ру.» Надобно сказать спасибо солдатамъ третьей роты, и ихъ за походъ наградить.»

Петръ вышелъ съ Лефоромъ изъ горницы, потрепавъ мимоходомъ Бурмистрова по плечу и примолвивъ: «Прощай, ротмистръ, до свиданія!»

Обѣ царицы между-тѣмъ подошли къ растворенному окну, изъ котораго видна была стоявшая предъ дворцомъ третья рота.

Бурмистровъ и Ольга вышли изъ дворца и отправились въ Ласточкино-Гнѣздо. Мавра Савишна, бывшая уже тамъ съ Натальей и ея матерью, выбѣжали въ сѣни на встрѣчу племяннику. Кто опишетъ восторгъ ея, когда Ольга подала ей подарокъ царицы! Она ничего не могла сказать, упала на колѣна и, цѣлуя съ жаромъ перстень, навзрыдъ плакала.

Ольга осталась у своей новой матери, а Бурмистровъ, разсказавъ теткѣ всѣ подробности его поѣздки въ Преображенское, сѣлъ на коня и поскакалъ въ Погорѣлово, чтобы сообщить все отцу Павлу и посовѣтоваться съ нимъ о своемъ бракѣ. Тогда наступалъ іюнь мѣсяцъ и черезъ день начинался Петровъ постъ, поэтому Василій принужденъ былъ отложить на нѣсколько недѣль свою свадьбу.

VII.

Къ чему намъ служитъ власть, когда ее имѣя,
Не властны мы себя счастливыми творить,
И сердца своего покоить не умѣя,
Возможемъ ли другимъ спокойствіе дарить?

Карамзинъ.

«Нѣтъ, князь!» говорила царевна Софія ближнему боярину царственной печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателю князю Василью Васильевичу Голицыну (*). «Не стану, не могу сносить этого до-

---

(*) Многія изъ лѣтописей нашихъ и нѣкоторые писатели, какъ русскіе, такъ и иностранные, приписываютъ князю Голицыну разные преступные умыслы противъ Петра Великаго; но самый приговоръ, состоявшійся объ этомъ бояринѣ, его оправдываетъ. Онъ обвиненъ былъ только въ томъ, что угождалъ царевнѣ Софіи, докладывалъ ей дѣла безъ вѣдома обоихъ царей и писалъ въ граматахъ и другихъ бумагахъ имя Софіи вмѣстѣ съ именами государей. Еще была ему поставлена въ вину безуспѣшность крымскаго похода. Онъ былъ наказанъ лишеніемъ бо-

лѣе! Мальчикъ смѣетъ мнѣ противиться и мѣшаться въ дѣла правленія! Скажи мнѣ откровенно: какія мѣры всего лучше принять для отвращенія всѣхъ этихъ безпорядковъ?»

«Государыня! ты знаешь мое искреннее усердіе къ твоему царскому величеству: я готовъ исполнить все, что ты мнѣ приказать изволишь; я знаю, что государыня, подобная тебѣ въ мудрости, никогда не повелитъ вѣрноподданному предпринять что-нибудь несогласное съ совѣстію и его долгомъ.»

«Я требую совѣта, а не исполненія моихъ повелѣній.»

«Не смѣю ничего совѣтовать въ такомъ важномъ дѣлѣ, государыня. Одна твоя мудрость можетъ указать то, что̀ предпринять должно. Долгъ мой, какъ и всякаго нелицемѣрнаго слуги твоего, состоитъ въ безпрекословномъ и ревностномъ исполненіи воли твоей.»

«Ты удивляешь меня, князь. Еслибъ я давно

ярства и имѣнія и сосланъ сначала въ Яренскъ, а потомъ въ Пустозерскъ. Де-ла-Невиль (см. De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscou, à la Haye 1699), жившій нѣсколько времени въ Москвѣ, въ домѣ князя, описываетъ его человѣкомъ великаго ума. По свидѣтельству его, онъ былъ самый образованный изъ всѣхъ тогдашнихъ бояръ, зналъ латинскій языкъ и вообще отличался любовію къ просвѣщенію.

не знала тебя и менѣе была увѣрена въ твоемъ усердіи ко мнѣ, то легко могла бы подумать, что ты, подобно многимъ другимъ боярамъ, держишься стороны младшаго моего брата, въ надеждѣ получить отъ него болѣе милостей, нежели отъ меня. Неужели мальчикъ можетъ лучше меня управлять государствомъ, цѣнить и награждать заслуги, и отдавать каждому свое? Ты еще помнишь, я думаю, что братъ мой не хотѣлъ пустить тебя на глаза послѣ возвращенія твоего изъ крымскаго похода. Я знала, я могла усмотрѣть истинныя причины неудачъ твоихъ. Я не уважила голоса твоихъ завистниковъ и клеветниковъ. Имъ легко было воспользоваться неопытностію ребенка, которая могла бы погубить тебя, еслибъ я не защитила, не спасла тебя. Вмѣсто опалы, которая тебѣ грозила, ты получилъ за крымскій походъ награду. (*) Ты не забылъ еще, князь, кого ты благодарилъ за это?»

«Скорѣе солнце пойдетъ отъ запада къ

(*) Голицынъ получилъ за второй крымскій походъ, въ награду, *кубокъ золоченый съ кровлею, кафтанъ золотой на соболяхъ, денежныя придачи 300 рублевъ, да вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ село Рѣшму и Юмохонскую волость.* См. Полн. Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, томъ III, стр. 25.

востоку, нежели я забуду всѣ милости твоего царскаго величества.»

«Отчего же ты такъ боишься посовѣтовать мнѣ: какъ остановить шалости гордаго и своенравнаго мальчика, руководимаго совѣтами враговъ моихъ? Повѣрю ли я, чтобы братъ мой, котораго до-сихъ-поръ занимаютъ въ Преображенскомъ однѣ дѣтскія забавы, безъ посторонняго вліянія могъ мѣшаться въ дѣла правленія и причинять мнѣ безпрестанныя досады? Ясно, что его именемъ дѣйствуютъ другіе, поопытнѣе и постарше его. Ты понимаешь меня; тебѣ хорошо извѣстны мои недоброжелатели.»

«Я осмѣливаюсь думать иначе, государыня. Царь Петръ Алексѣевичъ, по дарованіямъ и зрѣлости ума своего, не похожъ на семнадцатилѣтняго юношу. Онъ любитъ, чтобы ему въ глаза говорили правду и умѣетъ пользоваться совѣтами. Могу однакожъ увѣрить твое царское величество, что, по моимъ замѣчаніямъ, не другіе чрезъ него дѣйствуютъ, а онъ самъ вездѣ первый идетъ впереди.»

«Мудрено повѣрить!... Но еслибъ это было и справедливо, то я найду средство остановить его. Онъ не лишитъ меня принадлежащей мнѣ власти. Я знаю, что вся цѣль его состоитъ въ этомъ.»

«Ничего не смѣю на это сказать, государыня. Права его участвовать въ дѣлахъ правленія

неоспоримы. Ты сама, государыня, ихъ признала: семь лѣтъ тому назадъ, по волѣ твоей, Петръ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ Іоанномъ Алексѣевичемъ былъ вѣнчанъ на царство.»

«Что жъ ты сказать этимъ хочешь?» воскликнула Софія, гнѣвно посмотрѣвъ на князя. «Не думаешь ли ты, что я устрашусь мальчика и рѣшусь погубить Россію, предоставя ему одному управленіе, для котораго онъ еще и слишкомъ молодъ и слишкомъ неопытенъ?»

«Боже меня сохрани отъ этой мысли! Я только думаю, что всего было бы лучше сблизиться съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Разрывъ съ нимъ опасенъ для твоего царскаго величества. Уступчивость и ласка гораздо болѣе на него подѣйствуютъ, нежели пренебреженіе къ нему и явная съ нимъ ссора. Онъ будетъ доволенъ и самымъ малымъ участіемъ въ дѣлахъ правленія. Ласковость твоя совершенно его обезоружитъ.»

«Неужели ты думаешь, что я себя унижу до такой степени и стану искать благосклонности моего меньшаго брата? Пусть онъ прежде ищетъ моей! И чѣмъ онъ можетъ мнѣ быть опасенъ? Всѣ подданные любятъ меня; всѣ стрѣльцы готовы, по первому моему слову, пролить за меня кровь свою!»

«Его Потѣшные, государыня.... я давно уже говорилъ, что....»

«Его Потѣшные мнѣ смѣшны! Они тѣшатъ меня болѣе, нежели ихъ повелителя. Пусть забавляется онъ съ ними и съ иноземными побродягами въ Преображенскомъ. Почему же не позволить ребяческой игры ребенку?»

«Окольничій Ѳедоръ Ивановичъ Шакловитой,» сказала постельница царевны: «проситъ дозволенія предстать предъ свѣтлыя очи твоего царскаго величества.»

«Позови его сюда.»

Шакловитой, помолясь предъ образомъ, висѣвшимъ въ переднемъ углу, низко поклонился царевнѣ и подалъ ей жалобу Лыскова. Софія, прочитавъ эту бумагу, покраснѣла отъ гнѣва.

«Прочитай!» воскликнула она, подавая челобитную Лыскова князю Голицыну. «Не посовѣтуешь ли ты послѣ этого сблизиться съ моимъ братомъ?»

Голицынъ началъ внимательно читать бумагу, а Шакловитой между-тѣмъ, пользуясь произведеннымъ на Софію впечатлѣніемъ, началъ говорить ей: «Если и впередъ все такъ пойдетъ, то немного можно ожидать добраго. Ты повелѣваешь, государыня, казнить бунтовщика, а Петръ Алексѣевичъ его защищаетъ; ты приказываешь отдать помѣщику бѣглую холопку, а меньшой братъ твоего царскаго величества освобождаетъ ее отъ кабалы, да выгоняетъ

еще помѣщика изъ деревни и отдаетъ ее какой-то нищей.»

«Я прекращу эти безпорядки!» воскликнула Софія. «Приказываю тебѣ сегодня же схватить и казнить бунтовщика Бурмистрова; холопку Наталью возвратить Лыскову; отнятую у него деревню также отдать ему. Употреби для этого цѣлый полкъ стрѣльцовъ, если нужно.»

«А я бы думалъ поступить иначе, государыня. Торопиться не нужно. Пусть въ Москвѣ поболѣе объ этомъ дѣлѣ заговорятъ, а тамъ будетъ видно, что̀ всего лучше предпринять.»

«И мнѣ также кажется,» сказалъ князь Голицынъ: «что осторожнѣе будетъ напередъ объясниться съ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ: онъ увидитъ свою ошибку и, безъ сомнѣнія, охотно ее поправитъ.»

«Благодарю тебя за твой совѣтъ, князь!» сказала Софія, стараясь казаться спокойною. «Сходи теперь же къ святѣйшему патріарху и скажи ему, чтобы онъ завтра утромъ пріѣхалъ ко мнѣ.»

Когда Голицынъ ушелъ, то Шакловитой, посмотрѣвъ насмѣшливо ему вслѣдъ, сказалъ: «Хитростью похожъ онъ на лисицу, а трусостью на зайца. Мнѣ кажется, что онъ держится стороны враговъ твоихъ, государыня!»

«Я узна̀ю это,» отвѣчала Софія.

«Зачѣмъ, государыня, послала ты его къ

святѣйшему патріарху? Неужели хочешь ты съ святымъ отцомъ въ такомъ дѣлѣ совѣтоваться? Положись на одного меня. Изъ всѣхъ слугъ твоихъ я самый преданный и усердный. Я доказалъ уже тебѣ это и еще докажу на дѣлѣ.»

«Я увѣрена въ этомъ. Я удалила Голицына для того только, чтобы поговорить съ тобой наединѣ. Посмотри: нѣтъ ли кого за этою дверью?...»

«Никого нѣтъ, государыня!» отвѣчалъ Шакловитой, растворивъ дверь и заглянувъ въ другую комнату.

Дверь снова затворилась. Часа черезъ три Шакловитой вышелъ изъ горницы царевны Софіи и поѣхалъ къ полковнику Циклеру. Возвратясь домой, онъ велѣлъ призвать къ себѣ полковника Петрова и подполковника Чермнаго. Они ушли отъ него ровно въ полночь.

VIII.

Вдругъ началъ тмиться неба сводъ —
Мрачнѣе и мрачнѣе:
За тучей грозною идетъ
Другая вслѣдъ грознѣе.

Жуковскій.

Петровъ постъ прошелъ и наступилъ іюль мѣсяцъ. Бурмистровъ, въ Ласточкиномъ-Гнѣздѣ, занемогъ, и свадьба его была отложена до его выздоровленія. Не прежде, какъ въ началѣ августа онъ выздоровѣлъ. Спѣша исполнить повелѣніе царя, приказавшаго ему пріѣхать тотчасъ послѣ женитьбы на службу въ Преображенское, онъ просилъ Мавру Савишну какъ можно скорѣе сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ его свадьбѣ. По ея назначенію, Василій съ невѣстою, старуха Смирнова и сама Мавра Савишна съ Ольгою отправились въ село Погорѣлово, чтобы отпраздновать въ тотъ же день сговоры въ домѣ отца Павла; на другой день положено было обвѣнчать Василья и Наталью, а на третій хотѣли они отправиться въ Преображенское.

Братъ Натальи, Андрей, который уже кончилъ академическій курсъ, купецъ Лаптевъ съ женою и капитанъ Лыковъ пріѣхали, по приглашенію, на сговоръ Василья. Бурмистрова благословили образомъ и хлѣбомъ-солью Лаптевъ и жена его, а Наталью—ея мать и капитанъ Лыковъ, принявшій на себя съ величайшимъ удовольствіемъ званіе посаженаго отца невѣсты. Отецъ Павелъ, совершивъ обрядъ обрученія, соединилъ руки жениха и невѣсты. Начались поздравленія, и Мавра Савишна, въ малиновомъ, штофномъ сарафанѣ, который подарилъ ей племянникъ, явилась изъ другой горницы съ торжествующимъ лицомъ и съ большимъ подносомъ, уставленнымъ серебряными чарками. Проговоривъ длинное поздравленіе обрученнымъ, она начала подчивать всѣхъ виномъ. Андрей, приподнявъ чарку и любуясь рѣзьбою на ней, сказалъ: «Какая роскошь и прелесть! Не знаешь, чему отдать предпочтеніе: содержащему или содержимому?»

«Выкушай, Андрей Петровичъ, за здравіе обрученныхъ!» сказала Мавра Савишна, кланяясь.

«Еслибъ я былъ Анакреонъ, то написалъ бы стихи на эту чарку.»

«Ну, ну хорошо! Выкушай-ка, скорѣе, а тамъ, пожалуй, пиши что хочешь на чаркѣ.»

Андрей, усмѣхнувшись, выпилъ вино и, обратясь къ Бурмистрову, спросилъ: «Откуда, Ва-

силій Петровичъ, взялись на твоихъ сговорахъ такіе богатые сосуды? У инаго боярина этакихъ нѣтъ.»

«Не знаю,» отвѣчалъ Василій. «Спроси у тетушки объ этомъ.»

«Эти чарки привезены въ подарокъ обрученнымъ ихъ милостью,» отвѣчала Мавра Савишна, указывая на Лаптева и жену его.

Бурмистровъ и Наталья, не смотря на всѣ ихъ отговорки, принуждены были принять подарокъ и отъ искренняго сердца поблагодарили старинныхъ своихъ знакомцевъ.

«Славная чарка!» воскликнулъ Лыковъ. «Изъ этакой не грѣхъ и еще выпить; да и вино-то не худо. Кажется, французское?»

«Заморское, батюшка, заморское!» отвѣчала Мавра Савишна, наливая чарку.

«Да ужъ налей всѣмъ, а не мнѣ одному.»

Когда всѣ чарки были наполнены, Лыковъ, вставъ со скамьи, воскликнулъ: «За здравіе нашего отца-царя Петра Алексѣевича!»

«За это здоровье и я выпью, хоть мнѣ и одной чарки много!» сказалъ отецъ Павелъ, также вставъ со скамьи, и запѣлъ дрожащимъ, стариковскимъ голосомъ: «многая лѣта!»

Стройный голосъ Василья соединился съ голосомъ старика. Лыковъ запѣлъ басомъ двумя тонами ниже, а Лаптевъ однимъ тономъ выше; жена его и Мавра Савишна своими звонкими го-

лосами покрыли весь хоръ, а Андрей, въ восторгѣ, затянулъ такія варіаціи, что всѣхъ пѣвцовъ сбилъ съ толку. Всѣ замолчали. Одна старушка Смирнова, крестясь, продолжала повторять шопотомъ: «Многая лѣта!»

Послѣ этого начались разговоры о столичныхъ новостяхъ.

«Какъ жаль, что тебя не было въ Москвѣ осьмаго іюля!» сказалъ Лыковъ Бурмистрову. «Ужъ полюбовался бы ты на царя Петра Алексѣевича. Показалъ онъ себя! Нечего сказать! Софья-то Алексѣевна со стыда сгорѣла.»

«Какъ, развѣ случилось что-нибудь особенное? спросилъ Василій.

«Да ты, видно, ничего еще не слыхалъ. Я тебѣ разскажу. Въ день крестнаго хода изъ Успенскаго Собора въ Соборъ Казанской Божіей Матери оба царя и царевна пріѣхали за обѣдню. Послѣ службы, когда святѣйшій патріархъ со крестами вышелъ изъ Успенскаго Собора, Софья Алексѣевна, въ царскомъ одѣяніи, хотѣла итти вмѣстѣ съ царями. Я кое-какъ протѣснился сквозь толпу къ ихъ царскимъ величествамъ поближе, и услышалъ, что царь Петръ Алексѣевичъ говоритъ царевнѣ: «Тебѣ, сестрица, неприлично итти въ крестномъ ходѣ вмѣстѣ съ нами; этого никогда не водилось. Женщины не должны участвовать въ подобныхъ торжествахъ.» — Я знаю что дѣлаю! — отвѣчала Софья

Алексѣевна, гнѣвно посмотрѣвъ на царя, а онъ вдругъ отошелъ въ сторону, махнулъ своему конюшему, велѣлъ подвести свою лошадь, вскочилъ на нее, да и уѣхалъ въ Коломенское. Царевна перемѣнилась въ лицѣ, сперва покраснѣла, а потомъ вдругъ поблѣднѣла и начала что-то говорить царю Іоанну Алексѣевичу. Всѣ на нее глаза такъ и уставили. Привязалась ко мнѣ, на грѣхъ, какая-то полуумная баба, видно, глухая, да и ну меня спрашивать:—Куда это батюшка-то царь Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ?—И добро бы тихонько спрашивала, а то кричитъ во все горло. Я того и смотрю, что царевна ее услышитъ, мигаю дурѣ, дернулъ ее раза два за сарафанъ—куда тебѣ! Ничего не понимаетъ! Я какъ-нибудь отъ нея, а она за мной, схватила меня, окаянная, за полу, охаетъ, крестится и кричитъ:—Ужъ не злодѣи ли стрѣльцы опять что-нибудь затѣяли? Видно ихъ, воровъ, царь-то батюшка испугался? Не оставь меня, бѣдную, проводи до дому, отецъ родной! Ты человѣкъ военный: заступись за меня. Мнѣ одной сквозь народъ не продраться. Убьютъ меня, злодѣи, ни за-што ни про-што!—Ахъ чортъ возми! Какъ бы случилось это не на крестномъ ходѣ, да царевна была не близко, ужъ я бы далъ знать себя этой бабѣ, ужъ я бы ее образумилъ!»

«По всей Москвѣ,» сказала Лаптева: «нѣсколько дней только и рѣчей было, что объ этомъ.

Сказывала мнѣ кума, что царевна разгнѣвалась такъ на братца, что и не приведи Господи!»

«Молчи, жена!» воскликнулъ Лаптевъ, гладя бороду: «не наше дѣло!»

«Кума-то сказывала еще, что злодѣи-стрѣльцы опять начинаютъ на площадяхъ сбираться, грозятся и похваляются....»

«Да перестанешь ли ты, трещетка!» закричалъ Лаптевъ.

«Пусть я трещетка, а ужъ бунту намъ не миновать.»

«Я того же мнѣнія,» сказалъ важно Андрей, осушавшій въ это время пятую чарку французскаго вина. «Да нѣтъ, если правду сказать, то и родственники царя Петра Алексѣевича поступаютъ неблагоразумно. Я самъ видѣлъ, какъ бояринъ Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ ѣздилъ подъ вечеръ съ гурьбою ратныхъ людей по Земляному-Городу, у Срѣтенскихъ и Мясницкихъ воротъ ловилъ стрѣльцовъ, приказывалъ ихъ бить обухами и плетьми и кричалъ:—Не то вамъ еще будетъ! — Сказывали мнѣ, что онъ инымъ изъ нихъ рубилъ пальцы и рѣзалъ языки.—Меня,— говорилъ онъ,—сестра царица Наталья Кирилловна и царь Петръ Алексѣевичъ послушаютъ. За смерть братьевъ моихъ я всѣхъ васъ истреблю! — Такими поступками въ самомъ дѣлѣ не мудрено взбунтовать стрѣльцовъ.»

«Коли на правду пошло,» примолвилъ Лыковъ:

«такъ и я не смолчу. И я слышалъ объ этомъ. Только говорили мнѣ, что будто не бояринъ Нарышкинъ надъ стрѣльцами тѣшится, а какой-то подъячій Приказа Большой Казны Матвѣй Шошинъ. Этотъ плутъ лицомъ и ростомъ очень похожъ, говорятъ, на Льва Кирилловича. Тутъ, впрочемъ, большой бѣды я не вижу. Бояринъ ли онъ, подъячій ли: все равно, пусть его тѣшится надъ окаянными стрѣльцами; по дѣломъ имъ, мошенникамъ.»

«Нѣтъ, капитанъ,» сказалъ Бурмистровъ: «я на это смотрю другими глазами..... Давно ли ты, Андрей Петровичъ, видѣлъ этого мнимаго Нарышкина?»

«Видѣлъ я его на прошлой недѣлѣ, да еще сегодня ночью въ то самое время, какъ шелъ черезъ Кремль отъ одного изъ моихъ прежнихъ учителей къ Андрею Матвѣевичу, чтобы вмѣстѣ съ нимъ на разсвѣтѣ изъ Москвы сюда отправиться.»

«Чтожъ онъ дѣлалъ въ Кремлѣ?»

«Бродилъ взадъ и впередъ по площади около царскаго дворца съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, и смотрѣлъ, какъ выламывали во дворцѣ, у Мовной лѣстницы, окошко. Мнѣ показалось это странно, однакожъ я подумалъ: бояринъ знаетъ что̀ дѣлаетъ; видно, цари ему приказали. Я немного постоялъ. Окно выломали, и вышелъ къ Нарышкину изъ дворца истопникъ Степанъ

Евдокимовъ, котораго я въ лицо знаю, да полковникъ стрѣлецкій Петровъ. Начали они что-то говорить. Я разслушалъ только, что Петровъ называлъ неизвѣстнаго человѣка, стоявшаго подлѣ Нарышкина, Өедоромъ Ивановичемъ.»

«Это имя Шакловитаго!» сказалъ Бурмистровъ, ходя взадъ и впередъ по горницѣ, съ примѣтнымъ на лицѣ безпокойствомъ.

«Ночь была довольно темная,» продолжалъ Андрей: «и они сначала меня не видали. На бѣду, мѣсяцъ выглянулъ изъ-за облака. Вдругъ Нарышкинъ какъ закричитъ на меня: пошелъ своей дорогой, зѣвака! Не смѣй смотрѣть на то, чтò мы дѣлаемъ по царскому повелѣнію.—Нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ Өедоръ Ивановичъ: — лучше поймать его. Схвати его, Петровъ!—Полковникъ бросился за мной, но не догналъ; я, вѣдь, бѣгать-то мастеръ.»

«А гдѣ царь Петръ Алексѣевичъ? Въ Москвѣ?» спросилъ Бурмистровъ.

«Я слышалъ, что его ждали въ Москву сегодня къ ночи,» отвѣчалъ Андрей.

«Прощай, милая Наталья!» сказалъ Бурмистровъ. «Я ѣду, сейчасъ же ѣду! Дай Богъ, чтобъ я успѣлъ предостеречь царя и избавить его отъ угрожающей опасности!»

Всѣ удивились. Наталья, пораженная неожиданною разлукою съ женихомъ, преодолѣла од-

накожъ свою горесть и простилась съ нимъ съ необыкновенною твердостію.

«Да съ чего ты, пятисотенный, взялъ, что царю грозитъ опасность?» спросилъ Лыковъ.

«Я тебѣ это объясню на дорогѣ. Ты, вѣрно, поѣдешь со мною?»

«Пожалуй! Для царя Петра Алексѣевича готовъ я ѣхать на край свѣта, не только въ Москву. Къ ночи-то мы туда поспѣемъ.»

«И я ѣду съ вами!» сказалъ Андрей. «Я хоть и плохо верхомъ ѣзжу, однакожъ съ лошади не свалюсь и отъ васъ не отстану. Александръ Македонскій и съ Буцефала, правильнѣе же сказать съ Букефала не свалился. Неужто, Андрей Матвѣевичъ, твой гнѣдко меня сшибетъ?»

«А меня пусть хоть и сшибетъ моя вороная, только я отъ васъ не отстану, опять на нее взлѣзу да поскачу! продолжалъ Лаптевъ. «Прощай, жена!»

Всѣ четверо сѣли на лошадей, простились съ оставшимися въ Погорѣловѣ и поскакали къ Москвѣ.

IX.

На расхищеніе расписаны мѣста.
Безъ сна былъ злобный скопъ, не затворяя ока,
Лишь спитъ незлобіе, не зная близко рока.

Ломоносовъ.

Между-тѣмъ, прежде, нежели Бурмистровъ выѣхалъ изъ Погорѣлова, съ наступленіемъ вечера тайно вошло въ Москву множество стрѣльцовъ изъ слободъ ихъ. Циклеръ и Чермной разставили ихъ въ разныхъ скрытныхъ мѣстахъ, бо̀льшую же часть собрали на Лыковъ и Житный Дворы, находившіеся въ Кремлѣ, и ждали приказаній Шакловитаго.

«Мнѣ кажется,» сказалъ Чермной стоявшему подлѣ него полковнику Циклеру: «что мы и сегоднишнюю ночь проведемъ здѣсь понапрасну. Вчера мы съ часу на часъ его ждали, однакожъ онъ не пріѣхалъ изъ Преображенскаго.»

«Авось пріѣдетъ сегодня. Это кто къ намъ крадется?» сказалъ Циклеръ, пристально смотря на приближавшагося къ нимъ человѣка. «Ба! это истопникъ Евдокимовъ! Добро пожаловать! Что скажешь намъ, Степанъ Терентьичъ? Что у тебя за мѣшокъ?»

«Съ денежками, господинъ полковникъ. Изволь-ка ихъ счетомъ принять, да раздай теперь же стрѣльцамъ. Такъ приказано.»

«Давай сюда! Это доброе дѣло! Да не видалъ ли ты нашего начальника?» Куда онъ запропастился? Мы ужъ давно здѣсь его ожидаемъ.»

«Теперь онъ въ Грановитой Палатѣ. Тамъ хочетъ онъ ночевать, если и сегодня не пріѣдетъ къ ночи изъ Преображенскаго онъ-то. Вы понимаете, про кого я говорю?»

«Гдѣ намъ понять!» воскликнулъ Чермной. «Охъ ты придворная лисица! И съ нами-то не смѣетъ говорить безъ обиняковъ. Чего ты трусишь?»

«Оно лучше, господинъ подполковникъ, какъ лишняго не скажешь! Счастливо оставаться! Мнѣ ужъ итти пора!»

Вскорѣ послѣ ухода истопника, явился Шакловитой. Собравъ около себя пятидесятниковъ и десятниковъ стрѣлецкихъ, онъ сказалъ имъ: «Объявите всѣмъ, что я съ часу на часъ жду вѣсти отъ полковника Петрова, который посланъ мною въ Преображенское. Если вѣсть придетъ оттуда хорошая, то на Ивановской колокольнѣ ударятъ въ колоколъ, и тогда надобно напасть на домы измѣнниковъ и враговъ царевны, и всѣхъ изрубить безъ пощады. Вотъ вамъ списокъ измѣнникамъ. Все, что вы найдете въ домахъ у нихъ, возьмите и раздѣлите между со-

бою. Потомъ ступайте къ лавкамъ торговыхъ людей, которые держатъ сторону измѣнниковъ: всѣ товары и добро ихъ—ваши!»

Въ спискѣ, который Шакловитой подалъ стоявшему близъ него пятидесятнику, означены были имена всѣхъ бояръ, преданныхъ царю Петру Алексѣевичу, и многихъ богатыхъ купцовъ. Въ числѣ послѣднихъ находился Андрей Матвѣевичъ Лаптевъ.

Сказавъ еще нѣсколько словъ на ухо Циклеру и Чермному, Шакловитой вмѣстѣ съ ними удалился въ Грановитую Палату. Вскорѣ прибылъ къ нему стрѣлецъ, посланный изъ Преображенскаго Петровымъ, съ письмомъ. Шакловитой, отъ нетерпѣнія узнать скорѣе содержаніе письма, вырвалъ его изъ рукъ стрѣльца и, приказавъ ему итти на Лыковъ Дворъ, прочиталъ въ-полголоса Циклеру и Чермному:

«Сегодня въ Москву онъ не будетъ и ночуетъ въ Преображенскомъ. По приказу твоему, разставилъ я, когда смерклось, надежныхъ людей въ буеракахъ и въ лѣсу, и зажигалъ два раза близъ дворца амбаръ, чтобы выманить кого намъ надобно; но проклятые Потѣшные тотчасъ сбѣгались и тушили пожаръ. Теперь они разошлись уже по избамъ. Скоро наступитъ полночь. Когда всѣ въ селѣ угомонятся, я опять зажгу амбаръ. Авось, въ третій разъ удастся приказъ

твой исполнить. Тогда я самъ прискачу въ Москву съ вѣстью.»

«Какая досада!» воскликнулъ Шакловитой, разорвавъ письмо на мелкія части. «Онъ, просто, труситъ! Жаль, что я послалъ его туда! Не итти ли намъ всѣмъ въ Преображенское?»

«Оно кажется будетъ вѣрнѣе!» сказалъ Чермной. «Окружимъ село, нападемъ на Потѣшныхъ въ-расплохъ и разомъ все дѣло кончимъ.»

«Не лучше ли подождать не много?» продолжалъ Циклеръ. «Можетъ быть, Петровъ скоро привезетъ намъ добрую вѣсточку.»

«Ты, видно, такой же трусъ, какъ онъ!» сказалъ Шакловитой, сердито посмотрѣвъ на Циклера. «Потѣшныхъ что ли ты испугался? Мы вчетверо ихъ сильнѣе! Поди-ка на Лыковъ Дворъ и скажи моимъ молодцамъ, чтобы всѣ шли на Красную-Площадь, къ Казанскому Собору, а ты, Чермной, съ Житнаго Двора приведи всѣхъ стрѣльцовъ также къ собору, да пошли гонцевъ и за прочими полками. Оттуда всѣ пойдемъ къ Преображенскому.»

Около полуночи на Красной-Площади собралось нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ. Шакловитой раза три прошелъ мимо рядовъ ихъ и ободрялъ войско къ предстоявшему походу. Потомъ велѣлъ онъ подвести свою лошадь и занесъ уже ногу въ стремя, когда прискакалъ гонецъ отъ Петрова и подалъ письмо Шакловитому.

Прочитавъ письмо, злодѣй поблѣднѣлъ и задрожалъ.

«Измѣна!» писалъ Петровъ. «Стрѣльцы Мишка Феоктистовъ и Митька Мельновъ передались на сторону враговъ нашихъ, и впущены были во дворецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что царь все уже знаетъ. Вскорѣ послѣ полуночи уѣхалъ онъ съ обѣими царицами и съ сестрою его, царевною Натальею Алексѣевною, неизвѣстно куда изъ Преображенскаго. Я спѣшу теперь со всѣми нашими окольною дорогою къ Москвѣ. У всѣхъ у насъ руки опустились. Близъ Бутырской слободы обогналъ насъ Бурмистровъ. Лошадь его неслась, какъ стрѣла, и мы не успѣли остановить его. Я его видѣлъ сегодня мелькомъ въ Преображенскомъ, незадолго до отъѣзда царя. Вѣрно, онъ посланъ къ генералу Гордону съ приказомъ привести къ царю Бутырскій полкъ, которымъ этотъ иноземецъ правитъ. Преображенскіе и Семеновскіе Потѣшные также выступили куда-то изъ села, и такъ идутъ, что за ними и верхомъ не поспѣешь.»

«По домамъ!» закричалъ Шакловитой, дочитавши письмо. «Никто не смѣй и заикнуться, что былъ здѣсь на площади. Голову отрублю тому, кто проболтается.»

Всѣ стрѣльцы безпорядочными толпами удалились съ площади и возвратились въ свои слободы, а Шакловитой съ Циклеромъ и Чермнымъ

поспѣшно пошелъ въ Кремль. Близъ крыльца, чрезъ которое входили въ комнаты царевны Софіи Алексѣевны, попался Шакловитому на встрѣчу Сидоръ Терентьичъ Лысковъ.

«Слава Богу, что я нашелъ тебя, Ѳедоръ Ивановичъ!» воскликнулъ онъ. «Я обѣгалъ весь Кремль. Слышалъ ты, что *онъ* изъ Преображенскаго уѣхалъ?»

«Слышалъ!» отвѣчалъ Шакловитой.

«А знаешь ли куда? Я ужъ успѣлъ это разнюхать. Онъ отправился въ Троицкій монастырь.»

«Ну такъ чтожъ?»

«Какъ—ну такъ чтожъ! Тамъ покуда нѣтъ еще ни одного Потѣшнаго. Зачѣмъ ты стрѣльцовъ-то распустилъ; нагрянулъ бы на монастырь въ-расплохъ, такъ и дѣло было бы въ шляпѣ.»

«Ахъ ты приказная строка—нагрянулъ бы! Потѣшные и Бутырскій полкъ пошли уже давно къ монастырю. Теперь и на гончихъ собакахъ верхомъ ихъ не обгонишь!»

«И, Ѳедоръ Ивановичъ! Ты, какъ я вижу, совсѣмъ духъ потерялъ. Дай-ка мнѣ десятка хоть три конныхъ стрѣльцовъ. Увидишь, что я прежде всѣхъ поспѣю въ монастырь, и все дѣло улажу.»

«Бери хоть цѣлую сотню, только меня въ это дѣло не путай. Удастся тебѣ: всѣ мы тебѣ спасибо скажемъ; не удастся: одинъ за всѣхъ от-

вѣчай. Скажи тогда, что я тебѣ стрѣльцовъ брать не приказывалъ, и что ты самъ ихъ нанялъ за деньги.»

«Пожалуй, я на все согласенъ. Увидишь, что я всѣхъ васъ выпутаю изъ бѣды. А нѣтъ ли, Ѳедоръ Ивановичъ, деньжонокъ у тебя, чтобы стрѣльцовъ-то нанять? Одолжи пожалуйста. Вѣдь скажу не то, если попадусь въ бѣду, что я не нанялъ, а взялъ стрѣльцовъ по твоему приказу.»

«На, вотъ пять рублей. Больше со мной нѣтъ, всѣ стрѣльцамъ давеча раздалъ.»

«Ладно! Дай-ка мнѣ ручку твою на счастье, передъ походомъ. Вотъ такъ! Прощай, Ѳедоръ Ивановичъ!»

Лысковъ побѣжалъ къ постоялому двору, гдѣ оставилъ свою лошадь, два пистолета и саблю, а Шакловитой ушелъ во дворецъ. Чермной и Циклеръ остались на площади.

«Какъ думаешь ты, товарищъ,» спросилъ Чермной: «я чаю, царевна отстоитъ насъ? Вѣдь не въ первый разъ мы съ тобой въ бѣду попались. Притомъ вина не наша. Неужто намъ можно ослушаться, когда Ѳедоръ Ивановичъ приказываетъ! Мнѣ, впрочемъ, сдается, что Лысковъ уладитъ дѣло.»

«Я тоже думаю!» сказалъ Циклеръ. «Пойдемъ-ка домой, да ляжемъ спать. Утро вечера мудренѣе.»

Оба пошли изъ Кремля.

«Дня черезъ три Софья Алексѣевна будетъ ужъ одна царствомъ править,» продолжалъ Чермной. «То-то намъ будетъ житье! Ужъ вѣрно, обоихъ насъ пожалуетъ она въ бояре!»

«Безъ сомнѣнія!» сказалъ Циклеръ. «Однакожъ прощай! Мнѣ надобно итти въ эту улицу налѣво, а тебѣ все прямо. До свиданія!»

«Да что ты такъ не веселъ? Ты и на меня тоску наводишь.»

«Напротивъ, я совершенно спокоенъ и веселъ. Мнѣ кажется, что не я, а ты очень пріунылъ! Не робѣй и не отчаявайся прежде времени. Что за вздоръ такой! Не стыдно ли тебѣ! Ну, до свиданія! Завтра увидимся!»

Они разстались. Чермной, возвратясь домой, легъ въ постель, но не могъ сомкнуть глаза цѣлую ночь. То чудилось ему, что по лѣстницѣ входитъ толпа людей, посланныхъ взять его подъ стражу; то представлялось ему, что дьякъ читаетъ громкимъ голосомъ приговоръ и произноситъ ужасныя слова: «казнить смертію.» Холодный потъ выступалъ у него на лицѣ. Крестясь, повторялъ онъ шопотомъ: «Господи помилуй!» и еще въ бо̀льшее приходилъ содроганіе. Въ эту минуту готовъ онъ былъ отдать все свое имѣніе, отказаться отъ всѣхъ своихъ честолюбивыхъ видовъ, надѣть крестьянскій кафтанъ и проливать потъ надъ сохою, только бы

избавиться той мучительной, адской тоски, которая терзала его сердце. Ужасно безутѣшное положеніе преступника, когда ожиданіе заслуженной, близкой казни разбудитъ въ немъ усыпленную совѣсть, и когда онъ, ужаснувшись самого себя, почувствуетъ, что ни въ небѣ, ни на землѣ не осталось уже для него спасенія.

Циклеръ почти тоже чувствовалъ, что̀ и Чермной. Онъ вовсе не ложился въ постель и всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по своей спальнѣ. На разсвѣтѣ онъ нѣсколько успокоился слабою надеждою спастись отъ угрожавшей ему казни. Едва взошло солнце, онъ осѣдлалъ свою лошадь и поскакалъ въ Троицкій монастырь, въ намѣреніи доказать правоту свою доносомъ на участвовавшихъ въ преступномъ противъ царя умыслѣ, въ который самъ многихъ вовлекъ и примѣромъ, и словомъ, и дѣломъ.—Если они станутъ обвинять меня въ соучастіи съ ними,—размышлялъ онъ дорогою,—то мнѣ легко будетъ оправдаться присягою и увѣрить царя, что всѣ наговоры ихъ внушены имъ желаніемъ отомстить мнѣ за открытіе ихъ преступленія.—

На половинѣ дороги нагналъ его Лысковъ, съ толпою конныхъ стрѣльцовъ, спѣшившій къ Троицкому монастырю.

«Ба, ба, ба!» закричалъ Лысковъ, увидѣвъ Циклера. «Ты также пробираешься къ монастырю! Доброе дѣло! Поѣдемъ вмѣстѣ. Умъ хорошо, а

два лучше. Ты, вѣдь, знаешь, дли чего я туда ѣду?»

«Знаю!» отвѣчалъ Циклеръ. «Поѣзжай скорѣе, и не теряй времени. Жаль, что лошадь моя очень устала: я за тобой никакъ не поспѣю. Ужъ видно, тебѣ одному придется дѣло уладить; тогда и вся честь будетъ принадлежать тебѣ одному.»

«Видно, ты трусишь, господинъ полковникъ! До свиданія! Въ самомъ дѣлѣ мнѣ надобно поспѣшить. За мной, ребята!» закричалъ онъ стрѣльцамъ. «Во весь опоръ!»

Циклеръ удержалъ свою лошадь, которая пустилась было вскачь за понесшеюся толпою злодѣевъ.

— Если ему удастся: хорошо!—размышлялъ онъ. — Я тогда ворочусь въ Москву и первый донесу объ успѣшномъ окончаніи дѣла царевнѣ. Если же его встрѣтятъ Потѣшные, то, безъ сомнѣнія, положатъ всѣхъ на мѣстѣ, и я не опоздаю пріѣхать въ монастырь съ доносомъ и съ предложеніемъ услугъ моихъ царю Петру.—

X.

Ты, Творецъ, Господь всесильный,
Безъ котораго и власъ
Не погибнетъ мой единый,
Ты меня отъ смерти спасъ!

Державинъ.

«Вотъ ужъ и монастырь передъ нами!» кричалъ Лысковъ слѣдовавшимъ за нимъ стрѣльцамъ. «Скорѣе, ребята! Къ воротамъ!»

Подъѣхавъ къ монастырской стѣнѣ, Лысковъ началъ стучаться въ ворота.

«Кто тамъ?» закричалъ привратникъ.»

«Налеты.» отвѣчалъ Лысковъ. «Его царское величество приказалъ намъ пріѣхать за нимъ сюда изъ Преображенскаго. Здѣсь, чаю, нѣтъ еще никого изъ нашихъ товарищей. Потѣшные-то еще не бывали?»

«Не пришли еще. Вы первые пріѣхали. Да точно ли вы Налеты? Мнѣ велѣно ихъ однихъ, да Потѣшныхъ впустить въ монастырь, и то спросивъ прежде—какъ бишь это? Слово-то такое мудреное!—Похоже на пароль, помнится.»

«Пароль, что ли?»

«Да, да, оно и есть. Ну-ка скажи это слово.»

«Вѣра и вѣрность. Ну, отворяй же скорѣе ворота.»

«Сейчасъ, сейчасъ!»

Ворота, заскрипѣвъ на тяжелыхъ петляхъ, растворились, и Лысковъ въѣхалъ со стрѣльцами за монастырскую ограду.

Царь Петръ Алексѣевичъ съ матерью его, царицею Натальею Кирилловною, находился въ это время въ церкви, и стоялъ съ нею близъ алтаря. Стрѣльцы, обнаживъ сабли, разсыпались въ разныя стороны, для поисковъ. Двое изъ нихъ вошли въ церковь. Юный царь, оглянувшись и увидѣвъ двухъ злодѣевъ, быстро приближавшихся къ нему съ обнаженными саблями, схватилъ родительницу свою за руку и ввелъ ее въ алтарь. Стрѣльцы вбѣжали за нимъ туда же.

«Чего хотите вы?» закричалъ Петръ, устремивъ на злодѣевъ сверкающій взоръ. «Вы забыли, что я царь вашъ!»

Оба стрѣльца, невольно содрогнувшись, остановились.

Царь Петръ Алексѣевичъ между-тѣмъ, поддерживая одною рукою трепещущую свою родительницу, другою оперся объ алтарь.

«У него оружія нѣтъ!» шепнулъ наконецъ одинъ изъ стрѣльцовъ: «я подойду къ нему.»

«Нѣтъ, нѣтъ!» сказалъ шопотомъ другой, удержавъ товарища за руку: «онъ стоитъ у алтаря.

Подождемъ, когда онъ выйдетъ изъ церкви; ему уйти отсюда некуда!»

Въ это время послышался конскій топотъ, и оба злодѣя, вздрогнувъ, побѣжали вонъ изъ церкви. Опасность была близка, но невидимая десница всемогущаго Бога сохранила Его помазанника и тамъ, гдѣ, казалось, нельзя было ожидать ни откуда помощи и спасенія. (*)

(*) Это происшествіе въ Троицкомъ монастырѣ разнообразно разсказано многими нашими и иностранными писателями. Штелинъ и Сегюръ относятъ его къ первому возмущенію стрѣльцовъ, Галемъ ко второму, которое было послѣ казни Хованскихъ; то-же сказано во многихъ русскихъ книгахъ. Но Петръ Великій и царица Наталья Кирилловна во время перваго бунта, по свидѣтельству современныхъ лѣтописцевъ Медвѣдева и Матвѣева, находились *въ Москвѣ.* Во второй бунтъ весь царскій домъ изъ села Воздвиженскаго уѣхалъ въ Троицкій монастырь. Но происшествіе, о которомъ идетъ рѣчь, и тогда не могло случиться. Изъ нашихъ лѣтописей видно, что стрѣльцы послѣ казни Хованскихъ произвели возмущеніе въ Москвѣ и приходили, правда, въ монастырь, но для того только, чтобы просить помилованія; потому-что тамъ собралось многочисленное войско, для защиты царскаго дома. По этому всего вѣроятнѣе, что происшествіе это случилось въ 1689 году, при Шакловитомъ; тогда Петръ Великій съ родительницею, супругою и сестрою, поспѣшно спасся

«За мной, товарищи! Смерть злодѣямъ!» воскликнулъ Бурмистровъ, въѣзжая во весь опоръ съ Налетами въ монастырскія ворота. Лысковъ, услышавъ конскій топотъ, съ помощію нѣсколькихъ стрѣльцовъ, выломилъ небольшую калитку и выбѣжалъ за ограду. Всѣ стрѣльцы, оставшіеся въ монастырѣ, были изрублены Налетами. Двое изъ нихъ и Бурмистровъ бросились въ погоню за Лысковымъ, оставивъ лошадей своихъ у калитки; потому-что она была такъ низка, что и человѣку можно было пройти чрезъ нее не иначе, какъ согнувшись. Вскорѣ нагналъ онъ Лыскова и пятерыхъ стрѣльцовъ, которые съ нимъ бѣжали. Они остановились, увидѣвъ погоню, и приготовились къ оборонѣ.

«Сдайся!» закричалъ Лыскову Василій.

Лысковъ выстрѣлилъ въ Бурмистрова изъ пистолета и закричалъ стрѣльцамъ: «Рубите его!»

Пуля съ свистомъ пронеслась мимо, и Лысковъ бросился на Василья съ поднятою саблею; но одинъ изъ Налетовъ предупредилъ злодѣя, снесъ ему голову, и въ тоже время упалъ, проколотый саблею одного изъ стрѣльцовъ. На ос-

---

изъ Преображенскаго отъ стрѣльцовъ въ Троицкій монастырь ночью (См. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, Томъ III стр. 36 и 63). Стрѣльцы могли его тогда преслѣдовать и ворваться въ монастырь, предупредивъ войско, которое вскорѣ прибыло для защиты царя.

тавшагося Налета напали вдругъ двое, а на Бурмистрова трое. Налету удалось скоро разрубить голову одному изъ противниковъ; потомъ ранилъ онъ другаго и бросился на помощь къ Василью. Раненный между-тѣмъ приползъ къ трупу Лыскова, вытащилъ изъ-за пояса его пистолетъ и, выстрѣливъ въ Налета, убилъ его; но вскорѣ самъ потерялъ послѣднія силы и съ истекшею кровью лишился жизни. Между-тѣмъ Василій дрался, какъ левъ, съ тремя врагами. Одному разрубилъ онъ голову, другаго тяжело ранилъ; но третій ему самому нанесъ ударъ въ лѣвую руку, и бросился въ лѣсъ, увидѣвъ бѣжавшихъ къ нимъ отъ монастыря двухъ человѣкъ.

Василій, чувствуя, что силы его слабѣютъ, правою рукою поднялъ съ земли свою саблю и, опираясь на нее, пошелъ къ монастырю. Вскорѣ голова у него закружилась, и онъ упалъ безъ чувствъ на землю.

Черезъ нѣсколько часовъ Бурмистровъ пришелъ въ чувство. Открывъ глаза, увидѣлъ онъ, что передъ нимъ стоятъ пріятель его, купецъ Лаптевъ, и что онъ самъ лежитъ на постелѣ, въ опрятной избѣ. Изба эта находилась за оградою, неподалеку отъ главныхъ монастырскихъ воротъ.

«Слава Богу!» сказалъ Лаптевъ. «Наконецъ онъ очнулся! Мы, Василій Петровичъ, думали,

что ты совсѣмъ умеръ. Какъ бы не подняли мы тебя, да не перевязали твоей раны, ты бы, вѣрно, кровью изошелъ!»

«Благодарю васъ!» сказалъ слабымъ голосомъ Бурмистровъ. «Какъ попалъ ты сюда, Андрей Матвѣевичъ, съ Андреемъ Петровичемъ?»

Сегодня на разсвѣтѣ услышали мы въ Москвѣ, что царь Петръ Алексѣевичъ ночью уѣхалъ на-скоро изъ Преображенскаго въ монастырь и разослалъ во всѣ стороны гонцевъ съ указомъ, чтобы всякій, кто любитъ его, спѣшилъ къ монастырю, для защиты царя противъ стрѣльцовъ-злодѣевъ. Я съ Андреемъ Петровичемъ и побѣжалъ въ Гостиный-Дворъ, собралъ около себя народъ и закричалъ: — Друзья любезные! злодѣи-стрѣльцы хотятъ убить нашего царя-батюшку. Онъ теперь въ Троицкомъ монастырѣ: поспѣшимъ туда и положимъ за него свои головы!—Въ монастырь!—крикнули всѣ въ одинъ голосъ. Кому надобно саблю, ружье, пику, закричалъ я, тотъ бѣги въ мою оружейную лавку и выбирай, что̀ кому надобно. Посмотрѣлъ бы ты, Василій Петровичъ, какъ мы изъ Москвы-то сюда скакали на извощичьихъ телѣгахъ: земля дрожала! На каждую телѣгу набралось человѣкъ по десяти. Слышь ты, сотни четыре народу-то изъ Гостинаго Двора да изъ купеческихъ рядовъ съ нами сюда пріѣхали.»

Въ это время послышался громкій звукъ ба-

рабановъ. Андрей, взглянувъ въ окно, увидѣлъ, что Преображенскіе и Семеновскіе Потѣшные и Бутырскій полкъ, съ распущенными знаменами, скорымъ шагомъ шли къ монастырскимъ воротамъ. Передъ полками ѣхали верхомъ генералъ Гордонъ и полковникъ Лефоръ.

«Ба!» воскликнулъ Андрей: «это, кажется, выступаетъ капитанъ Лыковъ передъ ротою.... онъ и есть!»

«Какъ это полки-то такъ скоро сюда поспѣли? спросилъ Лаптевъ, подойдя къ окну.

«Видно, на крестьянскихъ подводахъ прискакали,» отвѣчалъ Андрей.

«Этакое войско: молодецъ къ молодцу!» продолжалъ Лаптевъ. «Сердце радуется! А это что за обозъ тамъ пріѣхалъ?... вонъ, вонъ, Андрей Петровичъ, полѣвѣе-то! Никакъ все крестьяне. Ба! да всѣ съ топорами, косами и вилами. Экъ ихъ сколько высыпало. Кто это впереди-то идетъ? Господи Боже мой! священникъ, кажется.... такъ и есть! Видишь, крестъ у него въ рукѣ сіяетъ.»

Когда толпа крестьянъ, предводимая священникомъ, приблизилась, то Андрей воскликнулъ: «Да это отецъ Павелъ идетъ передъ ними. Онъ, точно онъ. А это, видно, все крестьяне села Погорѣлова!

Андрей и Лаптевъ долго еще смотрѣли въ окно. Со всѣхъ сторонъ безпрестанно спѣшили

къ монастырю стольники, стряпчіе, дворяне, дьяки, жильцы, дѣти боярскіе, копейщики, рейтары. Всѣ бояре, преданные царю Петру Алексѣевичу, также прибыли въ монастырь. Вскорѣ въ монастырскихъ стѣнахъ сдѣлалось отъ безчисленнаго множества народа тѣсно, и многіе изъ пріѣзжавшихъ останавливались подъ открытымъ небомъ, за оградою монастыря.

Лаптевъ, оставивъ съ Бурмистровымъ Андрея, вышелъ изъ избы, въ намѣреніи отыскать отца Павла и спросить его: не пріѣхала ли съ нимъ Варвара Ивановна? Съ трудомъ отыскалъ онъ его въ безчисленной толпѣ народа, и узналъ, что и Варвара Ивановна, и Мавра Савишна съ Ольгою, и Наталья съ матерью хотѣли непремѣнно ѣхать къ монастырю, и что онъ съ великимъ трудомъ отговорилъ ихъ отъ этого намѣренія.

Они не успѣли еще кончить начатаго разговора, какъ Потѣшные, Бутырскій полкъ, Налеты и всѣ прибывшіе въ монастырь, для защиты государя, начали выходить одни за другими на поле. Полки построились въ рядъ, и вмигъ разнеслась вездѣ вѣсть, что царь скоро выѣдетъ къ войску и народу. Въ самомъ дѣлѣ, Петръ, на бѣломъ конѣ, въ прапорщичьемъ мундирѣ, вскорѣ выѣхалъ изъ воротъ въ сопровожденіи бояръ, генерала Гордона и полковника Лефора. Земля задрожала отъ восклицаній восхищеннаго наро-

да. Это изъявленіе любви подданныхъ глубоко тронуло царя. Онъ снялъ шляпу, началъ привѣтливо кланяться на всѣ стороны, и на глазахъ его навернулись слезы.

Бурмистровъ, услышавъ крикъ народа, попросилъ Андрея узнать причину крика. Тотъ вышелъ изъ избы, вмѣшался въ толпу, увидѣлъ вдали царя и вмѣстѣ со всѣми началъ кричать во всю голову: «ура!»

Въ это самое время прошла поспѣшно мимо его женщина въ крестьянскомъ кафтанѣ и съ косою на плечѣ. За нею слѣдовало человѣкъ семь крестьянъ, вооруженныхъ ружьями.

«Здорово, Андрей Петровичъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ.

«Ба! Сидоровъ! Какъ ты здѣсь очутился?»

«Мавра Савишна изволила сюда пріѣхать съ твоею сестрицею, съ матушкою, хозяюшкою Андрея Матвѣевича и съ Ольгой Андреевной. Онѣ остались вонъ тамъ, вонъ, въ той избушкѣ.»

«Куда же вы идете?»

«Не знаю. Госпожа приказала намъ итти за нею.»

Андрей, нагнавъ Семирамиду Ласточкина-Гнѣзда, которая ушла довольно далеко впередъ съ прочими ея крестьянами, спросилъ ее: «Куда это ты спѣшишь, Мавра Савишна?»

«Хочу голову свою положить за царя-батюшку! Живъ ли онъ, наше солнышко? Не уходили

ли его разбойники-стрѣльцы? Въ пору ли я поспѣла?»

«Вонъ онъ, на бѣлой лошади.»

«Слава Богу!» воскликнула Мавра Савишна и, оборотясь лицомъ къ монастырю, нѣсколько разъ перекрестилась. «А матушка-то его, царица Наталья Кирилловна, жива ли, супруга-то его, нашего батюшки? Сохранилъ ли ихъ Господь?»

«Онѣ въ монастырѣ.»

«А гдѣ же стрѣльцы-то разбойники? Дай мнѣ только до нихъ добраться, я ихъ, окаянныхъ!»

«Нѣтъ, здѣсь стрѣльцамъ ужъ не мѣсто, Мавра Савишна.»

«Кажись, что не мѣсто. Да нѣтъ ли гдѣ хоть одного какого забѣглаго? Я бы ему косой голову снесла! Да вотъ, кажется, идутъ разбойники. Погляди-ка, Андрей Петровичъ, глаза-то у тебя помоложе. Вонъ, вонъ! Видишь ли? Да ихъ никакъ много, проклятыхъ!»

Андрей, посмотрѣвъ въ ту сторону, куда Мавра Савишна ему указывала, увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ вдали приближавшійся отрядъ стрѣльцовъ.

«Что это значитъ?» сказалъ Андрей. «Они, видно, съ ума сошли: да ихъ здѣсь шапками закидаютъ.»

«Ванюха!» закричала Мавра Савишна Сидорову: «ступай къ нимъ на встрѣчу. Ступайте и вы всѣ съ Ванюхой!» сказала она прочимъ

крестьянамъ. «Всѣхъ этихъ мошенниковъ перестрѣляйте.»

«Народу-то у насъ маловато, матушка Мавра Савишна,» возразилъ Сидоровъ, почесывая затылокъ. «Стрѣльцовъ-то сотни двѣ сюда идутъ; а насъ всего семеро: намъ съ ними не сладить!»

«Не робѣй, Ванюха, сладимъ съ мошенниками. Коли станутъ они, злодѣи, васъ одолѣвать, такъ я сама къ вамъ кинусь па подмогу.»

«Нѣтъ, матушка Мавра Савишна, побереги ты себя. Ужъ лучше мы одни пойдемъ на драку. Скличу я побольше добрыхъ людей, да и кинемся всѣ гурьбой на злодѣевъ.»

Сказавъ это, Сидоровъ вмѣшался въ толпу и закричалъ: «Братцы! разбойники-стрѣльцы сюда идутъ,—проводимъ незванныхъ гостей!»

Толпа зашумѣла и заволновалась; нѣсколько сотъ вооруженныхъ людей побѣжало на встрѣчу приближавшемуся отряду стрѣльцовъ. Начальникъ ихъ, ѣхавшій верхомъ впереди, не вынимая сабли, поскакалъ къ толпѣ и закричалъ: «Богъ помощь, добрые люди! Мы стрѣльцы Сухаревскаго полка, и спѣшимъ въ монастырь, для защиты царя Петра Алексѣевича!»

«Обманываешь, разбойникъ!» закричало множество голосовъ. «Тащи его съ лошади! Стрѣляй въ него!»

«Господи Боже мой!» воскликнулъ купецъ

Лаптевъ, разсмотрѣвъ лицо начальника отряда: «да это никакъ ты, Иванъ Борисовичъ!»

«Андрей Матвѣевичъ!» закричалъ стрѣлецъ, спрыгнувъ съ лошади и бросясь на шею Лаптеву: «Господь привелъ меня опять съ тобою увидѣться!»

Они крѣпко обнялись. Между-тѣмъ нѣсколько человѣкъ окружило ихъ и многіе прицѣлились въ стрѣльца изъ ружей.

«Не троньте его, добрые люди!» закричалъ Лаптевъ: «это пятидесятникъ Иванъ Борисовичъ Борисовъ. За него и за всѣхъ стрѣльцовъ Сухаревскаго полка я вамъ порука! Этимъ полкомъ правилъ пятисотенный Василій Петровичъ Бурмистровъ.»

«Коли такъ, пусть ихъ идутъ сюда!» закричала толпа.

«А гдѣ второй отецъ мой, Василій Петровичъ?» спросилъ Борисовъ Лаптева.

«Онъ лежитъ раненный, вонъ въ той избушкѣ.»

«Раненный? Пойдемъ, ради Бога, къ нему скорѣе!»

Дорогою Лаптевъ узналъ отъ Борисова, что Сухаревскій полкъ шелъ къ Москвѣ, по приказу Шакловитаго; что на дорогѣ встрѣтился гонецъ съ царскимъ повелѣніемъ, чтобы всякой, кто любитъ царя, спѣшилъ защищать его

противъ мятежниковъ, и что весь полкъ пошелъ тотчасъ же къ монастырю.

«Я съ своею полсотнею опередилъ всѣхъ прочихъ моихъ товарищей,» прибавилъ Борисовъ. «Скоро и весь полкъ нашъ придетъ сюда.»

«Доброе дѣло, Иванъ Борисовичъ, доброе дѣло! Ну вотъ мы ужъ и къ избушкѣ подходимъ. То-то Василій Петровичъ обрадуется, какъ тебя увидитъ. Онъ часто поминалъ тебя, Иванъ Борисовичъ!»

Они вошли въ хижину. Бурмистровъ сидѣлъ въ задумчивости на скамьѣ, съ подвязанною рукою.

«Вотъ я къ тебѣ нежданнаго гостя привелъ, Василій Петровичъ,» сказалъ Лаптевъ.

Бурмистровъ, при всей своей слабости, вскочилъ со скамьи, увидѣвъ Борисова, а этотъ со слезами радости, бросился въ объятія Василья. Долго обнимались они, не говоря ни слова. Наконецъ Лаптевъ, примѣтивъ, что перевязка на рукѣ Бурмистрова развязалась, посадилъ его на скамью и вмѣстѣ съ Борисовымъ насилу уговорилъ его, чтобъ онъ легъ успокоиться. Лаптевъ только-что успѣлъ перевязать ему снова рану, какъ отворилась дверь, и вошли неожиданно Наталья съ ея матерью и братомъ, отецъ Павелъ, Мавра Савишна съ Ольгою, Варвара Ивановна и капитанъ Лыковъ.

«Здравія желаю, пятисотенный!» воскликнулъ

Лыковъ. «Я слышалъ, что тебя одинъ изъ этихъ мошенниковъ-стрѣльцовъ царапнулъ саблею. Ну что рука твоя?»

«Кровь унялась; теперь мнѣ лучше.»

«Признаюсь, мнѣ на тебя завидно: пріятно пролить кровь свою за царя!... Поди-ка, поздравь жениха, любезная моя дочка!» продолжалъ онъ, взявъ за руку Наталью и подведя ее къ Бурмистрову. «Не стыдись, Наталья Петровна, не краснѣй! Вѣдь я твой посаженый отецъ: ты должна меня слушаться. Поцѣлуй-ка жениха, да пожелай ему здоровья. Ой вы дѣвушки! Вѣдь хочется смерть самой подойти, а нѣтъ, при людяхъ, видишь, стыдно.»

«Что это, господинъ капитанъ,» сказала старушка Смирнова: «какъ можно дѣвушкѣ до свадьбы съ мужчиной поцѣловаться!»

«Не слушай господина капитана, Наталья Петровна,» прибавила Мавра Савишна. «Этакой грѣходникъ, прости Господи! вѣдь голову срѣзалъ дѣвушкѣ, да и насъ всѣхъ пристыдилъ.»

«Великъ стыдъ съ женихомъ поцѣловаться! Это у насъ, на Руси, грѣхомъ почитается, а въ иностранныхъ земляхъ такъ всѣ походя цѣлуются!» возразилъ капитанъ и принудилъ закраснѣвшуюся Наталью поцѣловаться съ женихомъ своимъ.

«Ну посмотри, что онъ завтра же выздоровѣ-

етъ!» примолвилъ Лыковъ. «Что, пятисотенный? Ты, я чаю, и рану свою забылъ?»

«Желательно, чтобы Россія сравнялась скорѣе въ просвѣщеніи съ иностранными землями,» сказалъ Андрей, взглянувъ украдкою на Ольгу. Съ перваго на нее взгляда, еще въ селѣ Погорѣловѣ, она ему такъ понравилась, что онъ твердо рѣшился къ ней свататься.

Наступилъ вечеръ. Около монастыря запылали въ разныхъ мѣстахъ костры, и пустынныя окрестности огласились шумнымъ говоромъ безчисленной толпы и веселыми пѣснями. По просьбѣ Бурмистрова, Лыковъ растворилъ окно и всѣ, бывшіе въ хижинѣ, внимательно начали слушать пѣсню, которую пѣлъ хоръ пѣсенниковъ, собравшихся въ кружокъ неподалеку отъ хижины. Запѣвало затягивалъ, а прочіе пѣвцы подхватывали. Они пѣли:

ЗАПѢВАЛО.

Волга, матушка-рѣка,
Ты быстра и глубока,

ХОРЪ.

Ты куда струи катишь,
Къ морю ль синему бѣжишь?

ЗАПѢВАЛО.

Какъ по той ли по рѣкѣ
Лебедь бѣлая плыветъ.

ХОРЪ.

На крутомъ на бережкѣ
Лебедь коршунъ стережетъ.

ЗАПѢВАЛО.

Поднимался онъ, злодѣй,
Закружился онъ надъ ней,

ХОРЪ.

Остры когти распускалъ,
На лебедушку напалъ.

ЗАПѢВАЛО.

Остры когти воръ навелъ:
Грудь лебяжью воръ пронзилъ:

ХОРЪ.

Гдѣ ни взялся младъ орелъ!
По поднебесью летитъ.

ЗАПѢВАЛО.

Не каленая стрѣла
Кровь злодѣйску пролила:

ХОРЪ.

Вора младъ-орелъ убилъ
И лебедку защитилъ.

ЗАПѢВАЛО.

Не лебедка то плыла,
Не она бѣды ждала;

ХОРЪ.

То не коршунъ нападалъ;
То не младъ-орелъ спасалъ.

ЗАПѢВАЛО.

А сторонушкѣ родной
Зла хотѣлъ злодѣй лихой,

ХОРЪ.

А спасалъ ее нашъ царь,
Младъ надежа-государь!

«Лихо пропѣли!» сказалъ Лыковъ стоявшему подлѣ него Лаптеву. «Ба! да у тебя никакъ слезы на глазахъ, Андрей Матвѣевичъ! Что это съ тобой сдѣлалось?»

«Смерть люблю слушать, коли хорошо поютъ, господинъ капитанъ,» отвѣчалъ Лаптевъ, утирая слезы. «Запѣвало-то знатной, этакой голосъ, — ну такъ, слышь-ты, за ретивое и задѣваетъ.»

XI.

На зорки очи прозорливыхъ
Туманы дымные падутъ.
Начнутъ плести другъ другу сѣти
И въ нихъ, какъ въ безднахъ, пропадутъ.

Глинка.

Вскорѣ дошелъ слухъ въ Москву о собравшемся въ Троицкій монастырь безчисленномъ множествѣ народа. Царевна Софія немедленно призвала къ себѣ, для совѣщанія, князя Голицына и Шакловитаго.

«По моему мнѣнію,» сказалъ Голицынъ: «твоему царскому величеству всего лучше удалиться на-время въ Польшу. Всѣ вѣрные слуги твои послѣдовали бы за тобою.... Я слышалъ, что полковникъ Циклеръ подалъ подробный доносъ царю.»

«И это ты, князь, мнѣ совѣтуешь!» воскликнула съ гнѣвомъ царевна. «Мнѣ бѣжать въ Польшу?... Никогда! Это бы значило подтвердить доносъ презрѣннаго Циклера! Я въ душѣ чувствую себя правою и ничего не опасаюсь. Младшій братъ мнѣ не страшенъ; другой братъ

мой такой же царь, какъ и онъ. Ты забылъ, князь, что я еще правительница!»

«Безпрекословнымъ исполненіемъ воли твоей я докажу тебѣ, государыня, что мое усердіе къ тебѣ никогда не измѣнится, хотя бы мнѣ грозила опасность вдесятеро болѣе настоящей. Я радъ пожертвовать жизнію за твое царское величество!»

«На тебя одну возлагаемъ мы всѣ надежду!» сказалъ Шакловитой: «спаси всѣхъ насъ, государыня! Клеветники очернили вѣрнаго слугу твоего передъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ. Погибель моя несомнѣнна, если ты за меня не заступишься. Полковника Петрова и подполковника Чермнаго увезли уже, по приказу царя, въ Троицкій монастырь, для допросовъ.»

«Для чего же ты допустилъ увезти ихъ?» воскликнула Софія, стараясь скрыть овладѣвшее ею смущеніе.

«Я не смѣлъ противиться волѣ царской. Чермной не хотѣлъ отдаться живой въ руки пріѣхавшихъ за нимъ стрѣльцовъ Сухаревскаго полка, ранилъ ихъ пятидесятника, однакожъ долженъ былъ уступить силѣ.»

Софія, по нѣкоторомъ размышленіи, послала Шакловитаго пригласить къ ней сестеръ ея, царевенъ Мароу и Марію, и тетку ея, царевну Татіану Михаиловну. Когда онѣ прибыли къ ней, то она, со слезами, разсказала имъ все, что,

по словамъ ея, сообщили о ней царю Петру Алексѣевичу клеветники и недоброжелатели. Убѣжденныя ея краснорѣчіемъ, царевны поѣхали немедленно въ Троицкій монастырь, для оправданія Софіи и для примиренія ея съ братомъ. Услышавъ, что избранныя ею посредницы остались въ монастырѣ, царевна пришла еще въ бо̀льшее смущеніе, и послала, чрезъ нѣсколько дней, патріарха къ царю Петру. Но и это посредничество не имѣло успѣха. Наконецъ царевна сама рѣшилась ѣхать въ монастырь. Въ селѣ Воздвиженскомъ встрѣтили ее посланные царемъ бояринъ князь Троекуровъ и стольникъ Бутурлинъ, и объявили ей, по царскому повелѣнію, что она въ монастырь впущена не будетъ. Пораженная этимъ, Софія возвратилась въ Москву. Вскорѣ прибыли туда бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ и полковникъ Нечаевъ съ сильнымъ отрядомъ и, взявъ всѣхъ сообщниковъ Шакловитаго, отвезли въ монастырь; Шакловитаго же нигдѣ не отыскали.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ монастыря въ столицу полковникъ Серчеевъ и объявилъ, что онъ имѣетъ нѣчто сообщить Софіи по волѣ царя Петра Алексѣевича. Немедленно былъ онъ впущенъ въ ея комнаты.

«Зачѣмъ присланъ ты сюда?» спросила Софія.

Серчеевъ, почтительно поклонясь царевнѣ, подалъ ей запечатанную царскою печатью бумагу.

Софія велѣла бывшему въ комнатѣ князю Голицыну распечатать свитокъ, для прочтенія присланной бумаги. Князь дрожащимъ голосомъ прочиталъ:

«Великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцы, указали въ своихъ великихъ государей грамотахъ и въ Приказѣхъ во всякихъ дѣлѣхъ и въ челобитныхъ писать свое великихъ государей именованіе и титлу по сему, какъ писано въ семъ указѣ выше сего, и о томъ изъ Розряду во всѣ Приказы послать памяти. Сентября 7 дня 7198 года.» (*)

«Они не въ правѣ этого сдѣлать!» воскликнула Софія. «Моего имени нѣтъ въ этомъ указѣ. Онъ не дѣйствителенъ!... Князь! напиши сейчасъ же другой указъ объ уничтоженіи присланнаго. Объяви, что тотъ будетъ казненъ смертью, кто осмѣлится исполнять указъ, написанный и разосланный безъ моего согласія.»

«Государыня, ты никогда не отвергала совѣтовъ искренно-преданнаго слуги твоего. Дозволь ему еще разъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ жизни, сказать откровенно свое мнѣніе. Указъ твой не будетъ имѣть никакой силы и дѣйствія

(*) 1689 года.

безъ именъ обоихъ царей. Если же имена ихъ царскихъ величествъ написать въ указѣ безъ ихъ согласія, то они могутъ обвинить тебя въ присвоеніи принадлежащей имъ власти.»

«А развѣ я не имѣю теперь права обвинить ихъ въ отнятіи у меня власти, неоспоримо мнѣ принадлежащей?» сказала въ сильномъ волненіи Софія. «Въ объявленіи о вступленіи ихъ на престолъ было сказано, чтобы во всѣхъ указахъ писать вмѣстѣ съ ихъ именами и мое имя. Съ-тѣхъ-поръ власть ихъ соединена нераздѣльно съ моею. Покуда они цари, до-тѣхъ-поръ я правительница. Поѣзжай сейчасъ же въ монастырь,» продолжала она, обратясь къ Серчееву: «и перескажи все слышанное здѣсь тобою. Объяви младшему брату моему, что я рѣшусь на самыя крайнія средства, если онъ не отмѣнитъ этого несправедливаго указа.»

«Исполню волю твою, царевна!» сказалъ Серчеевъ. «Но прежде долженъ я еще исполнить повелѣніе царя Петра Алексѣевича. Онъ приказалъ взять Шакловитаго и привезти въ монастырь.»

«Шакловитой бѣжалъ изъ Москвы, и ты напрасно потеряешь время, если станешь его отыскивать.»

«Царь повелѣлъ мнѣ искать его вездѣ, не исключая даже дворца.»

«А я тебѣ запрещаю это!»

«Не поставь меня въ необходимость, царевна, оказать неуваженіе къ повелѣнію дочери царя Алексѣя Михайловича. Дозволь мнѣ исполнить царское повелѣніе, которое я не рѣшился бы нарушить и тогда, еслибъ мнѣ предстояла неминуемая смерть.»

Съ этими словами Серчеевъ пошелъ къ двери, которая вела въ другую комнату.

«Ты осмѣливаешься обыскивать мои комнаты!» воскликнула Софія. «Остановись! Я велю казнить тебя!»

Въ это время вошелъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій и сказалъ царевнѣ, что царь Іоаннъ Алексѣевичъ повелѣлъ сообщить ей, чтобы она дозволила Серчееву взять Шакловитаго, скрывающагося въ ея комнатахъ.

Софія перемѣнилась въ лицѣ, хотѣла что-то отвѣчать, но Серчеевъ отворилъ уже дверь въ другую комнату и вывелъ оттуда Шакловитаго.

«Спаси меня, государыня!» воскликнулъ послѣдній, бросясь къ ногамъ Софіи.» Тебѣ извѣстна моя невинность!»

«Покорись, Ѳедоръ Ивановичъ, волѣ царской!» сказалъ Прозоровскій. «Если ты невиненъ, то тебѣ нечего бояться: на судѣ докажешь ты правоту свою. Правый не боится суда. Если же ты станешь противиться, то полковнику приказано взять тебя силою и привезти въ монастырь. Съ нимъ присланы сто солдатъ, которые стоятъ

около дворца и ожидаютъ его приказаній. Итакъ, не сопротивляйся и поѣзжай теперь же въ монастырь.»

Шакловитой, ломая руки, вышелъ изъ дворца съ Прозоровскимъ и Серчеевымъ.

Когда его привезли въ монастырь, то собралась немедленно Государственная Дума. Послѣ четырехдневныхъ допросовъ, Шакловитой, Петровъ и Чермной были уличены въ умыслѣ лишить жизни царя Петра Алексѣевича и его родительницу и произвести мятежъ. Одиннадцатаго сентября царь повелѣлъ думному дьяку выйти на крыльцо и прочитать всенародно *розыскное дѣло* о преступникахъ. По окончаніи чтенія со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «Смерть злодѣямъ!» и Дума приговорила ихъ къ смертной казни. Истопникъ Евдокимовъ, подъячій Шошинъ и другіе соумышленники Шакловитаго сосланы были въ Сибирь.

Когда Шакловитаго, Чермнаго и Петрова вели къ мѣсту казни, то послѣдній, повторивъ предъ народомъ признаніе въ своихъ преступленіяхъ, сказалъ: «Простите меня, добрые люди! Научитесь изъ нашего примѣра, что клятвопреступниковъ рано или поздно постигаетъ неизбѣжное наказаніе Божіе. За семь лѣтъ передъ этимъ присягнулъ я царю Петру Алексѣевичу, измѣнилъ ему, и вотъ до чего дошелъ я нако-

нецъ! Храните присягу, какъ вѣрный залогъ вашего и общаго счастія.»

Чермной, блѣдный какъ полотно, укорялъ Циклера, который шелъ подлѣ него, ведя отрядъ стрѣльцовъ, окружавшій преступниковъ.

«Ты погубилъ всѣхъ насъ!» говорилъ Чермной. «Нашею гибелью хочешь ты прикрыть твои злодѣйства. Тебѣ за доносъ дали награду, а насъ ведутъ на казнь. Не зналъ я тебя до-сихъ-поръ, злодѣя-измѣнника: давно бы мнѣ тебя зарѣзать!»

«Не укоряй его, Чермной!» сказалъ Петровъ. «Я знаю, что Циклеръ столько же преступенъ, сколько и мы. Онъ донесъ на насъ, но я его прощаю. Мы заслуживаемъ казнь, къ которой приговорены. Придетъ время, отвѣтитъ и онъ Богу за дѣла свои. Берегись, Циклеръ, чтобы и тебя не постигла когда-нибудь равная съ нами участь. Не надѣйся на хитрость твою, она тебѣ не поможетъ, и правосудіе Божіе совершится надъ тобою такъ же, какъ и надъ нами, если искреннимъ раскаяніемъ не загладишь твоихъ преступленій.»

«Напрасно стараешься ты, Петровъ, очернить меня,» сказалъ Циклеръ: «тебѣ не повѣрятъ. Еслибъ я былъ въ чемъ-нибудь виноватъ, то его царское величество не наградилъ бы меня нынѣ помѣстьемъ въ двѣсти-пятьдесятъ четвертей и подаркомъ въ тридцать рублей.

Вскорѣ послѣ казни Шакловитаго и его сооб-

щиковъ бояринъ князь Троекуровъ посланъ былъ царемъ Петромъ въ Москву. Онъ пробылъ около двухъ часовъ у царя Іоанна Алексѣевича и пошелъ потомъ въ комнаты царевны Софіи, для объявленія ей воли царей. Властолюбивая Софія принуждена была удалиться въ Новодѣвичій Монастырь. Тамъ постриглась она и провела остальные дни жизни подъ именемъ Сусанны. (*) Боярина князя Голицына приговорили къ ссылкѣ въ Яренскъ.

(*) Она скончалась 3 іюля 1705 года въ этомъ монастырѣ, гдѣ и была погребена.

XII.

И мой послѣдній взоръ на друга
устремится.
Дмитріевъ.

«Что это, Андрей Матвѣевичъ, за звонъ по всей Москвѣ сегодня?» спросила Варвара Ивановна своего мужа, который отдыхалъ на скамейкѣ, въ свѣтлицѣ жены. Наканунѣ того дня, тридцатаго сентября, возвратился онъ изъ Троицкаго Монастыря въ домъ свой, увѣрясь, что никакая опасность не угрожаетъ уже царю Петру Алексѣевичу.

«Развѣ ты забыла, что сегодня праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы.»

«Вѣстимо, что не забыла; да обѣдни давно ужъ отошли, а все-таки звонятъ на всѣхъ колокольняхъ. Посмотри-ка, Андрей Матвѣевичъ, посмотри!» сказала Варвара Ивановна, подойдя къ окну: «куда это народъ-то бѣжитъ? Ужъ не стрѣльцы ли окаянные опять что-нибудь затѣяли?»

«Типунъ бы тебѣ на языкъ! Нѣтъ ужъ, матушка, полно имъ бунтовать, прошла ихъ пора!»

«Какъ, Андрей Матвѣевичъ, ты дома! восклик-

нулъ Андрей, входя въ комнату. «Развѣ не слыхалъ ты, что сегодня царь Петръ Алексѣевичъ въѣзжаетъ въ Москву?»

«Неужто!» вскричалъ Лаптевъ, спрыгнувъ со скамейки. «Жена! одѣвайся проворнѣе, пойдемъ встрѣчать царя-батюшку.»

Всѣ трое вышли изъ дома и поспѣшили къ Кремлю. Народъ толпился на улицахъ. На всѣхъ лицахъ сіяла радость. Отъ заставы до Успенскаго Собора стояли въ два ряда Преображенскіе и Семеновскіе Потѣшные, Бутырскій полкъ и стрѣльцы Сухаревскаго полка. Даже заборы и кровли домовъ были усыпаны народомъ. Взоры всѣхъ обращены были къ заставѣ. Наконецъ раздался крикъ: «ѣдетъ, ѣдетъ!» и вскорѣ царь, на бѣлой лошади, въ сопровожденіи Лефора и Гордона появился между стройныхъ рядовъ войска. За нимъ ѣхали Налеты подъ предводительствомъ Бурмистрова. Черная перевязка поддерживала его лѣвую руку. Громъ барабановъ смѣшался съ радостными восклицаніями народа. Когда царь подъѣхалъ къ кремлевскому дворцу, Іоаннъ Алексѣевичъ встрѣтилъ на крыльцѣ своего брата, нѣжно имъ любимаго. Они обнялись и оба пошли къ Успенскому Собору. Тамъ патріархъ совершилъ благодарственное молебствіе. По выходѣ изъ храма, цари едва могли достигнуть дворца сквозь толпу ликующаго народа. Въ тотъ же день щедро были на-

граждены всѣ, прибывшіе къ Троицкому монастырю для защиты царя.

День ужъ вечерѣлъ. Бурмистровъ, помѣстивъ своихъ Налетовъ на Лыковѣ Дворѣ, поспѣшилъ къ своему дому. При взглядѣ на этотъ домъ, такъ давно имъ оставленный, сердце Василья наполнилось какимъ-то сладостно-грустнымъ чувствомъ. Сколько воспоминаній пріятныхъ и горестныхъ возбудилъ въ Васильѣ видъ его жилища! Онъ вспомнилъ безпечные, счастливые дни молодости, проведенные вмѣстѣ съ другомъ его, Борисовымъ, вспомнилъ первую встрѣчу свою съ Натальею и прелесть первой любви, вспомнилъ и бѣдствія, которыя такъ долго всѣхъ ихъ угнетали.

Долго стучался онъ въ ворота. Наконецъ слуга его, Григорій, жившій въ домѣ одинъ, какъ затворникъ, и охранявшій жилище своего господина, отворилъ калитку.

«Баринъ!» воскликнулъ онъ и упалъ къ ногамъ своего господина, заплакавъ отъ радости.

«Встань, встань! Поздоровайся со мной, Григорій,» сказалъ Бурмистровъ. «Мы ужъ давно съ тобой не видались.»

«Отецъ ты мой родной!» восклицалъ вѣрный слуга, обнимая колѣна Василья: «не чаялъ я ужъ тебя на этомъ свѣтѣ увидѣть.»

Василій вошелъ въ домъ и удивился, найдя въ немъ все въ прежнемъ порядкѣ. Григорій сбе-

регъ даже дубовую кадочку съ померанцовымъ деревцомъ, стоявшую въ спальнѣ Бурмистрова,—послѣдній подарокъ прежняго благодѣтеля его и начальника, князя Долгорукаго. Всякій день слуга поливалъ это деревцо, обметалъ вездѣ пыль и перестилалъ постель, какъ-будто бы ожидая къ вечеру каждаго дня возвращенія господина.

Когда Василій вышелъ въ свой садъ, то, увидѣвъ тамъ цвѣтникъ, надъ которымъ онъ и Борисовъ часто трудились весною, остановился въ задумчивости. Цвѣты всѣ поблекли, и весь цвѣтникъ засыпанъ былъ желтыми листьями деревъ, обнаженныхъ рукою осени.

«Помнишь ли, баринъ, какъ Иванъ Борисовичъ любилъ этотъ цвѣтникъ? Ужъ не будетъ онъ, горемычный, гулять съ тобой въ этомъ саду!»

«Какъ, почему ты это говоришь?» спросилъ Василій.

«Да развѣ ты не знаешь, баринъ, что онъ пріѣзжалъ въ Москву изъ монастыря со стрѣльцами, и что подполковникъ Чермной, когда Иванъ Борисовичъ хотѣлъ взять этого злодѣя, ранилъ его кинжаломъ.»

«Поведи меня, ради Бога, къ нему скорѣе!» воскликнулъ Бурмистровъ. «Гдѣ онъ теперь?»

«Лежитъ онъ неподалеку отсюда, въ избушкѣ какого-то посадскаго. Я его хотѣлъ положить въ твоемъ домѣ, да самъ Иванъ Борисовичъ не

захотѣлъ.—Гдѣ ни умереть,—сказалъ онъ:—все равно.»

Встревоженный Бурмистровъ послѣдовалъ за слугою, и вскорѣ подошелъ къ избушкѣ, гдѣ лежалъ Борисовъ. Пославъ слугу за лекаремъ, осторожно отворилъ онъ дверь и увидѣлъ друга своего, который лежалъ на соломѣ, при послѣднемъ издыханіи. Подлѣ него сидѣла жена посадскаго и плакала. Пораженный горестію, Василій взялъ за руку Борисова. Тотъ открылъ глаза и устремилъ угасающій взоръ на своего друга, котораго онъ назвалъ вторымъ отцомъ своимъ за оказанныя ему благодѣянія.

«Узналъ ли ты меня?» спросилъ Василій, стараясь скрыть свою горесть. «Я пришелъ помочь тебѣ: сейчасъ придетъ лекарь и перевяжетъ твою рану.»

«Ужъ поздно!» отвѣчалъ слабымъ голосомъ Борисовъ. «Это ты, второй отецъ мой! Слава Богу, что я съ тобой успѣю проститься!»

Бурмистровъ хотѣлъ что-то сказать своему другу въ утѣшеніе, но не могъ, тихо опустилъ его хладѣющую руку, отошелъ къ окну и заплакалъ.

«Сходи скорѣе за священникомъ!» сказалъ онъ на-ухо женѣ посадскаго. «Онъ умираетъ!»

«Я ужъ призывала священника,» отвѣчала тихо женщина: «но больной не хотѣлъ пріобщиться и сказалъ батюшкѣ, что онъ раскольникъ.»

«Раскольникъ!» невольно воскликнулъ Бурмистровъ, пораженный горестнымъ удивленіемъ.

Борисовъ, услышавъ это восклицаніе, собралъ послѣднія силы, приподнялъ голову и сказалъ: «Не укоряй меня, Василій Петровичъ! Можетъ быть, я и согрѣшилъ передъ Богомъ, но что дѣлать! Я далъ уже клятву, и нарушить ее не хочу, чтобы больше не согрѣшить. Безъ тебя, второй отецъ мой, некому было меня предостеречь. Въ Воронежѣ познакомился я съ сотникомъ Андреевымъ. Всѣ говорили про него, что онъ святой. Не мое дѣло судить его, одинъ Богъ можетъ видѣть его душу. Андреевъ уговорилъ меня перекреститься въ вѣру истинную. Онъ увѣрилъ меня....»

Глаза Борисова закрылись, онъ склонилъ голову и простерся, недвижный, на соломѣ.

Съ великимъ трудомъ Василій привелъ его въ чувство.

Увидѣвъ лежавшій подлѣ Борисова небольшой серебряный образъ Богоматери, который онъ снялъ съ шеи, Василій взялъ этотъ образъ и сказалъ Борисову: «Другъ мой! Помнишь ли, какъ ты просилъ меня, разставаясь со мною, вмѣсто отца и матери благословить тебя этою иконой? Заклинаю тебя теперь: если ты еще не пересталъ любить меня и вѣрить, что и я люблю тебя по прежнему, то не упорствуй въ заблужденіи твоемъ, присоединись опять къ цер-

кви православной, и Богъ возставитъ тебя съ одра болѣзни.»

«Нѣтъ, второй отецъ мой, я чувствую, что кончина моя близка. Благослови меня передъ смертію этимъ образомъ, но отломи прежде это колечко съ четвероконечнымъ крестомъ. Андреевъ открылъ мнѣ, что это печать антихриста.»

«Другъ мой! крестъ важенъ не потому, что онъ четыреконечный, или осьмиконечный, а потому, что онъ напоминаетъ намъ распятаго за насъ Спасителя. Сами раскольники крестятся, изображая крестъ четыреконечный, и между-тѣмъ отвергаютъ его, какъ печать антихристову. На каждомъ шагу спотыкаются они, не понимая, въ чемъ состоитъ истинная вѣра, которая предписываетъ намъ братскую любовь и единомысліе, а не споры и расколы, всегда противные Богу. Изувѣръ Андреевъ морилъ людей голодомъ, убивалъ ихъ и наконецъ сжегъ самого себя,—и ты этого человѣка допустилъ обольстить тебя!»

«Я вѣрю тебѣ, второй отецъ мой; ты никогда не давалъ мнѣ совѣта пагубнаго. Но клятва, которую я далъ, меня связываетъ.»

«Клятва, данная по заблужденію, не дѣйствительна. Стремиться къ истинѣ и отвергать заблужденіе—вотъ клятва, которую должны мы соблюдать цѣлую жизнь.»

«Ахъ, Василій Петровичъ! трудно человѣку

узнать истину! Почему знать, кто заблуждается: вы или мы?»

«Христосъ установилъ одну истинную церковь на землѣ. Мы сдѣлались при великомъ князѣ Владимірѣ единовѣрцами Грековъ, и православная церковь процвѣтаетъ съ-тѣхъ-поръ въ нашемъ отечествѣ. Раскольники отдѣлились отъ нея, затѣявъ споры, отъ которыхъ апостолъ Павелъ повелѣваетъ христіанамъ удаляться. Итакъ, право ли они поступили?»

«Боже! просвѣти меня и укажи мнѣ путь правый!» сказалъ Борисовъ, закрывъ лицо руками.

Между-тѣмъ купецъ Лаптевъ, услышавъ объ отчаянномъ положеніи Борисова, бросился къ отцу Павлу, который вмѣстѣ съ нимъ изъ Троицкаго монастыря пріѣхалъ въ Москву и остановился въ домѣ своего племянника, также священника приходской церкви. По просьбѣ Лаптева, отецъ Павелъ немедленно пошелъ къ Борисову, неся на головѣ Святые Дары. Передъ нимъ, по обычаю того времени, утвержденному царскимъ указомъ, шли два причетника церковные, съ зажженными восковыми свѣчами, а священника окружали десять почетныхъ гражданъ, въ томъ числѣ Лаптевъ. Всѣ они, снявъ шапки, держали ихъ въ рукахъ. Прохожіе останавливались, всадники слѣзали съ лошадей и молились въ землю, когда мимо ихъ проходилъ священникъ. Царь Петръ, случайно попавшійся ему

на встрѣчу, также слѣзъ съ лошади, снялъ шляпу и присоединился къ гражданамъ, окружавшимъ отца Павла. Вмѣстѣ со всѣми вошелъ онъ въ хижину, гдѣ лежалъ Борисовъ.

«Приступи къ исполненію твоей обязанности,» сказалъ царь тихо священнику, и, увидѣвъ Бурмистрова, спросилъ его: «Не родственникъ ли твой боленъ?»

«Это, государь, пятидесятникъ Сухаревскаго полка, Борисовъ. Его ранилъ Чермной, когда онъ хотѣлъ взять его и отвезти въ Троицкій монастырь.»

«Злодѣй!» воскликнулъ монархъ, содрогнувшись отъ негодованія. Потомъ приблизился онъ къ Борисову, взялъ его за руку и съ чувствомъ сказалъ: «Ты за меня пролилъ кровь твою, Борисовъ. Дай Богъ, чтобъ здоровье твое скорѣе возстановилось: я докажу тогда, какъ умѣю я награждать вѣрныхъ и добрыхъ моихъ подданныхъ.... Былъ ли здѣсь лекарь?» спросилъ царь, обратясь къ Бурмистрову.

«Я послалъ уже за нимъ, государь.»

«Исповѣдуй, батюшка, и пріобщи больнаго Святыхъ Таинъ,» продолжалъ царь. «Мы всѣ покуда выйдемъ изъ дома, чтобы не мѣшать тебѣ, а потомъ всѣ вмѣстѣ поздравимъ Борисова.»

Съ Борисовымъ остался одинъ отецъ Павелъ. Ревность къ истинѣ и любовь къ заблудшему ближнему воодушевили старца и придали ему

увлекательное, непобѣдимое краснорѣчіе. Борисовъ позналь свое заблужденіе, обратился къ церкви православной и лучъ горней благодати озарилъ его предъ смертью. Старецъ пріобщилъ его и потомъ отворилъ дверь хижины.

Поздравляю тебя, другъ мой!» сказалъ царь Петръ Борисову, взявъ его за руку. «Лучше ли ты себя чувствуешь?»

«Ахъ, государь, я умираю; но мнѣ стало легче вотъ тутъ!» отвѣчалъ Борисовъ прерывающимся голосомъ, положивъ руку на сердце. «Да благословитъ тебя Господь и да ниспошлетъ тебѣ долгое и благополучное царствованіе!... Прощай, второй отецъ мой, прощай, Василій Петровичъ! Я послѣдовалъ твоему совѣту: умираю сыномъ церкви православной! Благодарю тебя!... Чермной, бѣдный Чермной! я тебя прощаю, отъ искренняго сердца прощаю!... Благослови меня, батюшка! Да наградитъ тебя Богъ за то, что ты спасъ меня отъ вѣчной погибели!... Боже милосердый! Ты не отвергъ и разбойника раскаявшагося, не отвергни и меня! Услышь молитву мою: утверди и возвеличь царство русское и сохрани его отъ....»

Голосъ Борисова началъ слабѣть. Онъ перекрестился, тихо вздохнулъ, прижалъ къ устамъ образъ, присланный ему матерью, взглянулъ на Василья и переселился въ міръ лучшій. На спо-

койномъ лицѣ его изобразилась тихая, младенческая улыбка.

У Лаптева катились въ три ручья слезы. Бурмистровъ не могъ плакать отъ сильной горести.

На другой день прахъ Борисова предали землѣ, и царь почтилъ память добраго и вѣрнаго подданнаго присутствіемъ своимъ на похоронахъ его.

XIII.

Ты моя! Блаженный часъ!
Карамзинъ.

Наступилъ декабрь. Царь Петръ съ Лефоромъ и Гордономъ удалился изъ Москвы въ Преображенское и повторилъ Василью приказаніе: пріѣхать туда вслѣдъ за нимъ не иначе, какъ съ молодою женою.

Мавра Савишна въ однѣ сутки сдѣлала въ домѣ своего племянника всѣ нужныя приготовленія къ свадьбѣ. Когда собрались гости, то она посадила за столъ, уставленный кушаньями, Василья съ его невѣстою, и два мальчика раздѣлили ихъ занавѣсомъ изъ красной тафты. Варвара Ивановна, снявъ съ головы Натальи подвѣнечное покрывало, начала разчесывать гребнемъ, изъ слоновой кости, прелестныя ея кудри. Вскорѣ прибылъ отецъ Павелъ, благословилъ крестомъ жениха и невѣсту, и всѣ отправились въ церковь. Наталью посадили въ богатоубранныя сани, въ которыхъ ѣхала нѣкогда къ вѣнцу Варвара Ивановна. Хомутъ лошади увѣшанъ

былъ лисьими хвостами. Съ невѣстою сѣли жена Лаптева и Мавра Савишна. Василій, капитанъ Лыковъ, Андрей и Лаптевъ отправились въ церковь верхомъ. По возвращеніи изъ церкви, всѣ сѣли за столъ, и не успѣли еще приняться за первое блюдо, какъ вдругъ отворилась дверь, и вошелъ царь Петръ въ сопровожденіи Лефора. Всѣ вскочили съ мѣстъ.

«Поздравляю тебя, ротмистръ!» сказалъ царь. «И тебя проздравляю, молодая! Сядьте всѣ снова по мѣстамъ. Отчего вы всѣ такъ встревожились? Развѣ я такъ страшенъ? Кажется, дѣти не должны бояться отца. Мнѣ было бы пріятно, еслибъ подданные мои считали меня отцомъ своимъ.»

«Они и считаютъ тебя отцомъ, государь!» отвѣчалъ Бурмистровъ.

«Докажите же это мнѣ на дѣлѣ. Я не хочу смущать вашего праздника. Продолжайте веселиться, какъ-будто бы меня здѣсь не было. Я теперь не царь, а гость вашъ. Садись-ка, любезный Францъ, сюда къ столу, а я подлѣ тебя сяду. Вотъ сюда! Проси же, молодая, прочихъ гостей садиться. Они все-таки стоятъ.»

Послѣ стола, за которымъ царь выпилъ первый за здоровье молодыхъ, всѣ встали съ мѣстъ и въ почтительномъ молчаніи смотрѣли на Петра, который, подойдя къ окну, началъ разговаривать съ Лефоромъ.

Лаптевъ, дрожа отъ восхпщенія и робости, смотрѣлъ на Петра во всѣ глаза.

«Какъ зовутъ тебя, добрый человѣкъ?» спросилъ его царь, приблизясь къ нему и потрепавъ его по плечу.

Лаптевъ, вмѣсто отвѣта, повалился въ ноги царю.

Петръ поднялъ его и сказалъ: «Встань и поговори со мною. Что ты меня такъ боишься? Развѣ ты сдѣлалъ что-нибудь худое?»

«Нѣтъ, надежа-государь,» отвѣчалъ Лаптевъ, заикаясь: «худа никакого за собою не знаю; но кто предъ Богомъ не грѣшенъ, а предъ царемъ не виноватъ?»

«Въ чемъ же ты виноватъ предо мною?»

«Во всемъ, надежа-государь, во всемъ!»

«Я бы желалъ, чтобы всѣ подданные мои были предо мною виноваты такъ, какъ ты, во всемъ, и чтобы не было ни одного въ чемъ-нибудь виноватаго. А скажи-ка мнѣ: кто изъ Гостинаго-Двора и купеческихъ рядовъ привелъ къ Троицкому монастырю до четырехъ сотъ человѣкъ, для моей защиты? Ты думаешь, что я этого не знаю?»

«Виноватъ, надежа-государь! Я только скликалъ народъ и объявилъ твой указъ: и старый и малый, всѣ такъ и бросились сами къ монастырю, а я ихъ не приваживалъ.»

«За эту вину надобно наказать тебя. Приго-

товъ завтра, любезный Францъ, грамату о пожалованіи купца Гостиной сотни Лаптева Гостемъ.»

Лаптевъ снова упалъ къ ногамъ царя и заплакалъ, не имѣя силъ выговорить ни одного слова.

«Ну полно же,» сказалъ Петръ: «встань! Я знаю, что ты благодаренъ за оказанную тебѣ милость. Старайся торговать еще лучше, веди дѣла честно и показывай другимъ собою примѣръ. Я и впередъ тебя не забуду. А ты, Лыковъ, что подѣлываешь? Бутырскій полкъ не присталъ ужъ въ послѣдній разъ, какъ прежде, къ стрѣльцамъ?»

«Богъ сохранилъ отъ этого позора, государь!» отвѣчалъ Лыковъ, вытянувшись.

«Что жъ ты нынѣ не подрался со стрѣльцами? Ты вѣдь однажды съ одной ротой, какъ помнится, чуть не отбилъ у нихъ пушекъ въ Земляномъ-Городѣ.»

«Отбилъ бы, государь, да народу у меня было мало. Притомъ мошенники успѣли насъ вспрыснуть раза два картечью. По-неволѣ пришлось отступить!»

«Знаю, знаю, что и храбрые офицеры иногда отступаютъ. А что тебѣ лучше нравится: идти назадъ или впередъ?»

«Впередъ, государь, когда можно поколотить непріятеля, и назадъ, когда должно поберечь и

себя и солдатъ на другой разъ. Такъ мнѣ покойный маiоръ Рейтъ приказывалъ.»

«Будь же ты самъ маiоромъ. Я посмотрю: что̀ ты приказывать другимъ станешь.»

«Стану всѣмъ приказывать, чтобы шли за мною въ огонь и въ воду за твое царское величество.»

«Ну, а ты, ученый мужъ, что̀ скажешь?» сказалъ Петръ, обратясь къ Андрею. «Ты также съ Лаптевымъ прiѣхалъ къ монастырю?»

«Точно такъ, государь.»

«Я слышалъ, что ты большой мастеръ сочинять и говорить рѣчи. Кто тебѣ изъ древнихъ ораторовъ лучше всѣхъ нравится?»

«Цицеронъ, государь.»

«Мнѣ сказывали, что ты говорилъ рѣчь на Красной-Площади противъ разстриженнаго попа Никиты-Пустосвята.»

«Я успѣлъ сказать только введенiе; договорить же рѣчи не могъ, потому-что народъ стащилъ меня съ каѳедры и едва не лишилъ жизни.»

«Договори же рѣчь твою на каѳедрѣ, въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Я назначаю тебя учителемъ въ академiю. Только смотри, чтобъ ученики не стащили тебя съ каѳедры. Ну прощай, ротмистръ!» продолжалъ царь, обратясь къ Бурмистрову. «Я нарочно прiѣхалъ въ Москву, чтобы побывать на твоей свадьбѣ. Прiѣз-

жай скорѣе въ Преображенское. Я постараюсь, чтобы ты забылъ тамъ все, что̀ перенесъ за вѣрность твою ко мнѣ. До свиданія! Вручи завтра эту грамату священнику села Погорѣлова, который привелъ всѣхъ своихъ прихожанъ къ Троицкому монастырю. Я его назначаю въ дворцовые священники. Это ожерелье, которое жена моя носила, надѣнь на твою жену; а ты, молодая, возьми эту саблю и надѣнь не на ротмистра, а на подполковника Налетовъ.»

Вручивъ Василью драгоцѣнное жемчужное ожерелье, царь снялъ съ себя саблю, подалъ Натальѣ и вышелъ поспѣшно съ Лефоромъ, не давъ времени излить предъ нимъ чувства благодарности, которыя наполнили сердца счастливой четы.

«Посмотри, милый другъ!» сказала Наталья, надѣвая саблю на мужа своего дрожащими отъ радости руками: «на рукояти вырѣзаны какія-то слова.»

Василій, вынувъ изъ ноженъ саблю до половины, взглянулъ на рукоять и прочиталъ надпись: «За преданность церкви, престолу и отечеству.»

Въ іюлѣ 1709 года, сидѣлъ отставной, за полученными въ сраженіяхъ ранами, бригадиръ у окна своего дома и любовался на золотоверхій Кремль, осыпанный яркими лучами заходившаго солнца. У другаго окна вышивала въ пяльцахъ жена бригадира. Хотя ей было уже за сорокъ лѣтъ отъ-роду, но, судя по сохранившимся прекраснымъ чертамъ лица ея и по стройному стану, можно было подумать, что она не достигла еще и тридцати-лѣтняго возраста. На покрытой шелковымъ ковромъ скамьѣ, которая стояла у стѣны, сидѣли сѣдой, какъ лунь, старикъ съ его женою, отличавшеюся необыкновенною дородностію, и пожилой человѣкъ съ важнымъ лицомъ. Послѣдній разсматривалъ внимательно ландкарту Россіи, которую держалъ въ рукахъ. На другой скамьѣ, сгорбясь, о чемъ-то перешептывались двѣ старухи. Онѣ попеременно кашляли; по временамъ обращались онѣ съ вопросами къ пожилой, красивой женщинѣ

которая стояла у печки. Одна изъ старухъ казалась лѣтъ семидесяти, другая лѣтъ девяноста.

«Что ни говори,» сказалъ человѣкъ, державшій ландкарту, сидѣвшему подлѣ него сѣдому старику: «а дожили мы до трудныхъ временъ: того и смотри, что шведскій король, этотъ Юлій Кесарь нашихъ временъ, возьметъ Полтаву и разобьетъ наше войско на-голову.»

«Да развѣ ты не слыхалъ,» сказалъ бригадиръ: «что царь Петръ Алексѣевичъ спѣшитъ со свѣжимъ войскомъ на помощь къ осажденнымъ?»

«Слышалъ; однакожъ, откровенно сказать, я дрожу, ожидая развязки этой ужасной борьбы между двумя сильнѣйшими монархами Сѣвера. Подъ стѣнами Полтавы рѣшится участь Россіи. Дай Богъ, чтобъ счастіе было нынѣ намъ, Русскимъ, благопріятнѣе, чѣмъ подъ стѣнами Нарвы. Право, приходитъ иногда на умъ, что царь Петръ Алексѣевичъ едва ли хорошо сдѣлалъ, уничтоживъ стрѣльцовъ и замѣнивъ ихъ войсками, по-европейски образованными. Подъ Нарвой-то Шведы ихъ порядкомъ поколотили. Подобнаго пораженія и стрѣльцы никогда не претерпѣвали.»

«Ты удивляешь меня!» сказалъ бригадиръ. «Вспомни, сколько разъ стрѣльцы бунтовали, сколько разъ жизнь государя и благо отечества

подвергались отъ этого мятежнаго войска опасности. Мы и теперь бы не наслаждались спокойствіемъ, если бъ это войско еще существовало. Помнишь ли, въ какой пришли ужасъ всѣ жители Москвы въ 1698 году, когда, во время пребыванія государя въ Вѣнѣ, стрѣльцы, собравшись изъ разныхъ мѣстъ, двинулись къ столицѣ, въ намѣреніи овладѣть ею, ниспровергнуть законную власть и вручить царевнѣ Софіи управленіе царствомъ. Если бы бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ, съ воеводою Ржевскимъ и генералами Гордономъ и княземъ Кольцовымъ-Масальскимъ, не встрѣтилъ ихъ у Воскресенскаго Монастыря, за сорокъ шесть верстъ отъ столицы, то она потонула бы въ крови. Съ ихъ стороны было до двадцати тысячъ, съ нашей не болѣе двѣнадцати; однакожъ ихъ разбили на-голову. Можно ли послѣ этого жалѣть объ уничтоженіи стрѣльцовъ? Они только останавливали государя на каждомъ шагу въ его великихъ предпріятіяхъ. Еще въ Вѣнѣ, когда онъ получилъ извѣстіе отъ князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго о новомъ возмущеніи стрѣльцовъ, государь рѣшился ихъ уничтожить. У меня есть списокъ съ отвѣта его Ромодановскому.»

Бригадиръ, вставъ, подошелъ къ письменному своему столу, который стоялъ у одного изъ

оконъ горницы, и отыскавъ въ ящикѣ списокъ, о которомъ говорилъ, прочиталъ:

«Письмо твое, iюня 17 дня писанное, мнѣ отдано, въ которомъ пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича (*) *растетъ. Я прошу васъ быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго полезнаго дѣла, однакожъ сей ради причины будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете.»*

«Да!» сказалъ сѣдой старикъ. «Это проклятое сѣмя глубоко запало въ нашу русскую землю. Какъ бы не батюшка-царь Петръ Алексѣевичъ, такъ, слышь-ты, и нынѣ были бы отъ этаго сѣмени цвѣтки да ягодки. Чего-то въ нашей матушкѣ-Москвѣ не бывало! Много разъ и твоя жизнь, господинъ бригадиръ, висѣла на волоскѣ, и меня злодѣй Шакловитой хотѣлъ убить, а добро мое разграбить. Однакожъ Господь сохранилъ всѣхъ насъ. Не даромъ сказано въ Писанiи, что и волосъ съ главы нашей не спадетъ безъ воли Божiей. Вотъ мы, слава Богу, до-сихъ-поръ живы и здоровы; а гдѣ всѣ измѣнники и бунтовщики? Всѣ погибли!»

«Неужто таки всѣ?» спросила жена старика.

«Да немного ихъ уцѣлѣло. Перечтемъ по пальцамъ. О казненныхъ говорить ужъ нечего. Бо-

---

(*) Милославскаго.

яринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій давнымъ-давно умеръ и такою смертью, какой не дай Богъ и злому недругу; племянника его, комнатнаго стряпчаго Александра Ивановича Милославскаго, убили на дорогѣ разбойники; стольникъ Иванъ Толстой пропалъ безъ вѣсти; кормовой иноземецъ Озеровъ, послѣ свадьбы его съ постельницей царевны Софьи Алексѣевны, Ѳедорой Семеновой, запилъ съ горя, жену свою—видно хороша была, покойница!—убилъ, и самъ удавился. Уцѣлѣли только Петръ Андреевичъ Толстой, бывшій городовой дворянинъ Сунбуловъ, да нѣмецъ Циклеръ.»

«Циклеръ?» сказалъ бригадиръ. «Да развѣ ты не знаешь, что и этотъ хитрецъ наконецъ попался? Ахъ да, вѣдь ты былъ въ тотъ годъ по твоимъ торговымъ дѣламъ въ Архангельскѣ, такъ, вѣрно, и не слыхалъ объ этомъ. Циклеръ добился ужъ въ думные дворяне. Царь Петръ Алексѣевичъ, узнавъ его покороче, назвалъ его однажды собесѣдникомъ Ивана Михайловича Милославскаго. Циклеръ началъ съ-тѣхъ-поръ питать въ сердцѣ тайную злобу и наконецъ вступилъ въ заговоръ съ окольничимъ Алексѣемъ Соковнинымъ, стольникомъ Ѳедоромъ Пушкинымъ, стрѣльцами Васильемъ Филипповымъ и Ѳедоромъ Рожинымъ, да донскимъ казакомъ Петромъ Лукьяновымъ. У нихъ было положено ли-

шить государя жизни и избрать Циклера на престолъ. Царь самъ съ однимъ только деньщикомъ поѣхалъ вечеромъ въ домъ Соковнина и нашелъ тамъ собравшихся заговорщиковъ. Всѣ они были взяты капитаномъ Лопухинымъ, прибывшимъ, по царскому приказу, съ отрядомъ Преображенскаго полка, и четвертаго марта 1697 года всѣхъ ихъ казнили смертью.»

«Вотъ что! Такъ и Циклера наконецъ Богъ попуталъ!» сказалъ старикъ. «А слышалъ ты, господинъ бригадиръ, что царь недавно встрѣтилъ Сунбулова въ Чудовѣ монастырѣ? Царь, слышь-ты, былъ въ соборной церкви того монастыря и примѣтилъ, что одинъ чернецъ послѣ обѣдни не подошелъ къ антидору. Узнавъ, что этотъ чернецъ былъ Сунбуловъ, государь подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: для чего ты нейдешь къ антидору?—Я, де, не смѣю и глазъ на тебя поднять, не только пройти мимо тебя, государь!—Почему подалъ ты противъ меня голосъ, когда избирали меня на царство?—спросилъ его еще царь.—Іуда предалъ Спасителя за тридцать сребренниковъ, а я предалъ тебя за обѣщанное боярство.—Государь, видя его раскаяніе, помиловалъ его и оставилъ въ монастырѣ.»

«Стало-быть только Сунбуловъ да Петръ Толстой,» примолвилъ человѣкъ съ ландкартой: «не погибли.»

«Толстой,» сказалъ бригадиръ: «принялъ участіе въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, когда еще былъ очень молодъ. Онъ вскорѣ раскаялся и загладилъ вину свою усердною службою царю Петру Алексѣевичу. Изъ стольниковъ вступилъ онъ прапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, дослужился до капитанскаго чина и переведенъ былъ въ Преображенскій полкъ, а нынѣ находится въ Царьградѣ посломъ его царскаго величества.»

Въ это время вбѣжалъ въ комнату девятилѣтній сынъ бригадира, въ слезахъ, и бросился къ отцу на шею.

«Что съ тобой сдѣлалось, Ѳедя?»

«Въ саду играли мы въ войну, батюшка,» отвѣчалъ мальчикъ, продолжая плакать: «я былъ царь Петръ Алексѣевичъ, а двоюродный мой братецъ, Алеша—шведскій король Карлъ; мои братцы были русскіе генералы и солдаты, а его братецъ и сестрица Маша—шведскіе. Я началъ было дѣлать изъ прутиковъ Полтаву, а Алеша не далъ кончить и всю Полтаву притопталъ ногами.»

«Какой шалунъ! Ты, Олинька, худо за нимъ смотришь!» сказалъ человѣкъ, державшій ландкарту, женщинѣ, которая стояла у печки и разговаривала съ двумя старухами.

«Скажи ему, Ѳедя,» сказала женщина сыну

бригадира: «чтобъ онъ сейчасъ же опять построилъ Полтаву, а не то.... Да вотъ и самъ побѣдитель пришелъ сюда! Зачѣмъ ты, Алеша, озорничаешь?»

«Я совсѣмъ, матушка, не озорничалъ!»

«А зачѣмъ ты притопталъ Полтаву?» спросилъ человѣкъ съ ландкартой.

«Мы играли, батюшка, въ войну. Ѳедя, Миша и Вася стали на одну сторону, а я съ братцемъ Гришей и сестрицей Машей на другую. Мы всѣ нарвали съ рябины ягодъ, начали стрѣляться и условились такъ: если мы первые попадемъ Ѳедѣ въ лобъ ягодой, то Полтава моя, а если они мнѣ, то я долженъ идти къ нему въ плѣнъ. Сестрица Маша съ перваго раза попала Ѳедѣ въ лобъ—я и притопталъ Полтаву!»

«Такъ зачѣмъ же ты понапрасну жалуешься, Ѳедя?» сказалъ бригадиръ. «Такъ ли происходило сраженіе, какъ разсказалъ Алеша?» спросилъ онъ у прочихъ дѣтей, вошедшихъ во время разсказа Алеши въ гонирцу.

«Мы, мы побѣдили!» закричали въ одинъ голосъ братъ и сестра Алеши.

«Я ему попала ягодой въ самый лобъ!» прибавила Маша.

«Не стыдно ли тебѣ плакать, Ѳедя!» сказалъ бригадиръ. «Перестань!»

«Да вѣдь досадно, батюшка! Какъ бы я былъ

шведскій король, да меня побѣдили, такъ я бы не заплакалъ.»

«Кто это къ намъ пріѣхалъ?» сказала жена бригадира, смотря въ окно. «Долженъ быть дорожный: лошади чуть дышатъ, и повозка вся покрыта пылью.»

Всѣ подошли къ окну и увидѣли вышедшаго изъ повозки какого-то генерала, который завернутъ былъ въ плащъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь, и генералъ вошелъ въ горницу.

«Боже мой!» воскликнулъ бригадиръ, бросясь въ объятія генерала. «Вотъ нежданный гость!»

Они крѣпко обнялись. Генералъ, поздоровавшись со всѣми бывшими въ комнатѣ, сѣлъ на скамью.

«Не изъ арміи ли, любезный другъ, пріѣхалъ!» спросилъ его бригадиръ.

«Прямо оттуда!»

«Ну что, каково идутъ наши дѣла?»

«Да, плоховато! Мошенники-Шведы такъ насъ, Русаковъ, бьютъ, что только держись!»

«Быть не можетъ!»

«Я тебѣ говорю! Шведскій король задалъ намъ такого трезвону подъ Полтавой, что и теперь еще въ ушахъ звенитъ!»

«Ахъ Боже мой!» воскликнули всѣ печальнымъ голосомъ.

«А гдѣ же царь Петръ Алексѣевичъ? Неужели въ самомъ дѣлѣ армія наша разбита?» спросилъ бригадиръ.

«Бутырскій полкъ, въ которомъ я прежде служилъ, весь положенъ на мѣстѣ, Семеновскій и Преображенскій отдались въ плѣнъ, а всѣ прочіе разбѣжались!»

«Господи Боже мой!» воскликнулъ сѣдой старикъ, сплеснувъ руками и вскочивъ со скамьи. «Скажи, ради Бога, господинъ генералъ: царя-то батюшку помиловалъ ли Господь? Ужъ и онъ не попался ли въ полонъ къ врагамъ-Шведамъ!»

«Не правду ли я сказалъ,» шепнулъ человѣкъ съ ландкартой бригадиру: «что и стрѣльцовъ иногда пожалѣть можно?»

«Ну что ужъ васъ мучить!» продолжалъ генералъ. «Этакъ я васъ всѣхъ встревожилъ! Не бойтесь: все это я налгалъ, а теперь и правду скажу. Нашъ царь подъ Полтавой раскаталъ Шведовъ въ прахъ!»

«Слава Богу!» воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

«Самъ король едва ноги уплелъ!»

«Ура!» закричали всѣ дѣти, прыгая отъ радости и хлопая въ ладоши.

«Ура!» затянулъ дрожащимъ голосомъ сѣдой старикъ, присоединясь къ дѣтямъ и также захлопавъ въ ладоши. «Кричите, дѣтки, кричите громче: ура!»

«Ха, ха, ха! Старый да малый раскричались!» сказалъ генералъ, засмѣявшись.

«Слава тебѣ Господи!» прибавила одна изъ старухъ, сидѣвшихъ на скамьѣ. «Теперь враги-Шведы, чай, ужъ не придутъ къ Москвѣ! Я того и смотрѣла, что доберутся, проклятые, до моего помѣстья, да домикъ мой сожгутъ.»

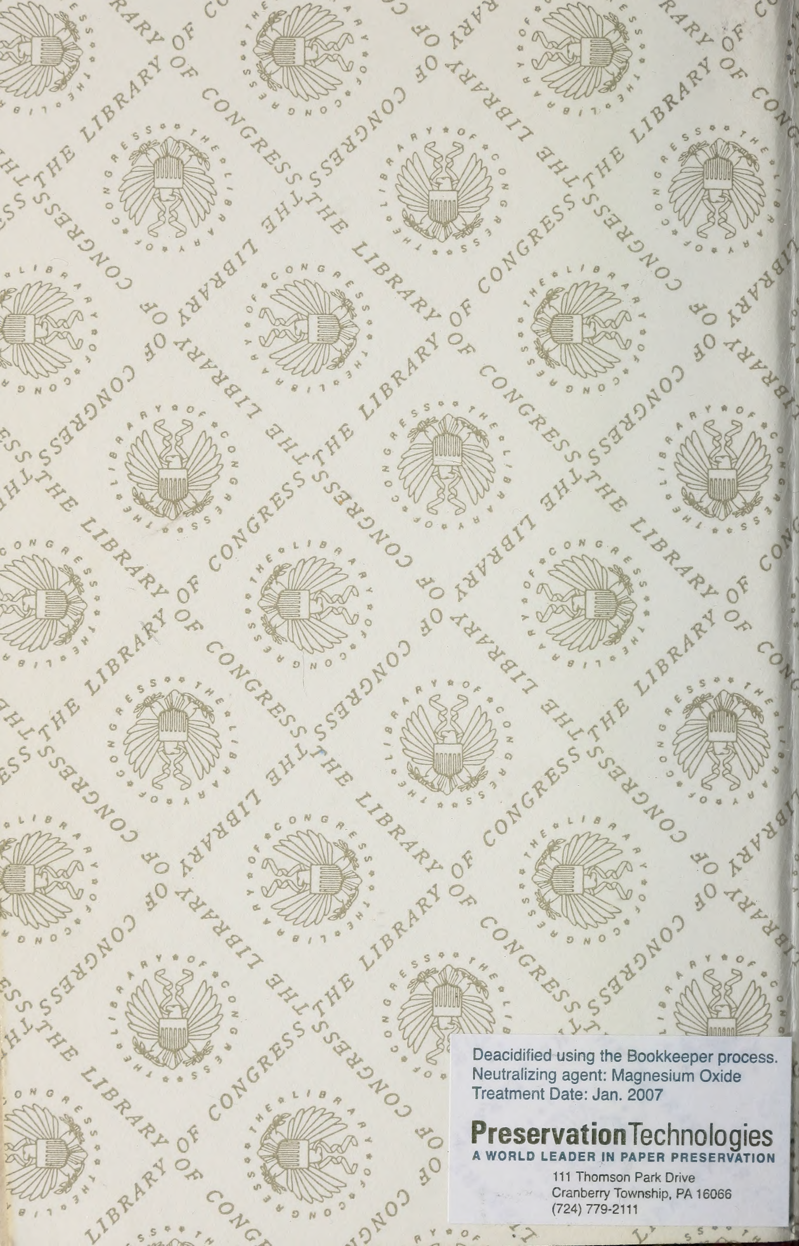
«Нѣтъ ужъ, теперь Шведовъ опасаться нечего!» сказалъ бригадиръ. «Право, не вѣрится, что Русскіе достигли такой степени славы.»

«Посмотрѣлъ бы ты, бригадиръ,» продолжалъ генералъ: «какимъ орломъ леталъ царь во время сраженія. Предъ началомъ битвы сталъ онъ предъ войскомъ и сказалъ: *«Воины! пришелъ часъ, который рѣшить долженъ судьбу отечества, и вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ также смущать слава непріятеля, яко непобѣдимаго, которую ложну быти вы сами побѣдами своими надъ нимъ неоднократно доказали. Имѣйте въ сраженіи предъ очами вашими правду и Бога, поборающаго по васъ. На Того единаго, яко всесильнаго во бранѣхъ, уповайте; а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея!»* Потомъ благословилъ онъ войско, сотворивъ знаменіе креста своею шпагою, и велѣлъ начать сраженіе. Раздалась команда:

«пали!» и наши грянули по Шведамъ изъ пушекъ, а они въ насъ изъ своихъ. Они бросились къ намъ, а мы къ нимъ, и какъ сошлись сажень на двадцать, то и начали вспрыскивать другъ друга картечью, да ружейнымъ огнемъ. Наконецъ дошло дѣло до штыковъ. Шведы разрѣзали было нашъ фронтъ и закричали ужъ: «побѣда!»— Нѣтъ, любезные, погодите! Царь налетѣлъ со вторымъ баталіономъ Преображенскаго полка и всѣхъ Шведовъ, пробившихся чрезъ нашъ фронтъ, угомонилъ. Въ это время князь Меншиковъ и генералъ-поручикъ Боуръ съ конницею, съ двухъ фланговъ, ударили на непріятельскую конницу. Пустилась, матушка, на утекъ! А пѣхота наша, видя то, пошла въ штыки; раздалось «ура!» и шведской арміи какъ не бывало! Во время сраженія пуля прострѣлила на царѣ шляпу. Богъ его помиловалъ!»

«Богъ хранитъ царей, жертвующихъ собою для счастія ввѣренныхъ имъ народовъ,» сказалъ бригадиръ. «Сколько разъ избавлялъ Онъ царя Петра Алексѣевича отъ опасностей! Ну что ты теперь скажешь?» продолжалъ онъ, обратясь къ человѣку съ ландкартой. «Кажется, нельзя жалѣть, что побѣдителемъ Карла XII, спасителемъ и отцемъ отечества, уничтожены были стрѣльцы.»

КОНЕЦЪ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

APR 70
N. MANCHESTER,
INDIANA

